

新中華

日報

20

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Москва
«ТЕРРА»
1998

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том двадцатый

КЛОДИУС БОМБАРНАК

В ПОГОНЕ
ЗА МЕТЕОРОМ

Романы

Москва
«ТЕРРА»
1998

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)
В35

Художники
Л. ЧЕРНЫШЕВ, А. КАПНИНСКИЙ

Составитель
В. НИКИТИН

Верн Жюль
В35 Собрание сочинений: В 20 т. Т. 20: Клодиус Бомбарнак: Роман / Пер. с фр. Н. Немчиновой; В погоне за метеором: Роман / Пер. с фр. В. Вальдман. — М.: ТЕРРА, 1998. — 384 с.

ISBN 5-300-01837-6 (т. 20)
ISBN 5-300-01303-X

Жюль Верн (1828–1905) — всемирно известный французский писатель, один из создателей жанра научной фантастики. Наука, ее история, ее современное состояние и будущее, научные дерзания, вера в беспредельные возможности разума, способного проникнуть в неведомые тайны природы, — все это определяет творчество Ж. Верна.

В двадцатый том Собрания сочинений включены роман «Клодиус Бомбарнак» — история странствующего репортера и роман «В погоне за метеором», рассказывающий о золотом болиде, попавшем в пределы земного притяжения.

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)

ISBN 5-300-01837-6 (т. 20)
ISBN 5-300-01303-X

© Издательство «ТЕРРА», 1998

КЛОДИУС БОМБАРНАК

Роман

ГЛАВА I

*Клодиусу БОМБАРНАКУ,
репортеру «XX ВЕКА»
Тифлис. Закавказская область.*

Этот адрес был указан на депеше, ожидавшей меня в Тифлисе 13 мая. Распечатав ее, я прочитал:

«Клодиусу Бомбарнаку надлежит оставить все дела и 15 числа текущего месяца прибыть в порт Узун-Ада на Каспийском море. Там сесть в прямой Трансазиатский поезд, соединяющий европейскую границу со столицей Поднебесной империи¹. Поручается по впечатлениям об увиденном вести хроникальные заметки, интервьюировать в пути достойных внимания лиц, сообщать о любых происшествиях в письмах или телеграммах, в зависимости от срочности. «XX ВЕК» рассчитывает на усердие, сообразительность, ловкость своего корреспондента и предоставляет ему неограниченный кредит».

В ту пору русские железные дороги были уже соединены с Кавказской линией Поти — Тифлис — Баку.

Я прибыл в Тифлис с намерением провести там недели три: посетить грузинские провинции, чтобы уточнить собранный в долгом и интересном путешествии по южной России материал, написать статью для газеты «XX век» и немного отдохнуть. А вместо этого, не успев еще осмотреться и распаковать чемодан, оказался вынужден снова пуститься в путь!

Сколько же всяких неожиданностей и случайностей в жизни странствующего репортера! Но что поделаешь? Ведь требования к газетчику во все времена — как можно больше новой и увлекательной информации!

Жаль только напрасно запасенных разнообразных сведений о Закавказской области — географических и этнографи-

¹ Поднебесная империя — прежнее название Китая.

ческих. Я собирался объяснить читателю, что «папах» — это меховая шапка, какую обычно носят горцы и казаки, а стянутая в талии верхняя одежда с пришитыми на груди гнездами для патронов одними называется «черкеской», другими — «бешметом»! Рассказать, что грузины и армяне всем прочим головным уборам предпочитают островерхие шапки в виде сахарной головы, купцы облачаются в «тулупы» — нечто вроде шубы из бараньей шкуры, курды же и персы шеголяют в «бурках» — шерстяных накидках.

А как хороша одежда грузинок: «тассакрави» — головной убор из тонкой ленты, шерстяной вуали и кисеи; яркие платья с широкими прорезями на рукавах; «шальвары», опоясанные у талии, и, наконец, «чадра», таинственно закрывающая лицо. Летние наряды местных красавиц сшиты из белой бумажной ткани, а зимние — из бархата, отороченного мехом и украшенного серебряными позументами.

А разве неинтересно было бы узнать французам, что в здешние национальные оркестры входят «зурны» — нечто вроде пронзительных флейт; «саламури», напоминающие писклявые кларнеты, мандолины с медными струнами (по ним водят пером), «чианури» — своеобразные скрипки, которые во время игры держат вертикально между колен, и «димплипито» — род цимбал¹, грохочущих словно град по оконным стеклам.

В моей записной книжке накопилось немало и других сведений. «Шашка», например, — это не что иное, как сабля, висящая на перевязи, расшитой серебром и украшенной металлическими инкрустациями; «кинжал» или «канджиар» — нож, который носят на поясе, а дополняет вооружение кавказского солдата длинное ружье с узорчатой чеканкой на стволе из дамасской стали.

Я хорошо усвоил, что «тарантас» — это дорожная повозка на пяти деревянных рессорах, расположенных между широко расставленными небольшими колесами. В нее запрягают тройку лошадей, и правит ими «ямщик», сидящий впереди на козлах. Когда же приходится брать у «смотрителя», начальника почтовой станции на кавказских дорогах, четвертую лошадь, то к ямщику присоединяют еще одного возницу — «форейтора». Крепко-накрепко запомнил, что верста равна одному километру шестидесяти семи метрам, что кроме оседлых народностей в Закавказье есть и кочевые: калмыки — их на-

¹ Ц и м б а л ы — музыкальный инструмент в виде ящика со струнами, по которым ударяют молоточками.

считывается пятнадцать тысяч, киргизы мусульманского вероисповедания — восемь тысяч, кундровские татары — тысяча сто человек, сартовские татары — сто двенадцать человек, ногайцы — восемь тысяч пятьсот и, наконец, туркмены — около четырех тысяч!¹

И вот, после столь добросовестного изучения Грузии, меня заставляют ее покинуть. Даже не хватит времени подняться на вершину Арарата, где на сороковой день всемирного потопа остановился Ноев ковчег, первобытный баркас знаменитого библейского патриарха!

Это жестоко, но спорить бесполезно. Придется пока отказаться от путевых заметок о Закавказье и потерять добрую тысячу строк, для которых в моем распоряжении было не менее тридцати двух тысяч полноценных слов, признанных Французской Академией².

Сейчас прежде всего необходимо узнать, в котором часу отправляется поезд.

Тифлисский вокзал — железнодорожный узел, соединяющий три ветки: Западную, которая кончается в Поты, порту на Черном море, где высаживаются пассажиры, приезжающие из Европы; Восточную, идущую до Баку, откуда отбывают те, которым нужно переправиться через Каспий, и недавно проложенную линию Владикавказ — Тифлис, длиною в сто шестьдесят четыре километра, связывающую Северный Кавказ с Закавказьем. Эта линия на высоте четырех тысяч пятисот футов пересекает Архотское ущелье, соединяя грузинскую столицу с рельсовыми путями южной России³.

Я бегу на вокзал и врываюсь в зал отправления.

— Когда отходит бакинский поезд? — спрашиваю у железнодорожного служащего.

— А вы едете в Баку? — отвечает он вопросом на вопрос и окидывает меня из-под козырька форменной фуражки неодобрительным, строго официальным взглядом.

— Полагаю, что ездить в Баку не возбраняется?

— Не возбраняется, — сухо отвечает он, — но при условии, что паспорт у вас будет в полном порядке.

— Он и будет в порядке, — обрезаю этого грозного чи-

¹ Нужно учесть, что Клодиус Бомбарнак приводит фантастические сведения.

² Имеется в виду нормативный словарь французского языка, выпущенный Французской Академией.

³ Такой железной дороги нет до сего времени.

новника, который, как и все они на святой Руси, больше похож на жандарма.

Снова спрашиваю, когда отходит бакинский поезд.

— В шесть часов вечера.

— А когда прибывает на место?

— Завтра, в семь утра.

— А я поспею на пароход, отправляющийся в Узун-Ада?

— Поспеете.

И чиновник механическим кивком отвечает на мой поклон.

Вопрос с паспортом, надеюсь, решится просто: все необходимые для русской администрации документы выдаются без задержек во французском консульстве. Но выехать нужно в шесть часов вечера, а сейчас девять утра!

Что ж, если в некоторых путеводителях сказано, что Париж можно осмотреть за два дня, Рим — за три, а Лондон за четыре, так неужели для Тифлиса не хватит нескольких часов?

Черт побери, на то я и репортер!

Хорошо владея русским, английским и немецким, не говоря уж о французском, смело можно разъезжать по обоим континентам. Правда, из турецкого языка я запомнил всего несколько выражений, а по-китайски не могу сказать ни слова, но, думаю, как-нибудь выкручусь в Туркестане и Поднебесной империи. Постараюсь не упустить ни одной интересной подробности из путешествия по Великой Трансзиатской магистрали.

Скажу откровенно, я принадлежу к тому сорту людей, которые считают, что все на свете служит материалом для репортажа, и, значит, мое перо не будет бездействовать!

Но прежде, чем приступить к осмотру Тифлиса, нужно покончить со всеми формальностями. К счастью, теперь можно путешествовать по России без «подорожной», существовавшей во времена курьеров и почтовых лошадей. Этот всемогущий документ устранял любые препятствия, обеспечивая быструю смену лошадей, вежливое обращение чиновников и такую скорость передвижения, что пассажир мог добраться от Тифлиса до Петербурга за восемь дней и пять часов, проделав две тысячи семьсот верст. Но без рекомендаций получить подорожную было непросто!

Сейчас же достаточно иметь обыкновенный пропуск, свидетельствующий, что вы не вор, не убийца, не политический преступник, а являетесь тем, кого в цивилизованных странах принято считать порядочным человеком. Получение такого

документа во французском консульстве стоило мне двух часов и двух рублей.

Затем, наострив глаза и уши и взяв, как говорится, ноги в руки, отдаюсь осмотру грузинской столицы. Я всегда отлично обхожусь без услуг проводников и, по правде говоря, мог бы и сам провести любого иностранца по всем закоулкам Тифлиса, тщательно изученного заранее. Это уж даровано от природы: способность везде легко ориентироваться.

Иду куда глаза глядят и набредаю на «Думу», здание муниципалитета, где заправляет всеми делами городской «голова» или, по-нашему, мэр. Если бы вы любезно согласились сопровождать меня в прогулке по Тифлису, прежде всего я повел бы вас к Красной горе на левом берегу Куры. Это местные Елисейские поля, нечто вроде сада Тиволи¹. Здесь среди пестрых ярмарочных балаганов расхаживают нарядно одетые грузинки и армянки, с непокрытыми лицами, что является признаком христианского вероисповедания. Мужчины одеты куда сложнее и все выглядят как настоящие князья.

Но поспешим дальше, в большой караван-сарай. Там останавливаются купцы со всех концов Азиатского континента. Вижу, как подходит караван с армянскими товарами. А вот отправляется другой — в нем торговцы из Персии и русского Туркестана. Как бы мне хотелось пуститься с кем-нибудь из них в странствие! Но это, увы, невозможно.

После прокладки Транскаспийской железной дороги почти исчезли нескончаемые вереницы всадников, пешеходов, лошадей, верблюдов, ослов и повозок. Но от этого, надеюсь, путешествие по Центральной Азии не будет менее увлекательным. На то я и репортер «XX века»!

А вот базары с тысячами разнообразных товаров из Персии, Китая, Турции, Сибири, Монголии. Какое изобилие чудесных ковров, ярких тканей, привезенных из Тегерана, Ши-раза, Кандагара и Кабула! Но многим тканям, особенно шелку, далеко до лионских.

Соблазнюсь ли я?.. Ни за что! Путешествовать от Каспийского моря до Поднебесной империи увешанным пакетами, — нет уж, увольте! Легкий саквояж в руке и дорожный мешок за плечами — этого вполне достаточно. Белье же и всякие мелочи добуду в пути, как делают всегда англичане.

А теперь остановимся перед знаменитыми тифлисскими банями, где используют воду горячих источников, достигающую шестидесяти градусов по Цельсию. Там применяются

¹ Тиволи — обычное название увеселительных садов.

различные способы массажа, гимнастические упражнения для выпрямления позвоночника и вправления костей. Мне вспомнилось, как красочно описывал тифлиские бани великий Дюма, чьи путешествия никогда не обходились без приключений. Он просто выдумывал их по мере надобности, этот гениальный предшественник современного репортажа — репортажа «на всех парах»¹.

А вот и «Hotel de France»!² Где только не встретишь гостиниц с подобным названием! Вхожу и заказываю завтрак по-грузински с кахетинским вином, от которого будто бы не хмелеют, если не нюхать. Но это довольно затруднительно, так как подают его в сосуде с широким горлом, куда нос попадает раньше губ. Говорят, это любимый сорт вина уроженцев Закавказья. Что касается русских, то они люди воздержанные и довольствуются крепким чаем, впрочем, не без некоторого прибавления «водки», московской «воды жизни»³.

Как француз, и тем более гасконец, я выпиваю бутылку кахетинского, как мы, бывало, пивали наш шато-лафит, изготовленный на склонах Поляка. И в самом деле, с терпким кавказским вином «пилав», блюдо из курицы с рисом, приобретает особый вкус.

С завтраком покончено. Смешавшись с шестьюдесятью тысячами разноплеменных жителей грузинской столицы, углубляюсь в лабиринт ее узких извилистых улиц.

Тут много евреев, которые, в отличие от европейцев, застегивают свое платье справа налево, так, как и пишут. Возможно, сыны Израэля не чувствуют себя хозяевами в этой стране, впрочем, как и повсюду. Как говорится в местной поговорке, и пяти евреям не обмануть одного армянина. Армян же в Закавказских провинциях множество.

Выхожу на посыпанную песком площадь, где лежат сотни верблюдов, вытянув шеи и подогнув передние ноги. Раньше их было видимо-невидимо. Но с тех пор как построили Закаспийскую железную дорогу, число этих горбатых носильщиков заметно поубавилось. Разве могут простые вьючные животные выдержать конкуренцию с багажными и товарными вагонами!

¹ Знаменитый французский романист Александр Дюма (1802—1870) в свои путевые записки о России действительно ввел много выдумки и небылиц.

² «Отель де Франс» — гостиница в Тифлисе.

³ Водка по-французски — l'eau de vie, что буквально означает «вода жизни».

Спускаюсь по улицам и выхожу к набережной Куры, русло которой делит город на две неравные части. С обеих сторон громоздятся дома, лепятся друг на друга, возвышаются один над другим. Вдоль берегов расположены торговые кварталы. Везде царит оживление, продают вино в мехах, надутых, как воздушные шары, и воду в бурдюках из буйволовой кожи.

Бреду дальше. *Ergare humanum est*¹, как обычно говорят ученики колледжей из Бордо, слоняясь по набережным Жиронды.

— Сударь,— обращается ко мне невзрачный, но с виду очень добродушный еврей,— вы иностранец?

— Несомненно.

— Тогда остановитесь на минутку и полюбуйте́сь этим домом,— указывает он на соседнюю, на мой взгляд, самую заурядную постройку.

— А чем тут любоваться?

— Как же, здесь жил знаменитый тенор Сатар, тот самый, что брал грудное контра-фа... А сколько ему платили за это!

Пожелав достойному патриарху взять контра-соль и получить за это больше, поднимаюсь на гору над правым берегом Куры, чтобы полюбоваться открывающейся оттуда панорамой.

Останавливаюсь на вершине на маленькой площадке и под мелодичные звуки стихов Саади², которые с пафосом читает бродячий актер, осматриваю открывшийся взору Тифлис: крепостные стены, колокольни храмов разных исповеданий, архиерейский собор с двойным крестом на куполе, дома русской, персидской и армянской архитектуры. Вместо крыш все больше террасы, почти нет фасадов, украшенных орнаментом, но зато везде крытые веранды и балконы. Выделяются две резко разграниченные полосы зданий: нижняя — в старом грузинском стиле, и верхняя — более современная, пересеченная длинным красивым бульваром. Среди деревьев вырисовывается дворец генерал-губернатора — князя Барятинского... В общем получается впечатление неправильного, капризного, полного неожиданностей рельефа, какого-то чуда неровности, обрамленного на горизонте величественной горной грядой.

¹ Человеку свойственно ошибаться (*лат.*). Здесь игра слов: ошибаться, заблуждаться и блуждать, сбиться с пути.

² Саади — знаменитый персидский поэт (1184—1291).

Но уже около пяти часов. Пора спускаться в город.

На вокзале столпотворение: армяне, грузины, мингрелы, татары, курды, евреи, русские с берегов Каспийского моря. Одни берут билеты до Баку, другие — до промежуточных станций.

Выхожу на платформу и направляюсь прямо к поезду. В вагоне первого класса, следуя своей привычке, устраиваюсь у окна довольно комфортабельного купе. За мной входят еще несколько пассажиров, а вся пестрая разноязычная толпа заполняет вагоны второго и третьего класса. После обхода контролера двери закрываются, и последний удар колокола возвещает об отправлении...

Вдруг раздаются возгласы, в которых гнев смешивается с отчаянием. Кто-то кричит по-немецки:

— Подождите!.. Подождите!..

Опускаю окно и вижу, как толстый мужчина с чемоданом в руке и нахлобученной на голову шапкой-каскай мчится во всю прыть, задыхаясь и путаясь в складках широкого плаща. Железнодорожные служащие пытаются его остановить. Но где там! Попробуйте удержать летящую бомбу. Опоздавший описывает параболу и врывается в соседнее купе через дверь, вовремя открытую каким-то любезным пассажиром.

В ту же секунду поезд вздрагивает, трогается с места и постепенно набирает скорость...

Путешествие началось.

ГЛАВА II

Должен вам сказать, что отбыли мы с трехминутным опозданием. Репортер, не признающий точности, подобен геометру, пренебрегающему в своих вычислениях десятой долей величины. Три минуты опоздания помогли энергичному немцу стать нашим попутчиком. Чувствую, что он даст хороший материал для моих путевых заметок.

В мае под этими широтами в шесть часов вечера еще совсем светло. Достая справочник и сверяюсь с приложенной к нему картой, которая позволяет проследить весь маршрут от Тифлиса до Баку. Не зная, в каком направлении движется поезд и когда локомотив поворачивает на северо- или на юго-восток, было бы невыносимой пыткой, тем более что скоро наступит ночь, а глаза мои не приспособлены к темноте, как у домашних кошек, филинов и сов.

Из путеводителя прежде всего узнаю, что рельсовая дорога почти параллельна гужевой, соединяющей Тифлис с Каспийским морем. Обе они проходят через Навтлуг, Пойли, Акстафа, Долляр, Елизаветполь¹, Кюрдамир, Аляты, Баку и пересекают долину Куры.

Среди перечисленных станций мое внимание привлекает одна — Елизаветполь. До получения депеши от «XX века» я предполагал провести там целую неделю, соблазнившись описаниями этого древнего города в путеводителе. Но вместо сверкающего под солнечными лучами городского пейзажа теперь, во время пятиминутной остановки среди ночи, увижу лишь неясные очертания, едва различимые при бледном свете луны!

Отложив в сторону справочник, начинаю разглядывать своих попутчиков. Их трое. Двое из них уже дремлют. Едва войдя в вагон, они надвинули на глаза шапки и завернулись в одеяла. Насколько я мог догадаться, это были грузины и, по-видимому, из породы тех счастливых путешественников, которые способны спать всю дорогу и очнуться лишь по прибытии на место. Из таких людей ничего не вытянешь.

Напротив меня сидел мужчина лет тридцати двух — тридцати пяти: высокий, стройный, широкоплечий, с могучим торсом, рыжей бородкой и очень живым взглядом. В нем не было ничего восточного. По тому, как он расположился, поставил саквояж и расстегнул клетчатую шотландскую куртку, я узнал англосаксонского «traveller»², привыкшего к продолжительным путешествиям и проводящего больше времени в поезде или в каюте парохода, нежели в своем собственном комфортабельном «home»³, если предположить, что таковой у него имеется. Должно быть, разъезжает по торговым делам. С любопытством наблюдаю, как он выставляет напоказ целую витрину драгоценностей: перстни на пальцах, булавку в галстук, запонки с искусно вделанными в них фотографическими видами городов, цепь на часах с бряцающими брелоками.

Долг репортера, которому необходимо получить очередное интервью, прежде всего разузнать, кто его попутчики, откуда и куда они едут? Мой сосед по купе не собирался ни спать, ни заниматься созерцанием ландшафта, освещенного лучами заходящего солнца.

¹ Прежнее название Гянджи.

² Путешественник (англ.).

³ Дом (англ.).

А что, если этот американец — могу держать пари, что он американец, — окажется репортером, посланным каким-нибудь «World» или «New York Herald»?¹ Не хватало только соперника!

Продолжаю колебаться. Спросить или не спросить? Но сосед опережает.

— Вы француз? — спрашивает он на моем родном языке.

— Да, сэр, — отвечаю по-английски.

Теперь-то мы найдем общий язык!

Лед был сломан, и с той и с другой стороны посыпались вопросы. Поневоле вспомнишь восточную поговорку: «Глупец за один час задаст больше вопросов, чем умный за год».

Но ни я, ни мой попутчик не пытаемся выдавать себя за мудрецов. Будем болтать сколько душе угодно.

— Wait a bit!² — говорит американец. — Готов биться об заклад, что вы репортер!..

— И вы выиграете!.. Газета «XX век» поручила мне ознакомиться с новым маршрутом и подробно рассказать обо всех дорожных приключениях.

— Вы едете до Пекина?

— Да.

— Так же, как и я, — замечает янки.

— Мы коллеги? — спрашиваю, настороженно сдвинув брови.

— Нет... Успокойтесь, сударь... Наши интересы не соприкасаются.

— Клодиус Бомбарнак из Бордо. Рад случаю путешествовать вместе с мистером...

— Фульк Эфринель из торгового дома «Стронг Бульбуль и К^о» в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк, США.

Он не забыл добавить — США.

Вот мы и представились друг другу. Я — охотник за новостями, а он — искатель... Но чего? Это и остается узнать.

Фульк Эфринель понемногу путешествовал везде и, по его словам, «даже дальше». Знал обе Америки и почти всю Европу. Но в Азию отправился впервые.

Он болтал без умолку в течение двух часов, повторяя свое неизменное «Wait a bit». Не обладает ли Гудзон тем же свойством, что и Гаронна, поставляющая свету хорошо подвешенные языки? Едва удавалось различать названия стан-

¹ «World» — «Мир», «New York Herald» — «Нью-Йоркский вестник» — американские газеты.

² Подождите немного! (англ.)

ций, которые объявлялись на каждой остановке: Навтлуг, Пойли и другие. А ведь я так хотел полюбоваться пейзажами при лунном свете и попутно кое-что записать в свою памятную книжку.

К счастью, американец уже проезжал по восточным провинциям Грузии. Он обращает внимание на особенности местного ландшафта, называет селения, реки, проступающие на горизонте силуэты гор. Едва успеваю все это заметить. Скверная вещь — железная дорога!

— Разве это путешествие?! — восклицаю я. — То ли дело езда на почтовых, на тройке, в тарантасе, с забавными встречами на постоянных дворах, а иногда... и с «благородными разбойниками», подстерегающими вас на пути! Впрочем, бандитов с большой дороги в наш век становится все меньше и меньше, и скоро они, возможно, окончательно исчезнут.

— Господин Бомбарнак, неужели вы серьезно обо всем этом жалеете?!

— Совершенно серьезно. Несмотря на преимущества прямого рельсового пути, мы, к сожалению, многое утратили. Скажите на милость, господин Эфринель, разве вы не чувствуете никакого сожаления, читая о путешествиях по Закавказью, совершенных лет сорок назад? Увижу ли я хоть одну из деревень, населенных казаками, одновременно и воинами и земледельцами? Смогу ли я полюбоваться кавказскими играми, которые приводили в восхищение всех туристов? Особенно «джигитовка», когда всадники, стоя на лошадях, без промаха мечут кинжалы и разряжают пистолеты; и те же джигиты составляют ваш эскорт, если вы путешествуете в обществе русского чиновника или офицера из «станции».

— Не спорю, мы действительно теряем много интересного, — отвечает американец. — Но зато благодаря этим железным лентам, которые в конце концов опояшут весь земной шар, мы за тринадцать дней преодолеем расстояние от Тифлиса до Пекина. Поэтому, если вы рассчитывали на приключения, искали развлечений...

— Разумеется, господин Эфринель!

— Иллюзии, господин Бомбарнак! С нами ничего особенного не случится. Wait a bit! Я предрекаю вам самое монотонное, самое прозаическое, самое скучное путешествие, плоское, как Каракумские степи, которые мы пересекаем в Туркестане, ровное, как пустыня Гоби в Китае.

— Поживем — увидим. Ведь я путешествую только для того, чтобы развлечь читателей нашей газеты.

— Я же путешествую только ради своих собственных дел!

Из ответа Фулька Эфринеля понимаю, что он не будет тем попутчиком, о котором я мечтал, и что за время долгого пути между нами не возникнет сердечной близости.

Судя по всему, это один из тех янки, о которых можно сказать, что когда они держат доллар за зубами, то его оттуда уже не вытянешь... А послушать этого американского дельца, поневоле покажется, что весь мир должен быть осведомлен о процветании торгового дома «Стронг Бульбуль и К^о». Как же так могло получиться, что я, в чьи обязанности входит знать обо всем понемногу, проявил такое невежество? Надо бы поподробнее расспросить Фулька Эфринеля, чем занимается его фирма. Но тут он сам обратился ко мне:

— Скажите, господин Бомбарнак, а вы бывали когда-нибудь в Соединенных Штатах?

— Нет, господин Эфринель, не приходилось.

— А собираетесь когда-нибудь посетить нашу страну?

— Все может случиться.

— Так вот, когда будете в Нью-Йорке, не забудьте как следует изучить торговый дом «Стронг Бульбуль и К^о».

— Изучить?

— Да, именно изучить.

— Хорошо, постараюсь последовать вашему совету!

— И сами убедитесь, что это одно из самых замечательных промышленных предприятий Нового Света.

— Не сомневаюсь, но не могу ли я узнать...

— Wait a bit, господин Бомбарнак! — с воодушевлением подхватывает Фульк Эфринель. — Представьте себе огромный завод — просторные помещения для изготовления и сборки деталей; машину, мощностью в полторы тысячи лошадиных сил; вентиляторы, делающие шестьсот оборотов в минуту; генераторы, ежедневно пожирающие сотню тонн угля; трубу, высотой в четыреста пятьдесят футов; обширные склады для готовой продукции, которую мы распространяем в пяти частях света. Во главе с директором и его двумя заместителями фирма насчитывает пятьсот служащих, девять тысяч рабочих и целый легион разъезжающих по всему миру агентов — среди них ваш покорный слуга! Наконец, колоссальное количество деловых операций и годовой оборот, превышающий сто миллионов долларов! И все это, господин Бомбарнак, все это для того, чтобы изготавливать миллиарды, да, я не оговорился, миллиарды...

В эту минуту заработали автоматические тормоза, поезд замедлил ход и остановился.

— Елизаветполь!! Елизаветполь! — разом закричали кондуктор и вокзальные служащие.

Наша беседа оказалась прерванной. Очень хочется размять ноги, и я выхожу из вагона. Фульк Эфринель остается в купе.

Вокзал хорошо освещен. Человек десять пассажиров уже высадились со своей поклажей. Пять-шесть грузин топчутся на подножках вагонов.

При первом ударе колокола подхожу к нашему вагону, поднимаюсь к себе и с удивлением обнаруживаю, что мое место занято. Напротив американца уселась какая-то особа с той англосаксонской бесцеремонностью, которой нет границ. Молода она или стара? Красива или уродлива? В темноте это установить невозможно. Но как бы там ни было, французская галантность не позволяет мне спорить из-за места. Сажусь рядом с незнакомкой, которая даже не находит нужным извиниться.

А Фульк Эфринель между тем успел заснуть, оставив меня в неведении, какие именно изделия фабрикует миллиардами и поставляет всему миру знаменитая фирма «Стронг Бульбуль и К^о» в Нью-Йорке...

Поезд трогается. Елизаветполь, расположенный в ста сорока километрах от Тифлиса на Ганжачае, притоке Куры, с двадцатью тысячами жителей, остается позади. Я не увидел утопающие в зелени кирпичные домики, развалины старинных зданий, красивую мечеть начала XVIII века, знаменитую Майданскую площадь. В полутьме, сквозь клубы пара, извергаемого нашим локомотивом, едва удалось разглядеть верхушки высоченных платанов — гнездовые ворон и дроздов, источник тени и прохлады в знойные летние дни. А на берегах бурной речки, несущей свои серебристые воды вдоль главной улицы города, заметил лишь неясные контуры домов с палисадниками, похожими на зубчатые крепости. Дело в том, что Елизаветполь подвергался частым набегам ширванских лезгин-горцев, которые, если верить источникам, ведут свое начало еще от гуннов времен Аттилы¹.

Было около полуночи. Клонило ко сну, но, как опытный репортер, решил, что буду спать одним глазом и одним ухом.

Сквозь дрему, которую навеивает равномерный стук ко-

¹ Аттила — предводитель гуннов, центральноазиатских племен, вторгшихся в Европу в V веке.

лес, я слышал пронзительные свистки встречных локомотивов, лязг буферов. Кроме того, во время коротких остановок громко объявляли названия станций: Геран, Евлах, Ляки, Уджары, Кюрдамир, Карасу, Наваги... Но, будучи бесцеремонно вытесненным с места у окна, я ничего не мог увидеть.

Начинаю ломать голову — будет ли эта пассажирка моей попутчицей до конца Великого Трансазиатского пути? Обменяюсь ли с ней дружеским поклоном на улицах Пекина?.. Затем мысли переносятся к американцу, который продолжает храпеть в своем углу с такой неимоверной силой, что мог бы смело заменить один из вентиляторов в торговом доме «Стронг Бульбуль и К^о». Но что же, черт возьми, производится на этом колоссальном предприятии Соединенных Штатов Америки? Железные или стальные мосты, локомотивы, броневые плиты, паровые котлы или рудничные насосы? Из того, что он рассказывал, у меня сложилось представление о промышленном гиганте, который может соперничать с заводами Крезо, Кокерилля или Эссена. Если только этот Фульк Эфринель ничего не приврал.

Но вскоре я погружаюсь в сон, забываю обо всем на свете и даже не слышу храпа янки.

Тем временем поезд приходит на станцию Аляты, делает десятиминутную остановку и отправляется дальше.

Аляты — маленький портовый город, откуда можно окинуть первым взглядом Каспийское море, увидеть места, по которым проходила армия Петра Великого... И если добавить еще немного сведений из Буйе и Ларусса¹, то получился бы увлекательный материал историко-фантастической хроники... Какая досада, что я проспал этот город.

.....
Баку! Баку!..

Меня разбудили крики.

Было семь часов утра.

ГЛАВА III

Пароход отходит в три часа дня. Те пассажиры, которые собираются пересечь Каспийское море, торопятся на пристань — занять каюту или место на палубе.

Фульк Эфринель тотчас же покидает меня:

¹ Издатели энциклопедических словарей.

— Не могу терять ни одной минуты. Необходимо срочно переправить багаж на пароход.

— А он у вас велик?

— Сорок два ящика.

— Сорок два! — восклицаю я.

— Сожалею, что не вдвое больше. Но с вашего разрешения...

Американец так спешил, что даже не предложил руку нашей незнакомке, чтобы помочь ей выйти из вагона. Это сделал я. Путешественница, оказавшись на платформе, удостоила меня лишь отрывистым «thank you, sir»¹, произнесенным с поистине британской сухостью.

Теккерей сказал где-то, что благовоспитанная англичанка — совершеннейшее создание Бога на земле. Что же, проверим, если будет случай, это галантное изречение на нашей попутнице.

Наконец-то она подняла вуалетку. На вид ей можно дать лет двадцать пять. Лицо бесцветное, голубые глаза близорукко щурятся без очков. На мой почтительный поклон она ответила легким небрежным кивком и размашистым шагом направилась к выходу.

Вполне возможно, что мы еще встретимся с ней на борту парохода. Но на пристань я спущусь перед самым отплытием. Нельзя терять даром ни одного часа, ведь в моем распоряжении только полдня для осмотра Баку, столицы огнепоклонников.

Окруженный тройным рядом зубчатых стен, этот город расположен на Апшеронском полуострове, у крайних отрогов Кавказского хребта. Осматриваю ханский дворец, архитектурный памятник времен Шахрияра и Шахразады, «дочери луны» и искусной рассказчицы. Тонкая скульптура во дворце выглядит так, будто только что вышла из-под резца ваятеля. Дальше, по углам старой мечети, куда можно войти, не снимая обуви, поднимаются стройные минареты. Правда, муэдзин не поет там в часы молитвы звучные стихи из Корана.

Но в Баку есть и русские кварталы, застроенные деревянными домами, без всякого восточного колорита; и внушительный железнодорожный вокзал, достойный любого большого города Европы или Америки; и вполне современный порт в новой части города, где сотни труб загрязняют атмос-

¹ Благодарю вас, сэр (англ.).

феру густым дымом от каменного угля, сжигаемого в паровых топках.

Не понимаю, зачем употребляется уголь в городе нефти? К чему это топливо, если голая и бесплодная почва Апшеронского полуострова, на которой растет лишь понтийская полынь, так богата минеральными маслами? Здесь можно добыть столько дешевой нефти, что даже при самом большом расходе ее не исчерпать в течение столетий.

Поистине чудо природы! Хотите моментально получить освещение или отопление? Нет ничего проще. Стоит только сделать отверстие в почве, оттуда вырвется газ, и смело зажигайте его. Вот вам естественный газгольдер, доступный любому, даже самому неимущему.

Посетить знаменитое святилище Атеш-Гах, находящееся в двадцати двух верстах от города, я, к сожалению, уже не успевал. Там горит вечный огонь, сотни лет поддерживаемый парсийскими священниками, выходцами из Индии, которые не едят животной пищи.

Бьет одиннадцать часов. Вспоминаю, что еще не завтракал, и поворачиваю к вокзальному ресторану, ибо отнюдь не собираюсь следовать вегетарианскому режиму парсийских жрецов.

При входе в зал сталкиваюсь с выбежавшим оттуда Фульком Эфринелем.

— А завтрак?..— спрашиваю его.

— С ним уже покончено,— отвечает американец.

— А ваш багаж?

— Остается еще погрузить на пароход двадцать девять ящиков... Надо торопиться, простите. Раз уж на мою долю выпала честь представлять интересы торгового дома «Стронг Бульбуль и К^о», который еженедельно экспортирует по пять тысяч ящиков готовой продукции...

— Бегите, бегите, господин Эфринель, мы увидимся на палубе. Кстати, вы не встречали нашу попутчицу?

— Какую попутчицу?

— Молодую даму, которая заняла мое место в купе.

— С нами ехала молодая дама?..

— Да.

— Только сейчас узнаю об этом, господин Бомбарнак, узнаю только сейчас...

И американец, переступив порог, скрывается за дверью. Но я не теряю надежды узнать еще до прибытия в Пекин, чем занимается фирма «Стронг Бульбуль и К^о» в Нью-Йор-

ке. Пять тысяч ящиков еженедельно... Какая производительность и каков сбыт!

Наскоро позавтракав, опять отправляюсь в поход. Во время прогулки мне представляется возможность полюбоваться лезгинами во всем их великолепии: серые черкески с патронташами на груди; бешметы из ярко-красного шелка; гетры, вышитые серебром; плоские сапожки без каблуков; белая папаха на голове; длинное ружье через плечо; шашка и кинжал на поясе. Короче говоря, вооружены до зубов и производят весьма внушительное впечатление. Гордые, импозантные, они великолепно выглядят, шествуя в кортеже русского императора.

Уже два часа. Пора идти на пристань. По дороге нужно еще завернуть на вокзал за моим легким багажом, оставленным в камере хранения.

И вот, с саквояжем в одной руке и с тросточкой в другой, спускаюсь по улице, ведущей к причалу.

На одной из площадей, где крепостная стена открывает проход на набережную, мое внимание невольно привлекают двое — мужчина и женщина — в дорожных костюмах. Мужчине можно дать лет тридцать — тридцать пять, женщине — от двадцати пяти до тридцати. Он — седеющий брюнет, с подвижной физиономией, быстрым взглядом, легкой, балансирующей походкой. Она — довольно красивая голубоглазая блондинка, с вьющимися волосами и уже немного поблекшим лицом. Ее яркое старомодное платье отнюдь не свидетельствует о хорошем вкусе. По-видимому, это супруги, только сейчас прибывшие тифлисским поездом, и, если интуиция не обманывает, мои соотечественники.

В руках у них саквояжи, под мышками — трости, зонты, за плечами — подушки и одеяла. Они постарались захватить с собой как можно больше самых разнообразных вещей, чтобы не сдавать на пароходе в багаж. Испытываю большое желание помочь им. Разве это не счастливый и редкий случай — встретить соотечественников вдали от Франции?

Неожиданно появляется Фульк Эфринель, быстро увлекает за собой, и я, не успев познакомиться, оставляю супружескую пару позади.

— Как идет погрузка вашего багажа? — интересуюсь у американца.

— В настоящий момент переправляем тридцать седьмой ящик.

— И пока без приключений?

— Без всяких приключений.

— А нельзя ли узнать, что находится в ящиках?

— Что в них находится?.. Вот он, вот он, тридцать седьмой! — восклицает Фульк Эфринель и бежит навстречу подводе, выехавшей на пристань.

На набережной шумно и многолюдно, как обычно бывает в порту при высадке и посадке.

Баку — самый крупный торговый и пассажирский порт на Каспийском море, вернее, большом озере, так как оно не сообщается с соседними морями. Дербент, лежащий севернее, не может идти ни в какое сравнение с Баку, где производится наибольшее количество торговых операций. Нечего и говорить, что с основанием порта в Узун-Ада, на противоположном берегу Каспия, бакинский транзит увеличился в десять раз. Закаспийская дорога, открытая для пассажирских и товарных перевозок, стала теперь главным торговым путем, соединяющим Европу с Туркестаном.

Быть может, в недалеком будущем вдоль персидской границы пройдет еще одна магистраль, которая свяжет рельсовые пути южной России с железными дорогами Индии, и тогда пассажирам уже не нужно будет переправляться через Каспийское море. А когда этот обширный замкнутый бассейн высохнет вследствие интенсивного испарения, то почему бы не проложить рельсы по его песчаному дну от Баку до Узун-Ада?

Но это еще вопрос проблематичный, а пока что нужно сесть на пароход, что я и делаю, присоединившись к толпе пассажиров.

Наш пароход называется «Астра» и принадлежит обществу «Кавказ и Меркурий». Это большое колесное судно, делающее рейсы три раза в неделю. Широкое в корпусе, оно приспособлено прежде всего для перевозки грузов, и строители скорее позаботились о размещении тюков, чем об удобстве пассажиров. Однако, когда речь идет о путешествии продолжительностью лишь в одни сутки, привередничать не стоит.

У причала шумная толпа. Одни уезжают, другие провожают, третьи пришли просто так поглазеть. Среди пассажиров больше всего туркменов, десятка два европейцев различных национальностей, персы и даже есть уроженцы Поднебесной империи, которые, очевидно, едут в Китай.

«Астра» битком набита всевозможными товарами. Места в трюме не хватило, поэтому загромождена вся палуба. Для пассажиров отведена кормовая часть, но и там навалены тюки и ящики, прикрытые толстым просмоленным брезентом для защиты от волн.

Сюда сложили и багаж Фулька Эфринеля, который руководил погрузкой с энергией истого янки, решившего во что бы то ни стало не терять из виду свой драгоценный груз — ящики длиной, шириной и высотой в два фута, старательно обтянутые кожей, с надписью, вытисненной крупными буквами: «Стронг Бульбуль и К^о» в Нью-Йорке.

— Все ваши ящики на борту? — спрашиваю у американца.

— Вот несут сорок второй, последний.

Действительно, в эту минуту показался носильщик. Мне кажется, что он слегка покачивается, то ли от тяжести груза на спине, то ли от неумеренного употребления водки.

— Wait a bit! — кричит Фульк Эфринель.

Затем, чтобы быть лучше понятым, восклицает по-русски:

— Осторожно!.. Осторожно!

Совет превосходный, но запоздалый. Носильщик делает неловкий шаг, ящик срывается с его плеч, падает... к счастью, по эту сторону бортовых сеток «Астры», раскалывается на две части, и по палубе рассыпается содержимое порванных бумажных пакетиков.

Какой негодующий крик испустил Фульк Эфринель! Каким отменным тумачом наградил неловкого парня, повторяя полным отчаяния голосом:

— Мои зубы!.. Мои бедные зубы!

Ползая на коленях, он подбирает разлетевшиеся по узкому проходу изделия из искусственной слоновой кости, а я при виде этой забавной сцены не могу удержаться от смеха.

Так, значит, фирма «Стронг Бульбуль и К^о» всего-навсего фабрикует зубы! И это гигантское предприятие существует только для того, чтобы еженедельно поставлять пять тысяч ящиков протезов во все части света! Ничего не скажешь! Поистине американский размах!

Говорят, что население земного шара составляет тысячу четыреста миллионов душ, а если учесть, что у каждого человека по тридцать два зуба, то в общем получится около сорока пяти миллиардов. Следовательно, если бы когда-нибудь пришлось заменить все настоящие зубы искусственными, то даже фирма «Стронг Бульбуль и К^о» не смогла бы справиться с таким делом.

Фульк Эфринель продолжает собирать свои сокровища. Звучат последние удары гонга, «Астра» с минуты на минуту отчалит.

Вдруг со стороны набережной раздаются крики, похожие

на те, что я слышал в Тифлисе, когда отходил бакинский поезд.

А вот и сам путешественник. Узнаю в нем незадачливого немца. Он бежит запыхавшись. Но сходни уже подняты, и пароход медленно отделяется от дебаркадера. Опоздавший пассажир поспекает как раз в тот момент, когда двое матросов собираются отдать последний швартов на корме «Астры». Они протягивают немцу руку и помогают вскочить на борт...

Судя по всему, этот толстяк всегда опаздывает, и я буду крайне удивлен, если он доберется до места назначения.

Но вот уже «Астра» пенит воду своими могучими колесами, удаляясь от берега.

Стою с сигарой у кормовых сеток левого борта, наблюдая, как за оконечностью Апшеронского мыса исчезает бакинский порт, а на западном горизонте вырисовывается Кавказская горная цепь. Вдруг, приблизительно в четырехстах метрах впереди судна, замечаю какое-то странное кипение; оно вырывается из глубины, волнуя поверхность моря.

Затянувшись последний раз, бросаю окурочек за борт. И в ту же минуту корпус «Астры» окружает огненная пелена. Оказывается, непонятное волнение создавалось подводным нефтяным источником. Горючее воспламенилось...

Пассажиры поднимают крик. Судно идет сквозь завесу пламени, но резкий поворот руля выводит его на безопасное место.

Капитан, спустившись на корму, ограничивается только коротким замечанием:

— С вашей стороны это было очень неосмотрительно.

Отвечаю ему обычной в таких случаях фразой:

— Право же, капитан, я не знал.

— А надо бы знать, сударь, — прозвучал в нескольких шагах от нас сухой и жесткий голос.

Оглядываюсь и встречаюсь взглядом с англичанкой.

ГЛАВА IV

Не следует особенно доверять путевым впечатлениям. Они всегда субъективны. Я, правда, не очень-то понимаю смысл этого слова, но употребляю его потому, что оно стало модным.

Человек веселый на все посмотрит радостно, угрюмый —

увидит то же самое в мрачном свете. Демокриту берега Иордана и Мертвого моря показались бы восхитительными, а Гераклит нашел бы унылыми даже берега Босфора и окрестности Неаполитанского залива.

Редко когда личность автора не откладывает отпечатка на то, о чем он рассказывает, — примером могут служить Гюго, Дюма, Ламартин и многие другие писатели. Шекспир, правда, составляет исключение, но я, как вы понимаете, не Шекспир, и в равной мере не Ламартин, Дюма или Гюго.

Являясь по натуре оптимистом, которому чужды, скажем, пессимистические доктрины Шопенгауэра и Леопарди, признаюсь, что берега Каспийского моря я нашел скучными и неприветливыми. Никакой жизни в этих местах: ни растительности, ни птиц. Не чувствуешь здесь и настоящего большого моря. Хотя Каспий, в сущности, не что иное, как озеро, лежащее во впадине, на двадцать шесть метров ниже уровня Средиземного моря, но на нем часто бывают сильные бури. Однако пароходам не приходится «спасаться бегством», как говорят моряки. Они живо достигают западного или восточного берега, ведь его ширина — всего лишь какая-нибудь сотня лье. Впрочем, ни на европейской, ни на азиатской стороне побережья почти нет удобных гаваней, где можно было бы укрыться от непогоды.

Закаспийская железная дорога уже несколько лет функционирует между Узун-Ада и китайской границей. Только между этим портом и Самаркандом насчитывается не менее шестидесяти трех станций. Значит, на этом участке пути сойдет с поезда большинство пассажиров, в основном кавказцев, ведущих торговлю с Туркестаном. Интересы они для меня не представляют. Наблюдать за ними — только время терять. Допустим, заинтересуешься одним из них, захочешь разузнать, «чем тот живет и дышит», а он возьми да исчезни на следующей станции.

Нет уж! Внимания стоят лишь те пассажиры, которые едут до конечной станции: Фульк Эфринель, например, или англичанка, которая, как мне кажется, тоже едет до Пекина. Правда, до сих пор я ничего не знаю о французской супружеской чете. Но переправа через Каспий только началась, так что успею с ними познакомиться. Есть еще двое китайцев, по-видимому, возвращающихся в свою Поднебесную империю. И знай я хотя бы сотню слов из «гуаньхуа», их разговорного языка, непременно вступил бы в беседу с этими любопытными личностями, до того типичными, словно они только что со-

скочили с китайской ширмы. Надеюсь, что в Узун-Ада встречу и других попутчиков.

Хотелось бы, конечно, познакомиться с человеком, окруженным легендами, который путешествует инкогнито, будь то знатный аристократ или обыкновенный бандит. Нельзя забывать, что мы, репортеры, играем двойную роль — и как ловцы интересных фактов, и как искатели объектов, достойных интервью. А потому самое главное — уметь выбирать. Кто хорошо выбирает, тот и преуспевает.

Я спустился по трапу в кормовой салон. Ни одного свободного места. И каюты давно уже заняты пассажирами, которые не переносят ни бортовой, ни килевой качки. Они улеглись, как только попали на пароход, и встанут, когда он причалит к дебаркадеру в Узун-Ада. Разве можно найти таинственного героя среди этих сонь, напуганных морской болезнью!

Решив провести ночь на палубе, я вернулся наверх. Американец все еще возился с пострадавшим ящиком.

— Вы только подумайте,— воскликнул он,— вы только подумайте, этот пьяница еще осмелился попросить у меня на чай!

— Надеюсь, господин Эфринель, что у вас ничего не пропало?

— К счастью... ничего!

— Позвольте спросить, сколько же зубов везете вы в Китай в этих ящиках?

— Миллион восемьсот тысяч, не считая зубов мудрости.

И Фульк Эфринель, отпустив остроту, которую, наверное, не раз уже употреблял в дороге, раздражается раскатистым смехом. Я покидаю его и прохожу через тамбуры на носовую часть палубы.

Небо довольно ясное, но свежий северный ветерок, кажется, усиливается. По поверхности моря стелются длинные зеленоватые полосы. Возможно, что ночь будет сверх ожидания суровой. На носу парохода скопилось много пассажиров. Это в основном бедняки, растянувшиеся как попало на деревянных настилах, вдоль судовых переборок, среди просмоленного брезента. Почти все они курят или жуют припасенную на дорогу еду. Некоторые стараются забыться сном, чтобы прогнать усталость или заглушить голод.

Хочу понаблюдать за ними в непосредственной близости. Ведь репортер подобен охотнику, который долго шныряет по кустам, прежде чем нападает на след.

Замечаю большой деревянный ящик белого цвета, высо-

тою около двух метров и по метру в ширину и глубину. На нем выведено русскими буквами: «Осторожно, зеркала! — Не кантовать! — Беречь от сырости!»

Кроме того, обозначены верх и низ и указан адрес:

*«Г-же Зинке Клорк, улица Ша-Хуа,
Пекин, провинция Чжили¹, Китай».*

Судя по имени, это, должно быть, румынка, воспользовавшаяся прямым Трансазиатским поездом, чтобы выписать себе зеркала. Неужели этого товара нет в магазинах Поднебесной империи? Как же тогда китайки любят свои миндалевидными глазами и сооружают замысловатые прически?

В шесть часов звонит колокол к обеду. Столовая — в носовой части судна. За столом сидит около сорока человек. Фульк Эфринель посредине. Рядом с ним, справа, — свободное место, и он знаком приглашает меня.

Видимо, это только случайность, но слева от него восседает англичанка, с которой американец беседует и представляет ее мне:

— Мисс Горация Блуэтт.

Напротив сидит французская чета и старательно изучает меню. Немецкий путешественник — на другом конце стола, около буфетной, что позволяет ему получать блюда первому. Это крепко сбитый светловолосый мужчина с розовым лицом, рыжеватой бородой, пухлыми руками и очень длинным носом. Вид у него как у германского офицера запаса, которому угрожает преждевременное ожирение.

— На этот раз он не опоздал, — говорю Фульку Эфринелю.

— В Германской империи обеденный час соблюдается неукоснительно! — отвечает американец.

— Не знаете ли вы имени этого немца?

— Как же! Барон Вейсшнитцердерфер.

— И с такой фамилией он едет до Пекина?

— До самого Пекина, равно как и этот русский майор, что сидит рядом с капитаном «Астры».

Вижу человека средних лет, бородатого, с сильной проседью. Тип вполне русский. Лицо открытое, располагающее. Не будет ли этот путешественник тем попутчиком, о котором я мечтаю?

— Вы говорите, господин Эфринель, что он майор?

— Да, он русский военный врач, майор Нольтиц.

¹ Ч ж и л и — прежнее название провинции Хэбэй.

Американец хоть и не репортер, а успел разузнать гораздо больше меня.

Боковая качка еще не очень чувствительна. Фульк Эфринель продолжает беседовать с мисс Горацией Блуэтт. Из их разговора понимаю, что между этими двумя натурами есть много общего.

И в самом деле, если один занимается поставкой зубов, то другая — волос. Мисс Горация Блуэтт — представительница солидной лондонской фирмы — торгового дома «Гольмс-Гольм», получающего ежегодно из Поднебесной империи сотни тонн женских волос на сумму в два миллиона фунтов стерлингов. Она едет в Пекин, чтобы учредить там на средства этого дома постоянную контору. Дело обещает получить тем более благоприятный оборот, что тайное общество «Голубой Лотос» хлопочет об уничтожении косы у мужчин — эмблемы подчиненности китайцев маньчжурским монголам.

Обед продолжается уже четверть часа. Пока ничего особенного не произошло. Пассажир с бритым лицом и его белокурая подруга, кажется, прислушиваются к нашей французской речи с явным удовольствием и очевидным желанием вмешаться в разговор. Несомненно, это мои соотечественники. Но к какой категории людей они принадлежат?..

В эту минуту крен «Астры» усиливается — тарелки подпрыгивают в углублении стола, приборы звенят и соскальзывают, из стаканов выплескивается часть содержимого, висячие лампы отклоняются от вертикальной линии. Любопытно наблюдать за всем этим, если сам ты не подвержен морской болезни.

— Эге,— говорит мне Фульк Эфринель.— Его величество Каспий начинает стряхивать с себя блох!

— А вас не укачивает?

— Меня? Не больше чем морскую свинку. А вы, мисс,— обращается он к Горации Блуэтт,— вы легко переносите качку?

— На меня она не действует.

По другую сторону стола супружеская чета обменивается несколькими фразами по-французски:

— Тебе не дурно, Каролина?

— Нет, Адольф... пока еще нет... но если так будет продолжаться... признаюсь, что...

— В таком случае, Каролина, лучше выйдем на палубу. Ветер на четверть потянул к востоку, и «Астра» не замедлит зарыться носом в перо.

Эта манера выражаться говорит о том, что господин Картна — таково имя француза — моряк или когда-то им был. Этим объясняется и его балансирующая походка.

Между тем качка становится все сильнее и сильнее. Большинство присутствующих не может ее вынести и отправляется на палубу в надежде, что на свежем воздухе им будет лучше. В столовой остается не больше десяти человек, включая капитана, с которым мирно беседует майор Нольтиц. Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт, как видно, привыкли к этим неизбежным случайностям навигации. Немецкий барон продолжает спокойно есть и пить, словно находится в мюнхенской или франкфуртской пивной. Он нарезает мясо кусочками, солит, присыпает перцем, поливает соусом и с большим удовольствием отправляет под свою волосатую губу. Узнаю тевтонскую натуру! Что бы ни случилось, он будет держаться невозмутимо и никакая качка не заставит его упустить хотя бы одного глотка питья или куска пищи.

Немного поодаль расположились оба китайца, которых я разглядываю с любопытством.

Один из них, молодой человек лет двадцати пяти, с изящными манерами и приятным лицом, несмотря на желтизну кожи и раскосые глаза. По-видимому, несколько лет, проведенных в Европе, отразились на всем его облике: подстриженные усы и прическа скорее на французский, чем на китайский лад. Он кажется мне славным малым с веселым характером, который вряд ли часто поднимается на «башню сожалений».

Его компаньон, над которым молодой человек, кажется, слегка подтрунивает, похож на кивающую фарфоровую куклу. На вид ему лет пятьдесят — пятьдесят пять, лицо невзрачное, затылок наполовину выбрит, на спине традиционная коса, одежда национальная — платье, кофта, кушак, широкие шаровары и пестрые туфли без задника. Он не так вынослив и с усилением килевой качки вскакивает из-за стола и исчезает на лестнице, ведущей в кормовую рубку. А молодой китаец, протягивая забытый им на столе маленький томик, кричит ему вслед, почему-то по-итальянски:

— Корнаро!.. Корнаро!..

Неужели этот китаец говорит на языке Боккаччо? Что ж, мне еще предстоит об этом узнать.

После обеда иду на палубу, предоставив Фульку Эфринелю и мисс Горации Блуэтт беседовать с глазу на глаз о коммиссионных процентах и прейскурантах.

Быстро бегущие тучи, гонимые с востока, задрапировали верхние слои неба широкими складками. Где-то в вышине

мерцает еще несколько редких звездочек. Ветер свежее. На фок-матче качается, поскрипывая, белый фонарь. Два других фонаря, по правому и левому борту, следуя движениям качки, бросают на волны длинные шлейфы красного и зеленого цвета.

Еще только восемь часов. Закуриваю сигару и, расставив ноги, чтобы создать упор против боковой качки, начинаю прогуливаться вдоль борта. Пассажиры первого класса уже покинули палубу, и я нахожусь здесь почти в полном одиночестве. По мостику взад и вперед шагает старший помощник, следя за курсом, которого должен придерживаться стоящий рядом с ним рулевой. Лопasti гребных колес с огромной силой ударяют по воде, производя страшный грохот, когда судно накрывается, и одно из них работает вхолостую. Из трубы вырываются клубы едкого дыма, рассыпая в воздухе снопы искр.

К девяти часам наступает полная тьма. Я пытаюсь рассмотреть вдали огонек какого-нибудь парохода, но тщетно: на Каспийском море нет большого движения. Слышны только крики морских птиц — чаек и синьг, отдающихся прихоти ветра.

Прохаживаюсь по палубе и не могу отделаться от мысли, что путешествие может так и закончиться без всяких приключений и мне нечего будет сообщить газете!.. Что же тогда можно сказать в свое оправдание? Нет, я должен пойти на все, лишь бы избежать подобного невезения.

В половине одиннадцатого усаживаюсь на одну из скамей на корме «Астры». Но не тут-то было! На таком ветру долго не посидишь!

Поднимаюсь на переднюю палубу, придерживаясь за планшир. Под мостиком, между колесными кожухами, меня настигает такой порыв ветра, что приходится искать убежища возле товаров, накрытых брезентом. Растянувшись среди ящиков, закутываюсь в одеяло, прислоняюсь головой к просмоленной ткани и тотчас засыпаю.

Спустя некоторое время меня внезапно будит какой-то странный шум. Прислушиваюсь. Похоже, что рядом кто-то храпит.

«Должно быть, это какой-нибудь пассажир с носовой части судна, — предполагаю я. — Видимо, он пролез между ящиками, устроился под брезентом и ему совсем неплохо в этой импровизированной каюте».

Но при тусклом свете керосиновой лампы, едва проникающем с нактоуза, невозможно ничего разглядеть.

Шум прекратился. Оглядываюсь кругом... Никого.

Наверное, это мне почудилось во сне.

Принимаю прежнюю позу и вновь пытаюсь соснуть, но храп возобновляется. Ну конечно! Он идет из того ящика, к которому я прислонился головой.

Черт возьми, да там сидит какое-то животное! Но какое?.. Кошка?.. Собака?.. Нет, этого не может быть! Зачем запирать в такой ящик домашнее животное? Значит, там хищный зверь!.. Пантера, тигр, лев?..

Вот я и напал на след. Это хищники, которых отправляют в зверинец или какому-нибудь султану Центральной Азии... В ящике находится клетка, и если бы она раскрылась... какое ошеломляющее дорожное приключение... какой материал для хроники!.. Вот видите, до какой степени может пойти пылкое воображение репортера, жаждущего сенсации. Любой ценой мне нужно узнать, кому предназначен этот хищник и куда его должны доставить — в Узун-Ада или дальше, в Китай... Адрес, конечно, указан на ящике.

Так как я укрыт от ветра, достаю восковую свечку, зажигаю ее и, представьте себе, вижу уже знакомый адрес:

«Г-же Зинке Клорк, улица Ша-Хуа,

Пекин, провинция Чжили, Китай...»

Но зачем этой красивой румынке — я не сомневаюсь ни в том, что она румынка, ни в том, что красавица, — захотелось выписать из Европы хищного зверя?

От Узун-Ада до столицы Поднебесной империи поезд идет одиннадцать дней. Так кто же на протяжении долгого пути будет заботиться о запертом в ящике звере, кормить и поить его? Железнодорожные служащие окажут ему не больше внимания, чем требует транспортировка зеркал, и бедное животное погибнет от истощения!

Все эти соображения вихрем проносятся в голове. «Я бодрствую или вижу дивный сон?» — приходят на память слова Маргариты из «Фауста». Но побороть сон невозможно. Веки слипаются, будто на них давят свинцовые гири, еще плотнее кутаюсь в одеяло и засыпаю глубоким сном.

Сколько времени я проспал? Должно быть, три или четыре часа. Помню только, что, когда проснулся, было еще совсем темно. Протерев глаза, потягиваюсь, покидаю свое ложе и опять начинаю ходить вдоль палубы, держась за бортовые сетки.

Ветер теперь тянет с северо-запада, волнение поутихло, и «Астру» не так качает.

Ночь очень холодная. Я согреваюсь тем, что уже в тече-

ние получаю меряю палубу большими шагами, даже ни разу не вспомнив о хищнике. Внезапно мысли возвращаются к нему. Не следует ли обратить внимание начальника станции в Узун-Ада на этот опасный груз? Впрочем, зачем мне соваться не в свое дело!

Возвращаюсь на прежнее место. На часах ровно три. Прислонившись головой к стенке ящика, закрываю глаза...

Вдруг снова шум, похожий на полуприглушенное чихание. Никакое животное не могло издавать такие звуки!

Неужели внутри прячется человек, чтобы проехать «зайцем» по Великой Трансазиатской магистрали к прекрасной румынке...

Теперь мне не до сна! Как долго не рассветает. И как проникнуть в тайну ящика? Наконец-то долгожданные приключения начинаются, и у меня будет, надеюсь, интересный материал для хроники...

На востоке проступает смутная белизна, мало-помалу очерчивая горизонт... Сначала окрашиваются облака в зените, а потом показывается и само солнце, большое и словно влажное от брызг.

Внимательно осматриваю ящик. Замечаю, что в разных местах просверлены дырочки, через которые должен проходить воздух. И быть может, пара глаз следит сейчас за мной сквозь эти отверстия...

За завтраком собрались те из пассажиров, которых пощадила морская болезнь. Среди них молодой китаец, майор Нольтиц, Фульк Эфринель, мисс Горация Блуэтт, господин Катерна без супруги, барон Вейсшнитцердерфер и еще семь или восемь человек.

Я не собираюсь доверять американцу тайну ящика... Он может проболтаться, и тогда, возможно, прощай, хроника!

Около полудня на востоке показалась земля, плоская и желтая, изборожденная дюнами. Это Красноводск.

В час дня мы были уже на траверсе Узун-Ада, а в час двадцать семь минут я ступил на азиатскую землю.

ГЛАВА V

Прежде пассажиры высаживались в Михайловской гавани, маленьком городке, от которого начиналась Закаспийская железная дорога. Но она оказалась слишком мелкой даже для судов среднего тоннажа. И тогда генерал Анненков, строивший новую железную дорогу, выдающийся инженер, о

котором мне еще не раз придется упоминать, перенес порт в Узун-Ада, что значительно сократило продолжительность переправы через Каспийское море. Торжественное открытие этой станции, построенной за три месяца, состоялось 8 мая 1886 года.

К счастью, я читал отчеты инженера Буланжье относительно громадного сооружения генерала Анненкова. Поэтому не буду чувствовать себя полным профаном во время поездки по железной дороге между Узун-Ада и Самаркандом. К тому же я рассчитываю на майора Нольтица, знакомого с этими работами. Предчувствую, что мы станем добрыми друзьями и, вопреки пословице: «Не облизывай своего друга, если даже он из меда», ради дела готов пойти и на это.

Часто говорят о той необычайной скорости, с какой американцы проложили железнодорожный путь через равнины Дальнего Запада. Однако русские в этом отношении им не только не уступают, но даже и превосходят как в скорости строительства, так и в смелости индустриальных замыслов.

Всем памятен смелый поход генерала Скобелева в Туркестан¹ — поход, окончательный успех которого сделал возможным прокладку Закаспийской железной дороги. С тех пор политическое положение Центральной Азии сильно изменилось, и Туркестан стал одной из губерний Азиатской России, чьи границы соприкасаются с Поднебесной империей. Да и китайский Туркестан заметно испытывает русское влияние, распространению которого не в силах были помешать даже головокружительные вершины Памира.

И вот я должен пуститься в путь через легендарные земли, подвергавшиеся когда-то опустошительным набегам Тамерлана и Чингисхана.

С 1886 года русским принадлежит в Средней Азии шестьсот пятнадцать тысяч квадратных километров и подвластен миллион триста тысяч жителей. Южная часть этой обширной страны образует теперь Закаспийскую область, разделенную на шесть округов: Александровский, Красноводский, Ашхабадский, Ахалтекинский, Мервский и Тедженский, которые подчинены русской военной администрации.

Для осмотра Узун-Ада, что означает «Длинный остров», мне понадобилось всего лишь меньше часа. Этот станционный поселок — почти город, но город новый, прямолинейно очерченный и вытянутый словно по линейке на широком

¹ В 1881 году генерал М. Д. Скобелев присоединил к России Ашхабад и земли у подножия хребта Копет-Даг.

ковре желтого песка. Никаких памятников, никаких достопримечательностей; дощатые мостки и деревянные дома, к которым, уступая требованиям комфорта, прибавляются мало-помалу и каменные строения. Можно предвидеть, что лет через пятьдесят эта первая станция Закаспийской железной дороги из большого вокзала превратится в большой город¹.

Не думайте, что в Узун-Ада нет гостиниц. Одна из них — «Царская» — с хорошим столом и неплохими номерами. Но у меня в ней не будет необходимости, ведь поезд отправляется уже в четыре часа пополудни.

Первым долгом спешу телеграфировать «XX веку», что нахожусь в Узун-Ада при исполнении своих обязанностей.

А теперь займусь репортерским реестром. Это легче легкого. Надо составить список попутчиков, с которыми буду общаться в дороге. Такова привычка, и она никогда меня не подводила.

Итак, записываю в свою книжку уже знакомых мне пассажиров:

1 — Фульк ЭФРИНЕЛЬ, американец.

2 — Мисс Горация БЛУЭТТ, англичанка.

3 — Майор НОЛЬТИЦ, русский.

4 — Господин КАТЕРНА, француз.

5 — Госпожа КАТЕРНА, француженка.

6 — Барон ВЕЙСШНИТЦЕРДЕРФЕР, немец.

Надеюсь, мой реестр в дальнейшем будет пополняться. Что касается обоих китайцев, то они попадут в список позднее, когда узнаю их имена и кто они такие. А относительно субъекта, запертого в ящике, я принял такое решение: установить с ним связь и по возможности оказать посильную помощь, не выдав его тайны.

Поезд уже сформирован и подан на платформу. Все вагоны выкрашены светлою краской. Это смягчает влияние жары и холода. Ведь температура в этой части Азии колеблется между пятьюдесятью градусами выше нуля и двадцатью ниже нуля по Цельсию. И значит, амплитуда колебаний достигает семидесяти градусов.

Вагоны устроены очень удобно и соединены между собой по американскому способу небольшими тамбурами. Вместо того чтобы сидеть взаперти в своем отделении, пассажир мо-

¹ Предположения Жюль Верна в данном случае не оправдались из-за того, что на Узун-Ада постоянно наступали пески, головная станция впоследствии была перенесена в Красноводск.

жет свободно прогуливаться по всему составу. Проход между диванами к передним и задним площадкам позволяет железнодорожным служащим легко попадать из вагона в вагон и обеспечивает безопасность поезда.

В наш состав входят: локомотив с несущей тележкой на четырех маленьких колесах, способных делать крутые повороты; тендер с запасом воды и топлива; головной багажный вагон; три вагона первого класса по двадцать четыре места в каждом; вагон-ресторан с буфетом и кухней; четыре вагона второго класса и еще один багажник в хвосте. Всего, вместе с тендером, одиннадцать прицепов. В вагонах первого класса диваны могут быть превращены с помощью простого механизма в спальные места, что необходимо при длительных переездах; имеются там и уборные.

К сожалению, никакими удобствами не располагают пассажиры второго класса. Вдобавок еще, они должны брать с собой провизию в дорогу, если не хотят пользоваться услугами станционных буфетов. Впрочем, лишь немногие проделывают весь путь, протяженностью свыше шести тысяч километров — от Каспия до восточных провинций Китая. Большинство же направляется в города и селения русского Туркестана, расположенного на том участке Закаспийской железной дороги, длиною в две тысячи двести километров, который вот уже несколько лет, как доходит до границ Поднебесной империи¹.

Открытие Великой Трансазиатской магистрали состоялось лишь шесть недель назад, и железнодорожная компания пока что отправляет только два поезда в неделю. До сих пор все обходилось благополучно. Правда, нельзя обойти молчанием следующую многозначительную подробность: служащие поезда снабжены известным количеством револьверов, которые в случае надобности могут быть розданы пассажирам. Предосторожность далеко не лишняя, особенно при переезде через пустыни Китая, где не исключена возможность нападения.

Надо полагать, что компания приняла все зависящие от нее меры, чтобы обеспечить регулярное движение поездов. Но китайским отрезком пути управляет администрация Поднебесной империи, и кто может поручиться за последствия этого управления? Не заботятся ли китайские чиновники больше о дивидендах, чем о безопасности пассажиров?

¹ Ко времени опубликования романа Закаспийская железная дорога доходила только до Самарканда.

В ожидании отправления я шагаю взад и вперед по платформе, осматриваю поезд, заглядываю в окна вагонов. Все здесь новое. На локомотиве сверкают медь и сталь, блестят вагоны, рессоры не прогибаются от усталости, колеса плотно прилегают к рельсам. Вот он, подвижной состав, которому предстоит из конца в конец пересечь целый континент! Ни одна железная дорога, включая и американские, не может сравниться с этой: Канадская линия насчитывает пять тысяч километров; Трансконтинентальная¹ — пять тысяч двести шестьдесят; линия Санта-Фе — четыре тысячи восемьсот семьдесят пять; Атлантическо-Тихоокеанская² — пять тысяч шестьсот тридцать; Северо-Тихоокеанская — шесть тысяч двести пятьдесят километров. Только одна железная дорога будет обладать большей протяженностью, но постройка ее еще не закончена. Речь идет о Великом Сибирском пути, от Урала до Владивостока, длиною в шесть тысяч пятьсот тридцать километров³.

Наше путешествие от Тифлиса до Пекина продлится не более тринадцати дней, а если считать до Узун-Ада, то только одиннадцать. На второстепенных станциях поезд задержится не больше времени, чем это нужно для наполнения тендера водой и топливом. Зато в главных городах, таких как Мерв⁴, Бухара, Самарканд, Ташкент, Коканд, Кашгар, Сучжоу⁵, Ланьчжоу и Тайюань, он будет стоять по нескольку часов, что позволит мне обозреть эти города, если можно так выразиться, с высоты репортерского полета.

Само собой разумеется, что машинист и кочегары не могли бы работать одиннадцать дней подряд. По установленному порядку, их сменяют через каждые шесть часов. Русский персонал обслуживает поезд до границы Туркестана, а дальше — китайские железнодорожники. Здесь же прицепляют и китайский локомотив.

Только один служащий компании не покинет своего поста до конца пути: это начальник поезда Попов — настоящий русский богатырь, с военной выправкой, в форменной фуражке и широком плаще, волосатый, с окладистой бородой. Я надеюсь вволю наговориться с этим славным человеком —

¹ Магистраль, пересекающая США с севера на юг.

² Магистраль, пересекающая США с запада на восток.

³ Строительство Великого Сибирского пути началось в 1891 году. К 1901 году дорога была доведена до русско-китайской границы и в 1905 году пущена в эксплуатацию на всем ее протяжении.

⁴ Прежнее название города Мары в Туркмении.

⁵ Прежнее название китайского города Цзююань.

только бы он оказался достаточно словоохотливым. Вот уже десять лет, как Попов служит на Закаспийской дороге. До сих пор он ездил от Узун-Ада до Памира, а теперь должен курсировать по всему Транскаспийскому пути — вплоть до Пекина.

Я заносу его в свой список под номером 7 и надеюсь не обмануться в своих надеждах. В сущности, с меня достаточно будет самых мелких дорожных приключений, только бы они были интересны читателям «XX века».

Среди пассажиров, прогуливающих по платформе, встречаю несколько евреев, которых можно определить скорее по национальному типу, чем по одежде. Раньше в Средней Азии они должны были носить «топпе» — круглую шапочку и подпоясываться простой веревкой. Ослушание грозило смертной казнью.

В некоторые города им разрешалось въезжать на осле, а в другие — входить только пешком. Теперь же, если позволяют средства, они носят восточный тюрбан и даже разъезжают в карете. Да и кто может им в этом помешать? Сделавшись подданными русского царя, среднеазиатские евреи пользуются теми же гражданскими правами, что и туркмены.

Там и здесь прохаживаются таджики персидского происхождения — самые красивые мужчины, каких только можно себе представить. Они уже взяли билеты — кто в Мерв или Бухару, кто в Самарканд, Ташкент или Коканд, и им не придется обозревать китайское плоскогорье. Это по большей части пассажиры второго класса. А в первый класс садятся несколько узбеков с очень характерной внешностью: покатым лбом, выдающиеся скулы, смуглый цвет лица.

Но неужели в нашем поезде, кроме моих знакомых, больше нет европейцев? Следует признаться, что я едва насчитал несколько человек. Среди них — пять или шесть купцов из южной России и один из тех неизбежных джентльменов, представляющих Соединенное Королевство всюду, куда бы вы ни попали — в вагон железной дороги или на пароход. Впрочем, на право проезда по Транскаспийской магистрали требуется особое разрешение, которое русские власти почему-то очень неохотно выдают англичанам. Но этот, как видно, сумел его получить...

Вот персонаж, как мне кажется, достойный внимания! Высокий, сухопарый, лет пятидесяти, если судить по бакенбардам цвета перца с солью, с мрачным видом и брезгливо-пренебрежительным выражением лица — таков этот джент-

льмен, в котором в равной степени уживается любовь ко всему английскому и презрение ко всему иноземному. Подобный тип часто бывает невыносим даже для соотечественников. По крайней мере, Диккенс, Теккерей и другие английские писатели не раз и весьма ядовито его высмеивали.

Стоило посмотреть, с каким надменным выражением он оглядывал из станционного буфета, куда зашел подкрепиться на дорогу, и железнодорожную платформу, и готовый к отправлению поезд, и служащих, и вагон, в котором успел уже занять место, положив на скамью саквояж! Не воплотилась ли в этом джентльмене традиционная английская спесь и зависть к великому делу, которое русский гений довел до столь благополучного завершения? Все это я узнаю позже, а пока что запишем его под номером 8.

В общем, интересных личностей мало или, вернее, их совсем нет. А жалы! Вот если бы, допустим, русский царь, с одной стороны, и Сын Неба, с другой, вздумали сесть в поезд, чтобы устроить официальную встречу на границе двух империй, сколько было бы шуму, какое поднялось бы ликование, какой благодарный материал появился бы для писем и телеграмм!

Но тут мысли мои переносятся к таинственному ящику. Разве нет оснований так его называть? Конечно, есть. Теперь остается только узнать, где он размещен, и попытаться найти способ добраться до него.

Багаж, который будет выгружен на туркестанском участке пути, находится в последнем вагоне, а отправляемый в Китай — в головном. Он открывается не с боков, как пассажирские, а сзади и спереди. Внутренний проход позволяет начальнику поезда в любое время пробраться через площадку с тамбуром к тендеру и локомотиву. Значит, с наступлением ночи я смогу проникнуть в багажный вагон.

Прогуливаясь по платформе, увидел, что таинственный ящик еще не загрузили. Дырочки для воздуха были просверлены в нем со всех сторон, а стенка разделена на две части таким образом, что одна половина заходила за другую. Значит, они могут раздвигаться, и узник имеет возможность покидать свою тюрьму хотя бы по ночам.

В эту минуту носильщики поднимают ящик, и я с удовлетворением убеждаюсь, что они следуют написанным на нем указаниям. Его с большими предосторожностями ставят в вагон, налево от входа, аккуратно прислоняют к стене, причем «верх» оказывается наверху, «низ» — внизу, а передняя

выдвижная стенка — снаружи. Остается только узнать, где едет багажный контролер... К счастью, его место в заднем вагоне.

— Здесь этот хрупкий товар будет на месте, — говорит один из носильщиков, убедившись в том, что ящик установлен как следует.

— Да, тут ему ничего не сделается! — замечает другой. — И зеркала в целости и сохранности доедут до Пекина, если только поезд не сойдет с рельсов.

— Или если не будет столкновения составов. И так бывает.

Они правы, эти славные люди. Так бывало... и так еще будет.

Ко мне подходит американец, в последний раз окидывает инспекторским оком весь свой груз, состоящий из клыков, резцов и коренных зубов, и произносит при этом свое неизменное: «Wait a bit!»

— Знаете ли вы, господин Бомбарнак, — говорит он, — что до отхода поезда пассажиры смогут еще пообедать в «Царской» гостинице? Не составите ли компанию?

— Отчего же не составить.

Когда мы вошли в зал ресторана, все знакомые мне попутчики, кроме англичанина, были уже здесь. Этот, конечно, уже заранее решил признать русскую кухню хуже английской.

Господин Катерна ухаживал за своей женой, советуя ей возместить упущенное из-за морской болезни на борту «Астры». Он наливал ей вино и подкладывал лучшие куски.

— Как удачно, что мы не идем под тевтонским ветром, а то бы нам ничего не осталось.

Эта манера выражаться на морской лад заставила меня улыбнуться. Господин Катерна заметил это и слегка подмигнул мне, поведя плечом в сторону барона.

И в самом деле ветер благоприятствует им. Они получают блюда раньше барона Вейсшнитцердерфера.

Французская пара вряд ли относится к «сливкам общества», но они кажутся приятными людьми. Всегда, когда имеешь дело с соотечественниками, становишься не очень-то требовательным.

Обед закончился за десять минут до отправления. Прозвонил колокол, и все бросились к поезду.

Мысленно возношу к богу репортеров последнюю мольбу — не лишать меня приключений. К счастью, все знакомые пасса-

жиры размещаются в вагоне первого класса. Это позволит мне не терять их из виду.

Барон Вейшнитцердерфер — какая нескончаемая фамилия! — на этот раз поспел вовремя. Ему просто повезло: поезд отошел с пятиминутным опозданием...

Однако немец по этому поводу громко выражает недовольство: жалуется, бранится, угрожает предъявить железнодорожной компании иск на возмещение убытков... Десять тысяч рублей, ни более ни менее, если по ее вине не поспеет... Куда не поспеет, раз он едет до Пекина?..

Наконец воздух прорезают последние свистки, вагоны вздрагивают, поезд трогается, и вслед ему несется дружное «ура» в честь Великого Трансазиатского пути.

ГЛАВА VI

Когда путешествуешь по железной дороге, а не пешком или на лошадях, смена впечатлений настолько быстрая, что мысли вертятся так же стремительно, как колеса вагонов.

Чувствую себя в каком-то приподнятом настроении — хочется все узнать, увидеть, все воспринять со скоростью пятидесяти километров в час, которую наш поезд должен развивать на протяжении всего пути по туркестанским землям, чтобы потом снизить ее до тридцати километров в провинциях Поднебесной империи.

Об этом узнаю из расписания поездов, купленного на вокзале. К нему была приложена свернутая гармоникой длинная карта, по которой можно проследить весь рельсовый путь от Каспийского моря до восточных берегов Китая. Выехав из Узун-Ада, я начал изучать Трансазиатскую дорогу так же внимательно, как, покидая Тифлис, изучал Закавказскую.

На всех железных путях России ширина колеи равна одному метру шестидесяти сантиметрам, что превышает на девять сантиметров общепринятую колею европейских дорог. Говорят, будто у немцев изготовлено огромное количество вагонных осей этого размера на тот случай, если они вознамерятся напасть на Россию. Мне хочется верить, что русские приняли те же меры предосторожности в предвидении возможного вторжения в Германию.

По выходе из Узун-Ада железнодорожное полотно почти вплотную обступают высокие песчаные дюны. Достигнув морского рукава, отделяющего Длинный остров от материка,

поезд попадает на дамбу протяженностью в тысячу двести метров, защищенную от ударов волн крепким скалистым бордюром.

Несколько станций, и в том числе форт Михайловский, мы минуем без остановок. Дальше они пойдут одна за другой на расстоянии от пятнадцати до тридцати километров. Станционные здания, которые мне удалось разглядеть, напоминают летние дачи с крышами и балюстрадами на итальянский лад. Странное впечатление производят такие постройки в Туркестане, по соседству с Персией!

Каждая станция — своего рода маленький оазис, созданный в пустыне руками человека. Ценою величайших усилий здесь добыли воду, и ее освежающие струи наполняют теперь искусственные водоемы. Без этих гидравлических работ не выросло бы ни одного дерева, ни одной травинки. Станционные оазисы питают всю железнодорожную линию, ведь паровозы не могут работать без воды.

По правде говоря, мне никогда еще не приходилось видеть таких сухих, бесплодных, не поддающихся культивации земель, какие простираются от Узун-Ада более чем на двести шестьдесят километров. Когда генерал Анненков приступил к работам в Михайловском, он вынужден был дистиллировать морскую воду из Каспия, подобно тому, как это делают на кораблях при помощи специальных аппаратов. Но для получения пара нужна не только вода, но и уголь. Читатели «XX века», вероятно, пожелают узнать, каким же образом ухитряются разжигать топки локомотивов в такой стране, где нельзя добыть ни куска угля, ни полена дров. Быть может, на главных станциях Закаспийской железной дороги есть дровяные и угольные склады? Ничего подобного. Просто здесь осуществляют на практике идею, высказанную еще Сент-Клер Девилем¹, об использовании керосина.

В топки машин нагнетаются остаточные продукты перегонки нефти, которую поставляют в неограниченном количестве Баку и Дербент. На некоторых станциях установлены громадные цистерны, наполненные этой горячей жидкостью минерального происхождения, которую наливают в приемник тендера, распыляют форсунками и сжигают в специально приспособленных для этого паровозных топках. Нефть употребляется как топливо и на пароходах, кур-

¹ Сент-Клер Девиль Анри (1818—1881) — выдающийся французский химик.

сирующих по Волге и другим рекам, впадающим в Каспийское море.

Думаю, мне поверят, если скажу, что пейзаж здесь не очень-то разнообразен. На песчаных местах почва почти ровная и совсем плоская на наносных землях, где застаиваются стоячие солоноватые воды. Зато такая горизонтальная поверхность оказалась как нельзя более удобной для прокладки железнодорожного полотна. Тут не понадобилось ни тоннелей, ни виадуков и других сложных и дорогостоящих инженерных сооружений. Лишь кое-где встречаются небольшие деревянные мосты. При таких условиях стоимость одного километра Закаспийской дороги не превысила семидесяти пяти тысяч франков¹.

Однообразие пустынного ландшафта нарушается только обширными оазисами Мерва, Бухары и Самарканда.

Так как можно свободно разгуливать по всему поезду из конца в конец, будто по главной улице движущегося поселка, направляюсь в первый пассажирский вагон, где в левом отсеке находится служебное помещение Попова. Замечаю несколько узбеков, важных и гордых, в длинных ярких халатах, из-под которых выглядывают расшитые сутажом кожаные сапоги. У них очень красивые глаза, пышные бороды, тонкие черты лица.

Вагон второго класса, равно как и третьего, — настоящий дворец для людей, привыкших к стоянкам в степи, к убогим юртам в селениях. Ни их жалкие кошмы, ни их скамеечки не могут сравниться с мягкими обитыми полками, на которых эти пассажиры восседают в чисто азиатских позах.

В этом же вагоне друг против друга сидят оба китайца. Молодой смотрит в окно. Старый — Та-лао-е, что значит «человек зрелого возраста» — перелистывает крошечный томик в плюшевом переплете, напоминающем требник каноника. Когда он закрывается, переплет стягивается резинкой. Меня удивляет, что владелец этой книжечки читает ее не так, как китайцы, сверху вниз. На каком же она языке? Интересно бы узнать.

На двух смежных сиденьях устроились Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт. Они разговаривают и все пишут и пишут какие-то цифры. Не нашептывает ли при этом практичный американец на ухо деловитой англичанке лирические стихи?

¹ По дореволюционному курсу один рубль обменивался приблизительно на три франка.

С моей стороны было весьма благоразумно с самого начала не рассчитывать с его помощью скрасить дорожную скуку. Янки не задумываясь променял меня на эту костлявую и сухопарую дочь Альбиона!

Открываю дверь на площадку, прохожу через тамбур и попадаю во второй вагон.

В правом углу восседает барон Вейсшнитцердерфер. Этот тевтон близорук, как крот, и водит носом по страницам железнодорожного справочника, следя по расписанию, прибывает ли поезд на станцию в установленное время. При малейшем опоздании нетерпеливый путешественник издает новые возгласы негодования и угрожает принять меры против администрации Трансазиатской дороги.

Здесь и супруги Катерна. Устроились они очень удобно. У мужа отличное настроение: он весело болтает, жестикулирует, то берет жену за руку или за талию, то резко отворачивается и что-то произносит в сторону, задирая голову к потолку. Госпожа Катерна смущенно улыбается, жеманится, всплескивает руками, откидывается в угол, отвечая мужу какими-то репликами. Проходя мимо, я слышу, как из сложенных сердечком уст господина Катерна вырывается опереточный мотив.

В третьем вагоне много туркмен, трое или четверо русских, и среди них майор Нольтиц. Он беседует с одним из своих соотечественников. Охотно присоединился бы к их разговору, сделай они первый шаг. Но пока буду держаться на некотором расстоянии. Ведь путешествие еще только началось.

Вагоны первого и второго класса разделяет ресторан. Он на одну треть длиннее остальных вагонов. Это настоящий зал с одним общим столом, буфетом и кухней, где хлопочут повар и метрдотель, оба русские. Dining-car¹ я нахожу вполне комфортабельным.

Во второй половине поезда едут преимущественно киргизы. У них выступающие скулы, козлиная бородка, приплюснутый нос и очень смуглая кожа. Они мусульманского вероисповедания и относятся либо к Большой орде, кочующей в пограничных областях Сибири и Китая, либо к Малой орде, занимающей территорию между Уральскими горами и Аральским морем.

Тут же расположились и двое ногайцев, которые едут в восточный Туркестан. Это представители татарской нации.

¹ Вагон-ресторан (англ.).

Из их среды вышло немало мусульманских ученых, прославивших богатые местности Бухары и Самарканда. Ногайцы охотно предлагают свои услуги в качестве переводчиков. Но, по мере распространения русского языка, это ремесло становится все менее доходным.

Теперь я знаю, где разместились все мои номера, и, если понадобится, смогу легко их найти. Без сомнения, и Фульк Эфринель, и мисс Горация Блуэтт, и немецкий барон, и оба китайца, и майор Нольтиц, и супруги Катерна, и даже высокомерный джентльмен, чей тощий силуэт я заметил в углу второго вагона, едут до Пекина. Что же касается пассажиров, едущих не дальше границы, то они не представляют для хроники никакого интереса. Не теряю надежды, что романтический герой, которого пока не вижу среди попутчиков, еще объявится.

Решаю неукоснительно отмечать все подробности путешествия из часа в час — что я говорю? — из минуты в минуту. И вот, пока ночь не наступила, выхожу на площадку вагона, чтобы бросить последний взгляд на окружающую местность. Постою часок, выкурю сигару, а там уже недолго и до Кызыл-Арвата, где будет продолжительная остановка.

Переходя из второго вагона в первый, сталкиваюсь с майором Нольтицем и уступаю дорогу. Он кланяется с той учтивостью, которая отличает русских интеллигентных людей. Вежливо отвечаю на его поклон. Этим обменом любезностей и ограничивается наша встреча, но важно, что первый шаг уже сделан.

Попова в эту минуту в служебном отделении нет. Дверь багажного вагона открыта, и я делаю вывод, что начальник поезда прошел к машинисту. Таинственный ящик стоит на своем месте, слева. Еще только половина седьмого и совсем светло, поэтому необходимо сдерживать свое любопытство.

Поезд мчится по пустыне. Это Каракумы, или «черные пески». Они тянутся от Хивы до персидской границы в южной части Туркестана и до Амударьи в восточной. В действительности же пески Каракумов настолько же черны, как черна вода в Черном море, бела в Белом, красна в Красном и желта в Желтой реке¹. Но я люблю эти цветистые названия, как бы они ни были неточны.

По-видимому, на месте этой пустыни был когда-то обширный водный бассейн. Он постепенно высох, что произой-

¹ Имеется в виду река Хуанхэ в Китае.

дет со временем и с Каспийским морем из-за большой концентрации солнечных лучей на огромных пространствах, тянувшихся от Аральского моря до Памирского плато.

В Каракумах образуются удивительно подвижные песчаные дюны, то разметаемые, то наносимые сильными ветрами. Эти «барханы», как их называют русские, достигают в высоту от десяти до тридцати метров и становятся добычей ужасных северных ураганов, которые с огромной силой отбрасывают их к югу, что создает серьезную опасность для Закаспийской железной дороги. Поэтому нужно было принять решительные меры против песчаных заносов. Генерал Анненков попал бы в очень затруднительное положение, если бы предусмотрительная природа, создавшая удобную для проведения железной дороги почву, не позаботилась одновременно и о средстве, позволяющем остановить перемещение барханов.

На склонах этих дюн растут колючие кустарники — тамариск, звездчатый чертополох, и особенно «*Haloxylon aphyllum*», которые русские менее научно называют «саксаулом». Его длинные и сильные корни способны скреплять почву так же, как и корни «*Hippophae rhamnoides*», кускового растения из семейства элаговых, которое используется для задержки песков в Северной Европе.

Кроме того, инженеры, проводившие линию, сделали в разных местах укрепления из утрамбованной глины, а наиболее угрожаемые участки обнесли прочной изгородью.

Предосторожность совершенно необходимая! Однако если дорога защищена, то пассажирам нелегко приходится, когда ветер взмывает над равниной тучи раскаленного песка и белой соленой пыли. Хорошо еще, что в эту пору, весной, нет такого сильного зноя, как летом.

Жаль, что майору Нольтицу не приходит мысль выйти на площадку подышать чистым воздухом Каракумов. Я предложил бы ему превосходную сигару «Лондр», которыми до отказа набита дорожная сумка, а он, в свою очередь, рассказал бы то, что ему известно о станциях Джебел, Небит-Даг, Казанджик, Ушак, Кызыл-Арват, обозначенных в железнодорожном справочнике. Но я не решаюсь его побеспокоить. А какой увлекательной была бы эта беседа! Ведь майор Нольтиц, в качестве военного врача, мог принимать участие в походах генералов Скобелева и Анненкова. А когда наш поезд промчится, не замедляя хода, мимо маленьких станций, удостоив их лишь коротким гудком, я узнал бы от него, какие из них относились к театру военных действий. И тут же бы по-

старался удовлетворить свое любопытство об интересных подробностях похода русских войск в Туркестан. В этом путешествии, думается, можно серьезно рассчитывать только на него и... на Попова.

Кстати, почему начальник поезда не возвращается в купе? Надо полагать, что и он не отказался бы от хорошей сигары? Разговор с машинистом явно затягивается...

Но вот Попов наконец появляется на передней площадке багажного вагона, проходит через него, закрывая дверь, и останавливается на минуту на задней площадке, собираясь войти к себе в каморку. И в тот же миг к нему протягивается рука с сигарой. Попов улыбается и... в воздухе смешиваются душистые клубы дыма от двух сигар.

Я уже говорил, что начальник нашего поезда в течение десяти лет служит на Закаспийской железной дороге. Он хорошо знает эту местность вплоть до китайской границы и успел раз пять или шесть проехать по всей линии Великого Трансзиатского пути. Следовательно, Попов работал еще на поездах, обслуживавших первый участок Закаспийской железной дороги между фортом Михайловским и Кизыл-Арватом, который начали строить в декабре 1880 года и закончили спустя десять месяцев, в ноябре 1881 года. Пятью годами позже, 14 июля 1886 года, первый локомотив прибыл на станцию Мерв, а еще через восемнадцать месяцев его приветствовали в Самарканде.

Теперь туркестанские рельсы примкнули к китайским, и эта дорога протянулась стальной лентой от Каспийского моря до Пекина.

Когда Попов все это рассказал, я стал расспрашивать его о попутчиках, едущих в Китай, — кто они и что за человек майор Нольтиц.

— Он много лет служил в Туркестанской области, а теперь получил назначение в Пекин, чтобы организовать там госпиталь для наших соотечественников.

— Этот майор Нольтиц вызывает симпатию, — заметил я. — Хотелось бы поскорее с ним познакомиться.

— Думаю, он будет рад знакомству с вами.

— А кто такие эти двое китайцев, которые сели в Узун-Ада? Что вы о них знаете?

— Кроме имен, проставленных на багажной квитанции, ничего, господин Бомбарнак. Младшего зовут Пан Шао, а старшего — Тiao Кин. Похоже, они несколько лет путешествовали по Европе. Думаю, что Пан Шао из богатой семьи, раз его сопровождает личный врач.

— Тио Кин?

— Да, доктор Тио Кин.

— И оба говорят только по-китайски?

— Вероятно, по крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы они изъяснялись на каком-нибудь другом языке.

Получив у Попова эту информацию, заполнил позже № 9, предназначенный для молодого Пан Шао, и № 10, оставленный для доктора Тио Кина.

— Что касается американца...

— То его зовут Фульк Эфринель,— подхватил я,— а англичанку мисс Горация Блуэтт. Знаю, знаю. И вряд ли вы сможете сообщить о них что-нибудь новое.

— А хотите знать, господин Бомбарнак, что я думаю об этой парочке?

— Да, было бы интересно.

— В Пекине мисс Горация Блуэтт легко могла бы превратиться в миссис Эфринель.

— И да благословит небо этот союз, ибо они как будто созданы друг для друга.

— Вижу, наши мнения на их счет не расходятся.

— А эти двое французов... эти нежные супруги, что собой представляют?

— А разве они сами вам не сказали?

— Нет.

— Не беспокойтесь, еще расскажут. Впрочем, если вас это интересует, их профессия указана на багаже.

— Так кто же они?

— Комические актеры, которые подражали выступать в Китае.

— Вот как! Теперь мне понятны их странные позы и движения, мимика и жестикуляция! Но откуда у этого актера морской жаргон?... Надо будет выяснить. А не знаете ли вы, господин Попов, их амплуа?

— Как же, муж — первый комик.

— А жена?

— Субретка.

— А в какой город едет эта парочка?

— В Шанхай. Они приглашены в театр, созданный для французов, живущих в Китае.

Вот и чудесно! Буду говорить с ними о театре, о закулисных и провинциальных сплетнях и, если верить Попову, в два счета заведу знакомство с веселым комиком и его очаровательной партнершей. Но романтического героя, героя моих мечтаний, в их обществе не найти!

Что же касается надменного джентльмена, то начальник поезда ничего о нем не знал, кроме адреса, проставленного на его сундуках: сэр Фрэнсис Травельян из Травельян-Голла в Травельяншире.

— Этот господин не считает нужным отвечать, когда с ним заговаривают,— добавил Попов.

Ничего не поделаешь, значит, восьмому номеру придется исполнять немую роль.

— А что вы можете сказать о немце, бароне Вейшнитцердерфере? Он, кажется, тоже едет до Пекина?

— До Пекина и еще дальше, господин Бомбарнак. Он совершает кругосветное путешествие.

— Кругосветное путешествие?

— Да! За тридцать девять дней!

Итак, после миссис Бисленд, которая проделала свое удивительное путешествие вокруг света за семьдесят три дня, после мисс Нелли Блай¹, осуществившей его за семьдесят два дня, после почтенного Трена, сумевшего совершить то же самое за семьдесят дней, этот немец воображает, что ему хватит для кругосветного путешествия всего тридцати девяти дней!

Правда, скорость передвижения в наши дни значительно увеличилась, дороги усовершенствовались, рельсовые пути выпрямились. Воспользовавшись Великой Трансзиатской магистралью, которая позволяет за пятнадцать дней преодолеть расстояние от прусской столицы до Пекина, барон сможет вдвое сократить продолжительность переезда, минуя Суэцкий канал и Сингапур.

— Но он никогда не доедет!

— Почему вы так думаете, господин Бомбарнак?

— Потому, что немец всегда опаздывает. В Тифлисе едва не пропустил поезд, а в Баку чудом не опоздал на паром...

— Но ведь в Узун-Ада он поспел как раз вовремя...

— Тем не менее, господин Попов, буду крайне удивлен, если наш барон побьет американцев и американок в этих кругосветных гонках!

¹ Нелли Блай — американская журналистка, в 1889 году совершила кругосветное путешествие за 72 дня и получила от Жюль Верна приветственную телеграмму такого содержания: «Я никогда не сомневался в успехе Нелли Блай. Она доказала свое упорство и мужество. Ура в ее честь. Жюль Верн».

На станцию Кызыл-Арват — двести сорок вторая верста от Каспия — мы прибыли в семь тридцать вечера вместо семи часов по расписанию. Эта неточность вызвала тридцать упреков барона, по одному в минуту.

Здесь поезд стоит целых два часа. Хотя день уже клонился к закату, я все же решил прогуляться по городу, насчитывающему более двух тысяч жителей — русских, персов и туркмен. Впрочем, и смотреть-то тут особенно не на что: ни в самом Кызыл-Арвате, ни в его окрестностях нет никакой растительности, никаких достопримечательностей. Кругом только пастбища и хлебные поля, орошаемые жалкой речонкой.

Судьба улыбнулась мне, предоставив в качестве попутчика или, вернее сказать, проводника майора Нольтица. Знакомство состоялось очень просто. Как только мы вышли на платформу, то сразу же направились друг к другу.

— Сударь, позвольте представиться, Клодиус Бомбарнак, француз, корреспондент газеты «XX век», а вы — майор русской армии Нольтиц, едете тоже до Пекина. Я знаю ваш язык, и, по всей вероятности, вы знаете мой.

Он утвердительно кивнул головой.

— Так вот, майор Нольтиц, вместо того чтобы оставаться чужими во время долгого переезда через Центральную Азию, не лучше ли нам будет поближе познакомиться? Быть может, мы станем добрыми друзьями, а не только попутчиками. Вы так хорошо знаете здешние края, что я с радостью мог бы у вас многому поучиться...

— К вашим услугам, господин Бомбарнак, — ответил майор на чистейшем французском языке и с улыбкой добавил: — Что же касается «обучения», то если память мне не изменяет, один из ваших известных критиков сказал: «Французы любят учиться только тому, что сами уже знают».

— Вы читали Сент-Бева? Охотно допускаю, что этот скептически настроенный академик, в общем-то, был прав. Но я, вопреки этой традиции, жажду узнать то, чего не знаю. Например, о русском Туркестане.

— Весь в вашем распоряжении, господин Бомбарнак. Как очевидец, буду счастлив рассказать, что знаю, о великих делах генерала Анненкова.

— Благодарю вас, майор Нольтиц. Я и не ожидал от русского меньшей любезности.

— Позвольте напомнить вам знаменитую фразу из «Данишева»: «И так будет всегда, пока существуют французы и русские».

— Дюма-сын!¹ Оказывается, майор, я имею дело с настоящим парижанином...

— Парижанином из Петербурга, господин Бомбарнак.

Мы обмениваемся дружеским рукопожатием и отправляемся вместе осматривать город.

Вот что я узнал от майора Нольтица.

В конце 1885 года генерал Анненков довел до Кизыл-Арвата первый участок железной дороги протяженностью в двести двадцать пять километров. Из них сто шестьдесят пять километров пришлось на голую степь, где не было ни капли воды. Но прежде чем рассказать, каким образом удалось это выполнить, майор Нольтиц напомнил мне о некоторых событиях, подготовивших завоевание Туркестана и его окончательное присоединение к России.

Уже в 1854 году русские вынудили хивинского хана заключить союзный договор. А затем, продолжая стремительно продвигаться на Восток, в 1860 и 1864 годах они завоевали Кокандское и Бухарское ханства. А еще через два года, после сражений при Ирджаре и Зирабулаке, под их власть перешло и Самаркандское ханство. Оставалось завладеть южной частью Туркестана, в особенности оазисом Геок-Тепе, граничащим с Персией. Генералы Ломакин и Лазарев приняли с этой целью походы в 1878 и 1879 годах, но текинцы нанесли им поражение. Тогда завоевание было поручено генералу Скобелеву, герою Плевны².

Скобелев высадился в Михайловском заливе — порта Узун-Ада тогда еще не было — и, чтобы облегчить ему продвижение через пустыню, его помощник, генерал Анненков, построил стратегическую железную дорогу, которая за десять месяцев была доведена до станции Кизыл-Арват. По за-

¹ Александр Дюма-младший (1824—1895) — сын известного писателя Александра Дюма-старшего (Дюма-отца), автор многочисленных пьес и романов. Один из его романов — «Данишев» — назван так по имени русского героя. Жюль Верн был дружен с обоими Дюма.

² Царское правительство установило в Туркестане колониальную систему управления и военно-полицейский режим. Тем не менее присоединение к России сыграло положительную роль для развития всей этой обширной области, так как прекратились феодальные войны и набеги, от которых жестоко страдало местное население. Были ликвидированы рабство и работорговля. Проведение Закаспийской железной дороги имело большие экономические и социальные последствия.

мыслу строителей, эта дорога должна была иметь не только военное, но и экономическое значение.

Вот так прокладывали ее русские инженеры, превзошедшие, как я уже говорил, быстротой работ американцев на Дальнем Западе.

Первым делом генерал Анненков сформировал строительный поезд из тридцати девяти вагонов, куда входили: четыре двухэтажных для офицеров, двадцать — для рабочих и солдат, вагон-столовая, четыре вагона-кухни, санитарный, вагон-телеграф, вагон-кузница, вагон-кладовая и один запасный. Это были одновременно и мастерские на колесах, и казармы, где размещались и получали довольствие полторы тысячи человек. Поезд продвигался вперед, по мере того как укладывались рельсы. Работы велись в две смены, каждая по шесть часов. В помощь строителям были привлечены пятнадцать тысяч местных жителей, которые ютились в палатках. Место работ было соединено телеграфной линией с фортом Михайловским, откуда по узкоколейной железной дороге доставлялись рельсы и шпалы.

При таких условиях, а также благодаря горизонтальности почвы, ежедневно удавалось прокладывать по восемь километров пути, тогда как на равнинах Соединенных Штатов — не более четырех. К тому же и рабочая сила стоила недорого: жителям оазисов платили по сорок пять франков в месяц, а пришедшим на заработки из Бухары и того меньше — по пятьдесят сантимов в день¹.

Таким образом, солдаты Скобелева были переправлены в Кизыл-Арват, а потом еще на полтора-два километра к юго-востоку, в Геок-Тепе. Этот город сдался лишь после того, как были разрушены его укрепления и убито двадцать тысяч защитников; но оазис Ахал-Теке к тому времени был уже во власти русских войск. Вслед за тем не замедлили покориться и жители оазиса Атек, которые еще раньше искали помощи у русского царя в их борьбе против Мервского предводителя Кули-хана. Вскоре их примеру последовали двести пятьдесят тысяч мервских туркмен. В июле 1886 года на станции Мерв остановился первый локомотив.

— А англичане, — спросил я майора Нольтица, — какими глазами смотрели они на успехи России в Центральной Азии?

— Конечно, завистливыми. Ведь русские рельсовые пу-

¹ В переводе на русскую денежную систему того времени приблизительно 15 рублей в месяц и 15 копеек в день.

ти сомкнулись с китайскими, а не с индийскими. Закаспийская дорога конкурирует теперь с железнодорожной линией Герат — Дели. К тому же англичанам далеко не так посчастливилось в Афганистане, как нам в Туркестане¹. Кстати, вы обратили внимание на джентльмена, который едет в нашем вагоне?

— Сэр Фрэнсис Травельян из Травельян-Голла в Травельяншире?

— Да. А не заметили ли, с каким презрением он пожимает плечами при виде того, что мы здесь совершили? Ведь Англия никогда не примирится с тем, что наши железные дороги пройдут от Европы до Тихого океана, тогда как британские пути останавливаются у Индийского.

Так беседовали мы около полутора часов, пробегая по улицам Кызыл-Арвата. Время уже истекало, и пора было возвращаться на вокзал.

Разумеется, мы не могли ограничиться одной этой встречей и условились, что майор Нольтиц откажется от своего места в третьем вагоне и перейдет ко мне в первый.

В девять часов был дан сигнал к отправлению. Покинув Кызыл-Арват, поезд направляется на юго-восток, к Ашхабаду, — вдоль персидской границы.

Еще в течение получаса мы поболтали с майором о том о сем. По его словам, я мог бы увидеть вдаль, если бы солнце не скрылось за горизонтом, последние вершины больших и малых «азиатских Балкан», возвышающихся над Красноводской бухтой.

Большинство наших спутников уже устроилось на ночь, превратив с помощью хитроумного механизма свои сиденья в спальные места. На них можно вытянуться, положив голову на подушку, завернуться в одеяло, не испытывая никаких неудобств. Заснуть здесь было бы трудно только человеку с неспокойной совестью.

Как видно, майору Нольтицу не в чем было себя упрекнуть. Пожелав спокойной ночи, он через несколько минут уже спал сном праведника.

¹ Англичане вторглись в 1878 году в Афганистан, но встретили длительное и упорное сопротивление. В освободительной войне с англичанами афганцы неоднократно наносили им серьезные поражения.

В Средней Азии столкнулись интересы царского правительства и Британской империи. Англичане делали все возможное, чтобы помешать присоединению Туркестана к России, но когда им не удалось, англо-русские отношения до такой степени обострились, что в 80-х годах не раз готова была вспыхнуть война.

Мне же не дает покоя мысль о таинственном ящике и его обитателе. В эту же ночь надо непременно завязать с ним отношения. Вспоминаю, что были и другие чудачки, которые путешествовали столь же оригинальным способом. В 1889, 1891 и 1892 годах австрийский портной по имени Герман Цейтунг трижды проехался в ящике: из Вены в Париж, из Амстердама в Брюссель и из Антверпена в Христианию, а двое барселонцев, Эррес и Флора Англора, совершили свадебное путешествие по Испании и Франции в ящике... из-под консервов.

Но из осторожности следует подождать, пока Попов не закроется на ночь в своем отделении. Теперь остановка будет только в Геок-Тепе, не раньше часа ночи. Приходится рассчитывать на то, что начальник поезда не упустит возможности хорошенько вздремнуть на перегоне между Кизыл-Арватом и Геок-Тепе, а я тем временем смог бы привести в исполнение свой план. Теперь или никогда!

А что, если в ящике сидит этот пресловутый Цейтунг, сделавший подобный способ передвижения своим вторым ремеслом, чтобы выманивать деньги у великодушной публики? Должно быть, так и есть... Да, черт возьми, это он!.. Но портной меня нисколько не интересует. Впрочем, там видно будет. Зная его по фотографиям, постараюсь на худой конец извлечь из этого хоть какую-то пользу...

Через полчаса дверь на передней площадке захлопнулась. Значит, Попов вошел в свое купе... Меня так и подмывает сразу же отправиться в багажный вагон. Но надо запастись терпением. Пусть он крепче уснет.

В едва освещенных вагонах царит тишина. За окнами непроглядный мрак. Грохот поезда сливается со свистом свежего ветра.

Я встаю, отдергиваю шторку на одной из ламп и смотрю на часы...

Одиннадцать с минутами. До станции Геок-Тепе остается еще два часа.

Настало время действовать. Проскользнув между диванами к двери вагона, тихонько отворяю ее, чтобы никого не разбудить.

И вот я на площадке перед тамбуром, вздрагивающим при каждом толчке. Над пустыней нависла такая темная ночь, что начинает казаться, будто ты находишься на корабле, скользящем в сплошном мраке по безбрежному океану.

Из купе начальника поезда сквозь занавески пробивается слабый свет. Слышу, как Попов ворочается.

Держась на площадке за поручни, наклоняюсь вперед и

вижу светлую полосу, которую отбрасывает ламповый прожектор на локомотиве. Создается впечатление, что перед нами расстилается огненный путь. Надо мною быстро и беспорядочно проносятся клочковатые тучи, а в разрывах туч мерцает несколько созвездий. Вот Кассиопея, на севере — Малая Медведица, в зените — Вега из созвездия Лиры.

Выждав некоторое время и убедившись в полной безопасности, прохожу через тамбур прямо к багажному вагону. Дверь закрыта только на засов. Осторожно отворяю ее, чтобы не привлечь внимания Попова и тем более «добровольного узника».

Здесь нет окон, тьма кромешная, поэтому ориентироваться можно только на ощупь. И все же мне удастся выбрать правильное направление, помня, что таинственный ящик находится в левом углу от входа. Стараюсь как можно тише пробраться к нему. Главное, не натолкнуться на какой-нибудь сундук, особенно на багаж Фулька Эфринеля. Предполагаю, какой может подняться шум, если опрокинется хотя бы один из его ящиков и рассыплются пакетики с искусственными зубами...

Но вот цель достигнута. Муха прошлась бы по ящику не легче, чем это сделали мои руки, скользя по его краям.

Прикладываюсь ухом к передней стенке.

Ничего не слышно, даже дыхания.

Продукция торгового дома «Стронг Бульбуль и К^о» в Нью-Йорке не могла бы быть более молчаливой.

Не ошибся ли я тогда на борту «Астры»? И если да — крах репортерским надеждам. Но не во сне же мне почудилось это дыхание и чихание? Неужели в ящике никого нет, даже Цейтунга? А может быть, и в самом деле там запакованы зеркала, выписанные мадемуазель Зинкой Клорк.

Нет! Как ни слабо оно было, но через несколько минут я уловил движение внутри ящика. Начинаю ждать, не раздвинется ли стенка и не выйдет ли узник из своей тюрьмы подышать свежим воздухом. Чтобы не быть замеченным, забиваюсь в глубину вагона, между двумя тюками. Благодаря темноте бояться нечего.

Вдруг раздается слабый сухой треск. Тут уже не может быть никакой ошибки: только что чиркнули спичкой...

Вслед за тем сквозь дырочки, просверленные в ящике, начинает пробиваться слабый свет.

Все ясно! Раньше я еще мог ошибиться относительно места, занимаемого пленником в ряду живых существ, а теперь могу сказать с уверенностью, что это человек или... обезьяна,

умеющая обращаться со спичками. Некоторые путешественники уверяют, будто такие существуют, но верить им приходится на слово.

Признаться, меня охватывает волнение, стараюсь не шевелиться.

Проходит минута, две... Дверца не отодвигается. Незнакомец, кажется, и не думает выбираться из своего укрытия.

Выжидаю из предосторожности. Затем мне приходит мысль воспользоваться освещением — попробую заглянуть в дырочки... только бы свет не погас.

Осторожно подкравшись к ящику, стараюсь не коснуться его, глядя в одно из отверстий...

Да, там действительно сидит человек, и вовсе не австрийский портной Цейтунг... Небо сжалилось надо мной!.. Мысленно пополняю свой реестр одиннадцатым номером.

На вид ему можно дать не больше двадцати пяти — двадцати шести лет. Это типичный румын. Значит, подтверждаются и мои предположения относительно национальной принадлежности получательницы багажа. У него черная борода, лицо энергичное, но глаза добрые. Да и может ли не быть энергичным человек, отважившийся на такое длительное путешествие в ящике! Но если он несколько не похож на злодея, выжидающего удобной минуты, чтобы совершить преступление, то, должен вам признаться, еще меньше узник походил на героя, которого я хотел бы сделать главным действующим лицом своего повествования.

Между прочим, и австриец, и испанцы, путешествовавшие в ящиках, тоже не были героями, но, однако же, они дали возможность репортерам заполнить немало газетных полос. То же будет и с номером 11. С помощью красноречивого вступления, эффектной завязки, преувеличений, метафор и других риторических хитростей я его приукрашу, возвеличу, проявлю... как проявляют фотографическую пластинку.

К тому же совершить путешествие в ящике из Тифлиса в Пекин совсем не то, что съездить в Париж из Вены или Барселоны, как это сделали Цейтунг, Эррес и Флора Англора.

Я умею держать язык за зубами и не выдам румына. Но если его вдруг обнаружат, он может рассчитывать на мои добрые услуги. Но этого не должно случиться!

Интересно, что этот человек сейчас делает? Подумать только, сидя на дне ящика, славный малый преспокойно ужинает при свете маленькой лампочки! На коленях у него коробка с консервами и сухарь, а из маленького шкафчика

выглядывает несколько полных бутылок, кроме того, на стенке висят одеяло и плащ.

В общем, он не так уж плохо устроился. Сидит в своем убежище, как улитка в раковине. Его «дом» едет вместе с ним, и румын экономит на этом по меньшей мере тысячу франков, которые стоил бы проезд из Тифлиса в Пекин даже во втором классе. Конечно, это мошенничество, и оно преследуется законом. Пока же он может выходить из ящика, когда заблагорассудится, прогуливаться по вагону, а ночью даже выбираться на площадку. Нет, мне его совсем не жалко! Напротив, охотно бы занял его место, место этого живого груза, адресованного на имя хорошенькой румынки.

Приходит в голову мысль — может быть, удачная, а может быть, и нет: слегка постучать в стенку ящика, завести разговор с новым попутчиком и узнать, кто он и откуда едет. А куда направляется — и без него известно! Любопытство так и гложет меня...

Бедный малый, а как он к этому отнесется? Не сомневаюсь, что очень хорошо. Нужно ему откомендоваться, а ведь всякий румын прекрасно знает, что на француза можно положиться. Предложу узнику скрасить тюремную скуку моим интервью и постараюсь пополнить его припасы какими-нибудь лакомствами.

Решаюсь — и стучу в стенку.

Свет моментально гаснет.

— Откройте, — шепчу я по-русски, — откройте!..

Но не успеваю закончить фразы — поезд резко содрогается и замедляет ход.

В эту минуту слышу крики. Поспешно покидаю вагон и закрываю за собой дверь. Надо сказать, что как раз вовремя.

Только я успеваю добежать до площадки, как открывается дверь служебного отделения и оттуда вылетает начальник поезда. Не заметив меня, он входит в багажный вагон и направляется к локомотиву.

Почти тотчас же поезд снова набирает скорость, а минутой позже является Попов.

— Что случилось?

— То, что случается довольно часто, господин Бомбарнак. Мы переехали верблюда.

— Бедное животное!

— Да, но из-за него поезд чуть не сошел с рельсов.

— В таком случае отвратительное животное!

Я вернулся в вагон раньше, чем поезд прибыл на станцию Геок-Тепе. Проклятый верблюд! Не попадись он так некстати на дороге, мы бы уже дружески побеседовали с румыном... Представляю, как он теперь встревожен — обман раскрылся и ему ничего не известно о намерениях человека, знающего тайну ящика. Ведь ничего не стоит выдать этот секрет... А тогда его извлекут из ящика, на следующей же станции отдадут под стражу, и напрасно мадемуазель Зинка Клорк будет ждать в столице Поднебесной империи!

Да, следовало бы успокоить узника теперь же, этой же ночью... Но как это сделать? Скоро поезд остановится в Геок-Тепе, потом в Ашхабаде и выйдет оттуда уже на рассвете. На сон Попова рассчитывать больше не приходится.

Пока я предавался размышлениям, поезд прибыл в Геок-Тепе. Был час пополудни. Никто из моих спутников не захотел покинуть своего ложа.

Спустившись на платформу, начинаю прохаживаться возле багажного вагона. Пытаться проникнуть в него было бы чересчур рискованно. Конечно, я бы с удовольствием побродил по городу, но в темноте ничего не увидишь. Судя по тому, что рассказывал майор Нольтиц, там еще оставались следы от военных действий: солдаты генерала Скобелева, штурмовавшие Геок-Тепе 1 января 1881 года, снесли укрепления и разрушили бастионы... Но ничего не поделаешь. Остается только поверить майору на слово.

Поезд отправляется в два часа ночи, приняв несколько новых пассажиров.

С площадки вагона угадываются неясные громады гор, окаймляющие горизонт где-то у персидской границы. На переднем плане зеленеют сады оазиса, орошаемого многочисленными каналами — «арыками». Затем поезд пересекает обширную, хорошо возделанную равнину. Дорога делает частые повороты, или, как говорят здесь, «петляет». Убедившись в том, что Попов и не собирается засыпать, я возвращаюсь в свое купе.

В три часа опять остановка. С платформы кричат: «Ашхабад! Ашхабад!» Не в силах усидеть на месте, выхожу на вокзальную площадь и отправляюсь бродить по городу. Все мои спутники продолжают спать крепким сном.

Ашхабад — самая большая станция на Закаспийской железной дороге. Весьма кстати вспоминаю, что писал о нем инженер Буланжье, совершивший интересное путешествие

до Мерва. Мне же, за густой завесой зелени, удалось только разглядеть по левую сторону от вокзала темный силуэт туркменского форта, возвышающегося над новым городом, население которого почти удвоилось с 1887 года.

В половине четвертого возвращаюсь на платформу. Как раз в эту минуту Попов зачем-то проходит в багажный вагон. Представляю, как тревожат молодого румына эти бесконечные хождения мимо его ящика.

Но вот начальник поезда опять на платформе.

— Нет ли чего-нибудь новенького? — спрашиваю его.

— Нет, господин Бомбарнак, если не считать того, что подул свежий утренний ветерок.

— Да, ветерок действительно бодрящий. А нет ли, кстати, на вокзале буфета?

— Как же, есть, для удобства пассажиров.

— Надо думать, что и для удобства служащих? Не зайти ли нам туда, господин Попов?

Буфет открыт, но выбор блюд более чем скуден. Из напитков — один только «кумыс» — перебродившее кобылье молоко, имеющее вкус жидких чернил, правда, говорят, очень питательное. Мне трудно заставить себя попробовать эту сомнительную жидкость, Попов же находит ее превосходной.

Узбеков и киргизов, вышедших в Ашхабаде, в вагонах второго класса заменили другие пассажиры — афганцы, занимающиеся в основном контрабандной торговлей. Весь зеленый чай, потребляемый в Средней Азии, они доставляют из Китая через Индию. И несмотря на то, что это очень замедляет перевозку, ухитряются продавать его дешевле русского. Естественно, что багаж афганцев был осмотрен с большой тщательностью и даже с пристрастием.

Поезд отошел в четыре часа утра. Наш вагон по-прежнему напоминает спальню. Завидую их крепкому сну. Я же опять выхожу на площадку.

На востоке занимается заря. Мимо мелькают то развалины древнего города, то окруженная высокими валами крепость, то ряд длинных портиков, которые тянутся более чем на полтора километра. Миновав несколько насыпей, поезд мчится по гладкой степи вдоль персидской границы со скоростью шестьдесят километров, направляясь на юго-восток. Железнодорожная линия удаляется от нее только за Душаком. На этом участке пути, в течение трех часов, мы останавливались лишь на двух станциях: в Гяурсе, откуда отходит ветка на Мешхед и уже виднеются возвышенности Иранско-

го плоскогорья, и в Артыке, где в изобилии имеется вода, хоть и солоноватая.

Затем пересекаем оазис, образуемый одним из притоков Артека, довольно большой реки, впадающей в Каспийское море. Повсюду много зелени и деревьев. Действительно, это настоящий оазис. Он тянется до станции Душак, куда мы прибываем в шесть часов утра.

Два часа остановки, иначе говоря — двухчасовая прогулка. Отправляюсь осматривать Душак в сопровождении майора Нольтица, снова выступающего в качестве гида. Нас опережает сэр Фрэнсис Травельян. Майор обращает мое внимание на то, что физиономия этого джентльмена стала еще более кислой, а весь облик типичного англосакса выражал большое недовольство.

— И знаете почему, господин Бомбарнак? Потому, что от станции Душак легко было бы протянуть путь через афганскую границу, Кандагар, Боланский перевал и Пенджикентский оазис, до пересечения с конечной станцией английской железной дороги в Индии. И тогда обе линии соединились бы.

— И какова была бы ее протяженность?..

— Меньше тысячи километров; но англичане упорно не хотят протянуть руку русским. А между тем как выгодно было бы для их торговли, если бы Калькутта оказалась в двенадцати днях пути от Лондона!

Непринужденно беседуя, мы с майором Нольтицем огибаем Душак. Давно уже говорили, что эта скромная деревушка станет со временем значительной узловой станцией. Так и произошло. Теперь ее соединяет ветка с Тегеранской железной дорогой в Персии¹, а в направлении индийской границы не проводилось даже никаких изысканий. До тех пор, пока джентльмены, подобные сэру Фрэнсису Травельяну, будут задавать тон в Соединенном Королевстве, нечего и надеяться на благоприятное решение этого вопроса.

Я поинтересовался у майора, не безопасна ли езда по Великой Трансзиатской магистрали?

— В пределах Туркестана безопасность вполне гарантирована. Русские железнодорожные служащие непрерывно наблюдают за путями. Поблизости от вокзалов учреждены полицейские посты, а так как станции находятся на неболь-

¹ На самом деле такой линии нет, так же как и линии Гяурс — Мешед. Жюль Верн и в данном случае изображает желаемое как уже осуществленное, соединяя Россию с Персией железной дорогой через Среднюю Азию.

ших расстояниях, то я не думаю, чтобы путешественникам приходилось опасаться кочевых племен. К тому же туркменское население полностью подчинилось требованиям русской администрации, подчас очень суровым¹. За все годы существования Закаспийской дороги не было ни одного нападения на поезд.

— Это, конечно, утешительно. Ну а как по ту сторону границы, на пути к Пекину?

— Там другое дело. На Памирском плато до Кашгара путь охраняется строго, но дальше, на собственно китайской территории, местная администрация не столь расторопна, и, по правде говоря, я не особенно ей доверяю.

— А станции там расположены далеко одна от другой?

— Иногда очень далеко.

— И русские служащие будут там заменены китайскими?

— Да, за исключением начальника поезда Попова, который будет сопровождать нас до конца пути.

— Значит, машинисты, кочегары и вся прислуга будут китайцы?.. Это как раз, майор, меня и беспокоит, ведь безопасность пассажиров...

— Можете не беспокоиться, господин Бомбарнак. Китайские железнодорожники не менее опытные, чем русские, и притом они превосходные механики. Есть среди них и инженеры, которые прокладывали линию через всю Поднебесную империю. Китайцы, несомненно, принадлежат к очень умной расе, весьма склонной к промышленному прогрессу.

— Охотно верю, майор Нольтиц, и не сомневаюсь, что в один прекрасный день она станет во главе цивилизованного мира... конечно, вслед за славянской!

— Трудно сказать, что нам готовит будущее,— улыбаясь, заметил майор.— Что же касается китайцев, то могу подтвердить, что они весьма сообразительны и обладают удивительной легкостью восприятия. Я лично в этом убедился, когда видел их за работой.

— Отлично! С этой стороны, стало быть, нет никакой опасности. А что вы скажете о разбойниках? Разве не бродят они по бескрайним пустыням Монголии и Северного Китая?

— И вы думаете, бандиты осмелятся напасть на поезд?

— Надеюсь, майор.

— Надеетесь?!

¹ Царское правительство установило в Туркестане колониальную систему управления, при которой коренное население, как и при ханской власти, продолжало оставаться в приниженном положении.

— Да, потому что боюсь только одного — как бы наше путешествие вообще не обошлось без приключений.

— Поистине, господин репортер, вы меня восхищаете! Значит, вы ищете приключений...

— Как врач ищет больных... Я только о них и мечтаю.

— В таком случае, господин Бомбарнак, думаю, что вы будете разочарованы. Говорят, не знаю, правда это или нет, будто компания вошла в соглашение с несколькими предводителями банд.

— Подобно тому, как греческие власти с разбойником Хаджи-Ставросом в романе Абу?..¹

— Именно так, господин Бомбарнак, и, как знать, может быть, железнодорожная компания успела войти в сделку и с остальными.

— Трудно в это поверить.

— Почему же? Это было бы вполне в духе времени — откупиться от разбойников, чтобы обеспечить таким образом безопасность движения поездов. Впрочем, говорят, что один из этих тружеников большой дороги, некто Ки Цзан, пожелал сохранить свою независимость и свободу действий.

— Что вы о нем знаете?

— Это один из самых дерзких разбойников, полукитаец, полумонгол. После того как он долго бесчинствовал в Юньнани, где его в конце концов выследили, Ки Цзан перенес свою деятельность в северные провинции. Его видели и в той части Монголии, по которой проходит Великий Трансзиатский путь...

— Вот и отлично! Такой поставщик хроники мне нужен до зарезу!

— Однако, господин Бомбарнак, встреча с Ки Цзаном может вам дорого обойтись...

— Что вы, майор! Разве «XX век» не достаточно богат, чтобы заплатить за свою славу!

— Заплатить деньгами — да. Но не забывайте, что мы можем поплатиться не только кошельком, но и жизнью. Хорошо еще, что наши попутчики не слышали этих рассуждений, а то бы они потребовали, чтобы вас высадили на первой же станции. Будьте осторожны и не выдавайте своих желаний — желаний репортера, который ищет приключений. А главное — забудем про этого Ки Цзана. Так будет лучше для путешественников...

— Но не для путешествия, майор!

¹ Абу Эдмон (1828—1885) — французский беллетрист и публицист.

Мы возвращаемся на вокзал. Поезд простоит здесь еще не меньше полчаса. Я прогуливаюсь по платформе и наблюдаю, как маневрирует локомотив, цепляющий к нашему составу еще один багажный вагон. Он прибыл из Тегерана по Мешхедской ветке, той самой, что соединяет столицу Персии с Закаспийской магистралью.

Вагон опечатан, его сопровождает конвой из шести монголов, ни на минуту не спускающих с него глаз.

Не знаю, может быть, это зависит от направленности ума репортера, но мне начинает казаться, будто в вагоне этом есть что-то особенное, таинственное, и, так как с майором мы расстались, обращаюсь к Попову, наблюдающему за маневрами паровоза:

— Куда направляется этот вагон?

— В Пекин, господин Бомбарнак.

— И что ж в нем везут, если не секрет?

— Что везут? Важную персону.

— Важную персону?

— Это вас удивляет?

— Еще бы... В багажном вагоне...

— Но так она пожелала.

— Прошу вас, господин Попов, предупредите меня, когда эта важная персона покинет вагон.

— Она его не покинет.

— Почему?..

— Потому что это покойник. Тело везут в Пекин, где оно будет похоронено со всеми подобающими почестями.

Наконец-то в нашем поезде появилась значительная личность! Правда, труп, но не все ли равно! Я обращаюсь к Попову с просьбой узнать имя покойного. Должно быть, это какой-нибудь мандарин высшего ранга. Как только это выясню — немедленно пошлю телеграмму «ХХ веку».

Неожиданно замечаю, что к вагону подходит какой-то пассажир и начинает его разглядывать с не меньшим любопытством, чем я.

Это молодецватый мужчина, лет сорока, высокого роста, смуглый, с несколько мрачным немигающим взглядом и лихо закрученными мушкетерскими усами. На нем изящный костюм, какие носят обычно богатые монголы.

«Вот великолепный тип, — подумал я. — Не знаю, суждено ли ему стать главным действующим лицом, которого мне недостает, но на всякий случай отведу для него в реестре номер 12».

Вскоре узнаю от Попова, что новое действующее лицо но-

сит имя Фарускиар. Его сопровождает другой монгол того же возраста, но низшего ранга,— некто Гангир.

Теперь уже оба, о чем-то разговаривая, вертятся возле вагона, который прицепляют в хвосте поезда, перед багажным. Когда маневрирование закончилось, монголы заняли места в вагоне второго класса, рядом с траурным, чтобы драгоценное тело всегда было под их наблюдением.

Вдруг на платформе раздаются вопли:

— Ловите!.. Держите!..

Я сразу узнаю крикуна. Так орать может только барон Вейшнитцердерфер.

На сей раз нужно остановить не поезд, а улетающую шапку. Сильный порыв ветра сорвал с головы барона голубую шапку-каску, которая катится по платформе, по рельсам, вдоль стен и заборов, а ее владелец, задыхаясь, бежит за ней и никак не может поймать.

Должен вам сказать, что при этом уморительном зрелище супруги Катерна и молодой китаец Пан Шао держатся за бока от хохота, и лишь доктор Тию Кин остается невозмутимо серьезным.

Немец, багровый, запыхавшийся, уже дважды касался рукой каски, но та снова ускользала. Кончилось тем, что барон растянулся во всю длину, запутавшись головою в складках широкого плаща. И это происшествие послужило для господина Катерна поводом, чтобы пропеть знаменитый мотив из оперетки «Мисс Эллиет»:

Вот неожиданный скандал,
Представьте, что я увидел...

Нет ничего досадней и комичней погони за шляпой, которую уносит сильный ветер. Она мечется из стороны в сторону, кружится, скачет, парит в воздухе и ускользает из-под рук как раз в ту минуту, когда вы думаете, что наконец схватили ее. Случись это со мной, я бы нисколько не обиделся на тех, кого рассмешила эта забавная сценка.

Но барон не понимает и не прощает шуток. Продолжая метаться и прыгать, он устремляется к железнодорожному полотну. В эту минуту к вокзалу подходит поезд из Мерва. Ему кричат: «Осторожно! Берегитесь!» И тут настает конец злополучной шапке-каске: локомотив ее безжалостно давит, превращая в растерзанный блин, который и вручают барону. А он в ответ раздражается градом проклятий по адресу Великой Трансзиатской магистрали.

Но вот дается сигнал к отправлению. Все торопятся на

свои места. Среди вновь прибывших пассажиров замечаю трех монголов, которые производят на меня очень странное впечатление. Они садятся в вагон второго класса.

Поднимаясь на площадку, слышу, как молодой китаец обращается к своему компаньону по-французски:

— Доктор Тيو Кин, вы обратили внимание на этого немца с его потешной шляпой? Вот когда я вволю посмеялся!

Я изумлен — Пан Шао говорит как настоящий парижанин! При первом же удобном случае непременно заведу с ним разговор.

ГЛАВА IX

Поезд отошел точно по расписанию. На этот раз барону не на что было жаловаться. Впрочем, мне вполне понятно его нетерпение: одна минута опоздания, и он пропустит пароход из Тяньцзиня в Японию.

Поначалу день обещал быть прекрасным. А потом вдруг поднялся такой сильный ветер, что казалось, он способен потушить солнце, как простую свечу. Это начинался один из тех ураганов, которые, как я слышал, останавливают поезда на Великой Трансзиатской магистрали. Сегодня, к счастью, ветер дует с запада, вслед поезду, и потому опасаться нечего.

Теперь я должен завязать знакомство с молодым Пан Шао. Попов был прав: он, как видно, из богатой семьи, прожил несколько лет в Париже, учась и развлекаясь. Вероятно, ему частенько приходилось бывать и на «файф-о-клоках»¹ «XX века».

Нужно заняться и другими делами и прежде всего человеком в ящике. Воображаю, как он беспокоится! Но пробираться в багажный вагон днем было бы слишком опасно. Придется подождать до ночи, чтобы избавить его от тревоги.

Кроме того, у меня намечена в программе беседа с супругами Катерна. Впрочем, это будет делом несложным.

Куда труднее завязать отношения с номером двенадцатым, великолепнейшим Фарускиаром. Этот восточный человек «застегнут на все пуговицы». Не так-то просто к нему подступиться!

Да! Надо еще поскорее узнать имя мандарина, который возвращается в свою Поднебесную империю, чтобы принять погребальные почести. Думаю, что Попову удастся это вы-

¹ Файф-о-клок — чай среди дня, обыкновенно в пять часов вечера. Здесь: званые вечера, устраиваемые редакцией (англ.).

ведать у одного из стражников, приставленных к телу его превосходительства. Будет просто замечательно, если покойник окажется каким-нибудь важным государственным деятелем — китайским принцем или хотя бы министром!..

Вот уже час, как поезд перерезает обширный оазис. Потом пойдет сплошная пустыня. Почву там образуют аллювиальные наносы¹, и тянутся они вплоть до окрестностей Мерва. И так будет до границы Туркестана — оазис и пустыня, пустыня и оазис. Пора уже привыкнуть к однообразию и монолитности путешествия. Правда, по мере приближения к Памирскому плоскогорью пойдут живописнейшие пейзажи. Этот горный узел русские «разрубили» совершенно так же, как Александр Македонский разрубил узел, связывавший в колеснице Гордия ярмо с дышлом, установив после этого, как известно, господство над Азией².

А по ту сторону Памирского плато расстилаются бесконечные равнины китайского Туркестана и пески, пески, пески громадной пустыни Гоби. И снова потянется монотонная, однообразная дорога.

Половина одиннадцатого. В вагоне-ресторане скоро будет завтрак. А пока, вместо утренней прогулки, пройдусь по поезду.

Где же Фульк Эфринель? Я не вижу американца на его посту подле мисс Горации Блуэтт. Вежливо с ней раскланиваюсь и осведомляюсь о ее спутнике.

— Мистер Фульк пошел взглянуть на свой багаж.

Вот как, он уже «мистер Фульк»? Подождем немного, и будет просто «Фульк».

Величественный Фарускиар с самого начала забился с Гангиром в задний конец второго вагона. Здесь я застаю их и сейчас. Они сидят вдвоем и тихо разговаривают.

На обратном пути встречаю Фулька Эфринеля, спешащего к своей спутнице. По американской привычке он протягивает мне руку. Я признаюсь ему, что от мисс Горации Блуэтт уже знаю о его тревоге за багаж.

¹ Аллювиальные наносы образуются в результате деятельности текучих вод (пески, глина, суглинки, галька).

² В древнегреческой легенде рассказывается о финикийском царе Гордии, который прикрепил ярмо к дышлу колесницы таким тугим узлом, что его невозможно было развязать. Между тем предсказание оракула гласило, что Азия достанется тому, кто сможет развязать Гордиев узел. Александр Македонский не стал его распутывать, но разрубил мечом. Жюль Верн намекает на присоединение Туркестана к России.

— О! — восклицает он. — Какая деловая женщина, какая выдающаяся негодница! Это одна из тех англичанок...

— Которые вполне достойны быть американками! — заканчиваю я.

— Wait a bit! — отвечает он, многозначительно улыбаясь.

Китайцев на месте не оказалось. Значит, они ушли завтракать. Проходя мимо, вижу на вагонном столике книжку, оставленную доктором Тيو Кином.

О ВОЗДЕРЖАННОЙ И ПРАВИЛЬНОЙ ЖИЗНИ,
ИЛИ ИСКУССТВО ДОЛГО ЖИТЬ,
ПРЕБЫВАЯ В ДОБРОМ ЗДРАВЬИ

Сочинение Людовика Корнаро, благородного венецианца.

С прибавлением советов, как исправить дурной характер, как пользоваться совершенным счастьем до самого преклонного возраста и умереть только в глубокой старости, вследствие полного истощения жизненных соков.

Салерно
МД СС XXXII

Так вот каково любимое чтение доктора Тيو Кина! Теперь мне понятно, почему непочтительный ученик иногда в насмешку называет его Корнаро!

Кроме заглавия, успеваю прочесть еще девиз благородного венецианца:

*Abstin entia adjicit vitam*¹.

Но я отнюдь не собираюсь следовать ему, по крайней мере за завтраком.

В вагоне-ресторане застаю всех на обычных местах. Сажусь рядом с майором Нольтицем, который внимательно наблюдает за сидящим на противоположном конце стола господином Фарускиаром и его компаньоном. Нас обоих очень занимает этот неприступный монгол. Интересно, кто он такой?

— А что если бы это был...

— Кто же? — спрашивает майор.

— Атаман разбойничьей шайки... тот самый знаменитый Ки Цзан... — отвечаю я, и самому становится смешно от такой вздорной мысли.

— Шутите, шутите, господин Бомбарнак, только, прошу вас, не так громко!

— Однако согласитесь, майор, это была бы одна из инте-

¹ Воздержание продлевает жизнь (*лат.*).

реснейших личностей, вполне достойная самого подробного интервью.

Продолжая болтать, мы с аппетитом поглощаем завтрак. Приготовлен он очень вкусно. В Ашхабаде и Душаке успели запастись свежими продуктами. Из напитков нам предложили чай, крымское вино и казанское пиво; из мясных блюд — бараньи котлеты и превосходные консервы; на десерт — сочную дыню, груши и отборный виноград.

После завтрака выхожу на заднюю площадку вагона-ресторана выкурить сигарету. Туда же является и господин Катерна, который, видимо, сам ищет случая со мной заговорить.

Его гладко выбритое лицо, привыкшее к фальшивым бакенбардам, усам; голова — к черным, рыжим, седым, лысым или косматым парикам, в зависимости от роли, — все выдает в нем комедианта, созданного для жизни на подмостках. Но при этом у него такой веселый взгляд, такая прямотдушная манера держаться, что сразу узнаешь в нем славного, искреннего человека.

— Сударь, — обращается он ко мне, — неужели двое французов могут проехать вместе от Баку до Пекина, не познакомившись друг с другом?

— Сударь, когда я встречаю соотечественника...

— И вдобавок еще парижанина.

— Следовательно, дважды француза, — добавляю я, — то не мог бы себе простить, если бы не пожал ему руки. Итак, господин Катерна...

— Вы знаете мою фамилию?

— Равно, как и вы мою. Абсолютно в этом уверен.

— И правильно. Вы — господин Бомбарнак, корреспондент «XX века».

— И ваш покорный слуга.

— Тысяча благодарностей, господин Бомбарнак, даже десять тысяч, как говорят в Китае, куда мы едем с госпожой Катерна...

— Чтобы играть комические роли в шанхайском театре, основанном для французов.

— Так вы все знаете?

— На то я и репортер! Могу даже сказать, господин Катерна, основываясь на некоторых морских словечках из вашего лексикона, что раньше вы служили во флоте.

— Верно, господин репортер. Я бывший командир шлюпки адмирала Буасуди на борту «Грозного».

— В таком случае не понимаю, почему же моряк отправился в Китай не морем, а на поезде...

— Это действительно может показаться странным, господин Бомбарнак. Но дело в том, что мадам Катерна, бесспорно первая провинциальная опереточная актриса, лучшая исполнительница ролей субреток и трагесты, которой никакая другая «не срезала бы носа» — извините, это по старой флотской привычке, — не переносит морской качки. Когда я узнал о существовании Великой Трансазиатской магистрали, то сказал ей: «Успокойся, Каролина! Пусть тебя не тревожит обманчивая и коварная стихия! Мы проедем через Россию, Туркестан и Китай сухим путем». И как она обрадовалась, моя милочка, такая храбрая, такая преданная, такая... я не нахожу подходящего слова! — такая талантливая инженеру¹, которая в случае надобности сыграла бы даже дуэнью², чтобы не оставить на мели директора театра! Артистка, настоящая артистка!

Господин Катерна говорил с увлечением. Он был, по выражению механиков, «под высоким давлением», и оставалось только выпустить из него пар. Если верить словам актера, они — идеальная пара: никогда не унывают, не теряются, всегда довольны своей участью, страстно влюблены в театр, особенно провинциальный, где госпожа Катерна играла в драмах, водевилях, комедиях, опереттах, комических операх и пантомимах. Они счастливы, когда представление начинается в пять часов вечера и заканчивается в час ночи. Супруги Катерна играют в театрах больших и малых городов, в залах мэрий, в деревенских амбарах, зачастую без подготовки, без декораций, без оркестра, иногда даже без зрителей. Словом, это настоящие комедианты, не всегда разборчивые на роли, готовые выступить в любом амплуа.

Господин Катерна был, вероятно, общим любимцем и балагуром на корабле. У него ловкие, как у фокусника, руки и гибкие ноги, как у канатного плясуна. Этот неунывающий парижанин умеет языком и губами имитировать все деревянные и медные инструменты и располагает к тому же самым разнообразным репертуаром старинных народных песенок, застольных куплетов, патриотических мелодий, кафешантанных монологов и скетчей. Он рассказывал мне обо всем этом с выразительными жестами, с неистощимым красноречием, шагая взад и вперед по площадке и покачиваясь на широко расставленных ногах со слегка обращенными внутрь ступнями — ну, истый моряк, всегда в веселом и бод-

¹ Инженеру — амплуа актрисы, исполняющей роли наивных девушек.

² Дуэнья — в Испании — пожилая женщина, хозяйка, госпожа. Здесь: амплуа комедийной актрисы.

ром настроении. В обществе такого жизнерадостного человека скука исключена!

— А где вы выступали перед отъездом из Франции, господин Катерна?

— В Ферте-Су-Жуар¹, где мадам Катерна с огромным успехом исполняла роль Эльзы в «Лоэнгрине», которого мы играли без музыки. Но зато какая интересная и талантливая пьеса!

— Наверное, исколесили с женой весь свет?

— Вы правы, мы побывали в России, в Австралии, в обеих Америках. Ах! Господин Клодиус...

Он уже зовет меня Клодиусом!

— Когда-то я был кумиром Буэнос-Айреса и пользовался огромным успехом в Рио-де-Жанейро. Не думайте, что это хвастовство. Нет, я себя не переоцениваю! Катерна, может быть, плох в Париже, но великолепен в провинции. В Париже играют для себя, а в провинции — для зрителей. И к тому же какой разнообразный репертуар!

— Примите мои поздравления, дорогой соотечественник!

— Принимаю, господин Бомбарнак, так как я очень люблю свое ремесло. Что вы хотите? Не все могут претендовать на звание сенатора или... репортера!

— Ну, это довольно ядовито сказано, господин Катерна,— ответил я улыбаясь.

— Нет, что вы... это только так, для красного словца.

Пока неутомимый комик выкладывал свои истории, мимо нас мелькали станции: Кулька, Низашурш, Кулла-Минор и другие, имеющие довольно грустный вид; затем Байрам-Али на семьсот девяносто пятой версте, Урлан-Кала — на семьсот пятнадцатой.

— При этом,— продолжил актер,— переезжая из города в город, мы подкопили и немного денег, и они добыты честным трудом, господин Клодиус. На дне нашего сундука хранится несколько облигаций Северного банка, которыми я особенно дорожу,— это надежное помещение презренного металла. Хотя мы живем и при демократическом режиме, в эпоху, так сказать, всеобщего равенства, но нам еще очень далеко до того времени, когда благородный отец² будет сидеть рядом с женою префекта на обеде у председателя судебной палаты, а субретка³ в паре с префектом откроет бал у гене-

¹ Маленький городок неподалеку от Парижа.

² Благородный отец — амплуа опереточного комика.

³ Субретка — амплуа комедийной актрисы.

рал-аншефа¹. Пока что мы предпочитаем обедать и танцевать в своем кругу.

— Полагаю, господин Катерна, что это не менее весело, чем...

— И, уверяю вас, господин Клодиус, не менее достойно, — добавил будущий шанхайский первый комик, встряхивая воображаемым жабо с непринужденностью вельможи эпохи Людовика XV.

Тут к нам присоединилась госпожа Катерна. Это поистине достойная подруга своего мужа, созданная для того, чтобы подавать ему реплики как на сцене, так и в жизни, одна из тех редкостных служительниц театра, которые не жеманятся и не злословят, из тех, по большей части случайных детей странствующих комедиантов, которые рождаются на свет неведомо где и даже неведомо как, но бывают предобрými и милыми созданиями.

— Разрешите представить вам Каролину Катерна, — провозгласил комик таким торжественным тоном, как если бы знакомил меня с самой Патти или Сарой Бернар².

— Я уже обменялся рукопожатием с вашим мужем, а теперь буду счастлив пожать руку госпоже Катерна.

— Вот она, сударь. Подаю ее вам запросто, без всяких церемоний и даже без суфлера.

— Как видите, господин Клодиус, она не ломака, а лучшая из жен.

— Как он — лучший из мужей!

— И горжусь этим! Я понял, что весь смысл супружеского счастья заключается в следующем евангельском правиле, с которым должны были бы считаться все мужья: что любит жена, то и ест ее муж!

Поверьте, я был тронут, глядя на этих честных комедиантов, столь не похожих на сидящих в соседнем вагоне маклера и маклершу. Те любезничают по-своему: для них нет ничего более приятного, как подводить баланс, подсчитывать приход и расход.

Но вот и барон Вейсшнитцердерфер, уже раздобывший где-то новую дорожную шапку. Он выходит из вагона-ресторана, где, как я полагаю, занимался не изучением железнодорожного расписания.

— На авансцене владелец потерпевшей крушение шля-

¹ Генерал-аншеф — генерал армии, главнокомандующий.

² Патти Аделина (1845—1919) — знаменитая итальянская певица. Сара Бернар (1844—1923) — выдающаяся французская актриса.

пы! — объявил господин Катерна, как только барон вошел в вагон, не удостоив нас поклоном.

— Сразу узнаешь немца,— добавила госпожа Катерна.

— А еще Генрих Гейне называл этих людей сентиментальными дубами! — вспомнил я.

— Сразу видно, что он не знал нашего барона,— ответил господин Катерна.— Дуб — с этим вполне можно согласиться, но отнюдь не сентиментальный...

— Кстати,— спросил я,— вы знаете, зачем он едет по Великому Трансазиатскому пути?

— Чтобы поест в Пекине кислой капусты,— выпалил комик.

— Ну, нет... Совсем не для того. Барон — соперник мисс Нелли Блай. Он собирается совершить кругосветное путешествие за тридцать девять дней.

— За тридцать девять! — воскликнул господин Катерна.— Вы хотите сказать, за сто тридцать девять! Уж на спортсмена-то он никак не похож!

И комик запел голосом, похожим на охрипший кларнет, известный мотив из «Корневильских колоколов»:

Ходил три раза кругом света...

И добавил по адресу барона:

Но половины не прошел...

ГЛАВА X

В четверть первого наш поезд миновал станцию Кари-Бата, которая своей итальянской крышей напоминала постройки на пригородной железной дороге Неаполь — Сорренто. Мы въехали на территорию Мервского оазиса, имеющего в длину сто двадцать пять километров, в ширину двенадцать и площадь в шестьдесят тысяч гектаров; как видите, меня нельзя упрекнуть в том, что я даю недостаточно точные сведения.

Справа и слева видны обработанные поля, пастбища со стадами овец и быков, водоемы под сводами ветвей, фруктовые сады между домами. Эту плодородную местность орошает река Мургаб, что значит Белая вода, и ее притоки. Фазаны там летают большими стаями, как вороны над нормандскими равнинами.

В час дня поезд останавливается перед Мервским вокзалом в восьмистах двадцати двух километрах от Узун-Ада.

Вот город, который неоднократно разрушался и заново отстраивался. Туркестанские войны не пощадили его. Говорят, что раньше это был настоящий притон грабителей и разбойников, и можно только пожалеть знаменитого Ки-Цзана, что он не жил в ту эпоху. Быть может, из него вышел бы второй Чингисхан.

Майор Нольтиц поведал мне туркменскую притчу: «Если встретишь змею и жителя Мерва, то сначала избавься от последнего, а затем займись змеей!»

Но после того как Мерв отошел к Москве, я полагаю, лучше начать со змеи.

На вокзале поезд стоит семь часов. Я успею осмотреть этот любопытный город, коренным образом изменивший свой характер благодаря русской администрации, действовавшей зачастую даже слишком круто. После того, как русские войска овладели Мервом, древнее гнездо феодальных смут и разбоев стало одним из важнейших центров Закаспийского края.

Спрашиваю у майора Нольтица, не злоупотреблю ли его любезностью, если попрошу снова сопровождать меня?

— Охотно буду вам сопутствовать, да и мне самому доставит удовольствие еще раз взглянуть на Мерв.

Быстрым шагом отправляемся в путь.

— Должен вас предупредить,— говорит майор,— что мы идем в новый город.

— А почему бы не начать с древнего? Это было бы более логично и последовательно.

— Потому, что старый Мерв находится в тридцати километрах от нового, и вы увидите его только мельком, из окна поезда. Придется довольствоваться только описаниями вашего знаменитого географа Элизе Реклю. К счастью, они очень точные.

От вокзала до нового Мерва совсем недалеко. Но какая ужасная пыль! Торговая часть города расположена на левом берегу реки. Планировка «вполне американская», и это должно понравиться Фульку Эфринелю. Улицы широкие, протянутые как по ниточке; прямолинейные бульвары с рядами стройных деревьев; толпы торговцев, одетых в восточные костюмы. Кругом снуют разносчики всевозможных товаров. Много двугорбых и одnogорбых верблюдов. Последние, дромадеры, особенно ценятся за их выносливость и отличаются от своих американских собратьев формой крупа.

На залитых солнцем, будто доведенных до белого каления улицах мало женщин. Но среди них встречаются очень

оригинальные особы, облаченные в полувоенный костюм, мягкие сапоги и с патронами на груди, как у черкесов.

Кстати, берегитесь в Мерве бродячих псов. Эти голодные твари с длинной шерстью и острыми клыками — одна из разновидностей кавказской породы.

— Не эти ли собаки, как рассказывает инженер Буланжье, съели русского генерала? — спрашиваю у майора Нольтица.

— Съели, но не совсем, — отвечает он. — Оставили сапоги.

В торговом квартале, в глубине темных нижних этажей, где ютятся персы и евреи, в жалких лавчонках продаются ковры поразительно тонкой работы и мастерски подобранных расцветок, которые терпеливо ткут целыми днями старые женщины, даже и не подозревая о существовании жаккардовских трафаретов.

По обеим берегам Мургаба русские расположили свои военные учреждения. Там обучаются солдаты-туркмены, состоящие на царской службе. На них штатская одежда, но синие форменные фуражки и белые погоны.

Через реку перекинут деревянный мост длиною в пятьдесят метров, предназначенный не только для пешеходов, но и для поездов. Над его перилами протянуты телеграфные провода.

На другом берегу — административная часть города, где живут в основном гражданские чиновники.

Самое интересное из того, что здесь можно увидеть, — деревушка Теке, непосредственно примыкающая к Мерву. Жители ее, текинцы, сохранили не только свой национальный тип, но и обычаи. Только там еще чувствуются следы местного колорита, которого так не хватает новому городу.

На повороте одной из улиц торгового квартала мы сталкиваемся с американцем-маклером и англичанкой-маклершей.

— И вы здесь, господин Эфринель! — восклицаю я. — Ведь в новом Мерве нет ничего интересного.

— Напротив, господин Бомбарнак, он почти в американском стиле. Недостает только трамвая и газовых фонарей.

— Со временем и это будет.

— Надеюсь. И тогда Мерв станет настоящим городом.

— А мне, господин Эфринель, хотелось бы посетить древний город и осмотреть его крепости, дворцы, мечети. Но, к сожалению, это слишком далеко, и поезд там не останавливается...

— Вот уж что меня не интересует, — отвечает янки. —

Сожалею лишь о том, что в этих туркменских краях у мужчин, по-видимому, целы все зубы...

— А у женщин — волосы, — подхватывает мисс Горация Блуэтт.

— А вы бы взяли, мисс, да скупили у них волосы. Тогда и время будет не зря потеряно.

— Торговый дом «Гольмс-Гольм», несомненно, этим займется, но после того, как мы используем волосяные богатства Поднебесной империи.

И милая парочка удаляется.

Уже шесть часов вечера. Предлагаю майору Нольтицу до отхода поезда пообедать в Мерве. Злая судьба приводит нас в «Славянскую» гостиницу, где обеды, к сожалению, намного уступают нашему вагону-ресторану. Был там, между прочим, «борщ» со сметаной, но я не рискнул бы его рекомендовать гурманам «XX века».

Вспоминаю, что не отправил в газету телеграмму, в которой собирался сообщить о мандарине, находящемся в нашем поезде. Удалось ли Попову выведать у безмолвных стражников имя этой высокой особы?

Оказывается, удалось. Едва мы показались на платформе, как он подбежал ко мне со словами:

— Я узнал его имя. Это Иен Лу, великий мандарин Иен Лу из Пекина.

— Благодарю вас, господин Попов.

Мчусь в телеграфную контору и посылаю «XX веку» депешу следующего содержания:

Мерв, 16 мая, 7 часов вечера.

Поезд Великой Трансазиатской выходит из Мерва. В Душаке взяли тело великого мандарина Иен Лу, отправляемое из Персии в Пекин.

Заплатить за телеграмму пришлось очень дорого, но вы, конечно, согласитесь, что она того стоит.

Имя Иен Лу быстро распространяется среди пассажиров. Но мне показалось, что господин Фарускиар улыбается, когда его произносят.

Поезд отошел в восемь часов без опоздания. Спустя сорок минут мы проехали мимо старого Мерва, но уже, к сожалению, стемнело, и я не смог ничего разглядеть. А ведь там есть старинная крепость с квадратными башнями, обнесенная стеной из обожженного на солнце кирпича, развалины гробниц и дворцов, остатки мечетей — одним словом, целые археологические сокровища, описание которых заняло бы немало строк.

Майор Нольтиц понял мое настроение.

— Не огорчайтесь, господин Бомбарнак. Все равно вы не были бы вполне удовлетворены, ведь старый Мерв четыре раза перестраивался. И если бы даже удалось разглядеть теперешний город, Байрам-Али, относящийся к персидской эпохе, то вы все равно не смогли бы увидеть ни третьего, монгольского, ни мусульманского второй эпохи, носившего название Султан — Санджер — Кала, и уж тем более первоначального. Одни называют его Искандер-Кала, по имени Александра Македонского, другие Гяур-Кала, приписывая основание города Зороастру, создателю религии магов, лет за тысячу до христианской эры. Потому советую забыть о всех ваших сожалениях.

Что ж, ничего другого не остается.

Поезд мчится на северо-восток. Станции удалены одна от другой на двадцать — тридцать километров. Названий их не объявляют, так как остановок там нет, и я довольствуюсь тем, что слежу за ними по путеводителю.

Мы оставляем позади Кельчи, Равнину, Пески, Репетек и так далее. И вот уже едем по настоящей пустыне, где нет ни единой струйки поверхностной воды. Поэтому для снабжения станционных резервуаров здесь прорыты артезианские колодцы.

Майор рассказал мне, что инженеры, прокладывая дорогу, испытывали большие затруднения, когда им приходилось закреплять барханы на этом участке пути. Если бы щиты не были поставлены здесь наклонно, то все полотно давно уже засыпало бы песком и движение поездов остановилось.

Миновав полосу барханов, мы снова выезжаем на горизонтальную равнину, где прокладка рельсового пути не отняла много времени.

Мало-помалу мои спутники засыпают, и наш вагон превращается в «Sleeping-car»¹.

Снова начинаю думать о румыне. Следует ли пытаться увидеть его этой же ночью? Бесспорно, и не только для удовлетворения моего, впрочем, весьма естественного, любопытства, а главным образом, чтобы успокоить молодого человека. И в самом деле, узнав, что кто-то раскрыл его тайну, он может выйти на одной из ближайших станций, пожертвовав своим путешествием и свиданием с мадемуазель Зинкой Клорк, лишь бы только избежать преследования железнодоро-

¹ Спальный вагон (англ.).

рожной компании... Так вполне может случиться, и тогда мое вмешательство сослужило бы плохую службу этому бедняге... не говоря уже о потере номера 11, одного из интереснейших в моей коллекции.

Поэтому принимаю решение нанести ему визит еще до зари. На всякий случай, ради большей предосторожности, подожду, пока поезд не отойдет от станции Чарджуй¹, куда он должен прибыть в два часа двадцать семь минут пополудни с пятнадцатиминутной остановкой, а затем направится к Амударье. После этого Попов уляжется в своей каморке, а я прошмыгну в багажный вагон, не боясь быть замеченным.

Как же долго тянулись эти часы! Несколько раз меня начинало клонить ко сну, приходилось делать над собой усилие, выходя на площадку подышать свежим воздухом.

В установленное время, минута в минуту, поезд подошел к станции Чарджуй, на тысяча пятой версте. Это довольно значительный городок Бухарского ханства, до которого Закаспийская дорога была доведена в конце 1886 года, через семнадцать месяцев после укладки первой шпалы.

Теперь до Амударьи остается только двенадцать верст. И когда поезд переедет эту большую реку, приведу в исполнение свой план.

В Чарджуе, городе с населением до тридцати тысяч человек, выходят многие пассажиры. Вместо них в вагоны второго класса садятся другие, едущие до Бухары и Самарканда. Поэтому на платформе шумно илюдно.

Я тоже выхожу и прогуливаюсь около переднего багажного вагона. Вдруг вижу, как дверь бесшумно отворяется... Кто-то в темноте крадется по платформе и незаметно проскальзывает в вокзал, едва освещенный несколькими керосиновыми лампами.

Сомнений нет — это мой румын. Может быть, не хватило провизии и он решил купить чего-нибудь в буфете? А может быть, как я и опасался, обратился в бегство?

Ну уж нет, этому надо помешать! Необходимо срочно познакомиться с ним, пообещав помощь и заступничество. Я скажу молодому человеку: «Друг мой, положитесь на скромность Клодиуса Бомбарнака... Я вас не выдам... По ночам буду приносить еду... А заодно стану развлекать и подбадривать... Не забывайте, что мадемуазель Зинка Клорк, по-видимому, красивейшая из румынок, ждет вас в Пекине...» И так далее.

¹ Ныне Чарджоу.

Незаметно следую за ним. В общей сутолоке на румына никто не обратит внимания. Ни Попов, ни любой другой чиновник не могут заподозрить в нем «железнодорожного зайца». Неужели он направится к выходу... неужели ускользнет?

Нет! Видимо, ему захотелось немножко поразмять ноги. Ведь в вагоне не очень-то нагуляешься! После шестидесяти часов заключения, от самого Баку, бедняга заслужил десять минут свободы!

Это человек среднего роста, с гибкими движениями и плавной походкой. На нем стянутые широким поясом брюки, непромокаемая куртка и меховая фуражка темного цвета.

Теперь я спокоен насчет его намерений.

Румын возвращается к своему вагону, поднимается на подножку, проходит через площадку и тихонько закрывает за собой дверь.

Вместо пятнадцати минут поезд простоял в Чарджуе три часа — пришлось чинить испорченный тормоз локомотива. Поэтому, невзирая на вопли немецкого барона, мы покидаем Чарджуй лишь в половине четвертого, когда уже забрезжил рассвет.

Таким образом, я опять не попал в багажный вагон, но зато удалось увидеть Амударью.

Эта большая река в древности называлась Оксом и соперничала с Индом и Гангом. Когда-то она впадала в Каспийское море — по карте можно проследить ее старое русло. Теперь — в Аральское. Питаясь дождями и снегами Памирского плоскогорья, Амударья катит свои быстрые воды, протяженностью в две с половиной тысячи километров, среди глинистых и песчаных скал. И не случайно ее название на туркменском языке означает «река-море»¹.

Поезд въезжает на мост длиною в полтора километра, который дрожит под ним на тысячах свайных опор, расположенных по пяти между пролетами, отстоящими на девять метров один от другого.

Этот мост, самый большой на Великой Трансзиатской магистрали, был построен генералом Анненковым за десять месяцев и обошелся в тридцать пять тысяч рублей.

¹ Происхождение названия реки сейчас объясняется: «Аму» — не существующий теперь город, лежавший на берегу реки; «Дарья» — по-таджикски река, то есть река города Аму. Древние географы называли Амударью «Окс» — это название, по-видимому, произошло от тюркского «Аксу» — Белая вода.

Вода в Амударье грязно-желтого цвета. Повсюду, насколько может охватить глаз, виднеются островки.

Попов обращает мое внимание на сторожевые посты, установленные у перил моста. Ведь опасаться приходится не только искр от локомотива, не раз вызывавших пожары. Есть и другая опасность. Вверх и вниз по Амударье ходит множество барж с керосином, и нередко эти небольшие суда загораются, становясь настоящими брандерами¹. Поэтому и приходится принимать строгие меры предосторожности. Если мост будет уничтожен пламенем, восстановить его удастся не раньше чем через год, и переправа пассажиров с берега на берег вызовет большие трудности.

Наконец поезд тихим ходом перебирается на другой берег. Рассвело. Опять потянулась пустыня — до самой станции Каракуль. А за нею уже видны излучины притока Амударьи, Зеравшана — «реки, катящей золото». Она течет до Согдийской долины, плодородного оазиса, в котором блистает город Самарканд.

В пять часов утра поезд останавливается в столице Бухарского ханства, на тысяча сто седьмой версте от Узун-Ада.

ГЛАВА XI

Бухарское и Самаркандское ханства составляли некогда одну обширную область — Согдиану — персидскую сатрапию², населенную первоначально таджиками, затем узбеками, занявшими ее в конце XI века. А теперь стране грозит опасность нового вторжения — сыпучих песков, после того как в степях погиб почти весь саксаул, задерживавший передвижение дюн.

Бухара — это Рим ислама, священный город, город храмов, центр мусульманской религии. В годы своего расцвета «семивратная» Бухара была обнесена огромной стеной. Там всегда велась оживленная торговля с Китаем. В Бухаре не менее восьмидесяти тысяч жителей.

Все это я узнал от майора Нольтица, который не раз бы-

¹ Брандер — судно, груженное горючими и взрывчатыми веществами; применялось во времена парусного флота для поджога кораблей противника.

² С а т р а п и я — местность, вверенная управлению сатрапа. Сатрап — в древнем Персидском царстве наместник области, пользовавшийся неограниченной властью.

вал в этих краях и советовал хорошенько ознакомиться с живописной столицей ханства. Сам же он на этот раз не мог меня сопровождать, так как должен был сделать несколько визитов. Поезд простоят здесь пять часов. Но город расположен довольно далеко от станции. Если бы он не был соединен с нею узкоколейной железной дорогой, мне не удалось бы и мельком взглянуть на Бухару.

Мы условились с майором, что вместе доедем до города.

Садимся в открытый вагончик дековилевского¹ паровичка и спустя полчаса въезжаем в него через Дервазские ворота.

Если бы я сообщил читателям «ХХ века», что мне удалось посетить здесь сто школ и все триста мечетей — почти столько же, сколько церквей в Риме, — они бы все равно не поверили, несмотря на то что репортеры, бесспорно, заслуживают доверия. А потому буду придерживаться истины.

В одиночестве пробегая по пыльным улицам ханской столицы, я заглянул на базар, где продаются бумажные ткани перемежающихся цветов, называемые «аладжа»; легкие, как паутинка, платки; чудесно обработанные изделия из кожи; шелка, шуршание которых на местном наречии передается словом «чах-чук». В другом месте я видел небольшую лавчонку, где можно купить шестнадцать сортов чая, из которых одиннадцать принадлежат к сорту зеленых, преимущественно употребляемых в Китае и Центральной Азии. Самый дорогой среди них — «лука», одного листка которого достаточно, чтобы заблагоухал весь чайник.

В центре города, на площади — водоем Лябихауз, вокруг которого растут большие вязы. Дальше возвышается так называемый «Ковчег» — укрепленный дворец эмира. Его ворота украшены вполне современными часами. Герману Вамбери² это сооружение показалось зловещим, и я с ним вполне согласен, хотя бронзовые пушки, защищающие вход, не столько отталкивают своим грозным видом, сколько привлекают художественной отделкой.

Замечу кстати, что бухарскими солдатами, которые разгуливают по улицам в белых штанах, черных куртках, каракулевым шапках и высоких сапогах, командуют русские офицеры, в мундирах, раззолоченных по всем швам.

¹ Дековиль — французский инженер, сконструировавший узкоколейную железную дорогу.

² Вамбери Герман (1832—1913) — венгерский путешественник, исследователь Средней Азии и Персии.

Справа от дворца находится самая величественная в столице мечеть Калян. Это целый мир куполов, колоколенок и минаретов, дающих приют аистам, которых в Бухаре бесчисленное множество.

Иду дальше куда глаза глядят и попадаю в северо-восточную часть города, на берег Зеравшана. Все здешние арыки в санитарных целях два или три раза в месяц промываются свежими, прозрачными водами этой реки. И вот только сейчас в арыки поступила чистая вода. Мужчины, женщины, дети, собаки — все двуногие и четвероногие — бросились купаться и подняли такой гвалт, что даже трудно описать.

Повернув на юго-запад, сталкиваюсь с группой дервишей¹ в остроконечных шапках, с посохами в руках, с развевающимися по ветру волосами. Иногда они останавливаются и начинают плясать под аккомпанемент песни, удивительно соответствующей характерным па ритуального восточного танца.

Побывал я и на книжном базаре. Там сосредоточено не менее двадцати шести лавок, где продаются печатные книги и рукописи, но не на вес, как чай, и не пучками, как овощи, а поштучно, как самый ходкий товар.

Что же касается многочисленных «медресе»² — школ, которые принесли Бухаре славу университетского города, то должен признаться, что ни одной из них, к сожалению, не посетил. Усталый, измученный долгой ходьбой, я поплелся назад и уселся под вязами на набережной Диванбеги. Там всегда кипят огромные самовары, и за один «танга» или семьдесят пять сантимов можно утолить жажду «шивином», таким превосходным чаем, которого в Европе никто не знает.

Вот и все воспоминания о туркестанском Риме, для полного осмотра которого нужно не меньше месяца, в моем же распоряжении было лишь несколько часов.

В половине одиннадцатого вернулся к поезду вместе с майором Нольтицем, которого встретил при посадке на узкоколейку. Вокзальные помещения завалены тюками бухарского хлопка и кипами мервской шерсти.

Все номера, включая и немецкого барона, находятся уже на платформе. В хвосте поезда конвойные продолжают добросовестно охранять вагон с телом мандарина Иен Лу. Мне кажется, что трое наших спутников наблюдают за ними с упорным любопытством; это те монголы подозрительного ви-

¹ Дервиш — мусульманский монах в восточных странах.

² Медресе — высшая духовная школа мусульман.

да, которые сели в Душаке. Проходя мимо, заметил, что Фа-рускиар сделал им какой-то знак, смысла которого я не уловил. Разве он их знает?.. Вот еще один интригующий момент.

Едва поезд отошел от станции, как пассажиры направились в вагон-ресторан. Рядом с нами оказались свободные места. Этим воспользовался молодой китаец. За ним последовал и доктор Тио Кин. Пан Шао знает, что я сотрудничаю в редакции «XX века», и ему, видимо, хочется познакомиться и поговорить со мною, как и мне с ним.

Я не ошибся в своих предположениях относительно него. Это настоящий парижский бульвардье¹ в одежде китайца. Три года провел во Франции, и не только развлекался, но и набирался знаний. Единственный сын богатого пекинского коммерсанта, он путешествует под крылышком Тио Кина, который именуется доктором, но, в сущности, представляет собой законченный тип лентяя и бездельника.

С тех пор как доктор Тио Кин отыскал у букиниста на набережной Сены книжечку благородного венецианца Корнаро «О воздержанной и правильной жизни, или Искусство долго жить, пребывая в добром здравии», он без конца изучает ее и старается согласовать свое существование с этими правилами. Пан Шао беспрестанно отпускает на его счет злые и меткие шутки, но Тио Кин не обращает на них никакого внимания.

Тут же за завтраком мы могли наблюдать некоторые проявления мании доктора, ибо он так же, как и его ученик, говорит на чистейшем французском языке.

— Прежде чем приняться за завтрак, не будете ли вы, доктор, так любезны и не напомните ли мне, сколько существует основных правил для определения разумной меры еды и питья?

— Семь, мой юный друг,— с полной серьезностью отвечает Тио Кин.— И первое из них — принимать ровно столько пищи, чтобы сразу после еды быть способным приступить к умственным занятиям.

— А второе?..

— Второе — употреблять лишь такое количество питья, чтобы потом не чувствовать ни вялости, ни тяжести в желудке, ни малейшего телесного утомления. Третье...

— Если вы не возражаете, доктор, то на этом мы сегодня остановимся,— прерывает его Пан Шао.— Вот, кстати, пилав, который кажется мне очень хорошо приготовленным и...

¹ Бульвардье — завсегдатай парижских бульваров и кабачков.

— Берегитесь, мой дорогой ученик! Это кушанье — род пудинга и рубленой баранины, смешанной с жиром и пряностями... Я боюсь, как бы это не обременило...

— Поэтому, доктор, советую вам не есть его. А уж я последую примеру этих господ.

Пан Шао так и поступает и — не зря, так как пилав поистине восхитителен. Доктору же ничего не остается, как довольствоваться самыми легкими блюдами.

По словам майора Нольтица, этот же пилав, приготовленный особым способом на сильном огне и называемый «зенбузи», еще вкуснее. Да и может ли быть иначе, если это слово означает «дамские поцелуи»?

Поскольку господин Катерна выражает сожаление, что этого блюда нет в меню, осмеливаюсь заметить:

— Не кажется ли вам, что зенбузи можно найти не только в Центральной Азии?

А Пан Шао, смеясь, добавляет:

— Лучше всего его готовят в Париже.

Я смотрю на молодого китайца. Он с такой силой двигает челюстями, что это вызывает замечание доктора, предостерегающего его от «неумеренной траты основной влаги, содержащейся в организме».

Завтрак прошел очень весело. Разговор коснулся успешной деятельности русских в Средней Азии, которым удалось создать не только Закаспийскую железную дорогу. С 1888 года они начали производить изыскательные работы по прокладке Транссибирской магистрали. Теперь она уже строится. Вслед за первой линией, соединяющей Ишим, Омск, Томск, Красноярск, Нижнеудинск и Иркутск, должны построить вторую, более южную, через Оренбург, Акмолинск, Минусинск, Абагатуи и Владивосток. Когда весь путь длиною в шесть тысяч километров будет проложен, Петербург окажется в шести днях езды от Японского моря. И эта Транссибирская дорога, которая своей протяженностью превзойдет Трансконтинентальную в Соединенных Штатах, обойдется в семьсот пятьдесят миллионов рублей.

Этот разговор об успехах русских вряд ли понравился сэру Фрэнсису Травельяну: его длинное лицо порозовело, но он не проронил ни слова и даже не поднял глаз от тарелки.

— Эх, друзья мои, а представляете, что увидят наши внуки, когда Великий Трансазиатский путь соединится с Великим Трансафриканским?

— Но как же Азия может соединиться с Африкой желез-

нодорожным путем, господин Бомбарнак? — интересуется майор Нольтиц.

— А очень просто: через Россию, Турцию, Италию, Францию и Испанию. Пассажиры смогут проехать без пересадки от Пекина до мыса Доброй Надежды.

— А как же Гибралтарский пролив? — спрашивает Пан Шао.

При этом упоминании сэр Фрэнсис Травельян настаивает. Как только речь заходит о Гибралтаре, так и кажется, что все Соединенное Королевство приводится в движение единым средиземноморским патриотическим порывом.

— А как же Гибралтар, господин Бомбарнак? — повторяет майор.

— Путь пройдет под ним. Что может быть проще — туннель в каких-нибудь пятнадцать — двадцать километров! Тут не будет английского парламента, который возражает против прорытия туннеля между Кале и Дувром. В один прекрасный день оправдаются слова поэта: «*Omnia jam fieri quae posse negabam*»¹.

— Не подлежит сомнению, — продолжает Пан Шао, — что китайский император был прав, когда предпочел протянуть руку русским, а не англичанам. Вместо того чтобы настаивать на проведении стратегической железной дороги в Маньчжурии, он предпочел соединиться с Транскаспийской магистралью через Китай и китайский Туркестан.

— И поступил очень мудро, — добавляет майор. — Союз с англичанами позволил бы только связать Индию с Европой, тогда как сотрудничество с русскими дало возможность соединить с Европой весь Азиатский континент.

Смотрю на сэра Фрэнсиса Травельяна. На скулах у него появились красные пятна, но он старается не выдавать своих чувств. Интересно, не заставят ли его эти нападки выйти из терпения? Если бы пришлось держать пари, я был бы крайне затруднен.

Майор Нольтиц возобновляет разговор, указывая на неоспоримые преимущества Великой Трансазиатской трассы с точки зрения торговых отношений между Азией и Европой, а также для безопасности и быстроты сообщения. Постепенно исчезнет старая ненависть между народами Азии, и перед ними откроется новая эра. Уже одно это составляет громадную заслугу русских и вызывает одобрение всех цивилизованных

¹ Случилось то, чего нельзя было ожидать (лат.). Строка римского поэта Овидия.

наций. Разве не оправдались прекрасные слова, произнесенные Скобелевым после взятия Геок-Тепе, когда побежденные могли бояться репрессий со стороны победителей: «В своей политике по отношению к Центральной Азии мы не знаем парий!»¹

— Такая политика говорит о наших преимуществах перед Англией,— заканчивает майор.

Я ожидал, что с уст сэра Фрэнсиса Травельяна сорвется сакраментальная фраза: «Никто не может превзойти англичан!» Недаром же говорят, что джентльмены Соединенного Королевства произносят ее, едва появившись на свет... Но этого не произошло.

Когда же я поднялся, чтобы произнести тост за Россию и Китай, сэр Травельян, очевидно, почувствовав, что его гнев может перейти дозволенные рамки, быстро вышел из-за стола. Видимо, и сегодня не придется узнать его политических убеждений!

Само собой разумеется, что этот разговор не помешал барону Вейсшнитцердерферу старательно опустошать одно блюдо за другим, к большому изумлению доктора Тию Кина. Вот немец, который никогда не читал предписаний достопочтенного Корнаро, а если и читал, то самым досадным образом делает все наоборот! Впрочем, вполне возможно, что он и не знает французского языка, и ничего не понял из того, что здесь говорилось.

Я думаю, что по этой же причине в разговоре не могли принять участия и Фарускиар с Гангиром. Они перекинулись всего несколькими словами по-китайски.

Вместе с тем должен отметить одну довольно странную подробность. Отвечая на вопрос о безопасности езды по Великой Трансазиатской магистрали, Пан Шао нам сказал, что по ту сторону туркестанской границы движение отнюдь не безопасно. То же самое говорил и майор Нольтиц. Тогда я невольно спросил молодого китайца, не слышал ли он до своего отъезда в Европу о похождениях Ки Цзана.

— Как же, и довольно часто. Ки Цзан орудовал тогда в провинции Юньнань. Но я надеюсь, что мы не встретим его на нашем пути.

Должно быть, я неправильно выговорил имя этого извест-

¹ Намек на то, что владычеством Англии весь индийский народ был низведен до бесправного положения парий. Парии — одна из низших каст в Южной Индии.

ного разбойника, потому что, когда Пан Шао произнес его на своем родном языке, я едва его понял.

Но зато могу утверждать, что как только с уст молодого китайца сорвалось имя этого бандита, Фарускиар грозно нахмурил брови, и в глазах его сверкнула молния. Затем он переглянулся со своим приятелем и снова стал с безучастным видом прислушиваться к разговорам пассажиров.

Да, нелегко мне будет сблизиться с этим человеком! Он замкнут на все запоры, как несгораемый сейф, и без пароля его не отомкнешь.

А поезд мчится на всех парах. Обычно, когда он обслуживает лишь одиннадцать станций, лежащих между Бухарой и Самаркандом, то тратит на двухсоткилометровый перегон целый день. Но сегодня, чтобы пройти без остановок расстояние между этими двумя городами, ему понадобилось только три часа.

В два часа пополудни мы были уже в знаменитом городе Тамерлана.

ГЛАВА XII

Самарканд расположен в богатом оазисе, орошаемом рекою Зеравшан, которая протекает по Согдийской долине. Из брошюрки, купленной на вокзале, узнаю, что этот город занимает одно из тех четырех мест, которые богословы «отводят» для земного рая.

Самарканд был сожжен македонскими завоевателями в 328 году до нашей эры и частично разрушен войсками Чингисхана около 1219 года. Затем стал столицей Тамерлана, — город, конечно, может этим гордиться, но в XVIII веке он был снова разрушен кочевниками. Как видите, история всех основных городов Центральной Азии сопровождалась резкими переходами от величия к падению.

Пять часов дневной стоянки в Самарканде обещают мне некоторое развлечение и несколько страниц заметок. Но нельзя терять времени.

Город, как водится, состоит из двух частей. Новая, построенная русскими, отличается современной архитектурой. Крутом зеленеющие парки, дворцы, уютные коттеджи в современном стиле. Старая часть богата великолепными памятниками своего бывшего величия. Чтобы их добросовестно изучить, потребовалось бы несколько недель.

На этот раз я не одинок. Майор Нольтиц свободен и от-

правляется вместе со мной. Мы уже выходим из вокзала, как к нам подбегают супруги Катерна.

— Вы идете осматривать город, господин Клодиус? — спрашивает комик, делая рукою округленный жест, который должен, видимо, означать обширную территорию Самарканда.

— Да, господин Катерна.

— Если вы и майор Нольтиц будете так любезны, то я хотел бы к вам присоединиться...

— Пожалуйста!

— Конечно, вместе с мадам Катерна, без нее — ни на шаг...

— Это сделает нашу экскурсию еще более приятной, — отвечает майор, любезно поклонившись артистке.

Я же прибавляю:

— А чтобы не устать и выиграть время, мои дорогие друзья, предлагаю нанять арбу.

— Арбу? — восклицает господин Катерна, балансируя с боку на бок. — А что такое арба?

— Местный экипаж!

— Тогда пусть будет арба! — соглашается артист.

Мы усаживаемся в один из этих ящиков на колесах, которые стоят перед вокзалом, сулим «ямщику» хорошие чаевые, он же обещает не пожалеть своих «голубчиков». И вот пара маленьких лошадок быстро мчит нас по улицам Самарканда.

По левую руку остается расположенный веером русский город, с домом губернатора, окруженным красивым садом, городским парком с тенистыми аллеями, обширной усадьбой начальника округа, захватывающей даже часть старого города.

Арба проезжает мимо крепости, на которую майор обращает наше внимание. Там, неподалеку от бывшего дворца эмира бухарского, находятся могилы русских солдат, павших при атаке в 1868 году.

Отсюда, по узкой и прямой улице, мы въезжаем на площадь Регистан, «которую не следует смешивать с площадью того же названия в Бухаре», как наивно сказано в брошюрке, купленной на вокзале.

Площадь Регистан — красивый четырехугольник, правда, немного попорченный тем, что русские вымостили его и украсили фонарями. Но это, безусловно, понравится Фульку Эфринелю, если он соблаговолит осмотреть город. По трем сторонам площади возвышаются хорошо сохранившиеся развалины трех медресе, где муллы давали детям религиозное образование. В Самарканде насчитывается семнадцать медресе.

ресе и восемьдесят пять мечетей. Здания медресе очень похожи одно на другое. В центре — галерея, ведущая во внутренние дворы; стены сложены из кирпича, покрытого светло-желтой и нежно-голубой глазурью. Повсюду арабески — причудливые золотые линии на бирюзовом фоне, — кстати, этот цвет преобладает. Склонившиеся минареты, кажется, вот-вот упадут, но, к счастью, не падают. Их эмалевая облицовка, по мнению бесстрашной путешественницы, госпожи Уйфальви-Бурдон, намного превосходит даже лучшие сорта наших эмалей. А ведь речь тут идет не о какой-нибудь вазе, которую ставят на цоколь, а о минаретах внушительной высоты!

Эти чудеса строительного искусства сохранились в том же первозданном виде, какой они имели при Марко Поло, венецианском путешественнике XIII века, посетившем Самарканд.

— Ну как, господин Бомбарнак? — спрашивает майор. — Нравится вам площадь Регистан?

— Она великолепна!

— Да, — вставляет свою реплику комик, — и вполне могла бы послужить чудесной декорацией для балета. Не правда ли, Каролина? Посмотри на эту мечеть возле сада и на ту, рядом с дворцом.

— Ты прав, Адольф, — говорит артистка, — но для большего эффекта я бы выпрямила эти башни, а посередине устроила светящиеся фонтаны...

— Блестящая мысль, Каролина! Послушайте, господин Бомбарнак, а не смогли бы вы написать для нас драму с феерией в третьем акте, которая происходила бы на фоне такой декорации? Что же касается названия...

— То так и напрашивается — «Тамерлан».

Но комик встретил мое предложение без восторга. Догодаваясь, что фигура завоевателя Азии кажется ему недостаточно современной, не в духе «Конца века»¹. Наклонившись к жене, господин Катерна поспешно добавляет:

— Я видел площадь и покрасивее этой в феерии «Дочь ночи», в театре «Порт-Сен-Мартен»².

— И в Шатле, в «Михаиле Строгове»³, — вторит ему жена.

¹ «Конец века» — название художественного направления, сложившегося во французской литературе и искусстве в последние десятилетия XIX века.

² «Порт-Сен-Мартен» — театр в Париже.

³ «Михаил Строгов» — роман Жюль Верна, инсценировка которого, сделанная самим автором, с большим успехом шла на сцене парижского театра Шатле.

Спорить с ними бесполезно. Ведь они смотрят на все сквозь призму театральных декораций, предпочитая колеблющийся холст — волнам океана, нарисованное небо — настоящему, искусственные деревья — чаще лесов. Декорации Камбона, Рюбэ или Жамбона не могут сравниться для них ни с каким естественным пейзажем. Словом, искусство они ставят выше природы и было бы бесполезно пытаться их переубедить.

Так как речь зашла о Тамерлане, я спрашиваю майора Нольтица, не посмотреть ли нам гробницу этого знаменитого правителя. Майор отвечает, что мы увидим ее на обратном пути.

Наша арба подъезжает к главному самаркандскому базару и, предварительно повозив нас по извилистым улицам старого города, где почти сплошь одноэтажные дома без всяких признаков комфорта, останавливается у одного из входов в огромное круглое здание.

Вот он, базар. Повсюду множество шерстяных тканей, ярких плюшевых ковров, красивых узорчатых шалей. Покупатели и продавцы отчаянно торгуются. Среди шелков выделяется материя под названием «канаус», которая, кажется, в чести у самаркандских модниц. Но ни качеством своим, ни блеском она не выдерживает сравнения с продукцией лионских фабрик.

Однако в глазах госпожи Катерна появилось такое вождение, словно она стояла у прилавков «Бон Марше» или «Лувра»¹.

— В costume из такой материи невозможно не произвести эффекта в «Великой герцогине»!

— А вот туфли, которые в самый раз подошли бы для роли Али Бажу в «Кандиде»! — восклицает господин Катерна.

И пока жена покупает несколько аршин канауса, муж становится обладателем пары зеленых туфель без задников, какие узбеки надевают перед тем, как переступить порог мечети. Все это происходит не без помощи майора, любезно согласившегося быть посредником между господином Катерна и продавцом, не устававшим выкрикивать свои бесконечные «йок», «йок»!

Арба едет дальше, и мы попадаем на площадь Биби-ханым, где возвышается мечеть того же названия. Хотя эта площадь и не такой правильной формы, как Регистан, зато она, на мой взгляд, более живописна: причудливо сгруппиро-

¹ «Бон Марше», «Лувр» — большие магазины в Париже.

ванные руины, остатки сводов, карнизов, арок, полуоткрытые купола, колонны без капителей, но чудом сохранившие у оснований удивительно яркую эмаль. Затем идет длинный ряд наклонившихся портиков, замыкающих с одной стороны этот обширный четырехугольник. Все это производит тем большее впечатление, что древние памятники времен расцвета Самарканда смотрятся на фоне такого пронзительно синего неба и изумрудной зелени, каких не встретишь... даже в опере, не в обиду будь сказано нашему комику... Но должен признаться, что мы испытываем еще более сильное впечатление, когда арба привозит нас в северо-восточный конец города, к прекраснейшему ансамблю Центральной Азии — усыпальнице Шах-и-Зинда, воздвигнутой в 795 году Хиджры (1392 год нашей эры).

Пером это чудо не опишешь. Если я на протяжении одной фразы упомяну такие слова, как мозаика, фронтоны, тимпаны¹, барельефы, ниши, эмали, выступы, — то картины все равно не получится. Тут нужна кисть художника. Перед этими остатками самой блестящей архитектуры, которую завещал нам азиатский гений, теряется всякое воображение.

В глубине мечети находится гробница Куссама-бен-Аббаса, высокочтимого «святого» мусульманской религии, которому поклоняются правоверные. Существует поверье, что, если открыть гробницу, Куссам-бен-Аббас выйдет из нее живым во всей своей славе. Впрочем, этот опыт никому еще не удалось проделать, и потому верующие продолжают довольствоваться легендой.

Но всему наступает конец. Пора оторваться от созерцания этих красот. К счастью, господин и госпожа Катерна не нарушили нашего восторга своими театральными воспоминаниями. Видимо, и на них мечеть произвела впечатление.

Снова садимся в арбу, и ящик гонит рысью своих «голубчиков» по тенистым улицам, которые содержатся в чистоте и порядке.

В Самарканде много прохожих в живописных костюмах — «халаты» всех цветов, а на голове кокетливо закрученные тюрбаны. Впрочем, типы здесь смешанные, да и как может быть иначе? Ведь в городе около сорока тысяч жителей. Большинство из них таджики иранского происхождения. Это люди крепкого телосложения с коричневой от загара кожей. Повторю здесь строчки, прочитанные в рассказе госпожи Уйфальви-Бурдон: «Волосы у них черные. Бороды тоже чер-

¹ Т и м п а н — архитектурный термин: поле фронтона.

ные и удивительно густые. Глаза правильной формы и почти всегда карие. Удивительно красивый нос, тонкие губы и маленькие зубы. Лоб высокий и широкий. Овал лица продолговатый».

И я не могу не присоединиться к господину Катерна, который, увидя одного из таджиков, причудливо задрапированного в яркий халат, восклицает:

— Какой прекрасный тип для первых ролей! Вот это настоящий Мелинг! Представьте его только в «Нана-Саибе» Ришпена или в «Шамиле» Мериса!

— Он заработал бы немало денег,— добавляет госпожа Катерна.

— Ты, как всегда, права, Каролина,— подхватывает комик.

Для него, впрочем, как и для большинства актеров, выручка служит самым серьезным и неоспоримым доказательством драматического таланта.

Уже пять часов, а в этом несравненном Самарканде одна декорация сменяется другой, еще более великолепной. Меня это очень увлекает. Спектакль мог бы затянуться далеко за полночь. Но так как наш поезд выезжает в восемь часов, приходится мириться и жертвовать концом пьесы.

Поскольку я решил, пусть даже из репортерского престижа, не покидать Самарканд, не побывав на могиле Тамерлана, то арба снова поворачивает к юго-западу и высаживает нас возле усыпальницы Гур-и Эмир, по соседству с русской частью города. Какие грязные кварталы мы проезжаем! Сколько жалких глиняных лачуг встретилось нам по пути!

Мавзолей Гур-и Эмир выглядит более чем величественно. Он увенчан бирюзовым куполом, напоминающим по форме персидский тюрбан, а его единственный минарет, теперь уже без верхушки, сверкает эмалевыми арабесками, сохранившими свою первозданную чистоту.

Проходим в центральный зал под куполом. Там возвышается гробница «Железного Хромца» — так называли Тимура-Завоевателя.

Окруженные четырьмя могилами его сыновей, под плитой из черного нефрита, испещренной надписями, лежат кости Тамерлана, имя которого стало символом всего XIV века азиатской истории. Стены этого зала выложены тоже нефритом с нанесенным на него орнаментом в виде бесчисленных, переплетающихся ветвей, а маленькая колонна у стены, выходящей на юго-запад, указывает направление Мекки.

Госпожа Уйфальви-Бурдон справедливо сравнивает эту часть Гур-и Эмира со святилищем. Такое впечатление вынесли и мы. Нас охватил благоговейный трепет, когда по узкой и темной лестнице мы спустились в склеп, где стоят гробницы жен и дочерей Тамерлана.

— Но кто же, наконец, этот Тамерлан, о котором здесь только и говорят? — спрашивает господин Катерна.

— Тамерлан, — отвечает ему майор Нольтиц, — был одним из величайших завоевателей мира, даже самым великим, если измерять величие количеством завоеванных земель. Азия к востоку от Каспийского моря, Персия и провинции, лежащие на север от ее границ, Россия до Азовского моря, Индия, Сирия, Малая Азия и, наконец, Китай, на который этот полководец бросил двести тысяч солдат — весь материк был театром его военных действий.

— И он был хромым?

— Да, сударыня, как Гензерик, Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Талейран — что, впрочем, не помешало ему пройти огромные расстояния. Но как фанатичен и кровожаден он был! Историки утверждают, что в Дели Тамерлан приказал уничтожить сто тысяч пленных, а в Багдаде велел воздвигнуть обелиск из восьмидесяти тысяч голов.

— Я предпочитаю обелиск на площади Согласия¹, — говорит господин Катерна. — К тому же он сделан из одного куска.

Мы покидаем мечеть Гур-и Эмир, и, так как, по словам нашего комика, уже время «причаливать», арба спешно доставляет нас к вокзалу.

Несмотря на неуместные замечания супругов Катерна, я все еще продолжал находиться под глубоким впечатлением от чудесных древних памятников Самарканда.

Но вдруг увиденное на соседней с вокзалом улице возвратило меня к действительности — в центре столицы Тамерлана ехали двое велосипедистов.

— Смотрите, смотрите! — кричит комик. — Халаты на колесах!

Это были таджики или узбеки!

Теперь оставалось только покинуть древний город, оскорбленный шедеврами механического передвижения, что и сделал наш поезд в восемь часов вечера.

¹ Площадь Согласия — в Париже. Обелиск, о котором идет речь, был вывезен в 1836 году из Египта.

А через час мы уже сидели за обедом. В вагоне-ресторане появились новые лица и среди них два негра.

— Никто из этих пассажиров дальше русско-китайской границы не поедет, господин Бомбарнак, — сказал Попов.

— Тем лучше, значит, они не должны меня интересовать.

За столом собрались все двенадцать номеров. Думаю, что больше их не будет. Майор Нольтиц не перестает наблюдать за Фарускиаром. Разве он его в чем-нибудь подозревает? Не показалось ли ему тоже странным, что Фарускиар, по-видимому, знаком с тремя монголами, едущими во втором классе, но почему-то старается это утаить? Не заработало ли воображение майора так же деятельно, как и мое, и не принял ли он всерьез мою шутку? Вполне естественно, что я, журналист, к тому же хроникер, ловец сенсаций, захотел увидеть в этом таинственном персонаже соперника знаменитого Ки Цзана, если не самого Ки Цзана. Но кто бы мог поверить, что он, серьезный человек, русский военный врач, придает значение таким фантастическим измышлениям! Об этом мы еще поговорим...

Впрочем, вскоре забываю о подозрительном монголе, вернувшись мысленно к человеку в ящике, на котором теперь должно сосредоточиться все внимание.

Какую бы я ни чувствовал усталость после длительной прогулки по Самарканду, обязательно найду случай навестить его этой ночью.

После обеда все разошлись по своим местам с намерением поспать до Ташкента.

Самарканд и Ташкент разделены расстоянием в триста километров. Поезд прибудет туда не раньше семи часов утра и за весь перегон остановится только на трех промежуточных станциях, чтобы запастись водой и топливом. Все как будто благоприятствует выполнению моего плана! К тому же и ночь сегодня темна — небо обложено тучами, ни луны, ни звезд. Собирается дождь, ветер усиливается. Вряд ли захочется кому-нибудь в такую погоду стоять на площадке. Самое главное — улучшить момент, когда Попов будет крепко спать.

Впрочем, в продолжительной беседе с загадочным незнакомцем нет никакой необходимости. Самое главное — успокоить его. Мне нужно узнать не больше, чем требуется в таких случаях репортеру: кто он такой; кто такая мадемуазель Зинка Клорк, что ему понадобилось в Пекине, что заставило

прибегнуть к такому странному способу передвижения, какими средствами располагает, каковы его убеждения, взгляды, вкусы, привычки; чем занимался прежде; каковы планы на будущее и так далее, словом, все, что требуется для полноценного интервью. Как видите, не так уж много...

Прежде всего нужно подождать, пока в вагоне все уснут. Это произойдет довольно скоро, так как пассажиры достаточно утомились в Самарканде. Вернувшись из вагона-ресторана, они сразу же раздвинули сиденья и устроили себе постели. Несколько мужчин вышли было покурить на площадку, но сильный ветер загнал их обратно в вагон. Все заняли свои места, затянули шторками фонари, и в половине одиннадцатого дыхание одних и храп других перемежались только с равномерным стуком колес и лягганием буферов.

Продолжаю оставаться на площадке, и Попов говорит мне:

— Этой ночью нас ничто не должно потревожить. Советую вам хорошенько выспаться. Боюсь, что следующей ночью, когда мы будем проезжать через Памирские ущелья, будет не так спокойно.

— Спасибо, господин Попов, последую вашему совету.

Начальник поезда желает мне спокойной ночи и запирается в своем купе.

В вагон возвращаться не за чем, и я остаюсь на площадке. Ни справа, ни слева от полотна невозможно ничего разглядеть. Самаркандский оазис уже позади, и теперь дорога стелется по бескрайней равнине. Пройдет еще несколько часов, прежде чем поезд достигнет Сырдарьи. Мост, перекинутый через эту реку, не такой большой, как амударьинский.

Только в половине двенадцатого решаюсь наконец-то открыть дверь багажного вагона и, войдя, тихонько закрываю ее за собой.

Я знаю, что молодой румын иногда выходит из ящика. А вдруг ему вздумается сейчас немного поразмяться и пройтись?

Но в вагоне полнейшая тишина. Сквозь просверленные дырочки не пробивается ни малейшего проблеска света. Это к лучшему. Значит, номер 11 не будет ошеломлен моим внезапным появлением. Он, без сомнения, спит. Стукну два раза в стенку ящика, разбужу его, и мы сразу же объяснимся. Все очень просто.

Продвигаюсь на ощупь. Моя рука касается ящика, прикладываю ухо к передней стенке и прислушиваюсь.

Ничего не слышно — ни шороха, ни дыхания. Где же румын? Неужели успел улизнуть? Может быть, сошел на одной

из станций, а я этого не заметил?.. Прощай тогда вместе с ним и репортаж!.. Не на шутку тревожусь, внимательно прислушиваясь...

Нет! Он не сбежал... Слышу его спокойное, ровное дыхание... Спит... спит, как праведник, этот ловкий обманщик, этот «заяц», обставивший железнодорожную компанию.

Я собрался уже было постучать в стенку, как вдруг услышал пронзительные трели паровозного гудка. Но поезд здесь не должен останавливаться... Жду, пока не прекратятся свистки, и тогда тихонько стучу в стенку...

Нет ответа.

Стучу опять, немного погромче.

Не так слышится, как чувствуется невольное движение удивления и испуга.

— Откройте же... откройте! — говорю я по-русски. — Не бойтесь! С вами говорит друг.

Хотя стенка, вопреки моим ожиданиям, не раздвинулась, но в ящике чиркнула спичка и засветился слабый свет.

Смотрю на узника сквозь небольшие отверстия.

Лицо его исказилось, глаза блуждают... Он, по-видимому, не может понять, во сне все это происходит или наяву.

— Откройте, друг мой. Откройте и доверьтесь случайно узнавшему вашу тайну... Я никому не скажу... Напротив, даже могу быть вам полезен.

Бедняга как будто немного успокоился, но замер и не шевелится.

— Полагаю, что вы румын. А я — француз.

— Француз?.. Вы — француз?.. — проговорил он на моем родном языке с небольшим акцентом.

Отношения начинают налаживаться.

Передняя стенка отодвинулась.

— Никто нас не может увидеть или услышать? — спросил шепотом мой новый друг.

— Никто.

— А начальник поезда?

— Спит крепким сном.

Румын берет меня за обе руки и крепко сжимает их... Чувствую, что он ищет поддержки... Понимает, что может рассчитывать на незнакомца... И все-таки с губ его срывается приглушенный лепет:

— Не выдавайте меня!.. Прошу вас, не выдавайте!..

— Не волнуйтесь. Разве вы не помните, с какой симпатией отнеслись французские газеты к австрийскому портняжке и к этим испанцам, жениху и невесте, которые избра-

ли точно такой же способ путешествия? Разве газеты не открыли подписку в их пользу?.. А вы боитесь, как бы я, хроникер... журналист...

— Так вы журналист?..

— Клодиус Бомбарнак, корреспондент газеты «XX век».

— И вы едете до Пекина?..

— До Пекина!

— Сам Бог послал вас.

— Совсем не Бог, а редакция газеты. Мужайтесь и поверьте мне! Постараюсь быть вам полезен...

— Благодарю, господин Бомбарнак!

— Как вас зовут?

— Кинко!

— Кинко? Превосходное имя для моих статей! Вы румын, не так ли?

— Румын из Бухареста...

— Но вы, должно быть, жили во Франции?

— Четыре года служил в Париже подмастерьем у одного обойщика в Сент-Антуанском предместье.

— А затем вернулись в Бухарест?

— Да, и занимался там своим ремеслом до того дня, пока стало невмоготу противиться желанию уехать...

— Уехать?.. Но зачем?..

— Чтобы жениться!

— Жениться... на мадемуазель Зинке...

— Зинке?..

— Да, на мадемуазель Зинке Клорк, улица Ша-Хуа, Пекин, Китай.

— Так вы знаете?..

— Конечно... Ведь адрес написан на ящике...

— Ах да, верно!

— Кто же эта Зинка Клорк?

— Молодая румынка. Я познакомился с ней в Париже, там она училась у модистки...

— Я так и думал.

— Она тоже вернулась в Бухарест... А потом ее пригласили заведовать магазином мод в Пекине... Мы, сударь, так любили друг друга, а ей пришлось уехать... И вот уже год, как в разлуке!.. Три недели назад я получил письмо... Дела у нее идут хорошо... Если приеду в Пекин, то тоже добьюсь положения и стану зарабатывать не меньше... И вот не долго думая пустился в путь... в Китай.

— В ящике?

— Но посудите сами, господин Бомбарнак,— проговорил

Кинко, краснея,— что я еще мог придумать? Денег хватило только на покупку этого ящика, да еще чтобы запастись кое-какой провизией на дорогу и отправить самого себя багажом, с помощью одного услужливого приятеля... Ведь один только билет от Тифлиса до Пекина стоит тысячу франков... Но, клянусь вам, когда достаточно заработаю, то возьму компанию все убытки... Поверьте, что...

— Я в этом не сомневаюсь, Кинко... И как только вы приедете в Пекин...

— Зинка предупреждена. Ящик отвезут прямо к ней на квартиру, на улицу Ша-Хуа, и она...

— Заплатит за доставку?

— Да, сударь.

— И с большим удовольствием, я за это ручаюсь...

— Конечно... ведь мы так любим друг друга!

— И, кроме того, Кинко, чего же не сделаешь для жениха, который на целых две недели согласился стать багажом с надписью:

«Осторожно, зеркала!
Не кантовать! Беречь от сырости!»

— И вы еще потешаетесь над бедным человеком!

— Что вы, у меня этого и в мыслях нет... Можете быть уверены, что сделаю все возможное, чтобы вы прибыли к мадемуазель Зинке Клорк сухим и неразбитым и вообще в полной сохранности!

— Еще раз благодарю вас, сударь. Поверьте, что не окажусь неблагодарным.

— Э, мой друг, я и так буду вознагражден... И даже с избытком!

— Каким же образом?

— Опишу в газете все ваше путешествие из Тифлиса в Пекин. Разумеется, когда вы будете вне опасности. Вообразите только, какое сенсационное заглавие: «Влюбленный в ящике! Зинка и Кинко!! Полторы тысячи лье по Центральной Азии в багажном вагоне!!!»

Молодой румын не мог сдержать улыбки.

— Только не нужно очень торопиться...

— Не бойтесь! Осторожность и скромность гарантированы — как в лучших брачных конторах.

Из предосторожности я подошел к двери вагона, чтобы удостовериться, что нам не грозит опасность, а затем разговор продолжился.

Разумеется, Кинко пожелал узнать, каким образом была

раскрыта его тайна. Я рассказал, что обратил внимание на ящик во время переправы через Каспий, а потом услышал чье-то дыхание и подумал, что внутри находится какое-то животное. И тут Кинко развеселился. Румыну показалось очень забавным, что его приняли за хищного зверя. Это он-то хищник! Самое большее — верная собачонка. Но я тут же сообщил, что, когда он чихнул, это помогло мне возвести его на лестнице живых существ до ранга человека.

— А знаете,— сказал молодой человек, понижая голос,— что случилось в позапрошлую ночь? Вагон, как всегда, был заперт, я зажег лампу и только стал ужинать... как вдруг в стенку ящика кто-то постучал...

— Это был я, Кинко. Мы могли бы познакомиться в ту же ночь... Но поезд налетел на какого-то верблюда, имевшего неосторожность преградить нам путь, и резко затормозил. Началась суматоха, я едва успел выбежать на площадку...

— Так это были вы! — воскликнул Кинко.— Ну, теперь можно свободно вздохнуть!.. Если бы вы знали, какого страха я натерпелся!.. Решил, что меня выследили, узнали, что еду в ящике... И уже представлял себе, как за мной приходят, передают полицейским агентам, берут под арест, сажают в тюрьму в Мерве или Бухаре. Ведь русская полиция шутить не любит! И маленькая Зинка тщетно ждала бы в Пекине... и я никогда больше не увидел бы ее... если бы только не продолжил путешествие пешком... Но я на это решился бы, честное слово, сударь, решился бы!

Он говорил так страстно, что невозможно было усомниться в незаурядной энергии этого молодого румына.

— Очень сожалею, мой храбрый Кинко, что причинил вам столько огорчений. Но теперь вы успокоились, и смею думать, что, с тех пор как мы стали друзьями, ваши шансы на успех даже возросли.

Затем прошу Кинко показать мне, как он устроился в ящике.

Оказалось — очень просто и как нельзя лучше придумано. В глубине — сиденье, но не вдоль стенки, а под углом, так что легко можно вытянуть ноги. Под сиденьем — нечто вроде треугольного короба с крышкой, в котором кое-какие припасы и самые необходимые столовые принадлежности: складной ножик и металлическая кружка. На одном гвоздике — плащ и одеяло, на другом — маленькая лампочка, которой он пользуется по ночам.

Само собой разумеется, что выдвижная стенка позволяет узнику в любую минуту покинуть свою тесную тюрьму. Но

если бы носильщики не посчитались с предостерегающими надписями и поставили ящик среди груды багажа, Кинко не смог бы отодвинуть створку и вынужден был бы просить помощи, не дожидаясь конца путешествия. Но у влюбленных, как видно, есть свой бог, и он, несомненно, покровительствует Зинке и Кинко. Румын рассказал мне, что он каждую ночь имеет возможность прогуливаться по вагону, а однажды отважился даже выйти на платформу.

— Это было в Бухаре... Я вас видел.

— Видели?

— Да, и подумал, что вы хотите убежать. Но я узнал вас только потому, что смотрел в дырки ящика, когда заходил в багажный вагон. Никому другому и в голову не могло прийти в чем-нибудь вас заподозрить. Но это очень опасно. Не повторяйте больше таких экспериментов. Предоставьте уж лучше мне позаботиться о том, чтобы вы были сыты. При первом удобном случае принесу вам какую-нибудь еду.

— Благодарю вас, господин Бомбарнак. Теперь могу не опасаться, что меня откроют... Разве только на китайской границе... или, скорее, в Кашгаре.

— А почему в Кашгаре?

— Говорят, таможенники там очень строго следят за грузами, идущими в Китай. Боюсь, как бы они не стали осматривать багаж...

— Действительно, Кинко, вам предстоит пережить несколько трудных часов.

— И если меня обнаружат...

— Я буду рядом и сделаю все возможное, чтобы с вами не случилось ничего плохого.

— Ах, господин Бомбарнак! — воскликнул Кинко. — Как мне отблагодарить вас за доброту?

— Очень легко, мой друг.

— Но как?

— Пригласите на вашу свадьбу.

— О, конечно, господин Бомбарнак, вы будете нашим первым гостем.

Мы обмениваемся последним рукопожатием, и, право, мне кажется, что у этого славного малого на глаза навернулись слезы. Он погасил лампу, задвинул створку, и, уходя, я еще раз услышал из ящика «спасибо» и «до свиданья».

Выйдя из багажного вагона и затворив дверь, убеждаюсь, что Попов продолжает еще спать. Несколько минут дышу свежим ночным воздухом, а затем возвращаюсь на свое место рядом с майором Нольтицем.

И прежде чем закрыть глаза, думаю о молодом румыне, благодаря которому мои путевые заметки должны показаться читателям еще более интересными.

ГЛАВА XIV

В 1870 году русские пытались основать в Ташкенте ярмарку, которая не уступала бы Нижегородской. Попытка не удалась, потому что была преждевременной. А двадцатью годами позже дело легко решилось благодаря Закаспийской железной дороге, соединившей Ташкент с Самаркандом.

Теперь туда стекаются толпами не только купцы со своими товарами, но и богомольцы-пилигримы. Можно себе представить, какой размах примет паломничество, когда правоверные мусульмане смогут отправляться в Мекку по железной дороге!

Надо признаться, что все туркестанские города во многом схожи. Повидав один из них, смело можешь сказать, что видел и другие, если не вдаваться в подробности.

Я не раз уже сообщал читателям, что после присоединения Средней Азии к России рядом со старыми городами выросли новые. Мы наблюдали это в Мерве, в Бухаре и в Самарканде. Ташкент не исключение.

В старом городе — те же извилистые улицы; невзрачные, глинобитные домики; довольно неприглядные базары, караван-сарай, сложенные из «самана», высушенного на солнце необожженного кирпича; несколько мечетей и школ.

Население приблизительно такое же, как и в других туркестанских городах: узбеки, таджики, киргизы, ногайцы, евреи, незначительное число афганцев и индусов, конечно же, много русских, которые устроились здесь, как у себя дома.

Пожалуй, евреи здесь сосредоточились в большем количестве, чем в других городах. С тех пор как Ташкент перешел к русской администрации, положение их значительно улучшилось: они получили гражданские права.

Осмотру города, к сожалению, могу посвятить только два часа и делаю это с присутшим мне репортерским усердием. Пробегаю по большому базару, простому дощатому строению, где горами навалены восточные материи, шелковые ткани, металлическая посуда и различные образцы китайского ремесла, среди которых великолепно выполненные фарфоровые изделия.

На улицах старого Ташкента можно нередко встретить

женщин. К великому неудовольствию мусульман, в этой стране нет больше рабынь.

Майор Нольтиц рассказал мне, что слышал сам от одного старого узбека: «Могуществу мужа пришел конец. Теперь нельзя побить жену без того, чтобы она не пригрозила тебе царским судом. Это же настоящее разрушение брака!»

Не знаю, бьют ли еще здесь жен или нет, но если муж это делает, то прекрасно знает, что его могут привлечь к ответственности. Верите ли? Эти странные восточные люди не усматривают никакого прогресса в запрещении рукоприкладства! Быть может, они помнят, что земной рай находился, по преданию, неподалеку от здешних мест, между Сырдарьей и Амударьей, и что праматерь наша Ева жила в этом первобытном саду и, без сомнения, не совершила бы первородного греха, если бы предварительно была немножко побита? Впрочем, не стоит на этом останавливаться.

Мне, правда, не довелось, подобно госпоже Уйфальви-Бурдон, услышать, как местный оркестр исполняет «Нантерских пожарных» в генерал-губернаторском саду, потому что в этот день играли «Отца победы». И хотя эти мотивы отнюдь не местные, они звучали не менее приятно для французского уха.

Мы покинули Ташкент ровно в одиннадцать часов утра. Местность, по которой проходит железная дорога, дальше становится разнообразней. Теперь это волнистая равнина, всхолмленная первыми отрогами восточной горной системы. Мы приближаемся к Памирскому плато. Тем не менее поезд сохраняет обычную скорость на всем стопятидесятикилометровом перегоне до Ходжента¹.

Мысленно опять возвращаюсь к храброму Кинко. Его незатейливая любовная история тронула меня до глубины души. Жених отправлен багажом... Невеста платит за доставку... Уверен, что майор Нольтиц заинтересовался бы парой голубков, один из которых заперт в клетке, и, думаю, не выдал бы этого железнодорожного «зайца»... Так и подмывает подробно рассказать ему о вылазке в багажный вагон. Но секрет ведь принадлежит не мне одному, и я не вправе его разглашать.

Итак, держу язык на привязи, а следующей ночью, если представится возможность, попытаюсь принести чего-нибудь съестного «улитке». Разве Кинко в его деревянном футляре

¹ Ходжент в 1936 году переименован в Ленинабад.

не походит на улитку в раковине, хотя бы потому, что он может ненадолго выглянуть из своего «домика»!

В Ходжент мы прибываем в три часа пополудни. Земля здесь плодородная, покрытая сочной зеленью. Заботливо возделанные огороды чередуются с громадными лугами, засеянными клевером, приносящим ежегодно четыре или пять покосов. Вдоль дорог, ведущих в город, растут длинными рядами старые тутовые деревья, привлекающие взор своими причудливыми стволами и прихотливо изогнутыми ветками.

И этот город разделен на две половины — старую и новую. Если в 1868 году в Ходженте насчитывалось только тридцать тысяч жителей, то теперь население увеличилось до сорока пяти — пятидесяти тысяч. Это — естественное следствие расширения торговых связей: новые рынки притягивают к себе продавцов и покупателей.

В Ходженте мы стоим три часа. Я наношу городу беглый репортерский визит, прогуливаюсь по берегу Сырдарьи. Через эту мутную реку, омывающую подножие высоких гор, перекинут мост, под средним пролетом которого проходят довольно крупные суда.

Погода очень жаркая. А так как Ходжент, словно ширмой, защищен горами, степные ветры до него не доходят. Это один из самых душных городов в Туркестане.

Я встретил супругов Катерна. Комик настроен весьма благодушно.

— Я никогда не забуду Ходжента, господин Клодиус.

— Почему?

— Видите вы эти персики? — отвечает он, показывая мне увесистый пакет с фруктами.

— Они превосходны...

— И совсем не дороги! Четыре копейки за килограмм, иначе говоря, двенадцать сантимов!

— Это потому, что персиками тут хоть пруд пруди. Персик — азиатское яблоко, и первая его вкусила некая... мадам Адам¹.

— В таком случае, я ее охотно прощаю! — восклицает госпожа Катерна, впиваясь зубами в сочный плод.

От Ташкента рельсовый путь круто спускается к югу, по направлению к Ходженту, а оттуда поворачивает к востоку на Коканд. На станции Ташкент он ближе всего подходит к Великой Сибирской магистрали. Сейчас уже прокладывается новая ветка, которая вскоре соединит Ташкент с Семипа-

¹ Намек на библейскую легенду о грехопадении Адама и Евы.

латинском, и таким образом железные дороги Средней Азии примкнут к дорогам Северной Азии, образуя единую сеть¹.

За Кокандом мы повернем прямо на восток и, миновав Маргелан и Ош, помчимся вдоль ущелий Памирского плато, чтобы выйти на туркестано-китайскую границу.

Едва поезд тронулся, как пассажиры заполнили вагон-ресторан. Я не вижу среди них ни одного незнакомого лица. Новые пассажиры появятся только в Кашгаре. Там русская кухня уступит место «небесной», и, хотя это название напоминает нектар и амброзию Олимпа, возможно, что мы много потеряем от такой перемены.

Фульк Эфринель сидит на своем обычном месте. Легко почувствовать, что между ним и мисс Горацией Блуэтт установилась интимная дружба, основанная на сходстве вкусов и наклонностей. Никто из нас не сомневается, что дело идет к браку, и они заключат его, как только сойдут с поезда. Это будет достойный финал железнодорожного романа американца и англичанки. По правде говоря, роман Зинки Клорк и Кинко мне гораздо больше по душе.

Мы в своей компании. «Мы» — это самые симпатичные из моих номеров — майор Нольтиц, супруги Катерна, молодой Пан Шао, который отвечает на тяжеловесные шутки комика тонкими парижскими остротами.

Обед хороший, настроение веселое. Знакомимся с третьим правилом благородного венецианца Корнаро, давшего определение истинной меры еды и питья. Пан Шао сам вызывает доктора на этот разговор, и Тию Кин поучает его с истинно буддийской невозмутимостью.

— Это правило,— говорит он,— основано на том, что каждый темперамент, в зависимости от пола, возраста, физического сложения и жизнеспособности, требует разного количества пищи.

— А каковы, доктор, потребности вашего собственного темперамента? — интересуется господин Катерна.

— Четырнадцать унций² твердой и жидкой пищи...

— В час?

— Нет, сударь, в день,— отвечает Тию Кин.— И такой

¹ Напомним читателям, что ко времени выхода романа Закаспийская дорога доходила только до Самарканда, а линия, соединяющая через Семипалатинск Среднюю Азию с Сибирью (будущий Турксиб), еще даже не проектировалась. Это — один из многих примеров, когда фантазия Жюль Верна спустя несколько десятилетий получила жизненное подтверждение.

² У н ц и я — устаревшая мера аптекарского веса; около 30 граммов.

именно меры придерживался знаменитейший Корнаро с тридцатилетнего возраста, что помогло ему сохранить физические и умственные силы, чтобы написать на девяносто пятом году свой четвертый трактат и дожить до ста двух лет.

— По этому поводу дайте мне, пожалуйста, пятаю котлету! — восклицает Пан Шао, разражаясь хохотом.

Ничего нет приятнее дружеской беседы за хорошо сервированным столом. Но обязанности призывают меня пополнить записную книжку заметками о Коканде. Мы должны прибыть туда в девять вечера, когда будет уже темно. Поэтому прошу майора поделиться со мной некоторыми сведениями о последнем значительном городе на территории русского Туркестана.

— Мне это тем легче сделать, — отвечает майор, — что я пятнадцать месяцев служил в Кокандском гарнизоне. Очень жаль, что вы не сможете посетить этот город, полностью сохранивший свой азиатский облик, так как мы еще не успели прилепить к нему новые кварталы. Вы увидели бы там площадь — второй такой не найти во всей Азии; величественный дворец Худоярхана, на холме в сто метров высотой, в котором остались от прежнего правителя пушки работы узбекских мастеров. Дворец этот считается, и не без оснований, могу вас уверить, настоящим чудом архитектуры. Вы теряете счастливую возможность употребить самые изысканные эпитеты, какие только есть в вашем лексиконе, чтобы описать приемный зал, обращенный в русскую церковь; длинный лабиринт комнат с паркетом из карагача; розовый павильон, где с чисто восточным гостеприимством встречали иностранцев; внутренний двор, расцвеченный мавританским орнаментом, напоминающим восхитительные архитектурные причуды Альгамбры¹; террасы с прекрасным видом на город и окрестности; красивые здания гарема, где жили в добром согласии жены султана — тысяча жен, больше на целую сотню, чем у царя Соломона; кружевные фасады, сады с прихотливыми сводами и беседками из разросшихся виноградных лоз... Вот что могли бы вы увидеть в Коканде...

— Но я уже увидел это вашими глазами, дорогой майор, и читатели не будут, надеюсь, в обиде. Скажите только еще, есть ли в Коканде базар?

— Туркестанский город без базаров — все равно, что Лондон без доков.

¹ Альгамбра — дворец в Испании, замечательный памятник мавританского зодчества XIII—XIV веков.

— И Париж без театров! — восклицает первый комик.

— Да, в Коканде есть несколько базаров, и один из них находится на мосту через реку Сох, проходящую через город двумя рукавами. Там продаются лучшие азиатские ткани, за которые платят золотыми «тилля» — на наши деньги три рубля шестьдесят копеек.

— А теперь, майор, расскажите, пожалуйста, о здешних мечетях и медресе.

— С большим удовольствием, господин репортер, так как они не идут ни в какое сравнение с бухарскими и самаркандскими.

Я воспользовался любезностью майора Нольтица, и благодаря ему читатели «XX века» получают хоть некоторое представление о Коканде. Пусть мое перо бросит беглый луч на этот город, смутный силуэт которого удастся, быть может, разглядеть в темноте!

Сильно затянувшийся обед неожиданно закончился, когда господин Катерна изъявил готовность прочесть нам какой-нибудь монолог.

Вы, конечно, легко догадаетесь, как охотно было принято это предложение.

Наш поезд все больше и больше начинает напоминать городок на колесах. В нем есть даже свой «клуб» — вагон-ресторан.

И вот, в восточной части Туркестана, в четырехстах километрах от Памирского плоскогорья, за десертом после превосходного обеда, поданного в салоне трансасиатского поезда Узун-Ада — Пекин, было с большим чувством прочитано «Наваждение», прочитано со всем талантом, присущим господину Катерна, первому комику, ангажированному на предстоящий сезон в шанхайский театр.

— Сударь,— говорит ему Пан Шао,— примите мои самые искренние похвалы. Я уже слышал Коклена-младшего...¹

— О, это мастер, сударь, великий мастер!..

— К которому вы приближаетесь...

— Мне это очень лестно, очень лестно!..

Дружеские «браво», которыми закончилось выступление господина Катерна, бессильны были сбить сэра Фрэнсиса Травельяна, не уставшего выражать нечленораздельными восклицаниями свое неудовольствие обедом, который показался ему отвратительным. Да он вообще не способен к ве-

¹ Коклен-младший (1848—1909) — французский комедийный актер.

селью, хотя бы даже к «грустному веселью», что было свойственно его соотечественникам еще четыреста лет тому назад, если верить Фруассару...¹ Впрочем, на этого ворчливого джентльмена никто больше не обращает внимания.

Барон Вейшнитцердерфер ни слова не понял из маленького шедевра, прочитанного первым комиком, а если бы и понял, то вряд ли одобрил «парижскую монологоманию».

А величественный Фарускиар вместе с неразлучным Гангиром, при всей их сдержанности и невозмутимости, казалось, все же проявили некоторый интерес к странным жестам и забавным интонациям господина Катерна...

Это не ускользнуло от внимания актера, очень чувствительного к настроению зрителей, и он сказал мне, вставая из-за стола:

— Сеньор монгол просто великолепен!.. С каким достоинством держится!.. Сколько в нем величия!.. Настоящий человек Востока!.. Гораздо меньше нравится мне его товарищ... Такого можно было бы взять лишь на третьи роли. Не правда ли, Каролина, этот великолепный монгол был бы очень хорошим Моралесом в «Пиратах саванн»?

— Только не в этом костюме.

— А почему бы и нет, господин Клодиус? Однажды я играл в Перпиньяне полковника де Монтеклена из «Женевской усадьбы» в мундире японского офицера.

— И как ему аплодировали! — заметила госпожа Катерна.

Поезд идет по гористой местности. Рельсовый путь делает частые повороты. То и дело мы проезжаем через виадуки и тоннели, которые дают о себе знать гулким грохотом вагонов.

Спустя некоторое время Попов объявил, что мы въезжаем на территорию Ферганы, прежнего Кокандского ханства, присоединенного к России в 1876 году с семью составляющими его округами. Эти округа, населенные по большей части узбеками, управляются окружными начальниками, их помощниками и «городскими головами».

За окнами простирается степь, настолько плоская и гладкая, что госпожа Уйфальви-Бурдон сравнила ее с зеленым сукном бильярдного стола. И по этой ровной поверхности катится не шар из слоновой кости, а экспресс Великой Трансзиатской магистрали, делающий шестьдесят километров в час.

Проехав станцию Чучай, поезд прибывает в девять часов

¹ Фруассар — французский летописец XIV века.

на Кокандский вокзал. Остановка двухчасовая, поэтому мы сходим на платформу.

Я подхожу к майору Нольтицу как раз в ту минуту, когда он обращается к Пан Шао с вопросом:

— Вы знали этого мандарина Иен Лу, тело которого везут в Пекин?

— Нет, не знал.

— Должно быть, он был очень важной персоной, судя по тому, какие ему воздают почести.

— Вполне возможно, майор. Ведь у нас в Поднебесной империи немало важных персон.

— В таком случае, мандарин Иен Лу?..

— Но я даже не слышал о нем.

Зачем майор Нольтиц спросил об этом у молодого китайца и почему его вдруг заинтересовал именитый покойник?

ГЛАВА XV

Коканд — довольно крупная станция с запасными путями и паровозным депо. Локомотив, который вез нас от Узун-Ада по ровной, почти горизонтальной местности, будет здесь заменен другим, более мощным. Среди ущелий Памирского плоскогорья, на крутых подъемах, нужны машины, обладающие большей силой тяги.

Я прогуливаюсь по платформе, курю и слежу за маневрами. Когда локомотив с тендером были отцеплены, багажный вагон, где находится Кинко, оказался головным.

Молодой румын поступит крайне неосмотрительно, если вздумает сейчас выйти на платформу. Его тотчас же заметят «городовые», которые так и шныряют взад и вперед, пристально разглядывая каждого пассажира. Тихонько сидеть в ящике и не высовываться из вагона — это самое лучшее, что может сделать мой новый друг. А я тем временем раздобуду какой-нибудь еды и постараюсь проникнуть к нему до отхода поезда.

Вокзальный буфет открыт. Как хорошо, что там нет Попова, а то бы он удивился и спросил, зачем я запасаюсь провизией. Ведь в вагоне-ресторане есть все необходимое.

Немного холодного мяса, хлеба и бутылку вина — это все, что удастся получить в буфете.

На вокзале довольно темно. Горят лишь несколько тусклых ламп. Попов разговаривает с каким-то железнодорожным служащим. Новый локомотив еще не подан. Момент

подходящий! Незачем ждать, пока мы выйдем из Коканда. Повидавшись с Кинко, я смогу, по крайней мере, провести спокойную ночь, а спать, признаться, очень хочется.

Поднимаюсь на площадку и, убедившись, что меня никто не видит, прохожу в багажный вагон и, чтобы предупредить Кинко, говорю вполголоса:

— Это я!

Он сидит в ящике. Советую ему быть еще более осторожным и поменьше расхаживать по вагону. Румын очень обрадовался провизии, потому что у него почти ничего не осталось.

— Не знаю, как вас и благодарить, господин Бомбарнак.

— Раз не знаете, так избавьте себя от этой заботы, дорогой Кинко. Так будет проще.

— Сколько времени мы простои́м в Коканде?

— Два часа.

— А когда будем на границе?

— Завтра, в час дня.

— А в Кашгаре?

— Еще через пятнадцать часов. В ночь с девятнадцатого на двадцатое.

— Вот где будет опасно, господин Бомбарнак.

— Да, Кинко, там будет опасно. Китайские таможенники не пропустят через границу, пока внимательно нас всех не осмотрят. Но такие строгости применяются только к пассажирам, а не к багажу. А так как этот вагон предназначен только для груза, идущего в Пекин, то, думаю, вам особенно нечего бояться. Итак, доброй ночи. Ради предосторожности, не буду здесь больше задерживаться...

— Доброй ночи, господин Бомбарнак! Доброй ночи!

Я вернулся на свое место и так крепко заснул, что не слышал сигнала к отправлению.

До рассвета поезд проехал только одну крупную станцию — Маргелан, где стоял очень недолго.

В Маргелане шестьдесят тысяч жителей, и фактически он является столицей Ферганской области, а не Коканд, где климат вреден для здоровья. Город, конечно, делится на две части — русскую и туземную. Однако в туземных кварталах нет ничего примечательного, не сохранилось никаких памятников старины, а потому читатели, надеюсь, не осудят за то, что я не прервал своего сна, чтобы окинуть Маргелан беглым взглядом.

Достигнув Шахимарданской долины, поезд снова вы-

брался на ровное степное пространство, что позволило ему развить нормальную скорость.

В три часа пополудни — сорокапятиминутная остановка на станции Ош. Тут я вторично пренебрег своими репортерскими обязанностями и ничего не увидел. Оправдаться могу лишь тем, что и здесь смотреть особенно не на что.

За станцией Ош полотно железной дороги выходит к границе, отделяющей русский Туркестан от Памирского плоскогорья и обширной страны кара-киргизов.

Эту часть Центральной Азии непрерывно тревожат плутонические силы, колеблющие земные недра. Северный Туркестан не раз подвергался воздействию разрушительных толчков. Здесь еще хорошо помнят землетрясение 1887 года, и я сам мог видеть в Ташкенте и Самарканде неопровержимые доказательства вулканической деятельности. К счастью, подобные катаклизмы случаются не так уж часто. Но слабые толчки и колебания почвы наблюдаются регулярно на протяжении всей длины нефтеносной полосы — от Каспийского моря до Памирского плоскогорья.

Вообще же эта область — одна из интереснейших частей Центральной Азии, какие только может посетить турист. Хотя майору Нольтицу не приходилось бывать дальше станции Ош, он хорошо знает эти места по современным картам и описаниям новейших путешествий. Среди авторов записок следует назвать двух французов — Капю и Бонвало. Майору, как и мне, хочется увидеть окрестности Памирского плоскогорья, а потому мы с шести часов утра стоим на вагонной площадке, вооружившись биноклем и путеводителем.

Памир по-персидски называется Бам-и-Дуниа, что значит «Крыша мира». От него лучами расходятся могучие горные цепи Тянь-Шаня, Куэнь-Луня, Каракорума, Гималаев и Гиндукуша. Эта горная система шириною в четыреста километров, в течение стольких веков представлявшая непреодолимую преграду, покорена и завоевана русским упорством. Славянская и желтая расы пришли теперь в соприкосновение.

Да простят мне читатели некоторый переизбыток учености, которой, как легко догадаться, всецело обязан майору Нольтицу. Вот что я от него узнал.

Европейские путешественники немало потрудились над изучением Памирского плоскогорья. После Марко Поло мы встречаем здесь в более поздние времена и англичан — Форсайта, Дугласа, Бидьюфа, Йонгхесбенда и знаменитого Гордона, погибшего в области Верхнего Нила; и русских — Фед-

ченко, Скобелева, Пржевальского, Громбчевского, генерала Певцова, князя Голицына, братьев Грум-Гржимайло; и французов — д'Оверня, Бонвало, Капю, Папена, Брейтеля, Блана, Ридгвея, О'Коннора, Дютрей де Рена, Жозефа Мартена, Гренара, Эдуарда Блана; и шведа — доктора Свен-Гедина. Благодаря этим исследователям, Крыша мира приоткрылась, будто ее коснулась рука Хромого беса¹, и все увидели, какие под ней кроются тайны.

Теперь известно, что Памир образуют многочисленные ложбины и пологие склоны, находящиеся на высоте более трех тысяч метров; что над ними возвышаются пики Гурумди и Кауфмана, высотой в двадцать две тысячи футов, и вершина Тагарма, в двадцать семь тысяч футов; что с этой вершины на запад течет река Оксус, или Амударья, а на восток — Тарим. Известно, наконец, что ее склоны составлены главным образом из первичных горных пород, перемежающихся со сланцами и кварцем, красным песчаником вторичной эпохи и наносной глинисто-песчаной почвой, так называемым лессом, которым изобилуют в Центральной Азии четвертичные отложения.

Чтобы провести рельсовый путь по этому плоскогорью, строителям Великой Трансазиатской магистрали пришлось преодолеть почти невероятные трудности. Это был вызов, брошенный природе человеческим гением, и победа осталась за человеком. На этих отлогих проходах, называемых киргизами «бель», были сооружены виадуки, мосты, насыпи, траншеи и тоннели. Здесь только и видишь крутые повороты и спуски, требующие сильных локомотивов. В разных местах установлены особые машины, подтягивающие поезда на канатах. Одним словом, тут потребовался геркулесов труд, перед которым меркнут работы американских инженеров в проходах Сьерра-Невады и Скалистых гор.

Эта безотрадная местность производит гнетущее впечатление, и оно еще более усиливается по мере того, как поезд, следуя по причудливым изгибам стальной колеи, достигает головокружительных высот. Ни сел, ни деревушек. Ничего, кроме редких хижин, где памирец ведет одинокое существование со своей семьей, своими лошадьми, стадами яков или «кутаров», то есть быков с лошадиными хвостами, мелких овец с очень густой шерстью.

¹ Хро мой бес — герой одноименного романа Луиса Велеса де Гевара. Летая над Мадридом, силою волшебства он приподнимает крыши и заглядывает внутрь домов.

Линька этих животных — естественное следствие климатических условий. Они периодически меняют зимний мех на летний. То же самое бывает и с собаками — их шерсть выгорает от жгучего летнего солнца.

Поднимаясь по этим проходам, видишь иногда в туманной дали неясные очертания плоскогорья. Унылый пейзаж оживляют только небольшие группы берез и кусты можжевельника — основные виды древесной растительности Памира. На бугристых равнинах растут в изобилии тамариск и полынь, а по краям впадин, наполненных соленой водой, — осока и карликовое губоцветное растение, которое киргизы называют «терскенн».

Майор перечисляет и некоторые виды зверей довольно разнообразной фауны Верхнего Памира. Приходится даже следить, чтобы на площадку вагона не вскочило ненароком какое-нибудь млекопитающее — медведь или пантера, — которые не имеют права на проезд ни в первом, ни во втором классе.

Легко вообразить, какие раздавались крики, когда представители семейства кошачьих вдруг выскакивали к рельсам с явно недобрыми намерениями.

Было выпущено несколько револьверных зарядов — не столько из необходимости, сколько для успокоения пассажиров. Днем на наших глазах ловкий выстрел сразил наповал огромную пантеру в ту самую минуту, когда она собиралась прыгнуть на подножку третьего вагона.

— Прими мой дар, Маргарита, — воскликнул господин Катерна, повторяя реплику Буридана супруге дофина, а вовсе не французской королеве, как неправильно сказано в знаменитой «Нельской башне»¹.

Да и мог ли первый комик лучше выразить свое восхищение метким выстрелом, которым мы обязаны были нашему величественному монголу?

— Какая твердая рука и какой острый глаз! — говорю я майору Нольтицу.

Он окидывает Фарускиара подозрительным взглядом.

Памирская фауна, как я уже сказал, довольно разнообразна. Здесь водятся еще волки, лисы, бродят стадами «архары» — крупные дикие бараны с изящно изогнутыми рогами. Высоко в небе парят орлы и коршуны, а среди клубов белого пара, которые оставляет позади себя наш локомотив, кружат стаи воронов, голубей и желтых трясогузок.

¹ «Нельская башня» — драма Александра Дюма-отца.

День проходит без происшествий. В шесть часов вечера пересекли границу, сделав в общей сложности за четыре дня — от Узун-Ада — около двух тысяч трехсот километров. Еще двести пятьдесят километров — и будет Кашгар. Хотя мы уже находимся на территории китайского Туркестана, но только в Кашгаре перейдем в ведение китайской администрации.

После обеда, около девяти часов, все разошлись по своим местам с надеждой, скажем лучше — с уверенностью, что эта ночь будет такой же спокойной, как и предыдущая.

Но вышло совсем иначе.

В течение двух или трех часов поезд на быстром ходу спустился со склонов Памирского плоскогорья, а потом пошел с обычной скоростью по горизонтальному пути.

Около часа ночи меня разбудили громкие крики. В ту же минуту проснулся и майор Нольтиц.

Что случилось?

Пассажиров охватила тревога, которую вызывает обычно даже малейшее дорожное происшествие.

— В чем дело? Почему кричат? — со страхом спрашивал на своем языке каждый путешественник.

Первое, что пришло в голову, — мы подверглись нападению. Я подумал о Ки Цзане, монгольском разбойнике, встречи с которым так легкомысленно пожелал... в интересах репортерской хроники.

Поезд резко затормозил и остановился.

Попов с озабоченным видом выходит из багажного вагона.

— Что произошло? — спрашиваю я.

— Неприятная история.

— Что-нибудь серьезное?

— Нет, оборвалась сцепка, и два последних вагона остались позади.

Несколько пассажиров, в том числе и я, выходят из вагона.

При свете фонаря легко убедиться, что обрыв сцепки произошел не от злого умысла. Но как бы то ни было, два последних вагона — траурный и хвостовой, оторвались от состава. Когда это случилось и в каком месте?.. Этого никто не знает.

Трудно даже представить, какой шум подняли монгольские стражники, приставленные к телу мандарина Иен Лу!

Оставалось лишь одно: дать задний ход.

В сущности, ничего нет проще? Но Фарускиар ведет себя в этих обстоятельствах довольно странно: он настойчиво тре-

бует, чтобы приступили к делу не теряя ни минуты. И тут я впервые услышал, что монгол хорошо говорит по-русски.

В конце концов спорить не о чем. Все понимают, что нужно идти задним ходом для соединения с отцепившимися вагонами.

Лишь немецкий барон пытается протестовать. Снова задержка!.. Опять опоздание!.. Жертвовать драгоценным временем ради какого-то мандарина, да к тому же мертвого!..

Но его упреки пропускают мимо ушей.

А сэр Фрэнсис Травельян только презрительно пожимает плечами, и кажется, что с уст его вот-вот сорвутся слова:

«Что за администрация!.. Что за подвижной состав!.. Ну разве могло бы такое случиться на англо-индийских железных дорогах!»

Майор Нольтиц, как и я, поражен странным вмешательством господина Фарускиара. Этот всегда невозмутимый, бесстрастный монгол, с таким холодным взглядом из-под неподвижных век, мечется теперь из стороны в сторону, охваченный какой-то непонятной тревогой, с которой, по-видимому, он не в силах совладать. Его спутник встревожен ничуть не меньше.

Но почему их так интересуют отцепившиеся вагоны? Ведь там у них нет никакого багажа. Может быть, испытывают пиетет перед покойным мандарином Иен Лу? Не потому ли они так упорно наблюдали в Душаке за траурным вагоном? Что бы там ни было, но майор, кажется, их в чем-то подозревает!

Как только мы вернулись на свои места, поезд двинулся задним ходом. Немецкий барон снова пытается возражать, но Фарускиар кидает на него такой свирепый взгляд, что он немедленно замолкает и уходит ворчать в свой угол.

Прошло больше часа. На востоке уже занималась заря, когда в километре от поезда были замечены потерянные вагоны.

Наблюдая за торжественной процедурой сцепки, мы с майором Нольтицем обратили внимание, что Фарускиар и Гангир обменялись несколькими фразами с тремя монгольскими стражниками. Впрочем, тут нечему удивляться — ведь они соотечественники!

Все расходятся по своим вагонам. Поезд трогается и набирает скорость, чтобы хоть отчасти наверстать потерянное время.

И все-таки в столицу китайского Туркестана мы прибываем с большим опозданием — в половине пятого утра.

Восточный Туркестан, или Кашгария, является как бы продолжением русского Туркестана¹. Вот что писала газета «Нувель Ревю»:

«Центральная Азия лишь тогда станет великой страной, когда русская администрация распространит свое влияние на Тибет или когда русские овладеют Кашгаром».

Наполовину это уже сделано. Рельсовый путь, проложенный через Памир, соединил две железные дороги. Столица Кашгарии теперь как русская, так и китайская. Славянская и желтая расы пришли в тесное соприкосновение и живут в полном согласии. Долго ли они будут добрыми соседями? Представляю другим строить прогнозы на будущее, я же довольствуюсь настоящим.

В Кашгаре мы простои́м шесть с половиной часов. На этот раз железнодорожная компания не пожалела времени путешественников. Я успею осмотреть город, даже при условии, что не меньше часа отнимут всякие формальности. Говорят, что русские и китайские таможенники стоят друг друга, когда дело касается проверки бумаг и паспортов. Такая же мелочная требовательность, такие же придирки. Как грозно звучит в устах китайского чиновника формула: «Трепещи и повинуйся!», сопровождающая акт подписания документа на право пребывания в пределах Поднебесной империи!

Итак, я должен трепетать и повиноваться китайским пограничным властям. Невольно вспоминаю страхи и опасения Кинко. Ему и в самом деле может не поздоровиться, если проверять будут не только пассажиров, но и тюки и ящики в багажном вагоне.

Когда мы подъезжали к Кашгару, майор Нольтиц сказал мне:

— Не думайте, что китайский Туркестан сильно отличается от русского. Мы еще не на земле пагод, ямыней, джонок, драконов, разноцветных фонариков и фарфоровых башен. Кашгар, так же как Мерв, Бухара и Самарканд, прежде всего — двойной город. Вообще города Центральной Азии походят на двойные звезды — с тем лишь различием, что они не вращаются один вокруг другого.

Замечание майора вполне справедливо. Теперь уже не то

¹ Туркестаном раньше называли обширную область в Средней Азии, охватывавшую провинции Западного Китая, северную часть Афганистана и среднеазиатские территории России.

время, когда в Кашгарии царствовал эмир, когда монархия Якуб-бека¹ была так сильна в туркестанской провинции, что даже китайцы, если они хотели жить спокойно, отрекались от религии Будды и Конфуция и переходили в магометанство. Сейчас, в конце века², мы уже не находим прежней восточной косморамы³, прежних любопытных нравов, а от шедевров азиатского искусства сохранились только воспоминания или развалины. Железные дороги, проложенные через разные страны, постепенно приведут их к одному общему уровню и сотрут «особые приметы». И тогда между народами установится равенство, а может быть, братство.

По правде сказать, Кашгар уже не столица Кашгарии, а всего лишь промежуточная станция на Великой Трансзиатской магистрали — место соединения русских и китайских рельсовых путей, точка, которую пересекает железная лента длиною почти в три тысячи километров, считая от Каспия до этого города, чтобы протянуться дальше, без малого еще на четыре тысячи километров, до самой столицы Поднебесной империи.

Отправляюсь осматривать город. Новый называется Янги-Шар; старый — в трех с половиной милях — Кашгар. Воспользуюсь случаем посетить оба города и расскажу, что представляет собой и тот и другой.

Двойной город окружает неказистая земляная стена, отнюдь не располагающая в его пользу. Архитектурные памятники отсутствуют, потому что простые дома и дворцы построены из одинакового материала. Ничего, кроме глины, которая даже не обожжена! А из высушенной на солнце грязи не выведешь правильных линий, чистых профилей и изящных скульптурных украшений. Архитектурное искусство требует камня или мрамора, а их как раз и нет в китайском Туркестане.

Маленькая, быстро катящаяся коляска доставила нас с майором до Кашгара, имеющего три мили в окружности. Омывает его двумя рукавами, через которые перекинута два моста, Кызылсу, что значит «Красная река». Но в дей-

¹ Якуб-бек — выходец из Средней Азии, сановник кокандского хана; возглавил антикитайское восстание магометан, захватил власть в Кашгарии и объявил себя главой независимого государства со столицей в Кашгаре. Якуб-бек насильственно насаждал в Кашгарии магометанскую религию, за что турецкий султан пожаловал ему титул эмира. После смерти Якуб-бека в 1877 году Кашгария снова стала китайской провинцией.

² Подразумевается конец XIX века.

³ Косморам а (*греч.*) — обозрение мира; картина мира.

ствительности она скорее желтая, чем красная. Если вам захочется увидеть какие-нибудь интересные развалины, то нужно отойти за городскую черту, где высятся остатки старой крепости, насчитывающей либо пятьсот, либо две тысячи лет, в зависимости от воображения того или иного археолога. Но что совершенно достоверно — Кашгар был взят приступом и разрушен Тамерланом. И вообще следует признать: без устрашающих подвигов этого хромоногого завоевателя история Центральной Азии была бы удивительно однообразной. Правда, в более позднюю эпоху ему пытались подражать свирепые султаны, вроде Уали-Тулла-хана, который в 1857 году велел задушить Шлагинтвейта, крупного ученого и отважного исследователя Азиатского материка. Памятник, установленный в его честь, украшают две бронзовые доски от Парижского и Санкт-Петербургского географических обществ.

Кашгар — важный торговый центр, в котором почти вся торговля сосредоточена в руках русских купцов. Хотанские шелка, хлопок, войлок, шерстяные ковры, сукна — вот главные предметы здешнего рынка, и вывозятся они даже за пределы Кашгарии — на север восточного Туркестана, между Ташкентом и Кульджей.

Настроение сэра Фрэнсиса Травельяна, судя по тому, что говорит мне майор Нольтиц, может еще больше ухудшиться. В самом деле, в 1873 году из Кашмира в Кашгар, через Хотан и Яркенд, было направлено английское посольство во главе с Чепменом и Гордоном. Англичане тогда еще надеялись овладеть местным рынком. Но русские железные дороги соединились не с индийскими, а с китайскими рельсовыми путями, благодаря чему английское влияние уступило место русскому.

Население Кашгара смешанное. Немало здесь и китайцев — ремесленников, носильщиков и слуг. Нам с майором Нольтицем не так посчастливилось, как Чепмену и Гордону. Когда они прибыли в кашгарскую столицу, ее шумные улицы были заполнены войсками эмира. Нет больше ни конных «джигитов», ни пеших «сарбазов». Исчезли и великолепные корпуса «тайфурши», вооруженные и обученные на китайский лад, и отряды копьеносцев, и лучники-калмыки с огромными пятифутовыми луками, и «тигры» — стрелки с размалеванными щитами и фитильными ружьями. Исчезли все живописные воины кашгарской армии, а вместе с ними и эмир!

В девять часов вечера мы вернулись в Янги-Шар. И на одной из улиц, ведущих к крепости, увидели супругов Катер-

на перед трупой дервишей-музыкантов. Они были в радостном возбуждении.

Слово «дервиш» равнозначно слову «нищий», а нищий в этой стране — законченное проявление тунеядства. Но какие смешные жесты, какие странные позы во время игры на длиннострунной гитаре, какие акробатические приемы в танцах, которыми они сопровождают исполнение своих песен и сказаний как нельзя более светского содержания!

Инстинкт актера проснулся в нашем комике. Он не может устоять на месте, это выше его сил! И вот, с бесшабашностью старого матроса и с энтузиазмом прирожденного комедианта, господин Катерна подражает этим жестам, позам, телодвижениям, и уже приближается минута, когда он примет участие в пляске кривляющихся дервишей.

— Э, господин Клодиус, видите, не так уж трудно повторить упражнения этих молодцов!.. Напишите оперетку из восточного быта, дайте мне роль дервиша, и вы сами убедитесь, как легко я войду в его шкуру!

— Не сомневаюсь, милый Катерна, что эта роль будет вам по плечу. Но прежде чем войти в шкуру дервиша, войдите в вокзальный ресторан и попрощайтесь с местной кухней, пока над нами не взяли власть китайские повара.

Мое предложение принимается тем более охотно, что кашгарское поварское искусство, по словам майора, пользуется заслуженной славой.

И в самом деле, супруги Катерна, майор, молодой Пан Шао и я поражены и восхищены небывалым количеством и отменным качеством поданных нам блюд: свиные ножки, посыпанные сахаром и поджаренные в сале с особым маринадом, почки-фри под сладким соусом, вперемежку с оладьями, впрочем, всего не перечечь.

Господин Катерна поедает все с большим аппетитом.

— Я наедаюсь впрок, — оправдывается он. — Кто знает, чем будут потчевать нас в вагоне-ресторане китайские повара? Рассчитывать на плавники акул не приходится: они могут оказаться жестковатыми, а ласточкины гнезда, без сомнения, — блюдо не первой свежести!

В десять часов удары гонга возвещают о начале полицейских формальностей. Мы встаем из-за стола, выпив по последнему стакану шао-сингского вина, и спустя несколько минут собираемся в зале ожидания.

Все мои номера налицо, разумеется, за исключением Кинко, который не отказался бы от такого завтрака и отдал бы ему должное, если бы мог принять в нем участие. Вот они:

доктор Тيو Кин с неизменным Корнаро под мышкой; Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт, соединившие свои зубы и волосы — ну, конечно, в фигуральном смысле; сэр Фрэнсис Травельян, неподвижный и безмолвный, упрямый и высокомерный, стоит у дверей и сосет сигару; вельможный Фарускиар в сопровождении Гангира. Тут и другие пассажиры — всего человек шестьдесят или восемьдесят. Каждый должен поочередно подойти к столу, за которым сидят двое китайцев в национальных костюмах: чиновник, бегло говорящий порусски, и переводчик с немецкого, французского и английского языков.

Чиновнику лет за пятьдесят; у него голый череп, густые усы, длинная коса на спине, на носу очки. В халате с пестрыми разводами, тучный, как и подобает в его стране лицам, имеющим вес, он кажется человеком малосимпатичным. Впрочем, дело идет лишь о проверке документов, и если они у вас в порядке, не все ли вам равно — приятная или неприятная физиономия у чиновника?

Я один из первых предъявляю паспорт, визированный французским консулом в Тифлисе и русскими властями в Узун-Ада. Чиновник разглядывает его очень внимательно. Начинаю волноваться: от мандаринской администрации можно ждать всяких каверз. Тем не менее проверка проходит благополучно, и печать с зеленым драконом признает меня «годным для въезда».

Документы первого комика и субретки тоже в полном порядке. Но что делается с господином Катерна в те минуты, когда их проверяют! Он напоминает подсудимого, старающегося разжалобить своих судей: томно опускает глаза, виновато улыбается, словно умоляя о помиловании, или по меньшей мере о снисхождении, хотя самый придирчивый из китайских чиновников не нашел бы повода для придирок.

— Готово, — говорит переводчик, протягивая ему паспорта.

— Большое спасибо, князь! — отвечает господин Катерна тоном провинившегося школяра.

Фулька Эфринеля и мисс Горацию Блуэтт штемпелюют с такой же быстротой, как письма на почте. Если уж у американского маклера и английской маклерши будет не все «в ажуре», то чего же тогда ждать от остальных? Дядя Сэм и Джон Буль¹ — два сапога пара!

¹ Дядя Сэм и Джон Буль — иронические прозвища американца и англичанина, ставшие нарицательными именами.

И другие выдерживают испытание, не встретив никаких препятствий. Едут ли путешественники в первом или во втором классе, они вполне удовлетворяют требованиям китайской администрации, если смогут внести за каждую визу довольно значительную сумму рублями, таелями или сапеками¹.

Среди пассажиров я замечаю священника из Соединенных Штатов, мужчину лет пятидесяти, едущего в Пекин. Это достопочтенный Натаниэль Морз из Бостона, типичный янки-миссионер, честно торгующий Библией. Такие, как он, умеют ловко совмещать проповедническую деятельность с коммерцией. На всякий случай заносу его в свой список под номером 13.

Проверка бумаг молодого Пан Шао и доктора Тию Кина не вызывает, конечно, никаких затруднений, и они любезно обмениваются «десятью тысячами добрых пожеланий» с представителями китайской власти.

Когда очередь доходит до майора Нольтица, случается небольшая заминка. Сэр Фрэнсис Травельян, представший перед чиновником одновременно с майором, по-видимому, не склонен уступить ему место. Однако он ограничивается лишь высокомерными и вызывающими взглядами. Джентльмен и на этот раз не дает себе труда открыть рот. Должно быть, мне никогда не придется услышать его голос! Русский и англичанин получают установленную визу, и тем дело кончается.

Величественный Фарускиар подходит к столу вместе с Гангиром. Китаец в очках медленно оглядывает его, а мы с майором Нольтицем наблюдаем за процедурой. Быть может, мы сейчас узнаем, кто он такой.

Трудно даже передать, как мы были удивлены и поражены последовавшим за проверкой театральным эффектом.

Едва только китайский чиновник увидел бумаги, предъявленные ему Гангиром, он вскочил с места и сказал, почтительно склоняясь перед Фарускиаром:

— Собогазоволите принять от меня десять тысяч добрых пожеланий, господин директор правления Великой Транс-азиатской дороги!

Так вот он кто, этот великолепный Фарускиар! Один из директоров правления! Теперь все понятно. Пока мы находились в пределах русского Туркестана, он предпочитал сохранять инкогнито, как это делают знатные иностранцы, а теперь, на китайском участке пути, не отказывается занять

¹ Та ели, са пеки — название старых денежных единиц в Китае.

подобающее ему положение и воспользоваться своими правами.

А я-то позволил себе — пусть даже в шутку — отождествить его с разбойником Ки Цзаном! Ведь и майору Нольтицу Фарускиар казался подозрительной личностью!

Мне хотелось встретить в поезде какую-нибудь важную персону, и наконец желание сбылось. Постараюсь познакомиться с ним, буду обхаживать его как редкостное растение, и раз уж он говорит по-русски, выжму подробнейшее интервью...

И до того я увлекся, что только пожал плечами, когда майор шепнул:

— Вполне может статься, что господин директор один из бывших предводителей разбойничьих шаяк, с которыми железнодорожная компания заключила сделку, чтобы обеспечить безопасность пути.

Хватит, майор, довольно шутить!

Проверка документов подходит к концу. Сейчас откроют двери на платформу. И тут в зал ожидания врывается барон Вейсшнитцердерфер. Он встревожен, растерян, расстроен, обескуражен. Что случилось? Почему он суетится, озирается, отряхивается, нагибается, ошупывает себя, как человек, потерявший что-то очень ценное?

— Ваши документы! — спрашивает переводчик по-немецки.

— Мои документы... я их ищу... но не могу найти... Они были у меня в бумажнике...

Немец шарит в карманах брюк, жилета, пиджака, плаща — а карманов у него не меньше двух десятков, — шарит и не находит.

— Поторапливайтесь! Поторапливайтесь! — повторяет переводчик. — Поезд не будет ждать.

— Я не допущу, я не позволю, чтобы он ушел без меня! — восклицает барон. — Мои документы... Куда они запропастились? Я, наверное, выронил бумажник, его принесут...

В эту минуту первый удар гонга будит на вокзале гулкое эхо. Поезд отойдет через пять минут. А несчастный барон надрывается от крика:

— Подождите!.. Подождите!.. Donnerwetter¹, неужели нельзя потерять несколько минут из уважения к человеку, который совершает кругосветное путешествие за тридцать девять дней?..

¹ Черт возьми! (нем.)

— Трансазиатский экспресс не может ждать,— отвечает переводчик.

Выходим с майором Нольтицем на платформу, между тем как немец продолжает препираться с невозмутимым китайским чиновником.

Пока мы отсутствовали, состав изменился, так как на участке между Кашгаром и Пекином меньше пассажиров. Вместо десяти вагонов осталось восемь: головной багажный, два — первого класса, вагон-ресторан, два вагона второго класса, траурный — с телом покойного мандарина и хвостовой багажный. Русские локомотивы, которые везли нас от Узун-Ада, заменены китайскими, работающими уже не на жидком, а на твердом топливе.

Первым моим стремлением было подбежать к головному багажному вагону. Таможенные чиновники как раз осматривают его, и я волнуюсь за Кинко.

Впрочем, если бы обман открылся, весть о нем наделала бы много шума. Только бы они не тронули ящик, не передвинули на другое место, не поставили вверх дном или задом наперед! Тогда румын не сможет выбраться из него, и положение осложнится...

Но вот китайские таможенники выходят из вагона, хлопнув дверью. Кажется, Кинко не обнаружили! При первом удобном случае прошмыгну в багажный вагон и, как говорят банкиры, «проверю наличность».

Прежде чем вернуться на свои места, успеваем с майором Нольтицем пройти в конец поезда.

Сцена, свидетелями которой мы становимся, не лишена интереса: монгольские стражники передают останки мандарина Иен Лу взводу китайской жандармерии, выстроившемуся под зеленым стягом. Покойник переходит под охрану двух десятков солдат, которые займут вагон второго класса, прилегающий к траурному. Они вооружены револьверами и ружьями и находятся под командой офицера.

— Должно быть,— говорю я майору,— этот мандарин действительно был очень важной персоной, если Сын Неба выслал ему навстречу почетный караул.

— Или охрану,— отвечает майор.

Фарускиар с Гангиром тоже присутствуют при этой церемонии, и нечему тут удивляться. Разве такое значительное должностное лицо, как господин директор правления, не обязан следить за знатным покойником, вверенным заботам администрации Великой Трансазиатской дороги?

Раздается последний удар гонга. Пассажиры спешат в вагоны.

А где же барон?

Наконец-то! Он вихрем вылетает на платформу. Ему все-таки удалось найти свои документы в глубине девятнадцатого кармана и в самую последнюю минуту получить визу.

— Едущих в Пекин прошу занять свои места! — зычно возглашает Попов.

Путешествие продолжается.

ГЛАВА XVII

Теперь поезд идет по рельсам одноколейной китайской дороги. И локомотив китайский, и управляет им китаец-машинист. Будем надеяться, что ничего худого не случится — ведь с нами едет сам Фарускиар, один из директоров правления Великой Трансазиатской магистрали.

А если даже и случится что-нибудь вроде крушения, то это только развеет дорожную скуку и даст мне материал для хроники. Вынужден признаться, что действующие лица, внесенные в мой реестр, не оправдали ожиданий. Пьеса не разыгрывается, действие продвигается вяло. Нужен какой-то театральный эффект, который выдвинул бы всех персонажей на авансцену, как сказал бы господин Катерна, нужен «хороший четвертый акт».

В самом деле, Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт по-прежнему заняты своими интимно-коммерческими разговорами. Пан Шао и доктор Тио Кин поразвлекли меня немного, и больше с них ничего не возьмешь. Супруги Катерна — всего лишь обыкновенные комедианты, и в моем спектакле не найдется для них подходящей роли. А Кинко... Кинко, на которого я больше всего надеялся... легко переехал границу, благополучно прибудет в Пекин и преспокойно женится на своей Зинке Клорк. Да, мне решительно не везет! Из покойного мандарина Иен Лу тоже ничего занятого не вытянешь. А между тем читатели «XX века» ждут от меня сенсаций!

Уж не взяться ли мне за немецкого барона! Нет! Он только смешон, а смешное граничит с глупостью, привилегией дураков, и потому не может быть интересной.

Итак, возвращаюсь к прежней мысли: нужен главный герой, а шагов его до сих пор не слышно даже за кулисами. Больше медлить нельзя. Пора завязать более близкое знакомство с великолепным Фарускиаром, инкогнито которого

раскрыто. И возможно, господин директор не будет теперь таким замкнутым. Мы как бы подведомственные ему лица, а он — мэр нашего городка на колесах и, как всякий мэр, должен помогать своим согражданам. Заручиться покровительством столь важного чиновника полезно и на тот случай, если бы обнаружился обман Кинко.

Покинув Кашгар, поезд идет с умеренной скоростью. На горизонте видны громадные массивы Памирского плоскогорья, а дальше, к юго-западу, проступают хребты Болора — кашгарского пояса с вершиной Тагармы, которая теряется в облаках.

Ума не приложу, как убить время. Майор Нольтиц никогда не бывал в этих местах, и я не могу больше делать записи под его диктовку. Доктора Тию Кина невозможно оторвать от книжки Корнаро, а Пан Шао, по-видимому, лучше знает Париж и Францию, чем Шанхай и Пекин. К тому же в Европу он ехал через Суэцкий канал, и восточный Туркестан знаком ему не больше Камчатки. Слов нет, он очень любезный и приятный собеседник, но на этот раз я предпочел бы поменьше любезности и побольше оригинальности.

Потому и приходится слоняться из вагона в вагон, торчать на площадках, вопрошать безмолвный горизонт, прислушиваться к разговорам пассажиров.

А вот и первый комик с субреткой о чем-то весело болтают. Подхожу поближе. Оказывается, они поют вполголоса.

«Люблю моих я индюшат... шат... шат», — заводит госпожа Катерна.

«А я люблю моих овец... вец... вец», — вторит комик, мастер на все руки, который в случае надобности берется и за баритональные партии...

Они, готовясь к выступлению в Шанхае, повторяли знаменитый дуэт Пипо и рыженькой Беттины. Счастливые шанхайцы! Они еще не знают «Маскотты»!¹

Рядом оживленно беседуют Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт. Улавливаю конец диалога:

— Боюсь, что в Пекине вздорозжали волосы, — говорит маклерша.

— А я опасюсь, — отвечает маклер, — что понизились цены на зубы. Вот если бы разыгралась порядочная война, русские повыбивали бы челюсти китайцам...

Вы слышали что-нибудь подобное? Сражаться только

¹ «Маскотта» — оперетта французского композитора Эдмона Одрена, написана в 1880 году.

для того, чтобы помочь американскому торговому дому «Стронг Бульбуль и К^о» сбывать свои изделия!

Право, не знаю, что и предпринять. Время так медленно тянется, а ведь остается еще шесть дней пути! К черту Великую Трансазиатскую магистраль с ее однообразием! На линии Грейт — Трунк из Нью-Йорка в Сан-Франциско было бы куда больше развлечений. Там хоть индейцы иногда устраивают нападения на поезда, а перспектива быть скальпированным в дороге делает путешествие по-настоящему колоритным.

Что это? Декламируют или читают псалмы? Из соседнего купе доносится монотонный речитатив:

«Нет такого человека, какое бы он ни занимал положение, который не мог бы себя оградить от чрезмерного потребления пищи и предотвратить боли, вызываемые переполнением желудка. Обильных яств особенно должны остерегаться государственные мужи, от которых зависят судьбы народов...»

Это доктор Тيو Кин читает вслух отрывок из Корнаро, стараясь запомнить все его предписания. Что ж, пожалуй, и не следует пренебрегать советом благородного венецианца! Изложить бы его в телеграмме и послать совету министров! Быть может, государственные мужи будут вести себя скромнее на своих банкетах?

Сегодня после полудня мы переехали по деревянному мосту Яманыр. Эта узкая речка, стремительность которой возрастает при таянии снегов, низвергается с западных горных круч высотой по меньшей мере в двадцать пять тысяч английских футов.

Рельсовый путь иногда обступают густые заросли. По словам Попова, там водится немало тигров. Охотно верю ему, но мне ни разу не посчастливилось увидеть ни одного из хищников. А жаль! Полосатые звери могли бы внести некоторое разнообразие в наше путешествие. Вот была бы удача для репортера! Вообразите только, как выглядели бы на страницах «XX века» в разделе «Вести отовсюду» такие привлекательные титры:

УЖАСНАЯ КАТАСТРОФА... НАПАДЕНИЕ НА ПОЕЗД ВЕЛИКОЙ ТРАНСАЗИАТСКОЙ МАГИСТРАЛИ... УДАРЫ КОГТЕЙ И РУЖЕЙНЫЕ ЗАЛПЫ... ПЯТЬДЕСЯТ ЖЕРТВ... РЕБЕНОК, СЪЕДЕННЫЙ НА ГЛАЗАХ У МАТЕРИ...

Так нет же! Туркестанские хищники не захотели доставить мне такого удовольствия. Я вправе их теперь презирать. Не тигры они, а безобидные кошки!

На этом участке пути были две остановки — на десять и пятнадцать минут — в Янги-Гиссаре и Кызыле, где дымят несколько доменных печей. Почва тут железистая, о чем говорит само название станции «Кызыл», то есть «Красный».

Местность здесь плодородная, земля хорошо возделана, особенно в восточных районах Кашгарии. Поля засеяны рожью, ячменем, просом, льном и даже рисом. Куда ни кинешь взгляд, стоят стеною могучие тополя, ивы и тутовые деревья; тянутся обширные пашни, орошаемые многочисленными каналами, и зеленые луга с разбросанными по ним стадами овец. Не будь на горизонте суровых Памирских гор, эта страна казалась бы не то Нормандией, не то Провансом. Правда, ее сильно опустошила война. В ту пору, когда Кашгария сражалась за свою независимость, ее земли были залиты потоками крови. Почва вдоль полотна усеяна могильными курганами, под которыми покоятся жертвы патриотизма. Но не для того я приехал в Центральную Азию, чтобы любоваться французскими пейзажами! Подавайте мне, черт возьми, что-нибудь новенькое, неожиданное, впечатляющее!

Так и не испытав никаких приключений, в четыре часа пополудни мы остановились на вокзале в Яркенде.

Хотя Яркенд не является официальной столицей восточного Туркестана, он, несомненно, самый крупный торговый центр этой провинции.

— Просто диву даешься: и здесь два смежных города! — говорю я майору Нольтицу.

— Да, но и на сей раз новый город образовался не без участия русских.

— Новый или старый, — отвечаю я, — боюсь, что они будут близнецами тех, что мы уже видели в восточном Туркестане: земляная стена, несколько десятков прорытых в ней ворот, глинобитные хижины и неизменные восточные базары — ни настоящих домов, ни интересных памятников.

И я не ошибся. Даже четырех часов оказалось более чем достаточно для осмотра обоих Яркендов, из которых новый тоже называется Янги-Шар. К счастью, жителям Яркенда не возбраняется, как то было во времена «дадкава» или губернаторов провинции, свободно ходить по улицам города. Теперь яркендские женщины могут доставить себе удовольствие и на людей посмотреть, и себя показать, к великой радости «фаранги» — так называют здесь всех иностранцев. Очень красивы эти азиатки — с длинными косами; в разноцветных ярких одеждах из хотанского шелка, украшенных китайскими узорами; расшитых сапожках на высоких каблу-

ках и кокетливо повязанных тюрбанах, из-под которых виднеются соединенные в одну линию черные брови.

Китайских пассажиров, вышедших в Яркенде, тотчас же сменили другие, тоже китайцы; среди них было человек двадцать кули. В восемь часов вечера поезд трогается.

За ночь мы должны проехать триста пятьдесят километров, отделяющих Яркенд от Хотана. Я побывал в переднем багажном вагоне и с радостью удостоверился, что ящик стоит на прежнем месте. Кинко мирно похрапывал в своем убежище, но будить его я не стал. Пусть грезит о своей прелестной румынке!

Утром узнал от Попова, что мы шли со скоростью обычного пассажирского поезда и уже миновали Каргалык. Ночью было очень свежо. И неудивительно. Ведь путь пролегает на высоте тысяча двести метров. От станции Гума колея поворачивает прямо на восток, следуя приблизительно по тридцать седьмой параллели, той самой, что захватывает в Европе Севилью, Сиракузы и Афины.

За это время мы проехали лишь одну значительную реку — Каракаш. Я видел на ней несколько паромов, а на каменных отмелях — лошадей и ослов, которых табунщики перегоняли вброд. Железнодорожный мост через Каракаш находится километрах в ста от Хотана, куда мы прибыли в восемь часов утра.

Поезд здесь стоит два часа, и так как этот город уже немного походит на китайский, решил хотя бы мельком на него взглянуть.

С одинаковой справедливостью можно сказать, что Хотан — мусульманский город, построенный китайцами, или китайский, построенный мусульманами. И на домах, и на людях заметен отпечаток того же двойственного происхождения. Мечети похожи на пагоды, а пагоды на мечети.

Потому я несколько не удивился, что супруги Катерна, не захотевшие пропустить случая впервые ступить на китайскую землю, были заметно разочарованы.

— Господин Клодиус, я не вижу здесь декорации для спектакля «Ночи Пекина».

— Но мы еще не в Пекине, мой дорогой Катерна!

— Вы правы, надо уметь довольствоваться малым.

— Даже совсем малым, как говорят итальянцы.

— Ну, раз они так говорят, значит, далеко не глупы.

В ту минуту, когда я собираюсь подняться в вагон, ко мне подбегает Попов:

— Господин Бомбарнак!

— Что случилось?

— Меня вызвали в телеграфную контору и спросили, не едет ли в нашем поезде корреспондент «XX века». И когда я подтвердил, телеграфист велел вам передать вот эту депешу.

— Давайте!.. Давайте!

Беру депешу, которая ждала меня в Хотане уже несколько дней. Не ответ ли это на телеграмму относительно мандарина Иен Лу, посланную из Мерва?

Вскрываю депешу... читаю... она выпадает у меня из рук. Вот что в ней сказано:

*Клодиусу БОМБАРНАКУ
корреспонденту «XX ВЕКА»*

Хотан китайский Туркестан

Поезд везет Пекин не тело мандарина, а императорскую казну стоимостью пятнадцать миллионов посылаемую Персии Китай Парижских газетах сообщалось об этом восемь дней назад Постарайтесь впредь быть более осведомленным

ГЛАВА XVIII

— Миллионы! В так называемом траурном вагоне не покойник, а миллионы!

У меня вырвалась эта неосторожная фраза, и тайна императорских сокровищ тотчас же стала известна всем — и пассажирам поезда, и железнодорожным служащим. Для отвода глаз правительство Персии, по соглашению с китайским, распустило слух об умершем мандарине, тогда как в действительности в Пекин переправляют сокровища стоимостью в пятнадцать миллионов франков!..

Какой я сделал непростительный промах! Каким оказался глупцом, пребывавшим в блаженном неведении! Но у меня не было повода не поверить Попову, как, видимо, и у него, чтобы заподозрить во лжи персидских чиновников! Да и кому бы пришло в голову усомниться в подлинности покойного мандарина Иен Лу?

Мое репортерское самолюбие тем не менее глубоко уязвлено, и полученный выговор очень огорчает. Слышанное ли дело? О том, что происходит на Великой Трансазиатской магистрали, «XX век» в Париже осведомлен лучше, чем его собственный корреспондент, который едет по этой дороге! О репортерские разочарования! Теперь же все узнали, что импе-

раторская казна, состоящая из золота и драгоценных камней и находившаяся в руках персидского шаха, возвращается ее законному владельцу, китайскому богдыхану.

Понятно, почему Фарускиар сел в наш поезд в Душаке. Один из директоров компании, заранее предупрежденный о ценном грузе, решил сам сопровождать императорские сокровища до места назначения. Вот почему он так старательно охранял «траурный вагон» вместе с Гангиром и тремя монголами. Вот почему был так взволнован, когда этот вагон отцепился, и так настойчиво требовал вернуться за ним не теряя ни минуты... Да, теперь все объясняется.

Понятно, почему в Кашгаре взвод китайских солдат пришел на смену монгольским стражникам, а Пан Шао ничего не мог сказать о мандарине Иен Лу: ведь такого в Поднебесной империи и не существовало!

Из Хотана мы выехали по расписанию. В поезде только и было разговоров, что об этих миллионах, которых вполне могло бы хватить, чтобы сделать всех пассажиров богачами.

— Мне с первой минуты показался подозрительным этот траурный вагон, — сказал майор Нольтиц. — Потому и расспрашивал Пан Шао о мандарине Иен Лу.

— А мне было невдомек, — ответил я, — зачем вам понадобилось это знать. Сейчас, по крайней мере, установлено, что мы тянем на буксире сокровища китайского императора.

— И он поступил весьма благоразумно, — добавил майор, — выслав навстречу эскорт из двадцати хорошо вооруженных солдат. От Хотана до Ланьчжоу поезд должен пройти две тысячи километров по пустыне Гоби, а охрана путей здесь оставляет желать лучшего.

— Тем более что свирепый Ки Цзан, как вы, майор, сами мне говорили, рыскал со своей шайкой в северных провинциях Поднебесной империи.

— Да, господин Бомбарнак, пятнадцать миллионов — хорошая приманка для разбойничьего атамана.

— Но как он сможет пронюхать о пересылке императорских сокровищ?

— О, такие люди всегда узнают все, что им нужно знать.

«Несмотря на то, что они не читают «XX века»! — подумал я и почувствовал, как краснею при мысли об этом непростителном промахе, который, без сомнения, уронит меня в глазах Шеншоля, моего шефа...

Между тем пассажиры, столпившись на вагонных площадках, оживленно обменивались мнениями. Одни предпочитали тащить на буксире миллионы, нежели труп мандари-

на, пусть даже и высшего разряда; другие полагали, что транспортировка сокровищ грозит поезду серьезной опасностью. Того же мнения придерживался и барон Вейсшнитцер-дерфер. Выразив его в самой резкой форме, он налетел на Попова с упреками и бранью:

— Вы обязаны были предупредить, сударь, вы обязаны были предупредить! Теперь все знают, что с нами едут миллионы, и поезд может подвергнуться нападению! А нападение, если даже предположить, что оно будет отбито, неизбежно вызовет опоздание. А вам известно, сударь, что я не потерплю никакого опоздания? Нет, не потерплю!

— Никто не нападет на нас, господин барон,— ответил Попов.— Никто и не подумает напасть!

— А откуда вы знаете, сударь? Откуда вы знаете?

— Успокойтесь, пожалуйста...

— Нет, я не успокоюсь и при малейшей задержке привлеку компанию к ответу и взыщу с нее убытки!

Вполне может стать, что «кругосветный» барон захочет получить с компании сто тысяч флоринов за причиненный ему ущерб!

Фульк Эфринель, как и следовало ожидать, смотрит на все с чисто практической точки зрения.

— Это верно,— говорит он,— что благодаря сокровищам доля риска сильно увеличивается и, случись какое-нибудь происшествие, Life Travellers Society¹, где я застрахован, откажется выдать компенсацию за риск и возложит ответственность на железнодорожную компанию.

— Совершенно справедливо,— добавляет мисс Горация Блуэтт,— и как обострились бы ее отношения с правительством Поднебесной империи, если бы не нашлись эти потерянные вагоны! Вы со мной согласны, Фульк?

— Разумеется, Горация!

Американец и англичанка рассуждают вполне резонно: за пропажу вагона с сокровищами отвечать пришлось бы железной дороге, так как компания не могла не знать о пересылке золота и драгоценностей, а не останков мифического мандарина Иен Лу.

А что думать по этому поводу супруги Катерна? Миллионы, прицепленные к хвосту поезда, нисколько не нарушили их душевного равновесия. Первый комик ограничился лишь замечанием:

¹ Общество охраны жизни путешественников — название страховой компании (англ.).

— Эх, Каролина, какой прекрасный театр можно было бы построить на эти деньги!

Лучше всех определил положение священник, севший в Кашгаре,— преподобный Натаниэль Морз:

— Не очень-то приятно везти за собой пороховой погреб!

И он прав: вагон с императорской казной — настоящий пороховой погреб, способный в любую минуту взорвать наш поезд.

Первая железная дорога, проложенная в Китае около 1877 года, соединила Шанхай с Фучжоу. Что касается Великого Трансазиатского пути, то он проходит приблизительно по той же трассе, которая была намечена в русском проекте 1874 года — через Ташкент, Кульджу, Хами, Ланьчжоу, Сиань и Шанхай. Этот путь не захватывает густонаселенных центральных провинций, напоминающих шумные пчелиные ульи. Насколько возможно, он образует до Сучжоу прямую линию, прежде чем отклониться к Ланьчжоу. Если дорога и обслуживает некоторые крупные города, то по веткам, которые отходят от нее к югу и к юго-востоку. Между прочим, одна из этих веток, идущая из Тайюаня в Нанкин, должна соединить оба главных города провинций Шаньси и Цзянсу. Но она еще не пущена в эксплуатацию, так как не достроен один важный виадук.

Зато полностью закончена и обеспечивает прямое сообщение с Центральной Азией главная линия Великой Трансазиатской магистрали. Китайские инженеры проложили ее так же легко и быстро, как генерал Анненков Закаспийскую дорогу. В самом деле, пустыни Каракум и Гоби имеют между собой много общего. И там, и здесь — горизонтальная поверхность, отсутствие возвышенностей и впадин, что позволило с одинаковой легкостью уложить шпалы и рельсы. Вот если бы пришлось пробивать громадные, горные кряжи Куэнь-Луня и Тянь-Шаня, такую работу невозможно было бы проделать и за целое столетие. А по плоской песчаной равнине рельсовый путь быстро продвинулся на три тысячи километров до Ланьчжоу.

Ограничусь тем, что буду указывать по пути следования наиболее значительные станции, где поезд останавливается, чтобы набрать воды и топлива. По правую руку от полотна взор будут радовать очертания далеких гор, живописные громады которых замыкают на севере Тибетское плоскогорье, а по левую сторону взгляд будет теряться в бесконечных просторах Гобийских степей. Сочетание гор и равнин, в сущности, и составляет ландшафт Китайской империи.

Вторая часть путешествия не обещает быть особенно интересной, если только бог репортеров не сжалится надо мной и не пошлет какое-нибудь приключение. Был бы только повод, а там уж моя фантазия разыграется...

В одиннадцать часов поезд выходит из Хотана и в два часа пополудни прибывает в Керию, оставив позади станции Лоб, Чира и Ханьлангоу.

В 1889—1890 годах именно этим путем следовал Певцов от Хотана до Лобнора, вдоль подножия Куэнь-Луня, отделяющего китайский Туркестан от Тибета. Русский путешественник прошел через Керию, Нию, Черчен, но, не в пример нашему поезду, его караван встретил множество препятствий и трудностей, что, однако, не помешало Певцову нанести на карту десять тысяч квадратных километров и указать координаты значительного числа географических точек. Такое продолжение труда Пржевальского делает честь русскому правительству.

С вокзала Кери на юго-западе еще видны вершины Каракорума и пик Даспанг, которому многие картографы приписывают высоту, превосходящую восемь тысяч метров¹. У его подножия тянется провинция Кашмир. Отсюда берут начало истоки Инда, питающие одну из самых больших рек полуострова Индостан. Здесь же от Памирского плоскогорья отделяется громадная цепь Гималаев с высочайшими на земном шаре вершинами.

От Хотана мы прошли полтора ста километров за четыре часа. Скорость весьма умеренная, но на этом участке Транс-азиатской магистрали быстрее и не ездят. То ли китайские локомотивы не обладают достаточной тягой, то ли машинисты слишком медлительны и не считают нужным развивать свыше тридцати — сорока километров в час? Как бы то ни было, но на рельсовых путях Поднебесной империи мы уже не вернемся к прежней скорости, обычной для Закаспийской дороги.

В пять часов вечера — станция Ния, где генерал Певцов основал метеорологическую обсерваторию. Здесь поезд стоит только двадцать минут. У меня достаточно времени, чтобы купить немного провизии в вокзальном буфете для Кинко.

На промежуточных станциях садятся новые пассажиры — китайцы. Они редко занимают места в первом классе, да и берут билеты на короткие расстояния.

¹ Вершина Годвин-Остен (Даспанг) достигает 3611 м, уступая по высоте лишь Эвересту.

Только мы отъехали от Нии, меня находит на площадке Фульк Эфринель. Вид у него озабоченный, как у коммерсанта, собирающегося заключить важную сделку.

— Господин Бомбарнак, хочу вас попросить об одной услуге.

— Буду счастлив, мистер Эфринель, если смогу быть вам полезен. В чем дело?

— Прошу вас быть моим свидетелем.

— В деле чести? А могу узнать с кем?

— С мисс Горацией Блуэтт.

— Как, вы деретесь с мисс Горацией Блуэтт? — засмеялся я.

— Нет еще. Я на ней женюсь.

— Вы на ней женитесь?

— Да! Это неоценимая женщина, очень сведущая в торговых делах и прекрасно знающая бухгалтерию...

— Поздравляю вас, мистер Эфринель! Вы можете на меня рассчитывать.

— И на господина Катерна? Как вы полагаете?

— Без сомнения. Он только обрадуется и, если будет свадебный обед, споет вам за десертом...

— Пусть поет сколько захочет. Но ведь и мисс Горации Блуэтт нужны свидетели.

— Разумеется.

— Как вы думаете, майор Нольтиц согласится?

— Русские слишком любезны, чтобы отказывать. Если хотите, могу с ним поговорить.

— Заранее благодарю вас. А кого попросить быть вторым свидетелем? Тут я немного затрудняюсь... Может быть, англичанина, сэра Фрэнсиса Травельяна?..

— Молча в знак отказа качнет головой — ничего другого вы от него не дождетесь...

— А барон Вейсшнитцердерфер?

— Как можно просить человека, который совершает кругосветное путешествие, да еще с такой длинной фамилией?.. Сколько времени уйдет зря, пока он распишется!

— В таком случае, я не вижу никого, кроме молодого Пан Шао... или, если тот откажется, нашего начальника поезда.

— Конечно, и тот и другой почтут за честь... Но спешить некуда, мистер Эфринель. До Пекина еще далеко, а там вы легко найдете четвертого свидетеля...

— При чем тут Пекин? Чтобы жениться на мисс Горации Блуэтт, мне вовсе не нужно ждать Пекина.

— Значит, вы хотите воспользоваться несколькими часами стоянки в Сучжоу или в Ланьчжоу?

— Wait a bit, господин Бомбарнак! С какой стати янки будет терять время на ожидание?

— Итак, это произойдет...

— Здесь!

— В поезде?

— В поезде.

— Ну! Тут и я вам скажу: wait a bit!

— Да, и очень скоро. Не пройдет и дня...

— Но для свадебной церемонии прежде всего нужен...

— Нужен американский пастор! Он едет с нами в поезде. Преподобный Натаниэль Морз...

— И он согласен?

— Еще бы! Только попросите его, он хоть целый поезд переженит.

— Bravo, мистер Эфринель! Свадьба в поезде! Это очень пикантно...

— Господин Бомбарнак, никогда не следует откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Да, я знаю... Time is money¹.

— Нет! Просто Time is time², но лучше не терять даром ни минуты.

Фульк Эфринель пожимает мне руку, и, согласно обещанию, я вступаю в переговоры с будущими свидетелями брачной церемонии.

Само собой разумеется, маклер и маклерша — люди свободные, могут располагать собой по своему усмотрению и вступить в брак, — был бы только священник! — когда им заблагорассудится, без нудных приготовлений и утомительных формальностей, которые требуются во Франции и других странах. Хорошо это или дурно? Американцы находят, что так лучше, а Фенимор Купер сказал: «Что хорошо у нас, то хорошо и везде».

Сперва обращаюсь к майору Нольтицу. Он охотно соглашается быть свидетелем мисс Горации Блуэтт.

— Эти янки удивительный народ, — говорит он мне.

— Удивительный потому, что они ничему не удивляются.

Такое же предложение делаю и Пан Шао.

— Очень рад быть свидетелем этой божественной и обожаемой мисс Горации Блуэтт! — отзывается он.

¹ Время — деньги (англ.).

² Время есть время (англ.).

Если уж брак американца и англичанки, с французом, русским и китайцем в качестве свидетелей, не даст полной гарантии счастья, то существует ли оно вообще?

А теперь очередь за господином Катерна.

Согласен ли он? Вот праздный вопрос — хоть дважды, хоть трижды...

— Да ведь это чудесная тема для водевиля или оперетки! — восклицает первый комик. — У нас уже есть «Свадьба с барабаном», «Свадьба под оливами», «Свадьба при фонарях»... Ну а теперь мы будем представлять «Свадбу в поезде» или еще лучше — «Свадьба на всех парах». Какие эффектные названия, господин Клодиус! Ваш американец вполне может на меня положиться. Свидетель будет старым или молодым, благородным отцом или первым любовником, маркизом или крестьянином — кем угодно, по выбору и желанию зрителей!

— Оставайтесь таким, какой вы есть, господин Катерна, так будет вернее.

— А госпожу Катерна пригласят на свадьбу?

— А то как же! Подружкой невесты.

Нельзя, конечно, предъявлять слишком строгие требования к свадебному обряду, происходящему в поезде Великого Трансазиатского пути!¹

Ввиду позднего часа церемония не может состояться в тот же вечер. К тому же Фульк Эфринель, чтобы устроить все как можно более солидно, должен сделать еще кое-какие приготовления. Бракосочетание назначили на завтрашнее утро. Пассажиры были приглашены на торжество, и сам Фарускиар обещал почтить его своим присутствием.

За обедом только и говорили о предстоящей свадьбе. На приветствия и поздравления будущие супруги отвечали с настоящей англосаксонской учтивостью. Все присутствующие изъявили готовность подписаться под брачным контрактом.

— И мы оценим ваши подписи по достоинству! — заявил Фульк Эфринель тоном негоцианта, дающего согласие на сделку.

С наступлением ночи все отправились на покой, предввещающая завтрашнее торжество. Я совершил свою обычную прогулку до вагона, занятого китайскими жандармами, и убедился, что сокровища Сына Неба находятся под неусыпным

¹ Намек на то, что подружкой невесты во время свадебного обряда не должна быть замужняя женщина.

надзором. Пока дежурит одна половина отряда, другая предается сну.

Около часа ночи мне удалось навестить Кинко и передать еду, купленную на станции Ния. Молодой румын ободрился и повеселел. Он больше не видит на своем пути препятствий, которые помешают ему бросить якорь в надежной гавани.

— Я толстею в этом ящике,— жалуется Кинко.

— Остерегайтесь,— подсмеиваюсь я,— а то вы не сможете из него вылезти!

И рассказываю ему о предстоящей свадьбе четы Эфринель-Блуэтт, о том, как они собираются отпраздновать свое бракосочетание в поезде.

— Вот счастливцы, им не надо ждать до Пекина!

— Да, конечно, только мне кажется, что скоропалительный брак, заключенный в таких условиях, не может быть особенно прочен... Но пусть эти оригиналы сами о себе заботятся!

С наступлением дня огромная солончаковая равнина заискрилась и засверкала под лучами солнца.

В три часа поезд сделал сорокаминутную остановку на станции Черчен, почти у самых отрогов Куэнь-Луня. Рельсовый путь тянется теперь к северо-востоку, пересекая унылую, безотрадную местность, лишенную деревьев и зелени.

Мы находимся где-то на середине четырехсоткилометровой дистанции, отделяющей Черчен от Чарклыка.

ГЛАВА XIX

Я проснулся в холодном поту. Мне снился страшный сон, но не такой, который требует истолкования по «Золотому ключу»¹. Нет, и так все ясно! Главарь шайки разбойников Ки Цзан, задумавший овладеть китайскими сокровищами, нападает на поезд в равнине южного Гоби... Вагон взломан и опустошен... Китайская стража гибнет, храбро защищая императорскую казну... Что же касается пассажиров... Проснись двумя минутами позже, я узнал бы их участь и свою собственную судьбу!

Но все исчезает вместе с ночным туманом. Сны — не то что фотографические снимки. Они «выгорают» на солнце и стираются в памяти.

¹ «Золотой ключ» — старинный французский «сонник», книга, истолковывающая сны.

Когда я совершал обычный моцион вдоль всего поезда, как примерный буржуа по главной улице своего городка, подошел майор Нольтиц и указал на монгола, сидевшего во втором классе:

— Он не из тех, что сели в Душаке вместе с Фарускиаром и Гангиром.

— В самом деле, этого человека я вижу впервые.

В ответ на мой вопрос Попов сообщил, что монгол, на которого указал майор Нольтиц, сел на станции Черчен.

— Могу вам также сказать,— добавил Попов,— что как только он появился, директор имел с ним недолгую беседу, из чего можно сделать заключение, что новый пассажир один из служащих компании Великой Трансзиатской магистрали.

Кстати, во время прогулки я не заметил Фарускиара. Не сошел ли он с поезда на одной из промежуточных станций между Черченом и Чарклыком, куда мы должны прибыть около часа пополудни?

Нет, вот он стоит рядом с Гангиром на передней площадке нашего вагона. Они о чем-то оживленно разговаривают, оглядывая то и дело с заметным нетерпением северо-восточный горизонт обширной равнины. Может быть, узнали от монгола какую-нибудь тревожную новость? И тут я опять предаюсь игре воображения, мне мерещатся всякие приключения, нападения разбойников, как ночью, во сне...

Но преподобный Натаниэль Морз возвращает к действительности.

— Это состоится сегодня... в девять часов... Пожалуйста, не опоздайте...— напоминает он.

Ах да, свадьба Фулька Эфринеля и мисс Горации Блутт... А я о ней совсем забыл. Надо подготовиться. Раз уж нет с собой другого костюма, могу, по крайней мере, переменить сорочку. В качестве одного из двух свидетелей жениха подобает иметь приличный вид, тем более что второй свидетель, господин Катерна, будет великолепен.

Действительно, комик отправился в багажный вагон — опять мне пришлось дрожать за бедного Кинко! — и там, с помощью Попова, вытащил из своего сундука изрядно поношенный костюм, успех которого, безусловно, будет обеспечен на свадебной церемонии: сюртук цвета свежего оливкового масла с металлическими пуговицами и полинявшей бутоньеркой в петлице, галстук с неправдоподобно большим «бриллиантом», пунцовые панталоны до колен с медными пряжками, пестрый жилет с цветочками, узорчатые чулки, шелковые перчатки, черные бальные башмаки и серая широкополая

шляпа. Представляю, сколько деревенских новобрачных или, скорее, их дядюшек, сыграл комик в этом традиционном свадебном наряде! И этот поистине великолепный ансамбль как нельзя лучше гармонирует с его сияющим, гладко выбритым лицом и веселыми глазами.

Госпожа Катерна вырядилась не хуже мужа. Она извлекла из своего гардероба костюм дружки: красивый корсаж с перекрестной шнуровкой, шерстяную юбку, чулки цвета мальвы, соломенную шляпу с искусственными цветами, которым не хватало лишь запаха. К тому же слегка насурмила брови и подрумянила щеки. Ничего не скажешь, настоящая провинциальная субретка! И если наши комедианты согласятся после свадебного ужина разыграть несколько сценок из сельской жизни, то я ручаюсь за успех.

О начале свадебной церемонии, назначенной на девять часов, объявит тендерный колокол; он будет звонить во всю силу, как на колокольне. Немного воображения, и легко представить себе, что ты находишься в деревне.

Но куда же будет созывать гостей и свидетелей этот колокол?.. В вагон-ресторан, который, как я успел убедиться, неплохо оборудовали для предстоящей церемонии. Большой обеденный стол разобрали и вместо него поставили маленький. Несколько букетов цветов, купленных на станции Черчен, расставили по углам вагона, достаточно просторного, чтобы вместить большую часть пассажиров. Впрочем, те, кому не хватит места внутри, могут постоять и на площадках.

На дверях вагонов первого и второго классов было вывешено объявление:

«Мистер Фульк Эфринель, представитель торгового дома «Стронг Бульбуль и К^о» в Нью-Йорке, и мисс Горация Блутт, представительница фирмы «Гольмс-Гольм» в Лондоне, имеют честь пригласить вас на свое бракосочетание. Брачная церемония состоится в вагоне-ресторане поезда Великой Трансзиатской магистрали 22 мая сего года, ровно в девять часов утра в присутствии преподобного Натаниэля Морза из Бостона».

Ну что же, если не удастся извлечь из такого события хотя бы сотни строк, значит, я ничего не смыслю в своем ремесле.

А пока суть да дело, надо бы справиться у начальника поезда, в каком месте мы будем находиться в эту торжественную минуту.

Попов указывает его на карте, приложенной к путеводителю. Поезд будет в ста пятидесяти километрах от станции Чарклык, в пустыне, которую пересекает здесь небольшая

река, впадающая в озеро Лобнор. На протяжении двадцати лье не встретится ни одной станции, а значит, ничто не должно нарушить церемонии.

Само собой разумеется, что я и господин Катерна уже в половине девятого были готовы к исполнению своих обязанностей.

Майор Нольтиц и Пан Шао тоже немного принарядились по случаю торжества. Вид у майора был весьма серьезный, как у хирурга, собирающегося приступить к ампутации ноги, а китаец скорее походил на насмешливого парижанина, попавшего на деревенскую свадьбу.

Доктор Тию Кин, конечно, не пожелает разлучиться со своим Корнаро, и они явятся на этот скромный праздник, как всегда, вдвоем. Насколько мне известно, благородный венецианец не был женат и не оставил специальных суждений о браке с точки зрения неумеренного расходования основных жизненных соков, есть только кое-какие разрозненные замечания в начале главы:

Верные и легкие средства скорой помощи
при различных случаях, опасных для жизни.

— Я могу согласиться,— заметил Пан Шао, только что процитировавший мне эту фразу из Корнаро,— что брак вполне можно отнести к одному из таких опасных случаев.

Восемь часов сорок пять минут. Новобрачных еще никто не видел. Мисс Горация Блуэтт заперлась в купе, где она, без сомнения, занимается свадебным туалетом. По-видимому, и Фульк Эфринель завязывает сейчас галстук, наводит последний блеск на кольца, брелоки и другие драгоценности своей портативной ювелирной лавки. Меня не беспокоит их отсутствие. Они явятся, как только зазвонит колокол.

Замечаю, что Фарускиар и Гангир чем-то озабочены и, судя по всему, им сейчас не до свадьбы. Почему они продолжают пристально всматриваться в пустынный горизонт? Ведь ничего, кроме бесплодной, печальной и мрачной пустыни Гоби, какой она рисуется в описаниях Грум-Гржимайло, Блана и Мартена, они не увидят. Интересно знать, что их так тревожит?

— Если предчувствие не обманывает меня,— говорит майор Нольтиц,— тут что-то кроется.

Что он хочет этим сказать?.. Но некогда раздумывать: тендерный колокол шлет уже веселые призывы. Девять часов. Пора идти в вагон-ресторан.

Господин Катерна становится в пару со мной и бойко напевает:

Это колокол на башенке
Вдруг так нежно зазвучал...

А госпожа Катерна отвечает на трио из «Белой дамы»¹ припевом из «Вийярских драгунов»²:

И звон, звон, звон,
И звон, и перезвон...—

показывая театральным жестом, будто дергает за веревку.

Пассажиры торжественно направляются в вагон-ресторан. Шествие возглавляют четверо свидетелей, а за ними с обоих концов деревни — я хотел сказать, поезда — идут приглашенные. Среди них — китайцы, туркмены и несколько татар. Всем хочется побывать на свадьбе.

Священник Натаниэль Морз сидит в вагоне-ресторане за маленьким столом, на котором красуется брачный договор, составленный им в соответствии с требованиями будущих супругов. Видимо, он привык к такого рода процедурам, настолько же коммерческим, как и матримониальным.

А жениха и невесты все еще нет.

— Неужели они передумали? — говорю я комику.

— Если и передумали, — смеется господин Катерна, — то пусть преподобный вторично обвенчает меня с женой. Недаром же мы надели свадебные наряды!.. Да и другим будет не обидно. Правда, Каролина?

— Конечно, Адольф, — не без жеманства отвечает ему субретка.

Однако повторное бракосочетание супругов Катерна не состоится. Вот он, Фульк Эфринель, одетый в это утро точно так же, как и вчера, и — любопытная подробность! — с карандашом за левым ухом: добросовестный маклер, видимо, только что закончил какую-то калькуляцию для своего торгового дома в Нью-Йорке.

А вот и мисс Горация Блуэтт, тощая, сухопарая и плоская, какой только может быть английская маклерша. Поверх дорожного платья она накинула плащ, а вместо украшений на поясе у нее бренчит связка ключей.

Все присутствующие вежливо встают при появлении но-

¹ «Белая дама» — опера французского композитора Буальдьё, поставлена в 1825 году.

² «Вийярские драгуны» — комическая опера французского композитора Майяра, написана в 1856 году.

вобрачных, а те, поклонившись направо и налево и «переведя дух», как сказал бы господин Катерна, медленно подходят к священнику, который стоит, положив руку на Библию, открытую, несомненно, на той самой странице, где Исаак, сын Авраама и Сарры, берет в жены Ревекку, дочь Рахили.

Если бы еще зазвучала приличествующая обряду органная музыка, то легко было бы вообразить, что находишься в церкви.

Но есть и музыка! Правда, это не орган, а всего лишь гармоника, которую не забыл захватить с собой господин Катерна. Как бывший моряк, он умеет обращаться с этим инструментом и демонстрирует свое искусство, стараясь воспроизвести слащавое анданте из «Нормы»¹ с типичными для гармоник заунывными интонациями. Старомодная мелодия, которая так темпераментно звучит на этом инструменте, по-видимому, доставляет большое удовольствие уроженцам Центральной Азии. Но всему на свете приходит конец, даже анданте из «Нормы».

Преподобный Натаниэль Морз обращается к молодым супругам со свадебным спичем, который, надо думать, ему не раз уже приходилось произносить.

«Две души, слившиеся воедино... Плоть от плоти... Плодитесь и размножайтесь...»

Думается, он поступил бы лучше, пробормотав скороговоркой, как простой нотариус: «В нашем, священника-нотариуса, присутствии Эфринель — Блуэтт и К^о составили настоящий...»

К сожалению, не могу закончить мою мысль. Со стороны локомотива доносятся крики. Пронзительно скрипят тормоза. Поезд резко замедляет ход, вздрагивает от сильных толчков и останавливается, взметая тучи песка.

Какое грубое вмешательство в брачную церемонию! В вагоне-ресторане все опрокинулось — люди и мебель, новобрачные и свидетели. Никто не удержался на ногах. Невообразимая свалка сопровождается криками ужаса и протяжными стонами... Но, тороплюсь заметить, никто не получил серьезных повреждений, так как остановка не была мгновенной.

— Быстрее выходите... торопитесь! — кричит мне майор.

¹ «Норма» — опера итальянского композитора Винченцо Беллини, поставлена в 1831 году.

Ушибленные и перепуганные пассажиры в ту же минуту выбежали из вагонов. Среди всеобщего смятения и растерянности слышались со всех сторон только жалобы и недоуменные вопросы на трех или четырех языках.

Фарускиар с Гангиром и четверо монголов первые выскакивают на полотно и выстраиваются на пути, вооруженные револьверами и кинжалами. Нет никакого сомнения: остановка поезда подстроена злоумышленниками с целью грабежа.

И действительно, рельсы сняты на протяжении почти ста метров, и локомотив, очутившись на шпалах, уперся в песчаный бугор.

— Как?! Дорога еще не достроена, а билеты выдаются от Тифлиса до Пекина?.. Но ведь я для того только и поехал трансасиатским поездом, чтобы сократить себе кругосветное путешествие на девять дней!

Узнаю сердитый голос барона, упрекающего Попова на немецком языке. Но на этот раз он должен обвинять не инженеров железнодорожной компании, а кого-то другого.

Мы обступаем начальника поезда с расспросами, а майор Нольтиц не сводит глаз с Фарускиара и монголов.

— Барон не прав,— отвечает нам Попов.— Дорога вполне закончена, а рельсы кто-то снял с преступными намерениями.

— Чтобы задержать поезд! — восклицаю я.

— И похитить сокровища, которые он везет в Пекин,— добавляет господин Катерна.

— Это несомненно,— говорит Попов.— И мы должны быть готовы отбить нападение.

— Кто эти разбойники? — спрашиваю я.— Не Ки Цзан ли со своей шайкой?

Имя грозного бандита приводит пассажиров в трепет.

— Почему непременно Ки Цзан... а не Фарускиар? — тихо говорит мне майор.

— Что вы, он один из директоров дороги!..

— Допустим. Но если справедливы слухи, что компания вошла в сделку с некоторыми предводителями банд, чтобы обеспечить движение поездов...

— Никогда этому не поверю, майор!

— Как вам угодно, господин Бомбарнак, но Фарускиар-то ведь знал, что в «траурном» вагоне...

— Полно, майор, сейчас не до шуток!

— Да, сейчас не до шуток. Мы должны защищаться, и защищаться со всей решительностью.

Китайский офицер расставил своих солдат вокруг вагона с сокровищами. Их было человек двадцать да нас, пассажиров, не считая женщин, около тридцати. Попов раздал оружие — его всегда держат в поезде на случай нападения. Майор Нольтиц, Катерна, Пан Шао, Фульк Эфринель, машинист и кочегар, путешественники как азиатского происхождения, так и европейцы — все решили сражаться ради общего спасения.

По правую сторону, приблизительно в ста шагах от полотна — дремучие заросли кустарника. Там, по всей вероятности, и скрываются разбойники, готовые с минуты на минуту броситься в атаку.

Вдруг раздаются воинственные крики. Ветки раздвигаются, пропуская засевшую в кустарнике банду около шести-десяти гобийских монголов.

А как ведет себя господин Фарускиар, так, на мой взгляд, несправедливо заподозренный майором Нольтицем? Он словно преобразился: стал еще выше, стройнее, красивое лицо побледнело, в глазах сверкают молнии.

Пусть я ошибся насчет мандарина Иен Лу, но, по крайней мере, не принял директора железнодорожной компании за пресловутого юньнаньского бандита!

Как только показались разбойники, Попов велел госпоже Катерна, мисс Горации Блуэтт и всем другим женщинам вернуться в вагоны.

Я вооружен только шестизарядным револьвером, но постараюсь не выпустить зря ни одной пули. Мечта о приключениях, происшествиях, сенсациях наконец-то сбылась. Теперь будет о чем порассказать читателям, если только выйду целым и невредимым из переделки, к чести репортажа и к немалой славе «XX века»!

А не удастся ли с самого начала пустить пулю в лоб атаману шайки, чтобы заставить нападающих отступить? Дело сразу бы обернулось в нашу пользу.

Разбойники дают залп, потрясают оружием, выпускают дикие крики. Фарускиар, с пистолетом в одной руке и с кинжалом в другой, бросается в атаку, подбодряя словами и жестами Гангира и четырех монголов, которые не отстают от него ни на шаг. Мы с майором Нольтицем устремляемся в гущу боя, но нас опережает господин Катерна. Рот у него открыт, белые зубы оскалены, глаза прищурены. Теперь он не опереточный комик, а прежний бывалый матрос!

— Эти мерзавцы,— кричит он,— лезут на abordаж! Пираты хотят нас потопить! Вперед, вперед, за честь флага! Пли с штирборта! Пли с бакборта!¹ Огонь с обоих бортов!

И вооружен он не театральным кинжалом и не пистолетом, заряженным безобидным порошком. Нет! В руках у него по настоящему револьверу, из которых он палит направо и налево.

Молодой Пан Шао тоже храбро сражается, не переставая улыбаться и увлекая за собой остальных пассажиров — китайцев. Попов и вся поездная прислуга смело выполняют свой долг. Даже сэр Фрэнсис Травельян из Травельян-Голла в Травельяншире сражается с присущей ему хладнокровной методичностью, а Фульк Эфринель — с бешенством истого янки, приведенного в ярость не только нарушением свадебного обряда, но и опасностью, угрожающей его сорока двум ящикам искусственных зубов. И я не знаю, какое из этих двух чувств перевешивает в сознании практичного американца.

Короче говоря, шайка злодеев наткнулась на такое энергичное сопротивление, какого она вовсе не ожидала.

А барон Вейшнитцердерфер? О, барон — один из самых неустрашимых бойцов. На его губах выступила пена, он взбешен до исступления, ничего не видит и не слышит, рискуя стать первой жертвой резни. Его приходится все время выручать. Досадная задержка может привести к опозданию на пароход в Тяньцзине, нарушить расписание первой четверти маршрута и тем самым испортить кругосветное путешествие! Какой шелчок по германскому самолюбию!

Величественный Фарускиар, мой герой — не могу назвать его иначе,— выказывает чудеса храбрости. Расстреляв весь револьверный заряд, он действует кинжалом, как человек, не раз глядевший в лицо смерти и нисколько ее не боящийся.

С обеих сторон есть раненые, а быть может, и убитые. Несколько пассажиров неподвижно лежат на пути. Живы ли они? У меня слегка задето пулей плечо, но я не обращаю внимания на эту пустяковую царапину. Преподобный Натаниэль Морз, несмотря на свой духовный сан, сражается как настоящий воин, и, судя по тому, как обращается с оружием, можно заключить, что в этом деле он не новичок.

У господина Катерна прострелена шляпа, та самая широкополая серая шляпа сельского новобрачного, которую он извлек из своего актерского гардероба, и это дает ему повод

¹ Штирборт — правый борт; бакборт — левый борт.

разразиться виртуозной матросской бранью. Вслед за тем, тщательно прицелившись, комик убивает наповал бандита, осмелившегося продырявить его головной убор.

С той и с другой стороны увеличивается число выбывших из строя, а исход боя все еще сомнителен. Фарускиар, Гангир и монголы, теснимые разбойниками, отступают к драгоценному вагону, от которого не отходят китайские солдаты. Двое или трое из них уже смертельно ранены, и сам офицер только что убит пулей в голову. Мой герой проявляет чудеса храбрости, защищая сокровища Сына Неба.

Атаман шайки, высокий чернобородый человек, не перестает бросать своих молодцов на штурм поезда. До сих пор пули шадят его и, несмотря на все наши усилия, он медленно, но верно продвигается вперед. Бой затягивается.

Неужели мы вынуждены будем укрыться в вагонах, как за стенами крепости, и отстреливаться оттуда до той минуты, пока не падет последний из нас? А это непременно случится, и даже очень скоро, если бандиты не перестанут нас теснить...

Теперь к шуму выстрелов присоединяются крики женщин. Некоторые из них, совершенно обезумев, выбегают на площадки, хотя мисс Горация Блуэтт и госпожа Катерна стараются удержать их внутри вагона. Правда, стенки в нескольких местах пробиты пулями. Не ранен ли Кинко?

— Плохи наши дела! — говорит мне майор Нольтиц.

— Да, дела неважны, да и заряды, кажется, на исходе. Необходимо вывести из строя атамана. Пойдемте, майор.

Но то, что хотели сделать мы, делает господин Фарускиар. Ловко отражая направленные на него удары, он прорывает ряды нападающих и отбрасывает их от полотна... И вот мой герой уже лицом к лицу с главарем банды... заносит кинжал... и... поражает его прямо в грудь.

Разбойники тотчас же отступают, даже не подобрав убитых и раненых. Одни удирают в степь, другие исчезают в кустарнике. К чему их преследовать, если битва закончилась в нашу пользу? И я смело могу утверждать, что нашим спасением мы обязаны только мужеству великолепнейшего Фарускиара. Не будь его, вряд ли была бы написана эта книга.

Но атаман разбойников еще жив, хотя кровь струится у него из раны.

И тут последовала сцена, которая навсегда запечатлелась в моей памяти.

Сделав последнее усилие, атаман поднимается и, угрожающе подняв руку, смотрит на врага в упор...

Но последний удар кинжала пронзает ему сердце.

Фарускиар оборачивается и, как ни в чем не бывало, провозносит по-русски:

— Ки Цзан умер, и так будет со всяким, кто осмелится пойти против Сына Неба!

ГЛАВА XXI

Так, значит, Ки Цзан произвел в пустыне Гоби нападение на поезд! Юньнаньский разбойник все-таки узнал, что к составу прицеплен вагон с золотом и драгоценными камнями на огромную сумму! И чему тут удивляться, если об этой новости писали даже в газетах. У Ки Цзана было достаточно времени, чтобы подготовиться к нападению: разобрать рельсы и устроить засаду. Не повергни его к своим ногам неподражаемый Фарускиар, разбойник не только завладел бы императорской казной, но и перебил пассажиров. Теперь я понимаю, почему наш спаситель проявлял с самого утра беспокойство и так упорно всматривался в пустынный горизонт. Монгол, севший в Черчене, по-видимому, предупредил его о намерении Ки Цзана. Правда, директор правления Трансзиатской дороги учинил над ним суровую расправу, но в монгольской пустыне нельзя быть очень требовательным к правосудию. Там еще нет судебной администрации — к счастью для монголов.

— Теперь, полагаю, вы откажетесь от своих подозрений насчет Фарускиара? — спросил я майора Нольтица.

— До известной степени, господин Бомбарнак.

— До известной степени?.. Черт возьми, однако и требовательны же вы, майор Нольтиц!

...Прежде всего мы должны установить потери.

С нашей стороны трое убитых — среди них китайский офицер, и двенадцать раненых, причем четверо ранены тяжело, а остальные не настолько серьезно, чтобы не быть в состоянии доехать до Пекина. Попов отделался ссадиной, а первый комик царапиной, которую госпожа Катерна сама хочет перевязать.

Майор велел перенести раненых в вагоны и поспешил оказать им первую помощь. Доктор Тио Кин тоже предложил свои услуги. Что же касается погибших, то их решили отвезти на ближайшую станцию, где им отдадут последний долг.

Бандиты, как я уже говорил, бросили своих мертвых. Мы прикрыли их песком и перестали о них думать.

Поезд был остановлен на половине пути между Чарклым и Черчен. На той и на другой станции нам была бы обеспечена помощь, но, к несчастью, Ки Цзан нарушил телефонную связь — снимая рельсы, он повалил и телеграфные столбы.

Прежде всего нужно поставить локомотив на рельсы, затем вернуться в Черчен и дожидаться, пока рабочие не восстановят путь. На это потребуется, если не будет никаких других задержек, около двух суток.

Мы беремся за дело не теряя ни минуты. Пассажиры охотно помогают Попову и персоналу поезда, в распоряжении которых имеются все необходимые инструменты — домкраты, рычаги, молотки, английские ключи. После трех часов работы удастся, не без труда, поставить на рельсы тендер и локомотив.

Самое главное сделано. Теперь нужно дать машине задний ход и на малой скорости вернуться в Черчен. Но какая потеря времени, какое опоздание! Вы можете представить, как отчаянно бранится барон, сколько разных «teufel», «donnerwetter» и прочих германских ругательств, срывающихся с его губ!

Забыл сказать, что после разгрома бандитской шайки все пассажиры, и первым из них ваш покорный слуга, сочли своим долгом поблагодарить господина Фарускиара. Наш спаситель принял слова благодарности с достоинством истинно восточного человека.

— Я только исполнил свою обязанность, как один из директоров правления Великой Трансазиатской магистрали,— ответил он с благородной скромностью.

Затем, по его приказанию, монголы взяли на себя часть работы, и я должен заметить, что они проявили исключительное рвение, заслужив наши искренние похвалы.

Тем временем Фарускиар и Гангир о чем-то долго совещались в сторонке и наконец с их стороны последовало неожиданное предложение.

— Господин начальник поезда,— обратился Фарускиар к Попову,— я убежден, что в интересах пассажиров не возвращаться назад, а ехать вперед, к Чарклыку.

— Да, без сомнения, господин директор,— ответил Попов,— но рельсы-то ведь сняты... Пока не починят путь, мы не сможем двинуться вперед.

— Рельсы сняты, но мы сами сможем их уложить, хотя бы на первый случай, чтобы пропустить только наш поезд.

Предложение дельное и вполне заслуживает внимания.

Поэтому мы все собрались обсудить его — майор Нольтиц, Пан Шао, Фульк Эфринель, господин Катерна, американский священник, барон Вейшнитцердерфер и еще человек десять пассажиров, владеющих русским языком.

Фарускиар продолжал:

— Я только что прошел по разрушенному участку пути. Почти все шпалы на месте, а рельсы только отвинчены и брошены тут же на песке. Их можно снова закрепить и осторожно провести по ним поезд. Работа займет не больше суток, а еще через пять часов мы будем в Чарклыке.

Превосходная мысль! Все ее поддерживают, особенно барон. Этот план вполне осуществим, а если, паче чаяния, не хватит нескольких рельсовых полос, можно будет перенести вперед те, которые останутся позади поезда.

Ну и молодчина Фарускиар! В критическую минуту он оказался на высоте и завоевал всеобщее уважение. Вот исключительная личность, которой не доставало моей хронике! Теперь уж растрою о нем на весь мир, во все свои репортерские трубы!

Как недалёковиден был майор Нольтиц, заподозрив в нем соперника Ки Цзана!

Первым делом занялись укладкой и укреплении шпал там, где они были сняты или повреждены.

Улучив минутку, я пробрался, не боясь быть замеченным среди всеобщей суеты, в багажный вагон, и удостоверился, что Кинко цел и невредим. Сообщил ему о случившемся, посоветовал соблюдать осторожность и предупредил, чтобы он не смел выходить из своего ящика. Румын пообещал оставаться на месте, и теперь я за него спокоен.

Было около трех часов, когда мы взялись за работу. Рельсы оказались снятыми на участке в сотню метров. Согласившись с Фарускиаром, мы не стали их наглухо закреплять. Этим займутся рабочие, которых пришлют из Чарклыка, после того, как наш поезд достигнет этой станции, одной из самых значительных на Трансазиатской магистрали.

Так как рельсы довольно тяжелы, мы разбиваемся на группы. Все пассажиры, как первого, так и второго класса, работают не покладая рук. Барон трудится с таким азартом, что его приходится сдерживать. И Фульк Эфринель, даже не заикаясь о прерванной свадьбе, словно он и не думал жениться — делу — время, потехе — час! — старается за четверых. Не отстает от других и Пан Шао, и сам доктор Тио Кин пытается быть полезным, напоминая муху из басни, которая захотела сдвинуть воз.

— Черт побери, это горячее гобийское солнце! До чего же беспощаден «король лучей»! — то и дело восклицает господин Катерна. Один лишь сэр Фрэнсис Травельян из Травельян-Голла в Травельяншире спокойно сидит в вагоне на своем месте. Видимо, невозмутимый джентльмен решил, что эта работа не для него. К семи часам восстановлено метров тридцать пути. Скоро стемнеет. Решено сделать перерыв до утра. После полудня работа будет окончена, и поезд пойдет дальше.

Падаем от усталости и голода. Какой завидный аппетит после трудной работы! Один за другим, без различия классов, все собрались в вагоне-ресторане. Провизии вдоволь, и вскоре в казенных запасах пробита широкая брешь. Не важно! В Чарклыке снова закупят все, что надо.

Господин Катерна необыкновенно весел, подвижен, общителен, как говорят, душа общества. За десертом он вместе с м-ме Катерна запеваает — и кстати — отрывок из «Путешествия в Китай»:

Китай — прекрасная страна,
Всем вам понравиться должна...

Мы хором подхватываем скорее громко, чем стройно.

О, Лабиш, думали ли вы когда, что эта прелестная песенка однажды будет улаживать слух пассажиров Великой Трансзиатской дороги!

Затем нашему комику — полагаю, с некой подсказки — пришла в голову мысль... И какая!.. Почему бы не продолжить церемонию, прерванную нападением бандитов? Почему бы не отпраздновать свадьбу?

— Какую свадьбу? — спрашивает Фульк Эфринель.

— Вашу, мистер, вашу, — отвечает господин Катерна. — Разве вы забыли? Это же чудесно!

А Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт, казалось, и не помнят, что, не будь нападения банды Ки Цзяна, их бы уже сковали нежные узы Гименей...

Но все слишком устали. Отказался и пастор Натаниэль Морз: не было сил обвенчать супругов, да и они не в силах вынести благословение. Церемонию отложили на послезавтра. Между Чарклыком и Ланьчжоу девятьсот километров пути. Этого вполне достаточно, чтобы прочно связать англо-американскую чету.

Каждый, кто на кушетке, кто на скамье, погрузился в целый сон. Однако тревога не отступала. Хотя главарь

банды убит, все же его соучастники могут попытаться ночью напасть, если не принять меры предосторожности.

Чтобы всех успокоить, Фарускиар сам взялся организовать наблюдение вокруг поезда. После гибели офицера он принял командование китайским эскортом на себя и вместе с Гангиром обещал следить за императорскими сокровищами.

Как бы сказал господин Катерна, всегда готовый выдать что-либо из репертуара Опера Комик:

«В эту ночь честные девицы в полной сохранности».

Действительно, императорские сокровища охраняются теперь надежнее, чем прекрасная Атенаис де Соланж между первым и вторым актом в «Королевских мушкетерах».

Как только рассвело, восстановление дороги возобновилось. Погода такова, что можно варить яйца вкрутую, слегка прикрыв их песком.

Все трудятся с не меньшим усердием, чем накануне. Ремонт пути быстро продвигается. К четырем часам дня починка дороги закончена.

Локомотив разводит пары и медленно движется вперед. Мы дружно подталкиваем вагоны, чтобы они не сошли с рельсов.

Опасное место пройдено, и путь свободен теперь до Чарклыка... Что я говорю? — до Пекина!

Мы занимаем свои места, и, когда Попов дает сигнал к отправлению, господин Катерна запевает победную песню моряков с адмиральского корабля «Гайде».

В ответ раздается громкое «ура!».

В десять часов вечера поезд приходит на станцию Чарклык с опозданием на тридцать часов. Но разве не достаточно и тридцати минут, чтобы барон Вейсшнитцердерфер пропустил пароход из Тяньцзиня в Йокогаму?

ГЛАВА XXII

Я жаждал приключений и получил их даже с избытком. Не будь с нашей стороны жертв, можно было бы благодарить бога репортеров.

Теперь у меня в перспективе только возобновление брачной церемонии Блуэтт — Эфринель и развязка авантюры Кинко. Господин Фарускиар уже сыграл свою роль и вряд ли приготовит нам какой-нибудь новый сюрприз. Впрочем, еще могут быть всякие неожиданности — ведь до Пекина ехать целых пять суток. Из-за опоздания, в котором повинен Ки

Цзан, наш путь от Узун-Ада будет продолжаться тринадцать дней.

Тринадцать дней... И в записной книжке у меня тринадцать номеров — чертова дюжина!.. Хорошо, что я не суеверен!

В Чарклыке поезд стоял три часа. Мы заявили о нападении, передали убитых китайским властям, взявшим на себя заботу о погребении, а тяжело раненных переправили в госпиталь.

По словам Пан Шао, Чарклык — довольно многолюдный поселок. Жалею, что у меня не было возможности его осмотреть.

Начальник станции сразу же выслал рабочий поезд для починки поврежденного пути и телеграфной линии. Не пройдет и двух дней, как движение будет полностью восстановлено.

Нечего и говорить, что господин Фарускиар, как один из директоров компании, помог своим авторитетом выполнить в Чарклыке все необходимые формальности. Его деловые качества выше всяких похвал, и недаром железнодорожные служащие относятся к нему с таким почтением.

В три часа пополудни мы прибыли на станцию Карабуран, где стояли лишь несколько минут. В этом месте железная дорога пересекает путь Габриэля Бонвало и принца Генриха Орлеанского, совершивших в 1889—1890 годах путешествие по Тибету. Избранный ими маршрут был куда длиннее, труднее и опаснее нашего. Он проходил по круговой линии из Парижа в Париж — через Берлин, Петербург, Москву, Нижний Новгород, Пермь, Тобольск, Омск, Семипалатинск, Кульджу, Чарклык, Батан, Юньнань, Ханой, Сайгон, Сингапур, Цейлон, Аден, Суэц и Марсель — вокруг Азии и Европы.

Следующая остановка — Лобнор. Сюда мы прибыли в четыре часа, в шесть — отправление.

Озеро Лобнор, берега которого в 1889 году посетил генерал Певцов, возвращаясь из Тибета, скорее похоже на обширное болото со множеством песчаных островков среди водной глади глубиной не более одного метра. В этих краях, где медленно несет свои воды Тарим, уже побывали монахи Гук и Габэ. До перевала Давана (это на сто пятьдесят километров южнее) добрались путешественники Пржевальский и Карей. Габриэль Бонвало и принц Орлеанский продвинулись еще дальше, следуя по девственной территории, иногда

на высоте до пяти тысяч метров, вплоть до подножия величественной цепи Гималайских гор.

Рельсовый путь направляется теперь вдоль Наньшаньских гор, дальше к востоку, к озеру Хара-Нур. В гористой области Цайдам дорога делает частые повороты, огибая крутые склоны. Большого города Ланьчжоу мы достигнем кружным путем.

Печальный ландшафт отнюдь не соответствует настроению пассажиров. День обещает быть прекрасным. Щедрые солнечные лучи, насколько хватает глаз, заливают золотистым светом пески пустыни Гоби. От Лобнора до Хара-Нура более пятисот километров, и на перегоне между этими двумя озерами закончится прерванное бракосочетание Фулька Эфринеля и мисс Горации Блуэтт. Будем надеяться, что никакое происшествие на этот раз не помешает счастью молодоженов.

С утра пораньше вагон-ресторан снова превратили в салон и сделали все необходимые приготовления для предстоящей церемонии. И свидетели, и будущие супруги опять вошли в свою роль.

Преподобный Натаниэль Морз предупреждает нас, что свадьба опять назначена на девять часов, и передает приветы от мистера Фулька Эфринеля и мисс Горации Блуэтт.

Майор Нольтиц и ваш покорный слуга, господин Катерна и Пан Шао обещают в назначенное время быть во всеоружии.

Однако первый комик и субретка не сочли нужным вновь облачиться в театральные костюмы сельских новобрачных. Они переоденутся лишь к званому обеду, который будет подан в восемь часов вечера для свидетелей и некоторых пассажиров первого класса. Господин Катерна, подмигивая мне, дает понять, что за десертом нас ожидает сюрприз. Интересно знать какой? Но не будем торопиться.

Незадолго до свадебной церемонии раздаются удары тендерного колокола.

Нет, это не тревога! Веселый перезвон приглашает нас в вагон-ресторан, и мы направляемся торжественной процессией к месту священнодействия.

Мистер Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт уже сидят у столика напротив пастора.

В тамбурах толпятся любопытные, стараясь хоть краем глаза увидеть происходящее событие.

Фарускиар и Гангир, получившие персональные приглашения, являются позже других. Все встают, встречая их поч-

тительными поклонами. Они тоже должны подписаться под брачным договором. Для молодоженов это большая честь, и если бы я решил жениться, то был бы весьма польщен согласием такого знаменитого человека, как Фарускиар, поставить свой автограф на последней странице брачного контракта.

Церемония возобновилась, и на этот раз ничего не помешало преподобному Натаниэлю Морзу закончить спич, так досадно прерванный третьего дня.

Жених и невеста — мы вправе еще их так называть — встают по знаку священника, который спрашивает, по обоюдному ли согласию они вступают в брак.

Прежде чем ответить священнику, мисс Горация Блуэтт, обернувшись лицом к жениху, говорит ему, поджимая губы:

— Итак, решено, что фирме «Гольмс-Гольм» будет причитаться двадцать пять процентов доходов вашего предприятия!

— Пятнадцать,— отвечает Фульк Эфринель,— хватит и пятнадцати!

— Это было бы несправедливо, раз я согласилась предоставить тридцать процентов торговому дому «Стронг Буль-буль и К^о».

Мне показалось в эту минуту, что свадьба находится под угрозой из-за каких-то пяти процентов.

— Ладно, мисс Блуэтт, согласен на двадцать процентов.

— Но это только для вас! — прибавляет вполголоса господин Катерна.

— В таком случае, по рукам, мистер Эфринель.

Сделка состоялась, к обоюдной выгоде обоих торговых домов. Преподобный Натаниэль Морз повторяет свой вопрос.

Сухое «да» мисс Горации Блуэтт, отрывистое мистера Фулька Эфринеля, и все кончено: жених и невеста стали мужем и женой.

Под брачным контрактом подписываются: сначала молодые, затем свидетели, господин директор Фарускиар и, наконец, все приглашенные. Очередь за священником, который скрепляет документ своим именем и званием.

— Вот они и скваны на всю жизнь,— говорит мне первый комик, ухмыляясь.

— На всю жизнь, как пара снегирей! — подхватывает субретка, не забывшая, что эти птицы отличаются верностью в любви.

— В Китае,— замечает молодой Пан Шао,— не снегيري, а пекинские утки символизируют супружескую верность.

— Утки или снегири — все едино! — философски изрекает господин Катерна.

Брачная церемония закончилась. Приняв поздравления, молодые супруги вернулись к своим делам: мистер Эфринель к торговому балансу, миссис Эфринель к приходу-расходной книге. В поезде ничто не изменилось: лишь прибавилась еще одна супружеская чета.

Мы тоже занимаемся своими делами. Майор Нольтиц, Пан Шао и я курим на площадке, а комическая пара что-то репетирует у себя в купе — должно быть, готовят обещанный вечерний сюрприз.

В окружающем пейзаже нет никакого разнообразия — все та же унылая пустыня Гоби с вершинами Гумбольдтовых гор, с правой стороны соединяющихся Тянь-Шаньской цепью. Редкие станции представляют собой довольно непримечательное зрелище: среди нескольких разбросанных лачуг возвышается, как монумент, домик путевого обходчика. Время от времени на таких полустанках мы запасаемся водой и топливом. Приближение настоящего Китая, многолюдного и трудолюбивого, почувствуется только за Хара-Нуром, где мы увидим настоящие большие города.

Местность, которую мы проезжаем, нисколько не походит на области восточного Туркестана, оставшиеся за Кашгаром. Она настолько же нова для Пан Шао и доктора Тио Кина, как и для нас, европейцев.

Должен сказать, что великолепный Фарускиар уже не гнушался вмешиваться в наш разговор. Теперь это очаровательный остроумный человек, с которым так хочется познакомиться поближе. Он уже пригласил меня посетить его «ямен» в Пекине. Готовлюсь к подробному интервью. Мой будущий собеседник интересный человек, много путешествовал и, кажется, питает особую симпатию к французским журналистам. Уверен, он не откажется подписаться на «ХХ век»: для Парижа — 48 франков, для департаментов — 56, для заграничных подписчиков — 76.

Поезд мчится на всех парах. Пассажиры мирно разговаривают о том о сем. Услышав произнесенное кем-то слово Кашгария, Фарускиар с готовностью сообщает интересные детали об этой провинции, которая так сильно пострадала от повстанческих движений, особенно до установления владычества русских, когда местное население изо всех сил противилось китайскому порабощению. Немало сынов Поднебесной пали при многократных восстаниях в Туркестане. Китайский гарнизон скрывался при этом в крепости Янги-Гиссар.

Один из непокорных вождей, Али-Хан-Тулла, бывший в свое время властителем Кашгарии, отличался не только умом, но и чрезвычайной жестокостью. По этому поводу Фарускиар рассказал историю, прекрасно иллюстрирующую безжалостный характер восточных сатрапов.

— Жил в Кашгаре,— начал он,— известный ремесленник. Желая заслужить благосклонность Али-Хан-Туллы, мастер выковал необыкновенную, очень дорогую саблю и, закончив работу, поручил своему сыну — мальчику десяти лет — преподнести ее властелину, в надежде, что ребенок получит награду из царственных рук. И он ее получил! Властелин, не скрывая восхищения от подарка, спросил, а остра ли сабля?

— Да,— ответил ребенок.

— Подойди! — приказал Али-Хан-Тулла и одним махом отрубил ему голову, которую и отослал с царской ценой за саблю. Превосходные качества подарка изувер испытал на деле!

Рассказ был подан темпераментно и весьма выразительно. Но если господин Катерна что-то и понял, то вряд ли попросит включить этот сюжет в туркестанскую оперетку.

День прошел без всяких приключений. Поезд сбавил скорость, делая не больше сорока километров в час. Он несомненно мог бы давать и восемьдесят километров, если бы были приняты во внимание жалобы барона Вейнсшнитцер-дерфера. Но, по правде говоря, китайские машинисты и кочегары даже и не пытаются наверстывать время, потерянное между Черченом и Чарклыком.

В семь часов вечера — пятидесятиминутная остановка на берегу Хара-Нура. Озеро это, не столь обширное, как Лобнор, вбирает в себя воды реки Сулэхэ, берущей начало в Наньшаньских горах. После утомительного однообразия пустыни взоры наши чарует пышная зелень, окаймляющая южный берег. Приятное оживление вносят стайки порхающих птиц.

В восемь вечера, когда мы отъезжали от вокзала, солнце еще только садилось за песчаными дюнами, а над горизонтом уже расстились сумерки. Это походило на мираж, который создавали нагретые за день нижние слои атмосферы.

Не успел поезд тронуться, как мы собрались в вагоне-ресторане, который принял свой обычный вид. Но то был не обычный ужин, а свадебная трапеза. В ней должны принять участие человек двадцать гостей во главе с великолепным Фарускиаром. Но — кто бы мог подумать? — он отклонил по какой-то непонятной причине приглашение Фулька Эфринеля. Сожалею об этом, так как надеялся занять место рядом с ним.

Конечно, я сообщу «XX веку» о подвиге Фарускиара. Пусть публика узнает и запомнит его имя! Пошлю в Париж телеграмму, как бы дорого она ни стоила: такое известие оправдывает любые расходы. Уж на этот раз, надеюсь, не получу выговора от редакции! Тут не может быть никакой ошибки, вроде той, что произошла у меня с мандарином Иен Лу. Она остается на моей совести, несмотря на то, что попался я на удочку в стране лже-Смердиса¹. Пусть хоть это послужит мне оправданием!

Значит, решено. Как только прибудем в Сучжоу, немедленно даю телеграмму. Славное имя Фарускиара должно прогреметь на всю Европу! К тому времени испорченный участок пути, а вместе с ним и телеграфная линия будут полностью восстановлены.

Фульк Эфринель постарался все устроить наилучшим образом. Свежая провизия для торжественного пиршества была закуплена в Чарклыке. Но кухня теперь не русская, а китайская, и руководит приготовлением блюд китайский повар. К счастью, нам не придется есть палочками: в поезде Великой Трансзиатской магистрали ножи и вилки допускаются даже и при китайских кушаньях.

Я сижу слева от миссис Эфринель, а майор Нольтиц — справа от Фулька Эфринеля. Остальные гости расселись как пришлось. Немецкий барон, не способный дуться и отнекиваться, если маячит лакомый кусок, тоже находится в числе приглашенных. Другое дело сэр Фрэнсис Травельян — тот даже и бровью не повел, когда был приглашен на свадебный пир.

Сначала были поданы супы — с курицей и яйцами чибиса; затем — ласточкины гнезда, расчлененные на тонкие нити, рагу из крабов; воробьиные горлышки; хрустящие свиные ножки под соусом; бараньи мозги; жаренные в масле трепанги; плавники акулы, клейкие и тягучие; наконец — побеги молодого бамбука в собственном соку; корни кувшинок в сахаре и много других невероятных китайских кушаний, которые мы запиваем подогретым в металлических чайниках шао-сингским вином.

Праздник проходит оживленно, весело. Однако молодой супруг, как это ни странно, не уделяет ни малейшего внимания молодой супруге и... наоборот.

¹ Смердис — сын персидского царя Кира (VI в. до н. э.) — был убит своим братом, который держал в тайне его смерть, в то время как жрец Гомата выдавал себя за убитого Смердиса.

А наш первый комик, вот неугомонный балагур! Из него так и сыплются залежалые анекдоты, непонятные большинству прибаутки и допотопные каламбуры, которые кажутся ему верхом остроумия. И он так заразительно хохочет, что невозможно не засмеяться вместе с ним. Ему захотелось во что бы то ни стало узнать несколько китайских слов, и, когда Пан Шао говорит ему, что «чин-чин» значит спасибо, он принимается по всякому поводу «чинчинить», уморительно корча при этом физиономию.

Потом приходит черед и песен — французских, русских, китайских. Пан Шао поет «Шанг-Туо-Чинг», или «Песню мечты», из которой я узнаю, что «цветы персика особенно хорошо пахнут при третьей луне, а цветы гранатового дерева — при пятой».

Пиршество длилось до десяти часов. Перед десертом комик с субреткой незаметно исчезли. Но скоро, к изумлению публики, вновь появились — один в широченном плаще извозчика, другая в костюме горничной. С каким увлечением, блеском и лихостью проиграли они Соннеты! Право, было бы только справедливо, если Кларети, по ходатайству Мейлах и Галеви, признает их ветеранами «Комеди Франсез».

Праздник окончился только в полночь. Мы вернулись на свои места и сразу же улеглись спать. Никто из нас не слышал, как объявляли названия станций, предшествующих Сучжоу.

Местность заметно меняется по мере того, как железная дорога, огибая восточные отроги Наньшаньских гор, спускается ниже сороковой параллели. Пустыня постепенно исчезает, видны многочисленные поселки, плотность населения возрастает. Вместо безнадежно унылых песчаных пространств повсюду расстилаются зеленые равнины и нередко даже рисовые поля. С окрестных гор сюда сбегает быстрые ручьи и полноводные реки. После тоскливого однообразия Каракумов, после безотрадных гобийских песков, за исключением небольшого отрезка пути, проходящего по массивам Памирского плоскогорья, мы можем только порадоваться такой перемене! Теперь, приближаясь к Пекину, поезд Великой Трансазиатской магистрали будет проезжать живописные долины с едва различимыми на горизонте очертаниями далеких гор.

Через три дня мы достигнем конечной станции, и не мне, газетному репортеру, привыкшему к жизни на колесах, жаловаться на продолжительность и тяготы путешествия. Скорее пристало роптать Кинко, запертому в своем ящике, и хо-

рошенькой Зинке Клорк, с тоской и нетерпением ожидающей его в Пекине, на улице Ша-Хуа.

Останавливаемся в Сучжоу на два часа. Первым делом бегу в телеграфную контору. Услужливый Пан Шао охотно соглашается быть моим посредником. Телеграфист сообщает нам, что столбы на линии подняты и депеши передаются без всякого промедления.

Тотчас же отправляю «XX веку» телеграмму:

СУЧЖОУ 25 МАЯ 2 ЧАСА 25 МИНУТ ПОПОЛУДНИ

Между Черченом и Чарклыком поезд подвергся нападению бандитской шайки знаменитого разбойника Ки Цзана пассажиры отбили атаку сокровища китайского императора спасены обеих сторон убитые и раненые атаман убит отважным монголом Фарускиаром директором Правления Великой Трансзиатской магистрали его подвиг заслуживает всеобщего восхищения

Двух часов на осмотр Сучжоу, разумеется, недостаточно.

До сих пор мы видели в Туркестане по два смежных города, старый и новый. В Китае же, как сообщает мне Пан Шао, многие города, например Пекин, состоят из двух, трех и даже четырех городов, включенных один в другой.

Так и здесь: Тайчжоу — внешний город, а Сучжоу — внутренний. Больше всего поразило нас то, что оба они выглядят опустошенными. Повсюду следы пожарищ, полуразрушенные пагоды и дома, неубранные груды обломков. Эти печальные следы оставлены не временем, а войной. Сучжоу несколько раз переходил из рук в руки — то в город врывались мусульмане, то его обратно отбивали китайцы, и эта варварская борьба каждый раз заканчивалась разрушением зданий и беспощадным избиением жителей, без различия пола и возраста.

В Сучжоу есть одна достопримечательность, заслуживающая внимания туристов: как раз до этого места доходит Великая Китайская стена.

Спускаясь на юго-восток, к Ланьчжоу, знаменитая стена снова поднимается на северо-восток, огибая провинции Ганьсу, Шэньси и Чжили севернее Пекина. Но здесь она представляет собой лишь невысокий земляной вал с несколькими полуразрушенными башнями. Я пренебрег бы своими репортерскими обязанностями, если б не взглянул на конечный пункт этого гигантского сооружения, превосходящего своими масштабами все новейшие фортификационные работы.

— Есть ли какая-нибудь польза от Великой Китайской стены? — спросил меня майор Нольтиц.

— Не знаю, как для китайцев, но для политических ораторов несомненно, и даже очень большая. Ведь они пользуются Китайской стеной как сравнением, особенно, когда обсуждаются торговые договоры. Не будь этой стены, что осталось бы от нашего законодательного красноречия?

ГЛАВА XXIII

Багровое небо с зеленовато-сернистым отливом еще с вечера предвещало непогоду. Сильно парило, атмосфера была насыщена электричеством. Наконец разразилась гроза — «вполне удавшаяся», по выражению первого комика, не преминувшего заметить, что ему никогда не приходилось видеть лучшего исполнения, если не считать сцены охоты во втором акте «Фрейшютца»¹.

И действительно, поезд несется навстречу ослепительным молниям, среди оглушительных раскатов грома, которые отзываются в горах непрерывным эхом. Несколько раз мне казалось, что нас поразит молния, но ее принимали на себя металлические рельсы. Становясь проводниками тока, они спасали вагоны от ударов. Какое это прекрасное и вместе с тем жуткое зрелище: огни, прорезающие пространство, которых не может затушить даже ливень! К бесконечным электрическим разрядам примешивались пронзительные свистки нашего локомотива, когда мы проходили мимо станций Шаньдань, Юнчан, Увэй, Гулан.

По милости этой бурной ночи мне удалось повидаться с Кинко, передать купленную в Сучжоу провизию и поболтать с ним несколько минут.

— Мы приедем в Пекин послезавтра, господин Бомбарнак?

— Да, Кинко, если ничего больше не стряется.

— О! Я боюсь не опоздания. Меня пугает другое: ящик ведь не сразу доставят на улицу Ша-Хуа.

— Ничего, Кинко, мадемуазель Зинка Клорк, наверное, сама явится на вокзал.

— Нет, господин Бомбарнак, я просил ее этого не делать.

— Почему?

¹ «Фрейшютц» («Вольный стрелок») — знаменитая опера немецкого композитора Карла Марии Вебера.

— Женщины ведь так впечатлительны. Она, конечно, захочет увидеть вагон, в котором меня привезли, начнет торопить с доставкой ящика и будет действовать так настойчиво, что невольно может выдать и себя и меня.

— Вы правы, Кинко.

— К тому же мы приедем в Пекин вечером, когда будет уже темно, и выдачу багажа отложат до следующего утра...

— Возможно,

— Так вот, господин Бомбарнак, если я не злоупотреблю вашей любезностью, то хочу попросить вас еще об одной маленькой услуге.

— О чем, Кинко?

— Не будете ли вы так добры проследить за отправкой ящика, чтобы не случилось неожиданностей.

— Хорошо, обещаю вам это. Черт возьми, ведь зеркала — хрупкий товар и требуют нежного обращения. Я прослежу за выгрузкой и, если хотите, буду сопровождать ящик до улицы Ша-Хуа.

— Я не осмелился обратиться к вам с такой просьбой, господин Бомбарнак...

— Напрасно, Кинко. Я ваш друг, а с другом нечего церемониться. К тому же мне будет очень приятно познакомиться с мадемуазель Зинкой Клорк. Хочу увидеть сам, как она распишется в получении дорогого ящика...

Страшный удар грома прерывает нашу беседу. Мне кажется, что от сотрясения воздуха поезд будет сброшен с рельсов. Расстаюсь с румыном и возвращаюсь в свой вагон.

Утром, 26 мая, в семь часов, мы остановились на вокзале в Ланьжоу только на три часа! Вот к чему привело нападение бандитов! Так поторапливайтесь же, майор Нольтиц, собирайтесь поживее, Пан Шао, не мешкайте, супруги Катерина! Скорее в путь, нам нельзя терять ни минуты!

Но в тот момент, когда мы уже выходили из вокзала, путь нам загородила грозная, грузная, важная персона — губернатор Ланьжоу. На нем два халата — белого и желтого шелка, с широким поясом на блестящей пряжке, в руке веер, на плечах черная мантилья, какую уместнее было бы видеть на маноле¹. Его сопровождают несколько мандаринов с шариками, и китайцы низко кланяются ему, сдвинув вместе оба кулака и помахивая ими снизу вверх.

Но зачем сюда пожаловал сановник? Неужели опять на-

¹ М а н о л а — городская девушка в Испании, работающая швеей, модисткой, продавщицей и т. п. То же, что гризетка во Франции.

чнутся китайские формальности? Проверка пассажиров или осмотр багажа? Что тогда будет с Кинко? А я-то думал, что он уже вне опасности...

Нет, тревожиться нечего. Дело идет о сокровищах Сына Неба. Губернатор и его свита выходят на платформу, останавливаются перед драгоценным вагоном, закрытым на все засовы и запломбированным, и смотрят на него с почтительным восхищением.

Осведомляюсь у Попова, что может означать этот губернаторский визит и не имеет ли он отношения к пассажирам.

— Ни малейшего, — успокаивает он меня. — Из Пекина получен приказ телеграфировать о прибытии сокровищ. Губернатор выполнил распоряжение и ждет теперь ответа, отправит ли вагон дальше или оставить временно в Ланьчжоу.

— А нас это не задержит?

— Не думаю.

— В таком случае, пойдемте поскорее в город, — обращаюсь я к своим спутникам.

Нам совершенно безразлично, как будет решен вопрос с императорскими сокровищами. Зато Фарускиара это очень интересует. Но какое, в сущности, ему дело — отцепят вагон или нет? Однако он не может скрыть тревоги, и Гангир выглядит озабоченным, и монголы явно раздосадованы. Они перешептываются, с неприязнью поглядывая на представителей местной власти.

И тут губернатору сообщают о подвиге Фарускиара — как он отбил нападение на поезд и не только спас сокровища богдыхана, но и навсегда избавил страну от грозного разбойника Ки Цзана. Губернатор обращается к нашему герою с благодарственным словом, восхваляя его доблесть и давая понять, что Сын Неба не оставит такую услугу без вознаграждения. Пан Шао быстро переводит нам витиеватую речь сановника.

Директор правления Великой Трансазиатской магистрали слушает эти похвалы с обычным для него спокойствием, но вместе с тем и с заметным нетерпением. Быть может, он считает себя выше любых похвал и наград, даже если они исходят с такой высоты? Не проявляется ли в этом его монгольская гордость?

Наконец мы выходим на привокзальную площадь. От беглого осмотра Ланьчжоу у меня тем не менее сохранились довольно отчетливые воспоминания.

Прежде всего, и здесь два города — внешний и внутренний. Но на этот раз нет никаких развалин. Город многолюд-

ный, население деятельное, предприимчивое, привыкшее благодаря железной дороге к присутствию иностранцев и не докучающее им нескромным любопытством. Обширные кварталы расположены на правом берегу реки Хуанхэ, достигающей тут почти двух километров в ширину. Хуанхэ — Желтая река, знаменитая Желтая река, которая пробегает четыре тысячи пятьсот километров, вынося свои глинистые воды в глубину Чилийского залива.

— Не в устье ли Хуанхэ, неподалеку от Тяньцзиня, наш барон должен сесть на пароход в Йокогаму? — спрашивает майор Нольтиц.

— Именно там, — отвечаю я.

— Он, к сожалению, опоздает на него, — замечает господин Катерна.

— Если только не догонит его вплавь, — подхватываю я.

— Или как топор не пойдет ко дну, — добавляет первый комик.

— А ведь он может еще успеть, — говорит майор Нольтиц. — Если мы пойдем дальше без опозданий, то в Тяньцзинь будем двадцать третьего, в шесть утра. Пароход же отправляется только в одиннадцать.

— Пропустит барон пароход или нет, — отвечаю я, — это его забота, а мы, друзья, продолжим нашу прогулку.

Мы выходим на берег к тому месту, где через Желтую реку переброшен понтонный мост. От быстрого течения он качается, как суденышко на волнах. Госпожа Катерна, рискувшая было вступить на зыбкий настил, тотчас же почувствовала головокружение и сильно побледнела.

— Каролина!.. Каролина!.. — жалобно восклицает комик. — У тебя будет морская болезнь! Вернись! Приди в себя!..

Госпожа Катерна «приходит в себя», и мы поднимаемся в гору, к пагоде, которая высится над всем городом.

Затем, спустившись вниз, мы увидели крупные промышленные предприятия — пушечный завод и оружейную фабрику. Обслуживаются они исключительно китайцами. Прошли по прекрасному саду, прилегающему к дому губернатора. Сад очень причудлив: повсюду беседки, мостики, водоемы и ворота в форме китайских ваз.

Без десяти минут десять, совершенно измученные, мы вернулись на вокзал. От невыносимого зноя и духоты одежда прилипла к телу.

Первым делом окидываю взглядом состав. Вагон с сокровищами все на том же месте, предпоследний в поезде, под охраной китайских солдат.

Прибыла депеша, которую ждал губернатор: вагон приказано переправить в Пекин.

А где же знаменитый Фарускиар? Я его что-то не вижу. Неужели покинул нас?..

Нет. Вот он стоит на площадке, и монголы только что вошли в свой вагон. Фульк Эфринель тоже вернулся из города. Под мышкой у него портфель с образцами продукции торгового дома «Стронг Бульбуль и К°». Надо полагать, что он уже успел обделаться кое-какими делишками. Вернулась и миссис Эфринель. Вполне возможно, что ей удалось закупить в Ланьчжоу партию волос. Но пришли они на вокзал порознь и сели на свои места, даже не подавая виду, что знакомы друг с другом.

Остальные попутчики — сплошь китайцы, многие из них едут в Пекин, другие взяли билеты до промежуточных станций — Сиань, Тунгуань, Шаньсянь, Тайюань. В поезде, должно быть, около сотни пассажиров.

Мы стояли на площадке, когда раздался последний звонок. Господин Катерна спросил жену, что ей показалось самым любопытным в Ланьчжоу.

— Самым любопытным, Адольф? Большие клетки с чучелами птиц, вывешенные на стенах и на деревьях. Только птицы¹ какие-то странные.

— Действительно, странные, госпожа Катерна,— ответил Пан Шао,— птицы, которые при жизни умели говорить...

— Значит, это были попугаи?

— Нет, головы преступников...

— Какой ужас! — воскликнула субретка, всплеснув руками.

— Ничего не поделаешь, Каролина,— поучительно заметил господин Катерна,— таковы уж обычаи в этой стране!

ГЛАВА XXIV

От Ланьчжоу дорога идет по хорошо возделанной местности, обильно орошаемой реками, но такой холмистой, что должна все время кружить и огибать препятствия. Здесь нередко встречаются инженерные сооружения — мосты и виадуки. Многие из них — деревянные, и у пассажиров поневоле замирает сердце, когда дощатый настил прогибается под тяже-

¹ Читатели должны помнить, что Клодиус Бомбарнак, как типичный репортер буржуазной газеты, нередко отклоняется от истины и допускает преувеличения.

стью поезда. Не следует забывать, что мы в Поднебесной империи, где даже несколько тысяч жертв железнодорожных катастроф составили бы ничтожнейший процент от четырехсотмиллионного населения.

— К тому же,— говорит Пан Шао,— Сын Неба сам никогда не ездит по железной дороге.

Тем лучше для него!

На сравнительно небольшом участке рельсовый путь тянется вдоль Великой стены, повторяя ее прихотливые изгибы. От этой колоссальной рукотворной преграды, возведенной некогда на границе Китая и Монголии, остались только глыбы гранита и красноватого кварца, служившие ей фундаментом; кирпичные террасы с парапетами неодинаковой высоты; старые пушки, изъеденные ржавчиной и обросшие мхом; а также квадратные сторожевые башни с уцелевшими кое-где зубцами. Непрерывная куртина¹ поднимается к облакам, спускается в долины, изгибается, выпрямляется, исчезает вдаль, сливаясь с неровностями почвы.

В шесть часов вечера — получасовая остановка в Тяньшуге. Успеваю заметить лишь несколько высоких пагод. В десять часов мы прибываем в Сиань, где стоим сорок пять минут. Было темно, и я ничего не смог разглядеть.

Понадобилась целая ночь на трехсоткилометровый перегон от этого города до Шаньсяня.

Думаю, что лондонцам вполне бы могло показаться, что в Шаньсяне они как у себя дома. Надо полагать, что у миссис Эфринель сложилось именно такое впечатление. Правда, здесь нет ни Стрэнда² с его невообразимой сутолокой, скоплением пешеходов и экипажей, ни Темзы с бесконечными вереницами барж и паровых судов. Но мы очутились в такой плотной завесе тумана, что невозможно было разглядеть ни пагод, ни домов.

Туман держался весь день, и это немало затрудняло движение. Но китайские машинисты хорошо знают свое дело. Их внимательность, старание и сноровка могут быть поставлены в пример машинистам западноевропейских дорог.

Какой тоскливый день! Сколько строк репортерской хроники пропало из-за тумана! Вот уж действительно не повезло нам на подступах к Тяньцзиню! Я не видел ни ущелий, ни оврагов, среди которых вьется колея. В непроглядной мгле мы

¹ Куртина — крепостная стена.

² Стрэнд — одна из центральных улиц Лондона.

проехали двести тридцать километров и в десять часов вечера достигли большой станции Тайюань.

С наступлением вечера туман рассеялся, но не успели мы порадоваться, как опустилась ночь.

Выхожу на вокзал, чтобы купить в буфете несколько пирожков и бутылку вина. Хочу нанести Кинко последний визит. Мы выпьем за его здоровье и за будущее счастье с хорошенькой румынкой.

Фарускиар и Гангир чинно прохаживаются по платформе. На этот раз их внимание привлекает не вагон с сокровищами, а головной багажный. Почему-то они разглядывают его с особенным любопытством.

Уж не подозревают ли что?.. Нет, монголы наблюдают за машинистом, кочегаром и двумя молодыми китайцами, только что принявшими состав. Быть может, господина Фарускиара интересуют люди, которым доверена транспортировка императорской казны, а вместе с нею и добрая сотня человеческих жизней?

Дается сигнал к отправлению. Ровно в полночь мы покидаем Тайюань.

Ночь выдалась темная — ни луны, ни звезд. В нижних слоях атмосферы клубятся тучи.

Радуюсь, что легко будет пробраться в багажный вагон. Вряд ли кто заметит.

Мои размышления прерывает Попов:

— Вы еще не легли спать, господин Бомбарнак?

— Собираюсь. Из-за тумана пришлось весь день просидеть в душном вагоне. Захотелось немножко подышать свежим воздухом. А где будет следующая остановка?

— В Шоуяне. Не доезжая этой станции — разъезд, откуда отходит Нанкинская линия.

— Покойной ночи, господин Попов.

— Покойной ночи, господин Бомбарнак!

И вот я опять один.

Решаю прогуляться по всему поезду. На минуту останавливаюсь на площадке перед вагоном с сокровищами. Все пассажиры, кроме китайских жандармов, видят последние сны — последние, разумеется, на Великом Трансзиатском пути.

Возвращаюсь обратно. Начальник поезда, кажется, крепко спит.

Отворив дверь багажного вагона, проскальзываю внутрь и легким покашливанием даю знать Кинко о своем приходе.

Стенка ящика раздвигается, загорается лампочка.

В обмен на пирожки и бутылку вина получаю благодарности и, как было задумано, пью с моим славным румыном за здоровье Зинки Клорк. Завтра я с ней непременно познакомлюсь.

Без десяти час. Через несколько минут мы минуем разъезд. Нанкинскую линию еще только начали прокладывать. Она обрывается на пятом или шестом километре, где строится сейчас виадук. Пан Шао говорил мне, что это будет самое большое сооружение в долине Чжу. Китайские инженеры успели пока что возвести опорные столбы, высотой около ста футов. В месте соединения Нанкинской ветки с Великой Трансзиатской магистралью установлена уже стрелка, позволяющая перегонять поезда на новую линию. Через три-четыре месяца ее собираются закончить.

Чтобы не быть застигнутым врасплох во время стоянки, прощаюсь с Кинко, иду к выходу и вдруг слышу на задней площадке шаги.

— Берегись, Кинко! — говорю я вполголоса.

Лампа сейчас же гаснет; мы оба замираем.

— Створка, задвиньте створку, — напоминаю румыну.

Он закрывает ящик.

Конечно, это Попов, больше некому. Что он подумает, если застанет меня здесь?

Однажды я уже прятался между тюками, когда в первый раз явился в багажный вагон. Ну что ж, спрячусь еще разок, за ящиками Фулька Эфринеля, даже при свете фонаря он не заметит меня.

Но это не Попов!

Ба! Да тут не один человек, а несколько! Вот они пробираются через вагон, отворяют дверь и выходят на переднюю площадку...

Это пассажиры, можно не сомневаться, но только зачем они здесь... и в такой час?

Попробую разузнать! Если предчувствие не обманывает меня, эти люди что-то затевают...

Осторожно подхожу к передней стенке вагона, прислушиваюсь. Несмотря на грохот поезда, голоса звучат довольно внятно.

Тысяча и десять тысяч чертей! Да ведь это Фарускиар разговаривает по-русски с Гангиром. Он, он, я не ошибаюсь!.. И с ними четыре монгола... Что им здесь понадобилось? Почему они собрались на площадке перед тендером? О чем сощаются?

Слышу почти каждое слово.

— Скоро мы будем у разъезда?
— Через несколько минут.
— И можно быть уверенным, что у стрелки дежурит Кардек?

— Да, так мы условились.

Условились? О чем, с кем, и кто такой этот Кардек?

Разговор продолжается.

— Нужно подождать, пока не покажется сигнал,— говорит Фарускиар.

— Зеленый огонь? — спрашивает Гангир.

— Да, он будет означать, что стрелка переведена.

Не схожу ли я с ума? Не снится ли все это? О какой стрелке они говорят?

Проходит полминуты. Собираюсь с мыслями. Надо скорее предупредить Попова.

— Сигнал!.. Вот зеленый сигнал!

Возглас Гангира приковывает меня к месту.

— Это значит, что поезд будет пущен по Нанкинской ветке,— подтверждает Фарускиар.

По Нанкинской ветке!.. Но мы все тогда погибнем!.. В пяти километрах — долина Чжоу, где строится виадук. Следовательно, поезд несется в пропасть...

Да, не напрасны были подозрения майора Нольтица! Он не обманул насчет великолепного Фарускиара! Директор правления Великой Трансазиатской магистрали — отъявленный злодей, который втерся в доверие компании лишь за тем, чтобы выждать подходящий случай и подготовить внезапный удар. Случай представился, когда на горизонте стали маячить миллионы китайского императора. И если Фарускиар защищал от шайки Ки Цзана сокровища Сына Неба, то только потому, что сам позарился на добычу. Нападение бандитов на поезд расстраивало его преступные планы. Вот почему он так храбро сражался! Вот из-за чего он рисковал жизнью и вел себя как герой! А ты, бедняжка Клодиус, оказался настоящим болваном! Еще раз быть одураченным, снова плюхнуться в лужу... Ну и осел!..

Прежде всего надо помешать злодеям исполнить гнусный замысел. Надо спасти поезд, несущийся на всех парах к недостроенному виадуку. Надо спасти пассажиров от ужасной катастрофы. На сокровища, которыми хотят овладеть злоумышленники, мне наплевать, как на старую хронику. Ведь дело идет о жизни многих людей и о моем собственном спасении!..

Хочу побежать к Попову — и не могу сдвинуться с места. Ноги словно свинцом налились. Голова отяжелела.

Неужели мы катимся в бездну? А может быть, я и в самом деле схожу с ума? Ведь Фарускиар и его сообщники тоже разделят нашу участь и погибнут вместе с нами...

В эту минуту со стороны паровоза раздаются крики, крики людей, которых убивают... Нет сомнения! Машиниста и кочегара зарезали. Я чувствую, как поезд сбавляет скорость.

Теперь все понятно: один из бандитов умеет управлять локомотивом. Замедление хода позволит им всем соскочить на полотно и избежать катастрофы.

Наконец мне удастся побороть оцепенение. Шатаюсь, как пьяный, едва добираюсь до ящика Кинко и сообщаю ему в нескольких словах о случившемся.

— Мы пропали! — восклицаю я в отчаянии.

— А может быть, и нет. — Он стремглав выбегает из вагона и лезет на тендер.

— Идите! Идите сюда! Скорее!

Не помню, как мне это удалось, но уже через несколько секунд я оказываюсь рядом с ним в паровозной будке. Ноги скользят в крови — в крови машиниста и кочегара, сброшенных на путь.

Фарускиар и его сообщники исчезли. Но прежде, чем убежать, один из них отпустил тормоза, усилил подачу пара, набил топку углем, и теперь поезд мчится с чудовищной скоростью.

Еще несколько минут, и мы поравняемся с виадуком в долине Чжу.

Кинко не теряет самообладания и мужества. Но — увы! — он не знает, как обращаться с регулятором, как отключить подачу пара, как перевести тормоза.

— Нужно сказать Попову! — говорю я.

— Нет, медлить нельзя! Осталось одно средство.

— Какое?

— Усилить огонь, — спокойно отвечает Кинко, — закрыть все клапаны, взорвать локомотив...

— Неужели только это отчаянное средство может остановить поезд, прежде чем он достигнет виадука и сорвется в пропасть?

Кинко энергично подбрасывает в топку уголь — лопату за лопатой.

Давление увеличивается, котел бурлит, пар со свистом вырывается из клапанов. Скорость резко возрастает — уже больше ста километров.

— Скажите всем, чтобы скорее бежали в задние вагоны! — кричит мне Кинко.

— А вы сами?

— Торопитесь, торопитесь, время не ждет!

Он изо всех сил налегает на рычаги, закрывая клапаны и отдушины.

— Прочь, прочь отсюда! — приказывает мне румын.

Мгновенно слезаю с тендера, пробегаю через багажный вагон, бужу Попова и кричу не своим голосом:

— Назад!.. Все назад!..

Проснувшиеся пассажиры толпятся в проходах, устремляясь в задние вагоны...

Вдруг раздается ужасающий взрыв, за которым следует резкий толчок.

На какое-то мгновение поезд замирает, а потом, увлекаемый силой энергии, продолжает катиться вперед, проходит еще с полкилометра и останавливается...

Попов, майор, Катерна, я и большинство пассажиров — все мы тотчас же спрыгиваем на полотно.

В темноте перед нами смутно рисуются строительные леса и очертания мостовых опор, поставленных для будущего виадука в долине Чжу.

Еще каких-нибудь двести шагов, и поезд Великой Транс-азиатской магистрали был бы поглощен бездной.

ГЛАВА XXV

А я так боялся томительного однообразия, заурядности этого путешествия в шесть тысяч километров, не ожидал от него никаких ярких впечатлений и переживаний, достойных печатного станка. Хотя опять попал впросак, послав телеграмму «XX веку», где представил Фарускиара героем! Правда, намерения у меня были самые лучшие, но недаром говорится — благими намерениями вымощена дорога в ад.

Мы находимся в двухстах шагах от долины Чжу, широкой впадины, потребовавшей сооружения виадука, протяженностью приблизительно в триста пятьдесят — четыреста футов. Каменистое дно впадины лежит на глубине ста футов. Если бы поезд свалился в пропасть, не уцелела бы ни одна живая душа. Эта катастрофа, безусловно, интересная с точки зрения репортажа, стоила бы целой сотни жертв. Но благодаря хладнокровию и решительности молодого румына мы все были спасены от гибели.

Но ценой жизни Кинко!..

А вдруг ему повезло и смерть его миновала? Случись такое чудо, он, конечно, вернулся бы в свое убежище и стал бы терпеливо дожидаться моего прихода.

Воспользовавшись всеобщей суматохой, я опять пробираюсь в багажный вагон. Увы, никаких надежд! Ящик пуст, пуст, как сейф прогоревшего банка. Бедный Кинко стал жертвой своего великодушия.

Так вот кто был настоящим героем! Не гнусный бандит Фарускиар, которого я так неосторожно прославил на весь мир, а скромный румын, этот жалкий железнодорожный «заяц», этот несчастный жених, которого напрасно будет ждать его невеста.

Я воздам Кинко должное, рассказав о его подвиге! И вряд ли поступлю нескромно, если раскрою его тайну. Да, он обманул компанию Великой Трансазиатской магистрали, но, не будь этого обмана, поезд со всеми пассажирами был бы теперь на дне пропасти. Не окажись среди нас этого смельчака, мы все как один погибли бы ужасной смертью.

Обескураженный, снова спускаюсь на полотно, с тяжелым сердцем, со слезами на глазах.

План Фарускиара, которому едва не помешал его соперник Ки Цзан, задуман был очень ловко. Ему ничего не стоило направить поезд на боковую ветку, ведущую к недостроенному виадуку. На месте соединения обеих линий должен был дежурить соучастник бандитов и в нужный момент перевести стрелку. И как только показался зеленый сигнал, подтвердивший, что «все в порядке», злодеи убили машиниста и кочегара, замедлили на минуту скорость и соскочили на ходу с поезда, предварительно набив до отказа углем раскаленную топку. А теперь они, наверное, уже спустились в долину Чжу, чтобы найти среди обломков крушения сокровища богдыхана, надеясь скрыть свое ужасное преступление под покровом темной ночи... Самой утонченной китайской казни достойны такие негодяи!

Я сделаю все возможное, чтобы бандиты были пойманы и понесли заслуженную кару. Но расскажу обо всем китайским властям лишь после того, как повидая Зинку Клорк. Надо будет исподволь подготовить ее к горестному известию, чтобы несчастье не обрушилось как удар грома.

Завтра же, как только мы приедем в Пекин, первым делом отправлюсь на улицу Ша-Хуа. И если Зинка Клорк не захочет разглашения тайны ее покойного жениха, то ничто не помешает мне сообщить все подробности о злодеянии Фару-

скиара, Гангира и четырех бандитов, действовавших с ними заодно.

Увы! Я слишком поздно прозрел. Но ведь есть, как вы знаете, один человек, давно уже заподозривший Фарускиара в недобрых намерениях, и он только ждет случая выступить в роли обличителя!

У разбитого паровоза собралась группа людей, среди них — майор Нольтиц, немецкий барон, господин Катерна, Фульк Эфринель, Пан Шао и Попов. Китайские жандармы, верные своему долгу, оцепили вагон с сокровищами. Что бы ни случилось, они не покинут его ни на минуту.

Фонари, принесенные багажным контролером из хвостового вагона, позволили нам увидеть, что осталось от локомотива.

Паровозная топка и котел превратились в бесформенные обломки. Уничтожен не только локомотив, но и тендер приведен в негодность. Водяные баки пробиты; уголь высыпался на полотно. Зато передний багажный вагон остался, как это ни удивительно, почти неповрежденным.

Потеряна последняя надежда: у молодого румына не было никаких шансов на спасение. При таком взрыве его могло разорвать на части, разнести в клочья. Неудивительно, что даже и следов не осталось от его тела.

Мы долго стояли молча, потрясенные ужасным зрелищем.

— Нет сомнения, машинист и кочегар погибли при взрыве, — нарушает молчание кто-то из присутствующих.

— Несчастные люди! — произносит Попов с тяжелым вздохом. — Я только одного не могу понять — как поезд очутился на Нанкинской ветке и почему они этого не заметили.

— Ночь очень темная, и машинист мог не заметить, что стрелка была переведена, — предполагает американец.

— Да, это единственно возможное объяснение, — соглашается начальник поезда. — Машинисту следовало остановить поезд, а мы, наоборот, неслись со страшной скоростью.

— Но кому понадобилось перевести стрелку? — спрашивает Пан Шао. — Ведь Нанкинская ветка еще не действует, и виадук не достроен.

— Думаю, это небрежность, — отвечает Попов.

— А я считаю, что злой умысел, — догадывается Фульк Эфринель. — Преступники хотели устроить крушение, чтобы похитить императорскую казну. Что еще их могло прельстить? Разве не с целью грабежа бандиты напали на нас между Черченом и Чарклыком? Думаю, что мы вторично подверглись нападению.

Американец и не подозревал, насколько был близок к истине.

— Вы, стало быть, полагаете,— говорит начальник поезда,— что после шайки Ки Цзана другие разбойники осмелились...

Майор Нольтиц, до сих пор не принимавший участия в разговоре, перебивает Попова и говорит громко и внятно, так, чтобы его все услышали:

— Где господин Фарускиар?

Пассажиры оборачиваются, ожидая ответа.

— Где его приятель Гангир и четверо монголов, которые ехали в последнем вагоне? — продолжает майор.

— Господин Фарускиар, где вы, где вы? — кричат хором пассажиры.

Молчание.

Попов идет в вагон, в котором ехал Фарускиар. Но там только сэр Фрэнсис Травельян. Он спокойно сидит на своем месте, холодный и неприступный, совершенно чуждый всему происходящему. Ему ни до чего нет дела. Быть может, англичанин думает в эту минуту, что на русско-китайской железной дороге не оберешься бестолковщины и беспорядков? Где это видано, чтобы стрелку переводил всякий, кому вздумается? Где это слышано, чтобы поезд пошел не по своему пути?..

— Ну, так вот! — говорит майор Нольтиц. — Если хотите знать, какой злодей пустил поезд по Нанкинской ветке, прямо в пропасть, чтобы завладеть императорскими сокровищами, так знайте — это Фарускиар!

— Фарускиар?! — восклицают пассажиры, и большинство из них отказывается верить обвинителю.

— Как,— недоумевает Попов,— сам директор правления дороги, который так мужественно вел себя во время нападения разбойников и собственноручно прикончил Ки Цзана?

И тут я больше не могу сдерживаться.

— Майор не ошибается,— говорю я,— крушение — дело рук Фарускиара.

И, ко всеобщему изумлению, рассказываю то, что мне стало известно благодаря случаю. Но пока молчу о Кинко и его доблестном поведении. Я еще успею воздать ему должное.

— Теперь вы видите, господин Бомбарнак, что мои подозрения были не напрасны? — говорит майор Нольтиц.

— Да, и признаюсь без ложного стыда, что меня обмануло мнимое благородство этого проходимца.

— Господин Клодиус,— вмешивается в разговор первый

комик,— напишите о случившемся роман, и все будут говорить, что это неправдоподобно.

Пожалуй, господин Катерна прав. Но то, что в романе кажется совершенно неправдоподобным, нередко случается в жизни.

Многие считают невероятным наше чудесное спасение, не зная, как его объяснить. Только мне одному, посвященному в тайну Кинко, известно, почему локомотив был остановлен на краю пропасти загадочным взрывом.

Теперь, когда опасность миновала, следует принять меры к возвращению поезда на линию.

— Сделать это очень просто,— говорит Попов.— Нужно только, чтобы некоторые из вас смогли потрудиться на общую пользу.

— Согласен! — восклицает господин Катерна.

— Что от нас требуется? — спрашиваю я.

— Дойти до ближайшей станции, то есть до Шоуяна и телеграфировать оттуда в Тайюань, чтобы поскорее прислали вспомогательный локомотив.

— Далеко ли это отсюда? — спрашивает Фульк Эфринель.

— Мы находимся сейчас приблизительно в шести километрах от начала Нанкинской ветки,— отвечает Попов,— а от разъезда до Шоуяна еще километров пять.

— Итого одиннадцать,— говорит майор,— не так уж далеко. Хороший ходок пройдет это расстояние часа за полтора. Следовательно, локомотив из Тайюаня будет здесь часа через три. Я готов пойти.

— Чем больше нас соберется, тем лучше,— заявляет Попов.— Как знать, не встретим ли мы на дороге Фарускиара и его сообщников?

— Вы правы,— соглашается майор Нольтиц,— и потому необходимо как можно лучше вооружиться.

Действительно, предосторожность не лишняя, так как разбойники должны находиться где-нибудь неподалеку от долины Чжу. Правда, как только они узнают, что просчитались, то постараются улизнуть. Вряд ли бандиты осмелятся напасть вшестером на сотню путешественников, не считая китайских солдат, охраняющих императорскую казну.

Двенадцать пассажиров, среди них Катерна, Пан Шао и я, вызываются сопровождать майора Нольтица. Попову мы все единодушно советуем не покидать поезда — и без него сделают в Шоуяне все, что требуется.

Вооруженные револьверами и кинжалами, в половине второго пополудни, мы быстрым шагом направляемся к разъезду и, несмотря на темноту, менее чем через два часа благополучно достигаем станции Шоюан.

Разбойники нам на пути не встретились. Пускай их разыскивает теперь китайская полиция. Но найдет ли? Желаю ей успеха, но, по правде говоря, не очень-то в него верю.

Пан Шао вступает в переговоры с начальником станции, и тот дает телеграмму в Тайюань с просьбой немедленно прислать локомотив на Нанкинскую ветку.

Уже брезжила заря, когда мы вернулись на разъезд и остановились там в ожидании локомотива. Через три четверти часа слышались далекие гудки.

Машина забирает нас на тендер, сворачивает на ветку, и уже через полчаса мы на месте.

Рассвело настолько, что можно окинуть взглядом окружающее пространство. Никому не говоря ни слова, я принимаюсь за розыски останков несчастного Кинко и не нахожу даже клочков от его одежды.

Так как путь здесь однопутный и нет поворотного круга, локомотив пойдет до развилки задним ходом. Взорванный паровоз и поврежденный тендер будут вывезены позже. Багажный вагон с ящиком — увы, пустым ящиком! — моего несчастного румына оказывается теперь в хвосте поезда.

Перейдя стрелку, локомотив повернул в сторону Шоюяна. Вагоны были отцеплены и за разъездом составлены в прежнем порядке. В пять часов пополудни мы ехали уже с обычной скоростью по провинции Чжили.

Мне нечего сказать об этом последнем дне путешествия. Замечу лишь, что китайский машинист даже и не старался наверстать потерянное время. Но если для нас еще несколько часов опоздания не так уж много значат, то совсем иначе относится к этому барон Вейсшнитцердерфер, который должен сесть в Тяньцзине на пароход в Иокогаму.

И действительно, когда мы остановились около полудня на вокзале в Тяньцзине, немецкий «globe trotter»¹, соперник мисс Блай и Бисленда, бомбой вылетев на платформу, узнал, что иокогамский пароход покинул порт за три четверти часа до нашего прибытия и в эту минуту уже выходил в открытое море.

Злополучный путешественник! Нечего удивляться, что на наш поезд изливается целый поток тевтонских ругательств,

¹ Турист, торопливо осматривающий достопримечательности. В буквальном переводе — «топтатель земного шара» (англ.).

которые барон посылает «с бакборта, с штирборта и с обоих бортов сразу», как сказал бы господин Катерна. Но не будем слишком строги! Сейчас у него есть все основания браниться.

В Тяньцзине мы задержались только на четверть часа. Да простят мне читатели «XX века», что я не мог посетить этот китайский город с полумиллионным населением; город с многочисленными пагодами; европейским кварталом, где совершаются крупные торговые сделки; набережной реки Хай-хэ, по которой вверх и вниз снуют сотни джонок... Повинен в этом Фарускиар, заслуживающий самой суровой кары уже за одно то, что помешал выполнить подобающим образом мои репортерские обязанности!

Последний этап нашего длинного пути не был отмечен никакими из ряда вон выходящими событиями.

Однако всему на свете бывает конец. Кончилось и наше путешествие в шесть тысяч километров по Великой Транс-азиатской магистрали. По истечении тринадцати суток, час в час, минута в минуту, не считая однодневного опоздания, наш поезд останавливается у ворот столицы Поднебесной империи.

ГЛАВА XXVI

— Приехали, Пекин! — громогласно объявляет Попов. Пассажиры выходят из вагонов. Четыре часа вечера.

Если вы провели в поезде триста двенадцать часов, то вряд ли захочется броситься с места в карьер осматривать город — что я говорю! — четыре города, включенных один в другой!

Впрочем, времени у меня достаточно, так как намерен провести в Пекине несколько недель. Сейчас самое главное — найти приличную гостиницу. Наведя справки, узнаю, что европейским вкусам больше всего соответствует «Гостиница десяти тысяч снов», находящаяся неподалеку от вокзала.

Визит к мадемуазель Зинке Клорк придется отложить до утра. Я и так явлюсь к ней раньше, чем принесу пустой ящик, и успею подготовить ее к горестному известию о гибели Кинко.

Майор Нольтиц решил занять номер в той же гостинице. Поэтому мне не нужно прощаться ни с ним, ни с супругами Катерна, которые собираются недельки две пожить в Пекине, прежде чем уехать в Шанхай.

Пан Шао и доктора Тио Кина ждет у вокзала присланный из дома экипаж. Но мы еще встретимся. Дружья так легко не расстаются, и рукопожатие, которым я обмениваюсь с молодым китайцем, выходя из вагона, не будет последним.

Мистер и миссис Эфринель спешат покинуть вокзал, чтобы не потерять даром ни одной минуты. Дел у них, что называется, по горло. Они подыщут себе гостиницу в каком-нибудь китайском квартале, поближе к торговому центру. Мы с майором Нольтицем догоняем эту милую парочку.

— Итак, мистер Фульк Эфринель, сорок два ящика с изделиями торгового дома «Стронг Бульбуль и К^о» причалили в надежную гавань! А ведь какой опасности подвергались ваши искусственные зубы при взрыве локомотива!

— Совершенно верно, господин Бомбарнак, просто удивительно, что зубы не сломались. Сколько было приключений после нашего отъезда из Тифлиса! Поистине, путешествие оказалось менее однообразным, чем я ожидал.

— И вдобавок ко всему,— замечает майор,— вы успели еще жениться в дороге.

— Wait a bit! — произносит янки каким-то странным тоном.— Извините, мы торопимся.

— Не смеем вас задерживать, мистер Эфринель,— говорю я.— Позвольте только сказать до свидания миссис Эфринель и вам.

— До свидания,— буркнула американизированная англичанка, еще более тощая и сухопарая, чем в начале путешествия. И прибавила, обращаясь к мужу: — Мне некогда ждать, мистер Эфринель.

— А мне и подавно, миссис...

Мистер, миссис!.. Вот как! Они уже больше не называют друг друга Фульк и Горация!

И молодожены порознь направляются к выходу. Мне невольно приходит в голову, что маклер должен повернуть направо, а маклерша налево. Впрочем, это их дело.

Остается еще сэр Фрэнсис Травельян, немое лицо, не произнесшее ни одного слова на протяжении всего путешествия.

Эге! Вот, кажется, подходящий случай услышать его голос, и я непременно этим воспользуюсь!

Флегматичный джентльмен стоит на платформе, презрительно оглядывая вагоны. Он только что достал сигару из желтого кожаного портсигара, встряхнул коробок и убедился, что в нем не осталось ни одной спички.

А моя сигара — превосходнейшая «лондр»! — сейчас как раз зажжена. Курю ее с наслаждением знатока, испытывая, признаюсь в этом, некоторую жалость, оттого что она последняя и таких отборных не найти во всем Китае.

Сэр Фрэнсис Травельян делает движение в мою сторону. Жду, что он попросит огня, или «света», как говорят в этом

случае англичане. Сейчас услышу от него традиционное «some light».

Но джентльмен только протягивает руку, и я машинально подаю ему сигару. Англичанин берет ее двумя пальцами, большим и указательным, стряхивает белый пепел, прикуривает, и тут я по наивности воображаю, что если он не сказал «some light», то уж никак не забудет вымолвить «thank you, sir».

Как бы не так! Затянувшись несколько раз своей сигарой, сэр Фрэнсис Травельян небрежно бросает «лондр» на платформу и, не удостоив меня даже кивком, показывает спину и мерным шагом, как истый лондонец, уходит с вокзала.

«И вы ничего не сказали?» — спросит удивленно читатель. Нет! Я остолбенел, не выразив возмущения ни единым словом, ни малейшим движением, так как был сражен наповал этой ультрабританской бесцеремонностью.

Эх, попался бы мне этот джентльмен!.. Но я никогда больше не видал сэра Фрэнсиса Травельяна из Травельян-Голла в Травельяншире.

Через полчаса мы устраиваемся в «Гостинице десяти тысяч снов». Там нам подают обед, приготовленный по всем правилам китайской кухни. Покончив с едой «во вторую стражу» — если уж употреблять местные выражения, — мы расходимся по своим не слишком комфортабельным комнатам, ложимся на узкие кровати и тотчас же засыпаем, утомленные долгим путешествием.

В десять часов меня разбудила мысль о необходимости выполнить печальную обязанность — попасть на улицу Ша-Хуа раньше, чем роковой ящик будет передан его собственнице, Зинке Клорк.

Пора вставать! Ах, если б Кинко был жив, я отправился бы на вокзал, чтобы, как обещал, присмотреть за выгрузкой драгоценного ящика. Затем пошел бы следом за подводой на улицу Ша-Хуа и даже помог бы его перенести в комнату Зинки Клорк!.. Воображаю, какое было бы ликование: стенка отодвигается, жених выскакивает из ящика и бросается в объятия хорошенькой румынки!..

Но нет! Ящик будет пустым, пустым, как сердце, из которого вытекла вся кровь!

Около одиннадцати часов я выхожу из «Гостиницы десяти тысяч снов», подзываю китайский экипаж, напоминающий паланкин на колесах, даю адрес Зинки Клорк и качу к ней через весь город.

Из восемнадцати провинций Китая — Чжили самая се-

верная. Она состоит из девяти округов со столичным городом Пекином, или «Шун-Тянь-фу», что значит «город первого ранга, повинующийся небу».

Не знаю, действительно ли эта столица повинует небу, но законам прямолинейной геометрии — несомненно. Каждый из четырех городов, включенных один в другой, представляет собой квадрат или прямоугольник. В так называемом китайском городе находится маньчжурский, в центре маньчжурского — Желтый, или Хуанчэн, внутри Желтого — Пурпурный город, или Тэиньчэн, то есть «Запретный»¹. И в пределах этой симметричной планировки, окружностью в двадцать миль, насчитывается около двух миллионов жителей, в подавляющем большинстве китайцев, а также несколько тысяч монголов, тибетцев и татар.

На улицах Внешнего города такая толчея, что мою коляску на каждом шагу подстерегает какое-нибудь препятствие: то группа странствующих торговцев, то тяжело нагруженные ручные тележки, то мандарины со своей шумной свитой. Настоящий бич китайской столицы — бродячие собаки, облезлые и паршивые, с бегающими глазами и оскаленной пастью. Они пожирают отбросы и набрасываются на иностранцев, которых узнают, видимо, по одежде. Счастье, что не иду пешком, и у меня нет никаких дел ни в Запретном городе, куда не пускают простых смертных, ни в Желтом, ни в маньчжурском.

Китайский город имеет вид прямоугольника, разделенного на две приблизительно равные части Большой улицей, которая тянется с севера на юг, а с востока на запад ее пересекает, также посередине, улица Ша-Хуа. При такой планировке нетрудно найти дом, где живет Зинка Клорк.

Наконец около полудня экипаж останавливается перед невзрачным домом, в котором, судя по вывескам, живут главным образом чужеземные ремесленники, снимающие здесь комнаты.

Комната Зинки Клорк на втором этаже, с окном на улицу. На дверях табличка: «Зинка Клорк». Стучусь. Мне отво-

¹ Китайский и маньчжурский города составляли вместе Внешний Пекин — «Вайчжен» и были заселены трудовым людом. Наиболее благоустроенными были районы Внутреннего Пекина — «Нэйчэн», в которых селились власть имущие. Внутренний Пекин, в свою очередь, делился на две части: Императорский, или Желтый город, где находились правительственные учреждения, жили сановники и дворцовая челядь, и Запретный, или Пурпурный город, где находился дворец императора. В настоящее время весь комплекс дворцовых сооружений и храмов превращен в город-музей.

ряет весьма миловидная девушка. Кинко почти не преувеличил, назвав ее красавицей. Это стройная блондинка, лет двадцати двух — двадцати трех, с черными, румынского типа, глазами, и очень приветливым, улыбающимся личиком.

Разве она не знает, что Трансазиатский поезд прибыл в Пекин вчера вечером? Разве не ждет с минуты на минуту своего жениха?

И я, как злой вестник, должен уничтожить ее радость, прогнать эту милую улыбку.

Зинка Клорк очень удивлена, увидев на пороге незнакомого иностранца. И так как прожила несколько лет во Франции, то сразу же узнает во мне француза и спрашивает, чем заслужила такую честь.

Необходимо взвешивать каждое слово, чтобы не убить бедную девушку печальной вестью.

— Мадемуазель Зинка... — начинаю я.

— Как, вы меня знаете? — восклицает она.

— Да... Я приехал вчера Трансазиатским экспрессом.

Девушка бледнеет, ее красивые глаза затуманиваются. Не открылась ли проделка с ящиком? Может, Кинко пойман, арестован, брошен в тюрьму?..

Торопливо добавляю:

— Мадемуазель Зинка, благодаря некоторым обстоятельствам, я познакомился в дороге с одним молодым румыном...

— Кинко!.. Мой бедный Кинко!.. Его нашли? — лепечет она, дрожа от страха.

— Нет... нет, кроме меня, никто не знает... Я часто заходил к нему по ночам в багажный вагон, приносил еду... Мы подружились.

— Благодарю вас, сударь! Кинко вполне мог довериться французу. О, я вам так признательна!

Зинка пожимает мне руку.

Задача еще более осложнилась. Как осмелюсь теперь сказать ей правду?

— И никто больше не догадался, что в ящике сидит мой милый Кинко?

— Никто.

— Что делать, сударь? Мы не богаты. У Кинко не было денег на дорогу, и у меня их недостаточно, чтобы выслать ему. О, какая радость, что все кончилось благополучно! Он хороший обойщик и легко найдет здесь работу. И как только мы будем в состоянии возместить компании...

— Да... знаю... знаю...

— Ах, с какой радостью я заплачу за доставку моего милого Кинко!

— Да, за доставку... ящика...

— Теперь его уже не могут задержать?

— Нет... и после полудня, без сомнения...

Я решительно не знал, что говорить дальше.

— Сударь,— продолжает Зинка Клорк,— как только будут выполнены все формальности, мы обвенчаемся, и, надеюсь, не злоупотреблю вашей любезностью, если приглашу на свадьбу. Это было бы для нас такой честью...

— Да... разумеется... я это уже обещал моему другу Кинко...

Бедняжка! Нельзя больше оставлять ее в заблуждении, надо сказать всю правду, как она ни горька.

— Мадемуазель Зинка... Кинко...

— Просил вас предупредить меня о своем приезде?

— Да, мадемуазель... Но вы понимаете... После такого длительного путешествия он очень утомлен.

— Утомлен?

— О, не пугайтесь.

— Уж не болен ли он?

— Да... немного прихворнул.

— Тогда я иду... я должна немедленно увидеть его... Сударь, умоляю вас, проводите меня на вокзал!

— Нет, мадемуазель Зинка, это было бы неосторожно... Вы никуда не должны ехать.

Девушка пристально смотрит мне в глаза.

— Правду, сударь! Говорите только правду! Не скрывайте ничего! Что случилось с Кинко?

— Сейчас скажу... Я пришел к вам с печальной вестью.

Зинка Клорк готова лишиться чувств. Губы ее дрожат, она с трудом произносит слова.

— Значит, его нашли... все узнали... он в тюрьме...

— Это бы еще ничего... По дороге было крушение...

— Он умер!.. Кинко умер!..

Несчастная Зинка падает на стул — тут я опять употребляю китайский оборот речи — и «слезы льются у нее из глаз, как дождь осенней ночью». Никогда не видел ничего более грустного. Но нельзя же оставить бедную девушку в таком ужасном состоянии. Сейчас она потеряет сознание... Что делать? Как ей помочь?

— Мадемуазель Зинка... мадемуазель Зинка...

В эту минуту на улице поднимается сильный шум. Под

самым окном слышны крики, возгласы, топот, возня, и среди общего шума выделяется знакомый голос.

Боже! Да это голос Кинко! Узнаю его!

Возможно ли это? Уж не рехнулся ли я?

Зинка Клорк срывается с места, бросается к окну, распахивая его.

У подъезда стоит телега, а рядом с ней полуразвалившийся ящик со знакомой надписью:

ВЕРХ! НИЗ! ОСТОРОЖНО, ЗЕРКАЛА!
ХРУПКОЕ, НЕ КАНТОВАТЬ!
БЕРЕЧЬ ОТ СЫРОСТИ!

Ящик уже выгружали, когда на подводу налетела тележка. Он упал на землю, разбился... и Кинко выскочил, как чертик из коробочки, — живой и невредимый.

Я не верю своим глазам. Так, значит, он не погиб при взрыве?

Позже румын мне сам рассказал, как все произошло. Когда лопнул котел, силой взрыва его отбросило на полотно. Он довольно долго лежал, оглушенный ударом, потом очнулся и — бывают же чудеса на свете — убедился, что даже не ранен. Затем отошел в сторону и притаился, пока не представилась возможность вернуться в багажный вагон. А я тем временем уже успел там побывать и, увидев пустой ящик, решил, что Кинко стал жертвой катастрофы.

Вот уж действительно ирония судьбы! Проехать в ящике, среди багажа, шесть тысяч километров по Великой Транс-азиатской магистрали, избежать стольких опасностей, пережить нападение разбойников, уцелеть после взрыва котла и благодаря какой-то глупой случайности — столкновению с тележкой на одной из улиц Пекина — мгновенно потерять всю выгоду от своего путешествия... путешествия, правда, мошеннического — ничего другого не скажешь и не подберешь более изящного эпитета.

Возчик кричит, хватает человека, выскочившего из ящика. В ту же минуту собирается толпа, сбегаются полицейские. И что может поделать в таких обстоятельствах румын, не знающий ни слова по-китайски и вынужденный прибегнуть к маловразумительному языку жестов? Его не понимают, да и какое он мог бы дать объяснение?

Мы с девушкой выбегаем на улицу.

— Зинка!.. Моя милая Зинка! — восклицает он, обнимая ее.

— Кинко!.. Мой дорогой Кинко! — лепечет она, заливаясь слезами.

— Господин Бомбарнак...— жалостно произносит юноша, надеясь лишь на мое заступничество.

— Кинко, не отчаивайтесь и рассчитывайте на мою помощь. Вы живы, а ведь мы считали вас мертвым...

— Ах, но мне сейчас не лучше, чем мертвому.

Какое заблуждение! Все поправимо, кроме смерти, если даже грозит тюрьма, и не простая тюрьма, а китайская. И несмотря на мольбы девушки и мои уговоры, полицейские под хохот и улюлюканье толпы уводят Кинко.

Но я его в беде не покину! Выручу во что бы то ни стало!

ГЛАВА XXVII

Если выражение «потерпеть крушение в гавани» может быть употреблено в самом точном смысле, то в данном случае оно очень кстати. Поэтому читатели должны меня простить, что прибегаю к такой затасканной метафоре. Однако из того, что корабль потерпел крушение у самого причала, отнюдь не следует заключать, что он погиб. Конечно, свобода Кинко будет под сомнением, если мое заступничество и заступничество наших спутников окажется бесполезным. Но он жив, и это главное.

Нельзя терять ни минуты. Хотя китайская полиция и не слишком умела, ей нельзя отказать в быстроте и решительности действий. Раз, два — и петля на шее. Но я и в мыслях не могу допустить, что дойдет до этого.

Предлагаю руку Зинке Клорк, веду к своему экипажу, и мы быстро едем в «Гостиницу десяти тысяч снов».

Там застаем майора Нольтица, супругов Катерна и, по счастливой случайности, Пан Шао, избавившегося на этот раз от доктора Тию Кина. Молодой китаец с радостью согласился быть нашим посредником в переговорах с властями.

И вот, в присутствии заплаканной Зинки, подробно рассказываю своим друзьям историю ее жениха: как он путешествовал в ящике и как я с ним познакомился. И я говорю им, что если бы румын не обманул компанию Великой Трансзиатской магистрали, то мы уже лежали бы мертвыми на дне пропасти в долине Чжу.

Затем сообщаю известные мне одному факты — как, подслушав разговор Фарускиара с его сообщниками, предупре-

дил Кинко о готовящемся преступлении; как храбрый юноша, с опасностью для жизни и удивительным хладнокровием, набил топку углем, закрыл клапаны и взорвал локомотив, чтобы остановить поезд.

Повествование сопровождалось оханьем и аханьем слушателей, когда же я закончил, первый комик выразил свою признательность, воскликнув с актерским пафосом:

— Ура, Кинко!.. Пусть ему дадут медаль за спасение утопающих!

Не дожидаясь, пока Сын Неба пожалует герою медаль за спасение утопающих или орден Зеленого Дракона, госпожа Катерна привлекает к себе Зинку Клорк, обнимает и целует ее, не в силах удержать слез. Субретка умеет их проливать по ходу действия. Подумайте только, такая интригующая любовная драма, прерванная в финальной сцене!

Однако нужно спешить. Близится развязка, и ее не следует слишком затягивать. «Всех актеров к рампе!» — как сказал бы господин Катерна.

— Нельзя же допустить, чтобы отдали под суд этого славного малого! — говорит майор Нольтиц. — Мы все должны отправиться к начальнику Трансзиатской дороги, и когда он узнает факты, то первый помешает преследованию.

— Несомненно, — отвечаю я, — потому что Кинко спас не только поезд, но и всех пассажиров.

— Не говоря уже о сокровищах Сына Неба, — добавляет господин Катерна.

— Все это так, — замечает Пан Шао, — но, к несчастью, Кинко попал в руки полиции и посажен, а вырваться из нашей тюрьмы очень трудно.

— Так пойдемте же скорее к начальнику дороги! — говорю я.

— А нельзя ли будет сложиться и заплатить за его проезд? — спрашивает госпожа Катерна.

— Это предложение делает тебе честь, Каролина! — восклицает первый комик, делая вид, что шарит в карманах жилета.

— Спасите, спасите моего жениха! — умоляет Зинка Клорк, и ее красивые глаза вновь наполняются слезами.

— Успокойтесь, моя душенька, — утешает ее госпожа Катерна. — Мы спасем Кинко и, если понадобится, дадим в его пользу спектакль...

— Bravo, bravo, Каролина! — ликует господин Катерна и шумно аплодирует, как заправский квакер.

Мы вверяем румынку заботам добрейшей субретки, на-

столько же искренним, как и показным. Она объявляет нам, что полюбила девушку материнской любовью и станет грудью на ее защиту, как мать защищает свое дитя. Затем майор Нольтиц, Пан Шао, господин Катерна и я спешим на вокзал, где помещается канцелярия китайской службы Великой Трансзиатской магистрали.

Начальник у себя в кабинете, и по просьбе Пан Шао нас вводят к нему.

Это во всех отношениях типичный службист, способный на всякое административное крючкотворство, бюрократ до мозга костей, готовый запутать любое ясное дело, чиновник, который заткнул бы за пояс всех своих европейских коллег.

Пан Шао рассказывает ему, в чем дело, а так как начальник понимает немного по-русски, то и мы с майором Нольтицем принимаем участие в разговоре.

Начинается спор. Упрямый чиновник твердит, что случай с Кинко очень серьезен. Обмануть железнодорожную компанию... проехать без билета шесть тысяч километров... нанести компании и ее акционерам убыток в тысячу франков.

Все это совершенно справедливо, но мы пытаемся ему втолковать, что дорога понесла бы куда больший урон, если бы в багажном вагоне не было этого «зайца». Ведь не кто иной, как он, рискуя жизнью, спас поезд и всех пассажиров.

И — поверите ли вы? — живой фарфоровый болванчик дает нам понять, что, с юридической точки зрения, было бы легче примириться с гибелью сотни пассажиров, чем найти для мошенника смягчающие вину обстоятельства.

О, не он первый так рассуждает! Как это нам знакомо: пусть лучше мир перевернется, но принцип восторжествует!

Короче говоря, мы ничего от него не смогли добиться. Дело пойдет законным порядком. Кинко будут судить за мошенничество.

Уходим, не дождавшись, пока у господина Катерна иссякнет запас морских и актерских ругательств, которые он обрушивает на голову бездушного чиновника.

Что делать?

— Могу вас уверить, господа, — говорит Пан Шао, — что не пройдет и двух часов, как несчастного Кинко приведут к окружному судье и тот не замедлит вынести приговор. Вполне возможно, что, кроме тюремного заключения, он получит еще бамбуковые палки.

— Только этого не хватало! — восклицает первый комик,

всплеснув руками.— Тогда бы его постигла участь дурачка Зизеля из оперетки «Если бы я был королем!».

— Вот именно,— отвечает Пан Шао,— уж я-то знаю, как вершится суд и расправа в Поднебесной империи.

— Этому безобразию надо помешать,— говорит майор Нольтиц.

— Или, по крайней мере, попытаться,— замечает Пан Шао.— Поручите мне быть защитником Кинко на суде, и пусть я *потеряю лицо*¹, если не добьюсь облегчения его участи!

Это лучшее и, пожалуй, даже единственное, что можно сделать. Мы берем экипаж и минут через двадцать подъезжаем к довольно жалкому домику. Здесь находится окружной суд.

Собралась целая толпа. Дело получило широкую огласку. Все уже знают, что в багажном вагоне Трансзиатского поезда проехал «зайцем» какой-то чужак, умудрившийся просидеть в ящике всю дорогу от Тифлиса до Пекина. Всем хочется взглянуть на этого ловкача, но никто не знает, что мошенник проявил себя настоящим героем.

Вот он, наш храбрый Кинко! Его стерегут двое дюжих полицейских, с желтыми, как айва, лицами, готовых по первому приказанию судьи отвести узника в тюрьму и дать ему по пяткам столько дюжин бамбуковых палок, сколько заблагорассудится вершителю правосудия.

Кинко растерян и смущен, что совсем не вяжется с его решительным характером. Правда, увидев нас, он несколько приободрился и глаза стали менее грустными.

За судейским столом сидит смешной человечек в очках, а перед ним стоит ломовой извозчик и что-то долго и пространно излагает. По-видимому, он дает свидетельские показания. Чиновник качает головой с видом далеко не утешительным для обвиняемого, который, при всем желании, ничего не сможет сказать в свое оправдание, так как ни слова не понимает по-китайски.

Но вот к столу подходит Пан Шао. Судья его знает и любезно улыбается, ведь он сын богатого пекинского купца, владельца большой чайной фирмы.

С каким пафосом и красноречием выступает наш молодой адвокат! Он трогает публику рассказом о нашем путешествии и сопровождавших его приключениях, предлагает

¹ Китайское выражение, которое означает: «быть обесчещенным». (Примеч. авт.)

заплатить железнодорожной компании все, что ей причитается...

Но, к великому огорчению, судья не может на это согласиться. Он считает, что компании был нанесен не только материальный ущерб, но и моральный и т. д.

Тут Пан Шао еще больше воодушевляется, и хотя мы ничего не понимаем из его речи, но догадываемся, что он говорит о мужестве Кинко, о том, как он едва не погиб, спасая поезд и пассажиров. И, наконец, следует последний и самый веский аргумент: ведь подсудимый спас от разбойников императорские сокровища!

Но никакое красноречие и никакие факты не в силах воздействовать на безжалостного чиновника, который за всю свою долгую службу не оправдал, вероятно, и десяти подсудимых. Он согласен извинить преступника от палочных ударов, но должен посадить его на полгода в тюрьму и взыскать за проезд от Тифлиса до Пекина. Затем, по знаку этой «карательной машины», бедного Кинко уводят.

Делом румына занялись газеты: пекинская «Ши-Бао» и тяньцзинская «Чайниз-Таймс», они потребовали помилования молодого человека. Его необычная история была доведена до сведения богдыхана одновременно с прошением Пан Шао. И, таким образом, китайский император узнал, что принадлежащее ему золото и драгоценные камни не попали в руки разбойников только благодаря самоотверженности Кинко, который — клянусь Буддой! — заслуживает не тюрьмы, а награды.

И представьте себе, подвиг Кинко был оценен в пятнадцать тысяч таелей, то есть в сто тысяч франков! Сын Неба в порыве великодушия послал ему означенную сумму вместе с помилованием.

Я не берусь описывать радость, ликование и всеобщий восторг, которые вызвала эта новость. И ни один язык в мире, даже китайский, со всеми его цветистыми оборотами, метафорами, не в силах выразить чувств хорошенькой Зинки Клорк.

А теперь, с позволения читателей «XX века», расскажу в нескольких словах о моих спутниках.

Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт, поспорив из-за процентов, упомянутых в брачном договоре, развелись через три дня после приезда в Пекин. Словно и не было свадьбы, отпразднованной в поезде Великой Трансзиатской магистрали! Да поможет Бог сухопарой маклерше закупить в Ки-

тае побольше волос, а практичному маклеру — усадить искусственными зубами челюсти всех подданных Сына Неба!

Майор Нольтиц деятельно занимается в Пекине организацией госпиталя за счет русского правительства. Когда пробил час разлуки, я почувствовал, что оставляю в этих далеких краях друга.

Господин и госпожа Катерна, проведя три недели в столице Поднебесной империи, уехали в Шанхай, где с успехом начали выступать во французском театре.

Незадачливый турист, барон Вейсшнитцердерфер — в последний раз выписываю эту нескончаемую фамилию — не только опоздал на пароход в Тяньцзине, но и через месяц пропустил его в Иокогаме. Затем, спустя шесть недель, он потерпел крушение у берегов Английской Колумбии и, наконец, попал в железнодорожную катастрофу на линии между Сан-Франциско и Нью-Йорком. В результате ему не без труда удалось закончить кругосветное путешествие... в сто семьдесят семь дней вместо тридцати девяти.

Пан Шао остался все тем же парижанином у себя дома. И каждый раз, когда молодой китаец приезжает во Францию, мы вместе обедаем у Дюрана или Маргери. Что же касается доктора, то, следуя предписаниям Корнаро, он довел свой рацион до одного яичного желтка в день и тем не менее не теряет надежды прожить до ста двух лет, по примеру благородного венецианца.

Сэра Фрэнсиса Травельяна, от которого так и не дождался ни извинения, ни сигары, я больше никогда не видел.

А знаменитый разбойник, Фарускиар, по всей вероятности, вышел из состава правления Великой Трансзиатской дороги и перенес свою плодотворную деятельность в Монгольские провинции. Я не слышал, чтобы его поймали и повесили.

Наконец, Кинко. Нечего и говорить, что он женился на Зинке Клорк. Мы все присутствовали на их свадьбе, очень пышной и парадной, и если Сын Неба щедро вознаграждал молодого румына, то девушка получила прекрасный подарок от пассажиров поезда, спасенного ее избранником.

Вот правдивый и точный рассказ о путешествии из Тифлиса в Пекин. И пусть редакция «XX века» выразит мне удовлетворение, несмотря на некоторые промахи и ошибки, за честное выполнение репортерских обязанностей.

Проведя три недели в Пекине, я вернулся во Францию морским путем.

И, наконец, остается сделать последнее и очень неприят-

ное для моего самолюбия признание. На следующий день после приезда в столицу Поднебесной империи меня ждал ответ на телеграмму, посланную из Ланьчжоу:

Клодиусу БОМБАРНАКУ

Пекин Китай

Редакция «XX ВЕКА» поручает своему корреспонденту Клодиусу Бомбарнаку принести поздравления и благодарность доблестному и отважному Фарускиару

Но так как я избавил себя от неприятности отвечать на эту телеграмму, то решительно утверждаю, что она не дошла до адресата.

1893 г.

В ПОГОНЕ ЗА МЕТЕОРОМ

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой судья Джон Прот, прежде чем вернуться в свой сад, выполняет одну из самых приятных обязанностей, связанных с его должностью

Нет ни малейших оснований скрывать от читателей, что город, в котором начинается эта странная история, расположен в Виргинии, в Соединенных Штатах Америки. Если читатели не возражают, мы назовем этот город Уостоном и поместим его в восточном графстве на правом берегу Потомака. Нам представляется излишним еще более уточнять координаты этого города, который бесполезно было бы искать даже на лучших картах Соединенных Штатов.

Утром 12 марта того самого года, с которого начинается наше повествование, жители города, проходившие по Эксетер-стрит, могли заметить отлично одетого всадника, который медленно разъезжал взад и вперед по улице, круто спускавшейся по склону, и в конце концов остановился на площади Конституции, расположенной в самом центре города.

Всадник этот представлял собой чистейший тип янки, тип, не лишенный своеобразного изящества. Ему было на вид не более тридцати лет. Выше среднего роста, крепкий и стройный, он обладал правильными чертами лица. Его каштановые волосы были темнее бороды, остроконечная форма которой удлиняла лицо, оставляя открытыми тщательно выбритые губы. Просторный плащ спускался ниже колен и сзади ложился на круп коня. Он столь же ловко, сколь и уверенно, справлялся со своей довольно горячей лошадей. Все в его манере держаться говорило об энергии, решимости и одновременно о том, что этот человек привык действовать, следуя первому побуждению. Он, должно быть, никогда не знал колебаний между возникшим желанием и опасением, что свойственно обычно людям нерешительным. Внимательный наблюдатель заметил бы, что испытываемое им нетерпение было плохо скрыто под маской холодности.

Почему этот всадник оказался в такой час в городе, где он никому не был известен и где никто никогда не видел его?.. Находился ли он в этом месте проездом или предполагал остановиться здесь на некоторое время?.. В последнем случае ему легко было бы найти гостиницу, и трудность заключалась лишь в том, на которой из них остановить свой выбор. Ни в одном значительном городе Соединенных Штатов или любой другой страны путешественник не нашел бы более радужного приема, лучшего обслуживания, лучшего стола и большего комфорта за умеренную плату, чем в Уостоне. Просто непростительно, что на географических картах не указано местонахождение города, обладающего столь важными преимуществами.

Нет, незнакомец, по-видимому, не собирался остановиться в Уостоне, и заискивающим улыбкам владельцев гостиниц, по всей вероятности, не суждено было оказать на него воздействие. Поглощенный своими мыслями, безразличный к окружающему, он медленно следовал по шоссе, тянувшемуся вдоль обширной площади Конституции, расположенной в самом центре города, даже и не подозревая, какое любопытство вызывает его персона.

И одному Богу ведомо, как сильно было возбуждено это любопытство! С той минуты как всадник показался на улице, хозяева и служащие гостиниц, стоя у дверей, не переставали обмениваться замечаниями вроде следующих:

- Откуда он взялся?
- Он подъехал по Эксетер-стрит.
- С какой стороны?
- Говорят, что со стороны предместья Уилкоккс.
- Вот уж добрых полчаса, как лошадь все кружит по площади.
- Он безусловно кого-то ждет!
- Весьма возможно. И даже с нетерпением!
- Он все время поглядывает в сторону Эксетер-стрит!
- Оттуда, верно, и должен прибыть тот, кого он ждет.
- Но кто именно? «Он» или «она»?
- Хе-хе-хе! Он, право же, недурен.
- Значит, свидание?
- Да... Но не такое, как вы полагаете.
- А вы почему знаете?
- Вот уже третий раз, как этот незнакомец останавливается у подъезда мистера Джона Прота...
- А так как мистер Джон Прот судья...
- Значит, у этого господина какое-то судебное дело...

— И его противник запаздывает.

— Вы правы.

— Ну, ничего. Они и оглянуться не успеют, как судья Прот помирит их.

— Он человек умелый.

— И к тому же очень славный.

Возможно, что такова и была в самом деле причина пребывания в Уостоне неизвестного всадника. Он действительно несколько раз останавливался у дома мистера Прота, хотя с лошади не сходил. Он поглядывал на дверь, окидывал взглядом окна, затем замирал в неподвижности, словно ожидая, что кто-нибудь появится на пороге, пока лошадь не начинала нетерпеливо рыть копытами землю и не заставляла его тронуться дальше.

Но вот как раз в ту минуту, когда всадник снова остановился у этого дома, дверь вдруг широко распахнулась, и на крыльце показался человек.

— Мистер Джон Прот, полагаю? — произнес приезжий, увидев этого человека, и приподнял шляпу.

— Он самый, — ответил судья.

— У меня к вам простой вопрос, на который вам достаточно будет ответить «да» или «нет»...

— Прошу вас, сударь.

— Не приезжал ли сюда уже кто-нибудь сегодня утром и не осведомлялся ли о мистере Сэте Стенфорте?

— Насколько мне известно — нет.

— Благодарю вас.

Произнеся это и вторично приподняв шляпу, всадник, отдав поводья, мелкой рысью тронулся вверх по Эксетер-стрит.

Теперь — и на этом сошлись все — не могло уже быть сомнения в том, что у этого незнакомца дело к мистеру Джону Проту. Из того, как он формулировал свой вопрос, совершенно ясно вытекало, что он сам и есть Сэт Стенфорт и что он первым явился к месту условленной встречи. Но вставал новый, не менее животрепещущий вопрос: не миновал ли уже условленный час и не покинет ли неизвестный всадник город с тем, чтобы больше сюда не возвращаться.

Если вспомнить, что все это происходило в Америке, другими словами, среди людей, которые своей страстью биться об заклад по всякому поводу прославились на весь свет, то легко догадаться, что жители Уостона немедленно принялись заключать пари, окончательно ли приезжий покинул город, или же он еще вернется. Некоторые ставки достигали полу-доллара, другие — ограничивались всего пятью или шестью

центами, но все эти суммы, смотря по исходу событий, должны были быть уплачены проигравшими и попасть в карманы выигравших, причем и те и другие были люди вполне солидные и почтенные.

Что касается судьи Джона Прота, то он только поглядел вслед приезжему, который направил своего коня в сторону предместья Уилкоккс. Мистер Джон Прот был философом и мудрым судьей, у которого за плечами было добрых полвека мудрости и житейской философии, хотя ему всего-то было от роду пятьдесят лет, из чего можно заключить, что он явился на свет уже будучи философом и мудрецом. Добавьте к этому, что, оставшись холостяком (несомненное доказательство его ума и мудрости), он прожил жизнь, не омраченную никакими заботами, что в значительной мере способствует философическому складу ума. Он родился в Уостоне, даже в молодости редко покидал свой родной город и за скромность и бескорыстие пользовался любовью и уважением своих сограждан.

Судья Джон Прот руководствовался верным чутьем, был снисходителен к слабостям, а подчас и к проступкам людей. Улаживать дела, мирить между собой противников, представших перед его скромным судейским столом, сглаживать острые углы, смягчать конфликты, присущие даже самому совершенному социальному строю, — вот в чем он видел свою задачу.

Джон Прот был человеком довольно обеспеченным. Судейские обязанности он выполнял, следуя своей склонности, и не стремился к более высоким должностям. Он дорожил покоем, и своим и чужим. На людей смотрел как на соседей в жизни, с которыми жить следует в мире и согласии. Он рано вставал и рано ложился. Если он читал кое-какие книги любимых авторов, как европейских, так и американских, то в отношении газет ограничивался благопристойной «Уостон Ньюс», где объявления занимали больше места, чем политика. Ежедневно — часовая или двухчасовая прогулка, во время которой ему непрерывно приходилось в ответ на поклоны снимать шляпу, что вынуждало его каждые три месяца обзаводиться новым головным убором. Не считая этих прогулок, все время, свободное от выполнения судейских обязанностей, он проводил в своем уютном и тихом доме или же занимался уходом за цветами, и цветы эти вознаграждали его за заботы, радуя глаз свежестью красок и опьяняющим ароматом.

Вполне вероятно, что судья Джон Прот, портрет которого набросан нами в этих скупых чертах, не был особенно обес-

покоен вопросом, заданным ему незнакомцем. Если бы приезжий, вместо того чтобы обратиться к судье, попытался расспросить его старую служанку Кэт, то, весьма вероятно, Кэт пожелала бы получить более подробные сведения, например, узнать, кто такой Сэт Стенфорт и что следует ответить, если о нем будут спрашивать. И, разумеется, почтенная Кэт сочла бы нужным осведомиться, предполагает ли приезжий заглянуть сегодня еще раз к господину судье или нет, и если да, то когда именно — утром или после обеда?

Что касается мистера Джона Прота, то он счел бы такое любопытство и нескромность непростительными, хотя, впрочем, эти недостатки можно было простить его служанке ввиду ее принадлежности к женскому полу. Нет, мистер Джон Прот даже и не заметил, что появление, пребывание, а затем отъезд незнакомца привлекли внимание всех ротозеев, собравшихся на площади. Закрыв дверь, он вновь занялся поливкой роз, ирисов, герани и резеды в своем саду.

Любопытные, однако, не последовали его примеру и остались на своих наблюдательных постах.

Всадник между тем доехал до самого конца Эксетер-стрит, откуда открывался вид на всю западную часть города. Добравшись до предместья Уилкокс, которое Эксетер-стрит соединяет с центром города, незнакомец остановил лошадь и, не покидая седла, принялся оглядывать все кругом. С этого места его взгляду открывались окрестности на добрую милю и на целых три мили — извилистая дорога, спускавшаяся к поселку Стилл, колокольни которого четко вырисовывались на горизонте по ту сторону Потомака. Но напрасно взгляд молодого человека скользил по дороге. Ему, по-видимому, не удавалось заметить на ней то лицо, которое он жаждал увидеть. Отсюда и нетерпение, выражавшееся в резких движениях, взволновавших его лошадь и заставивших ее заплясать на месте так, что животное пришлось успокаивать.

Прошло еще десять минут, и всадник снова свернул на Эксетер-стрит и в пятый раз медленно поехал по площади.

— В общем,— повторял он сам себе, поглядывая на часы,— пока еще опоздания нет... Назначено было на десять часов семь минут, а сейчас едва только половина десятого. Стилл, откуда она выедет, на таком же расстоянии от Уостона, как и Брайал, откуда приехал я, и это расстояние можно преодолеть в двадцать минут. Дорога отличная, погода сухая, и, насколько мне известно, мост не был снесен наводнением. Следовательно, на ее пути нет никаких препятствий. При таких условиях, если она не приедет, значит, просто не

захотела... Да кроме того — аккуратность заключается в том, чтобы прибыть как раз вовремя, а не в том, чтобы явиться раньше срока... В сущности неаккуратным оказался я: ведь я опередил ее настолько, насколько это вовсе не подобает выдержанному человеку. Впрочем... помимо даже другого чувства, простая учтивость требовала, чтобы я первым явился к месту встречи.

Монолог этот продолжался все время, пока незнакомец ехал вниз по Эксетер-стрит, и закончился только тогда, когда подковы его лошади снова застучали по каменной мостовой площади.

Итак, державшие пари за то, что незнакомец вернется, оказались в выигрыше. Поэтому, когда он проезжал вдоль фасадов гостиниц, счастливчики приветливо поглядывали на него, тогда как оставшиеся в проигрыше только досадливо пожимали плечами.

Наконец городские часы пробили десять. Осадив лошадь, незнакомец сосчитал удары и удостоверился, что ход городских курантов в точности совпадал с ходом его часов.

Оставалось всего семь минут, и... тогда настанет, а затем и минует условленное время...

Сэт Стенфорт вернулся к началу Эксетер-стрит. Всем было ясно: ни он, ни его лошадь не могли устоять на месте.

В городе в этот час уже царило оживление. Но Сэт Стенфорт не интересовался теми, кто двигался вверх по улице. Все его внимание было приковано к людям, спускавшимся к площади, он буквально впивался в них взглядом. Эксетер-стрит настолько длинна, что пешеходу требуется не менее десяти минут, чтобы пройти ее от начала до конца. Но для быстро катящегося экипажа или лошади, пущенной рысью, достаточно и трех-четырех минут, чтобы покрыть это расстояние.

Впрочем, нашему всаднику не было дела до пешеходов. Он даже не замечал их. Пройди в это время мимо него пешком даже и самый близкий друг, он не увидел бы его. Особа, которую он ожидал, могла прибыть только верхом или в экипаже.

Но прибудет ли она к назначенному сроку? Оставалось всего три минуты — как раз столько, сколько необходимо, чтобы спуститься по Эксетер-стрит, а между тем в верхнем конце улицы не видно было ни экипажа, ни велосипеда, ни мотоцикла, ни автомобиля, который, развив скорость в восемьдесят километров в час, мог бы примчаться к месту даже и раньше срока.

Сэт Стенфорт в последний раз окинул взглядом Эксетер-стрит. В глазах его на мгновение сверкнул огонек, и он прошептал с непоколебимой решимостью:

— Если она не будет здесь в десять часов семь минут, я не женюсь!..

Словно в ответ на эти слова, с верхнего конца улицы донесся стук копыт и показалась наездница на великолепном кровном скакуне, которым она управляла с редким изяществом и ловкостью. Прохожие расступались перед ней, и можно было не сомневаться, что никакие препятствия не преградят ей путь до самой площади.

Сэт Стенфорт узнал ту, которую ожидал. Лицо его снова приняло невозмутимое выражение. Он не произнес ни слова, не сделал ни одного движения. Подобрал поводья, он медленно двинулся к дому судьи.

Этого было достаточно, чтобы снова возбудить интерес любопытных, которые поспешили приблизиться, хотя незнакомец не уделял им ни тени внимания.

Через несколько секунд на площади показалась и всадница. Она остановила своего взмыленного коня в двух шагах от крыльца дома судьи.

Незнакомец снял шляпу.

— Приветствую мисс Аркадию Уокер! — произнес он.

— А я мистера Сэта Стенфорта, — ответила она, грациозно склонив голову.

Нетрудно догадаться, что местные жители глаз не спустили с этой таинственной пары.

— Если они собираются судиться, — шептались между собой соседи, — то остается только пожелать, чтобы дело сложилось благоприятно для обеих сторон.

— Все уладится, или мистер Прот не был бы мистером Протом.

— А если они оба свободны, то лучше всего было бы поженить их.

Так, оживленно обмениваясь впечатлениями, точили языки зеваки. Но ни Сэт Стенфорт, ни мисс Аркадия Уокер даже и не замечали назойливого любопытства, предметом которого стали.

Сэт Стенфорт собрался уже было соскочить с коня, чтобы постучать в дверь мистера Джона Прота, как дверь эта неожиданно распахнулась.

На пороге показался сам мистер Джон Прот, а из-за его спины выглядывала старая служанка Кэт.

Оба они услышали конский топот у крыльца и, покинув

один — свой сад, а другая — свою кухню, пожелали узнать, что происходит.

Сэт Стенфорт, не сходя с лошади, обратился к судье.

— Господин судья, Джон Прот,— начал он.— Я мистер Сэт Стенфорт из Бостона в Массачусетсе.

— Рад познакомиться с вами, мистер Сэт Стенфорт!

— А это — мисс Аркадия Уокер из Трентона в Нью-Джерси!

— Весьма лестно познакомиться с мисс Аркадией Уокер.

И мистер Джон Прот, внимательно оглядев незнакомца, сосредоточил свое внимание на незнакомке.

Ввиду того что мисс Аркадия Уокер особа поистине очаровательная, да будет нам дозволено набросать ее портрет. Возраст — двадцать четыре года; глаза — светло-голубые; волосы — темно-каштановые; лицо удивительной свежести, слегка лишь тронутое загаром; зубы — безукоризненной формы и белизны; рост — несколько выше среднего; красивое и стройное сложение, в котором чувствовались и сила и ловкость. Она была в амазонке, и стан ее грациозно изгибался, следуя движениям лошади, которая, так же как и лошадь Сэта Стенфорта, нетерпеливо била копытами. Ее руки в изящных перчатках небрежно шевелили поводьями; и знаток сразу мог бы угадать в ней ловкую наездницу. Вся она была олицетворением редкой утонченности, к которой присоединилось нечто особенное, свойственное представителям высшего общества Америки, то самое, что можно было бы назвать американским аристократизмом, если бы это выражение не составляло резкого контраста с демократическими инстинктами уроженцев Нового Света.

У мисс Аркадии Уокер, родом из Нью-Джерси, после смерти родителей остались лишь какие-то дальние родственники. Свободная в своих действиях, владея независимым состоянием и руководствуясь свойственной молодым американкам жаждой приключений, она вела жизнь, соответствующую ее вкусам. Уже в течение нескольких лет мисс Аркадия Уокер проводила время в путешествиях и, побывав во многих странах Европы, была осведомлена о том, что делается и о чем говорят в Париже, Лондоне, Берлине, Вене или Риме. О том, что она видела и слышала во время своих непрерывных странствий, она могла поговорить и с французами, и с немцами, и с англичанами, и с итальянцами на их собственном языке. Она была девушкой образованной, получившей великолепное воспитание под руководством ныне уже умершего опекуна. У нее не было недостатка даже и в умении разби-

ратся в практических вопросах, и она проявляла в ведении своих денежных дел самое тонкое понимание собственных интересов.

Все сказанное о мисс Аркадии Уокер может быть вполне *симметрично* (это слово здесь как раз уместно) отнесено к мистеру Сэту Стенфорту. Свободный, как и она, состоятельный, любитель путешествий, объездивший весь свет, он редко засиживался в своем родном городе Бостоне. Зимой он бывал частым гостем в больших городах Старого Света, где нередко встречался со своей соотечественницей, а летом возвращался к себе на родину, проводя время на прибрежных курортах, где собирались семьи богатых янки. И здесь он и мисс Аркадия Уокер встречались снова.

Схожесть вкусов постепенно сблизила этих двух молодых и смелых людей, которые всем высypавшим на площадь зевакам, мужчинам и особенно женщинам, казались созданными друг для друга. Да и в самом деле, охваченные жаждой путешествий, устремлявшиеся туда, куда какие-нибудь события политического или военного характера привлекали всеобщее внимание, — разве они не были подходящей парой? Не приходится поэтому удивляться, что мистер Сэт Стенфорт и мисс Аркадия Уокер в конце концов пришли к решению связать свою судьбу, что не должно было в какой-либо мере нарушить привычный им образ жизни. Впредь уже не будет двух кораблей, плывущих бок о бок, а лишь одно судно, без сомнения великолепно построенное, оборудованное, оснащенное и приспособленное для путешествий по всем морям земного шара.

Нет! Не судебное дело, не спор, не улаживание какого-либо конфликта заставили Сэта Стенфорта и Аркадию Уокер предстать пред лицом судьи Джона Прота. Нет! Выполнив все необходимые формальности в соответствующих учреждениях Массачусетса и Нью-Джерси, они назначили свидание в городе Уостоне на этот самый день, 12 марта, в это самое время, в десять часов семь минут утра, с тем чтобы здесь совершить акт, который многие считают самым значительным в человеческой жизни.

После того как Сэт Стенфорт и Аркадия Уокер представились судье в точности так, как было рассказано выше, мистеру Джону Проту оставалось только осведомиться у приезжих, что именно привело их к нему.

— Сэт Стенфорт желает стать супругом Аркадии Уокер! — ответил молодой человек.

— А мисс Аркадия Уокер желает стать супругой мистера Сэта Стенфорта,— проговорила девушка.

Судья поклонился:

— К вашим услугам, мистер Стенфорт, а также и к вашим, мисс Аркадия Уокер.

Молодые люди в свою очередь поклонились.

— Когда именно вы желаете приступить к церемонии? — спросил мистер Джон Прот.

— Немедленно... если только вы ничем не заняты,— заявил Сэт Стенфорт.

— Дело в том, что мы покинем Уостон сразу же после того, как я стану миссис Стенфорт! — добавила мисс Аркадия Уокер.

Мистер Джон Прот красноречивым жестом выразил горячее сожаление как свое, так и своих сограждан по поводу того, что им не удастся удержать дольше прелестную чету, украшающую Уостон своим присутствием.

— Я в вашем полном распоряжении,— произнес судья, отступая на несколько шагов от двери и освобождая таким образом вход в дом.

Но Сэт Стенфорт остановил его.

— Разве так уж необходимо, чтобы мисс Аркадия и я сошли с лошадей?..— спросил он.

Мистер Джон Прот на мгновение задумался.

— Ни в какой мере,— заявил он серьезно.— Можно венчаться, сидя на лошади, совершенно так же, как и стоя на земле.

Трудно было найти более покладистого чиновника даже в столь своеобразной стране, как Америка!

— Один только вопрос,— снова заговорил мистер Джон Прот.— Выполнены ли все предписываемые законом формальности?

— Все в порядке,— ответил Сэт Стенфорт.

И он протянул судье документы, выданные с соблюдением всех необходимых правил соответствующими канцеляриями Бостона и Трентона после внесения полагающегося налога.

Мистер Джон Прот взял в руки бумаги, надел очки в золотой оправе и внимательно прочел документы, снабженные всеми законными подписями и печатями.

— Документы в порядке,— заявил он.— И я готов выдать вам свидетельство о браке.

Нет ничего удивительного в том, что любопытные, число которых успело еще возрасти, столпились вокруг моло-

дой пары, заменяя собой свидетелей при церемонии бракосочетания, которая во всякой другой стране показалась бы несколько странной. Но это скопление людей не могло ни стеснить жениха и невесту, ни вызвать их неудовольствия.

Мистер Джон Прот поднялся на верхнюю ступеньку своего крыльца и произнес голосом, который должен был быть услышан всеми:

— Мистер Сэт Стенфорт, согласны ли вы взять в жены мисс Аркадию Уокер?

— Согласен!

— Мисс Аркадия Уокер, согласны ли вы, чтобы вашим мужем стал мистер Сэт Стенфорт?

— Согласна!

Судья на несколько секунд умолк и затем торжественно, как фотограф, произносящий сакраментальное «спокойно, снимаю!», проговорил:

— Именем закона, мистер Сэт Стенфорт из Бостона и мисс Аркадия Уокер из Трентона, объявляю вам, что вы соединены браком.

Оба супруга придвинулись ближе друг к другу и взяли за руки, словно закрепляя свершившееся.

Вслед за этим они один за другим протянули судье по бумажке достоинством в пятьсот долларов.

— За ваши труды,— произнес Сэт Стенфорт.

— В пользу бедных,— произнесла миссис Аркадия Стенфорт.

И, поклонившись судье, оба отпустили лошадям поводья и поскакали в сторону предместья Уилкоккс.

— Вот так история!.. Вот так история!..— приговаривала Кэт, которая была так потрясена, что на целых десять минут лишилась дара речи.

— В чем дело, Кэт? — спросил мистер Джон Прот.

Старуха Кэт выпустила из рук уголок передника, который скручивала, как скручивает веревку заправский веревочник.

— Мне сдается, что они просто свихнулись, эти господа! — проговорила она.

— Вполне возможно, почтеннейшая Кэт, вполне возможно! — подтвердил мистер Джон Прот, снова берясь за свою мирную лейку. — Что же тут удивительного? Ведь те, кто желятся, всегда бывают немного не в своем уме!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

которая вводит читателя в дом мистера Дина Форсайта и знакомит его с племянником мистера Форсайта, Франсисом Гордоном, и служанкой Митс

— Митс! Митс!

— Что, сынок?

— Что творится с моим дядей Дином?

— И сама не знаю!

— Уж не болен ли он?

— Да нет. Но если так будет продолжаться, наверняка заболееет.

Разговор этот происходил между молодым человеком лет двадцати четырех и шестидесятипятилетней женщиной, сидевшими в столовой, в одном из домов по Элизабет-стрит, в том самом городе Уостоне, где только что совершилось столь необычное бракосочетание на американский манер.

Этот дом на Элизабет-стрит принадлежал мистеру Дину Форсайту. Дину Форсайту было сорок пять лет, и он не казался моложе. Крупная голова, растрепанная шевелюра, маленькие глазки, очки для сильно близоруких, слегка сутулая спина, могучая шея, во все времена года дважды охваченная галстуком, доходившим до самого подбородка, широкий, помятый сюртук, обвисший жилет, нижние пуговицы которого никогда не застегивались, слишком короткие брюки, едва прикрывавшие чересчур широкие башмаки, колпачок с кисточкой, сдвинутый назад и оставлявший открытыми седеющие непослушные волосы, лицо, изрезанное тысячью морщин, обычная для североамериканцев остроконечная борода, несносный характер, всегда на грани гневной вспышки, — таков был мистер Дин Форсайт, служивший в утро 21 марта предметом разговора между его племянником Франсисом Гордоном и старухой Митс.

Франсис Гордон, лишившийся еще в раннем детстве родителей, воспитывался у мистера Дина Форсайта, брата своей матери. Хотя со временем к Франсису и должно было перейти довольно порядочное состояние дяди, он все же не считал себя свободным от обязанности трудиться, да и мистер Форсайт придерживался такого же мнения. После окончания курса гуманитарных наук в прославленном Гарвардском университете племянник мистера Форсайта пополнил свое образование, прослушав еще и курс юридических наук. В данное время он был адвокатом в Уостоне, где вдовы и сироты не могли бы найти более ревностного защитника. Франсис

Гордон до тонкостей изучил все законы, речь его лилась легко, а голос звучал горячо и убедительно. Собратья по профессии, старые и молодые, питали к нему уважение, и он умудрился не нажить себе ни одного врага. Франсис Гордон обладал приятной наружностью — густыми каштановыми волосами и красивыми карими глазами, он прекрасно держался, был остроумен без язвительности, услужлив без подобию, проявлял достаточно ловкости во всех видах спорта, которым страстно увлекается американское светское общество. Как же ему было не занять место среди самых изысканных молодых людей города и как ему было не влюбиться в очаровательную Дженни Гьюдельсон, дочь доктора Гьюдельсона и его супруги, урожденной Флоры Клэридж!

Но было бы преждевременным уже сейчас направить внимание читателя на эту девушку. Приличнее для нее будет выступить на сцену в кругу своей семьи, а для этого еще не наступило время. Впрочем, до этого не так уж далеко. Во всяком случае, необходимо проявить строжайшую последовательность в изложении этой истории, требующей величайшей точности.

Что касается Франсиса Гордона, мы добавим лишь, что жил он в доме на Элизабет-стрит, который, по всей видимости, ему суждено было покинуть лишь в день вступления в брак с мисс Дженни... Но еще раз: оставим пока мисс Дженни Гьюдельсон в покое и скажем лишь, что добрая Митс была поверенной всех тайн хозяйского племянника, которого она обожала как сына или, вернее, как внука, — ведь бабушки, как известно, побили рекорд материнской любви.

Митс, эта образцовая служанка, подобие которой трудно было бы отыскать в наши дни, обладала некоторыми свойствами, как бы заимствованными от собаки и кошки: к хозяевам она была привязана, как собака, а к дому — как кошка. Нетрудно догадаться, что в разговорах с мистером Форсайтом она проявляла полную свободу. Когда он бывал не прав, она выкладывала ему это начистоту, хотя и облакала свою речь в такую неслыханно красочную форму, изощренность которой на французском языке можно передать лишь весьма приблизительно. Если же он не желал признать ее правоту, ему оставалось только ретироваться, найти убежище у себя в кабинете и там запереться на все замки.

Кстати сказать, мистеру Дину Форсайту не приходилось опасаться, что в своем кабинете он окажется в одиночестве. Он мог быть уверен, что всегда найдет там одного человека,

который, так же как и он сам, укрывался от причитаний и воркотни Митс.

Человеку этому было присвоено прозвище «Омикрон». Этим странным прозвищем он был обязан своему худощавому сложению. Вполне возможно, что его прозвали бы «Омега»¹, если бы он не был так мал. Достигнув к пятнадцати годам четырех футов и шести дюймов, он с тех пор перестал расти. В этом возрасте Том Уайф — таково было его настоящее имя — появился в доме еще при отце Дина Форсайта в качестве молодого слуги, и так как сейчас ему было уже за пятьдесят, то можно легко подсчитать, что вот уже тридцать пять лет как он находился на службе у дядюшки Франсиса Гордона.

Необходимо пояснить, в чем заключались обязанности этого слуги: он помогал мистеру Дину Форсайту в его работах, к которым питал страсть не меньшую, чем сам хозяин.

Стало быть, мистер Дин Форсайт работал?

Да, в качестве любителя. Но в дальнейшем будет видно, сколько огня и страсти он вкладывал в свой труд.

На каком же поприще развивалась деятельность мистера Дина Форсайта? В области ли медицины, права, литературы, искусства или коммерции, что так распространено среди граждан свободной Америки?

Ничего подобного.

«Чем же тогда увлекается мистер Дин Форсайт? — спросите вы. — Науками?»

Вы не совсем угадали! Не «науками» во множественном числе, но «наукой» в единственном числе. Одной-единственной божественной наукой, которая зовется «астрономией».

Все мечты его были сосредоточены на открытии новой звезды или планеты. Ничего, или почти ничего, из происходящего на поверхности земного шара не вызывало в нем интереса. Мистер Дин Форсайт жил в бесконечных пространствах. Принимая, однако, во внимание, что почтенному ученому в этих пространствах негде было бы ни позавтракать, ни пообедать, ему поневоле приходилось хоть дважды в день спускаться на поверхность земли. И вот именно в это утро мистер Форсайт не спустился в свой обычный час в столовую

¹ Шутка, построенная на игре слов Омикрон (ο) — 15-я буква греческого алфавита; микрон — миллионная часть метра; омега (ω) — последняя, 24-я буква греческого алфавита, одновременно обозначает число 800 (ω).

и, заставляя себя ждать, вызывал сетования Митс, беспокойно вертевшейся вокруг стола.

— Так что же он, совсем не придет? — повторяла она.

— И Омикрона тоже не видно? — спросил Франсис Гордон.

— Он всегда там, где его господин, — ответила служанка. — *А у меня не хватает ног* (именно так и выразилась почтенная Митс), чтобы взбираться к нему на его насест.

«Насест», о котором шла речь, была не более и не менее как башня, верхняя открытая площадка которой возвышалась футов на двадцать над крышей дома, — скажем, «обсерватория», чтобы назвать ее настоящим именем. Под этой площадкой помещалась круглая комната; четыре окна ее открывались на все четыре страны света. Находившиеся в комнате подзорные трубы и довольно сильные телескопы при желании можно было повернуть на подставках, и если их объективы до сих пор не изнашивались, то уж во всяком случае не оттого, что ими мало пользовались. Зато с полным основанием можно было опасаться, что мистер Дин Форсайт и Омикрон в конце концов испортят себе глаза, — так часто и подолгу простаивали они у оптических инструментов.

В этой комнате оба, и хозяин и его слуга, проводили большую часть дня и ночи, — правда, от времени до времени сменяя друг друга. Они глядели, наблюдали, парили в межпланетном пространстве, увлеченные неугасимой надеждой сделать какое-нибудь открытие, с которым будет связано имя Дина Форсайта. В ясную погоду все еще было терпимо. Но не так уж часто небо бывает ясным над той частью тридцать седьмой параллели, которая пересекает штат Виргинию. Немало здесь роится туч, перистых и кучевых облаков и туманов! Во всяком случае, куда больше, чем этого желали и господин и слуга. Зато сколько жалоб, сколько угроз обращалось к небу, — ведь ветер всегда так некстати тащит по нему лоскутья пара!

Именно в эти последние дни марта терпение мистера Дина Форсайта подвергалось особенно жестокому испытанию. Вот уже несколько дней как небо, к великому отчаянию астронома, ни на мгновение не прояснялось.

Утром 21 марта западный ветер влачил почти по самой земле целое море необычайно густых облаков.

— Какая жалость! — в десятый раз проговорил со вздохом мистер Дин Форсайт после последней бесплодной попытки преодолеть густую мглу. — У меня предчувствие, что от

нас ускользает какой-то исключительный случай, что мы упускаем сенсационное открытие!

— Вполне возможно, — ответил Омикрон. — Это даже очень вероятно, так как на днях, когда на мгновение прояснилось, мне почудилось...

— А мне, Омикрон, не почудилось — я *видел*.

— Значит, оба, оба в одно и то же время!..

— Омикрон!.. — с возмущением воскликнул мистер Дин Форсайт.

— Ну, разумеется, вы первый, в этом нет сомнения! — согласился Омикрон, многозначительно кивнув головой. — Но когда мне почудилось, что я вижу... вот ту самую штуку... я подумал... что это может быть... что это...

— А я, — решительно заявил мистер Форсайт, — я утверждаю, что это был метеор, передвигавшийся с севера на юг.

— Да, мистер Дин, перпендикулярно направлению солнца.

— К кающемуся направлению, Омикрон.

— Да, кающемуся, это ясно.

— И было это шестнадцатого числа этого месяца.

— Шестнадцатого.

— В семь часов тридцать семь минут двадцать секунд.

— Двадцать секунд, — повторил Омикрон. — Я проверил время по нашим башенным часам.

— И с тех пор он больше не показался! — воскликнул мистер Дин Форсайт, с угрозой протягивая руку к небу.

— Да как же он мог показаться? Тучи!.. Тучи!.. Тучи!.. Вот уже пять дней как на небе не видно даже такого крохотного кусочка синевы, из которого можно было бы выкроить носовой платок.

— Точно назло! — воскликнул Дин Форсайт, топнув ногой. — Мне начинает казаться, что такие вещи случаются только со мной.

— С нами, — поправил Омикрон, который считал себя наполовину участником в работах своего хозяина.

Говоря по совести, все жители этих мест имели одинаковое право сетовать на густые облака, обволакивавшие их небо. Сияет ли солнце или не сияет — это касается всех без различия.

Но, каким бы всеобщим ни было это право на досаду, никто не приходил в такое скверное настроение, как мистер Дин Форсайт, когда небо обволакивала такая плотная пелена тумана, что с ней не могли бороться ни самые мощные телескопы, ни самые усовершенствованные подзорные трубы.

А такие туманы не редкость в городе Уостоне, хотя омывают его чистые воды Потомака, а не мутные волны Темзы.

Но что же все-таки заметили, или вообразили, что заметили, хозяин и его слуга 16 марта, когда небо ненадолго прояснилось?.. Не более и не менее, как болид сферической формы, с чрезвычайной быстротой передвигавшийся с севера на юг и такой блестящий, что яркостью своей он вполне мог поспорить с рассеянным светом солнца. Хотя расстояние этого тела от земли и должно было исчисляться изрядным количеством километров, за ним можно было бы, невзирая на быстроту его движения, проследить еще некоторое время, если бы туман не помешал наблюдениям.

С тех пор и потянулась цепь жалоб и вздохов, которые порождала эта неудача. Появится ли болид снова на горизонте Уостона? Возможно ли будет рассчитать соотношение его составных частей, определить его размер, его вес и свойства? Не удастся ли другому, более счастливому, астроному заметить его на иной точке небесного пространства? Сможет ли Дин Форсайт, на столь короткое время удержавший этот болид в поле зрения своего телескопа, связать свое имя с этим открытием? Не выпадет ли в конечном счете честь этого открытия на долю какого-нибудь ученого Старого или Нового Света, ученого, который всю жизнь, и днем и ночью, ощупывает своим телескопом небесное пространство?

— Захватчики! — с возмущением повторял Дин Форсайт. — Небесные пираты!

За все это утро 21 марта ни Дин Форсайт, ни Омикрон не могли, несмотря на скверную погоду, решиться хоть на мгновение отойти от окна, выходившего на север. Гнев хозяина и слуги возрастал по мере того как ускользали часы. Они уже не разговаривали. Дин Форсайт окидывал взглядом широкий горизонт, ограниченный с севера причудливой линией Серборских холмов, над вершинами которых довольно сильный ветер гнал сероватые тучи. Омикрон поднимался на цыпочки, чтобы расширить поле зрения, которое суживал его низкий рост. Один из наблюдателей скрестил на груди руки, и сжатые кулаки его вдавливались ему в грудь. Другой судорожно скрюченными пальцами постукивал по подоконнику. Мимо с легким щебетанием проносились птицы, и казалось, что они издеваются над хозяином и его слугой, которых положение двуногих приковывало к поверхности земли... Ах, если б только они могли последовать за этими птицами в их полете!.. С какой стремительностью они прорвались бы сквозь ту-

ман, и тогда, быть может, они снова увидели бы болид, мчащийся по своей орбите при ослепительном свете солнца...

В эту минуту в дверь постучали.

Ни Дин Форсайт, ни Омикрон, поглощенные своими мыслями, не слышали стука.

Дверь приотворилась, и на пороге показался Франсис Гордон.

Дин Форсайт и Омикрон даже не оглянулись.

Племянник подошел к дяде и слегка коснулся его локтя.

Мистер Дин Форсайт перевел на него взгляд, столь далекий, словно он тянулся с Сириуса или по меньшей мере с Луны.

— В чем дело? — спросил мистер Форсайт.

— Дядя, вас ждет завтрак!

— Ах, в самом деле! — буркнул Дин Форсайт. — Завтрак ждет? Ну так вот: мы тоже ждем.

— Вы ждете... чего?

— Солнца! — ответил Омикрон, и хозяин его кивком головы подтвердил этот ответ.

— Надо полагать, дядюшка, что вы не пригласили солнце к завтраку и можно сесть за стол и без него.

Что было возразить против этого? Ведь в самом деле: если небесное светило не покажется в течение всего дня, то неужели мистер Дин Форсайт из упрямства будет голодать до вечера?

Пожалуй, что и так, ибо астроном, казалось, не собирался последовать за своим племянником в столовую.

— Дядюшка, — продолжал настаивать Франсис, — Митс уже потеряла терпение, имейте в виду.

На этот раз мистер Дин Форсайт сразу пришел в себя. Проявления гнева служанки Митс были ему хорошо знакомы. Раз уж она сочла нужным отправить к нему гонца, то положение явно серьезное и нужно подчиниться без всякого отлагательства.

— А который час? — спросил почтенный астроном.

— Одиннадцать часов сорок шесть минут, — доложил Франсис Гордон.

Часы действительно показывали такое время. А между тем обычно дядя и племянник усаживались друг против друга за стол ровно в одиннадцать.

— Одиннадцать часов сорок шесть минут! — вскричал мистер Дин Форсайт, изображая крайнее неудовольствие, для того чтобы скрыть овладевшую им тревогу. — Не понимаю, как это Митс могла так запоздать!

— Но, дядюшка! — проговорил Франсис Гордон. — Мы ведь уже в третий раз напрасно стучимся к вам.

Мистер Дин Форсайт, ничего не ответив на эти слова, начал спускаться с лестницы, тогда как Омикрон, обычно прислуживавший за столом, остался на своем наблюдательном пункте, дабы не пропустить появления солнца.

Дядя и племянник переступили порог столовой.

Митс была тут. Она поглядела своему хозяину прямо в глаза, и тот опустил голову.

— Где же *Ами-Крон*? — спросила она. (Так добрая Митс произносила пятую гласную греческого алфавита.)¹

— Он занят там, наверху, — ответил Франсис Гордон. — Придется сегодня обойтись без него.

— С удовольствием! По мне, пусть сидит в своей *верхотории* сколько ему вздумается. А здесь больше толку будет без этого несчастного ротодея!

Завтракали молча. Митс, любившая обычно поболтать, когда вносила блюда и сменяла тарелки, делала сегодня свое дело не разжимая губ. Ее молчание тяготило и действовало удручающе. Желая положить конец такому состоянию, Франсис обратился к дяде.

— Довольны ли вы сегодняшним утром? — спросил он.

— Нет, — ответил Дин Форсайт. — Состояние неба не благоприятствовало нам, и это было особенно досадно именно сегодня.

— Не находитесь ли вы на пути к какому-нибудь астрономическому открытию?

— Думаю, что да, Франсис. Но я ничего не могу утверждать, пока повторное наблюдение...

— Так вот, значит, сударь, *что* вас гложет за последнюю неделю! — сухо заметила Митс. — Да так гложет, что вы прямо приросли к вашей башне, а ночью вскакиваете с постели... Да, да... Три раза я слышала прошлой ночью, как вы срывались, ясно слышала. У меня, слава тебе господи, *нет бельма на глазу*, — добавила она вместо ответа на нетерпеливый жест своего хозяина, желая этим пояснить, что она еще не оглохла.

— Да, да, — миролюбиво согласился мистер Дин Форсайт.

Но миролюбие не принесло ему пользы.

¹ А ми-Крон — звучит почти так же, как Омикрон, но значит «друг Крон» (Ами по-французски — друг, приятель). Пятая гласная греческого алфавита — о; эта буква называется «омикрон».

— Какое-то там *острокомическое* открытие,— продолжала Митс с возмущением.— А когда у вас вся кровь свернется и вы от смотрения в ваши трубки схватите прострел, или *немотизм*, или воспаление легких — вот-то будет радость! И тогда, верно, ваши звезды станут ухаживать за вами, а доктор прикажет вам заглатывать их взамен пилюль.

Принимая во внимание бурное начало этого разговора, Дин Форсайт понял, что лучше не возражать. Он продолжал молча есть, но был настолько смущен, что несколько раз хватался за тарелку вместо стакана, и наоборот.

Франсис Гордон пытался продолжать беседу, но слова его были гласом вопиющего в пустыне. Дядя, все такой же мрачный, казалось, даже не слышал его. Так что Франсису в конце концов пришлось заговорить о погоде — какой она была вчера, сегодня и будет завтра: неиссякаемая тема, доступная всем, независимо от степени умственного развития. Вопрос о погоде, впрочем, не казался мистеру Дину Форсайту праздным. Поэтому, когда густые тучи на мгновение совсем затемнили небо, так, что в столовой стало сумрачно, Дин Форсайт поднял голову и, выронив вилку, воскликнул:

— Неужели эти проклятые тучи не извергнут, наконец, самого страшного ливня и не откроют неба?

— Давно бы пора! — заявила Митс.— После трех недель засухи это было бы в самый раз для земли.

— Земли!.. Земли!..— пробормотал Дин Форсайт с таким глубоким пренебрежением, что своим восклицанием вызвал ответный выпад старой служанки.

— Да, для земли, сударь. Я думаю, что она не хуже *вашего* неба, с которого вы никак не хотите спуститься... даже и к завтраку...

— Будет, будет, дорогая моя Митс,— проговорил заискивающим тоном Дин Форсайт.

Напрасный труд! Добрая Митс была не в таком настроении, чтобы поддаться уговорам.

— Нечего тут «дорогая моя Митс»,— продолжала она тем же тоном.— Право же, нечего вам лезть из кожи вон и глазеть на луну! И без того известно, что весной идут дожди. Если в марте не будет дождя, то когда же ему и быть, я вас спрашиваю?

— Дядюшка,— вмешался племянник,— ведь и в самом деле, сейчас март, начало весны, и с этим приходится мириться... Но скоро настанет лето, и небо прояснится. Тогда вы будете иметь возможность продолжать вашу работу в лучших условиях. Немножко терпения, дядюшка!

— Терпения, Франсис? — проговорил мистер Дин Форсайт, чело которого было омрачено не менее, чем небо. — Терпения! А если он уйдет так далеко, что его не будет уже видно?.. А если он больше не появится над горизонтом?..

— Он? — переспросила Митс. — Кто это — «он»?

В эту самую минуту сверху донесся голос Омикрона:

— Сударь! Сударь!

— Что-нибудь новое! — воскликнул мистер Форсайт, поспешно вскочив со стула.

Не успел он еще добраться до дверей, как яркий луч, прорвавшись через окно, разбросал блестящие искорки по бутылкам и стаканам, расставленным на столе.

— Солнце!.. Солнце!.. — повторял мистер Форсайт, торопливо взбираясь по лестнице.

— Ну, что тут скажешь? — проговорила Митс, опускаясь на стул. — Вот и убежал. А уж как запрется на замок в своей *верхотории* со своим *Ами-Кроном* — ищи ветра в поле! А завтрак будет съеден сам собой... святой дух, верно, подсобит... И все ради каких-то звезд!

Так на своем красочном наречии выражалась славная Митс, хотя хозяин уже не мог ее слышать. Но даже, если бы он и слышал ее, красноречие Митс на этот раз пропало бы даром.

Дин Форсайт, задыхаясь от подъема по лестнице, входил уже в это время в свою обсерваторию. Юго-западный ветер посвежел и отогнал тучи на восток. Широкий просвет открывал вид на всю ту часть неба, где был замечен метеор. Вся комната была ярко освещена лучами солнца.

— В чем дело? — спросил мистер Форсайт.

— Солнце, — ответил Омикрон. — Но ненадолго. На западе уже снова появляются тучи.

— Нельзя терять ни минуты! — воскликнул мистер Форсайт, наставляя свою трубу, в то время как слуга проделывал то же самое с телескопом.

Добрых сорок минут — и с каким страстным увлечением! — возились они со своими приборами. Как терпеливо устанавливали их, регулировали винты, как тщательно ощупывали все углы и закоулки этой части небесной сферы!.. Ведь именно здесь, в таком-то восхождении и в таком-то склонении, болид был замечен ими в первый раз и затем пронесся над устонским зенитом — в этом они были твердо убеждены.

Но, увы! Ничего, ничего не было видно сейчас в этой части неба! Пуст был просвет, который, казалось, давал метеору

возможность разгуляться на воле. Даже и самой мелкой точки не было видно в этом направлении! Никакого следа астероида!

— Ничего! — разочарованно произнес мистер Форсайт, вытирая покрасневшие от прилива крови глаза.

— Ничего! — будто печальное эхо, повторил Омикрон.

Поздно было что-либо предпринимать сегодня. Тучи возвращались, небо снова темнело. Конец просвету, и на этот раз — уже на весь день. Скоро облака сольются в сплошную массу серовато-грязного цвета и прольются мелким дождем. Оставалось только, к великому отчаянию хозяина и слуги, отказаться от всяких наблюдений.

— А между тем, — проговорил Омикрон, — мы твердо уверены, что видели его.

— Еще бы не уверены! — воскликнул мистер Дин Форсайт, вздымая руки к небу.

И тоном, в котором сквозили беспокойство и зависть, он добавил:

— Мы вполне, вполне в этом уверены... Возможно ведь, что другие заметили его так же, как и мы... Ах, если б его видели мы одни!.. Не хватает только, чтобы и он, этот Сидней Гьюдельсон, тоже успел заметить наш метеор!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

где речь пойдет о докторе Сиднее Гьюдельсоне, о его супруге, миссис Флоре Гьюдельсон, о мисс Дженни и мисс Лу — их дочерях

— Только бы этот проныра Форсайт не успел его тоже заметить!

Так в это утро 21 марта обратился к самому себе доктор Сидней Гьюдельсон, сидя в полном одиночестве в своем кабинете.

Сидней Гьюдельсон был врачом, и если не занимался медицинской практикой, то лишь потому, что предпочел посвящать все свои способности и досуг более обширному и высокому полю деятельности. Доктор Сидней Гьюдельсон был близким другом мистера Дина Форсайта, но в то же время и его соперником. Увлеченный той же страстью, он, как и Дин Форсайт, видел лишь бесконечные небесные пространства и, так же как и его друг, направлял все силы своего ума лишь на разгадку астрономических тайн вселенной.

Доктор Гьюдельсон владел порядочным состоянием, частью доставшимся ему от родителей, частью полученным в

приданое за миссис Гьюдельсон, в девичестве Флорой Кларидж. При умелом ведении дел состояние это вполне обеспечивало как его будущее, так и будущее его двух дочерей, Дженни и Лу Гьюдельсон, которым минуло одной восемнадцать, а другой — четырнадцать лет. Что касается самого доктора, то, выражаясь с изысканностью, следовало бы сказать, что сорок седьмая зима посыпала инеем его голову. Но, к сожалению, этот поэтический образ был бы здесь неуместен, ибо... мистер Гьюдельсон обладал такой плешью, что даже и самый ловкий Фигаро не нашел бы применения для своей бритвы.

Астрономическое соперничество между Сиднеем Гьюдельсоном и Дином Форсайтом, существовавшее пока в скрытом состоянии, надо признаться, несколько омрачало дружбу между обеими семьями, которые когда-то жили в нерушимом согласии. Оба астронома-любителя не оспаривали, разумеется, друг у друга прав на такую-то планету или такую-то звезду, — ведь первые «открыватели» этих небесных светил в большинстве оставались неизвестными; но случалось нередко, что наблюдения обоих друзей в области астрономии или метеорологии служили поводом для споров, которые очень быстро переходили в ссору.

Такие ссоры могли бы принимать еще более неприятную форму или даже кончаться некрасивыми сценами, если бы в природе существовала госпожа Форсайт. К счастью, такой дамы не существовало по той простой причине, что мистер Дин Форсайт остался холостяком и ему никогда даже и во сне не приходила мысль о женитьбе. Итак, у мистера Дина Форсайта не было супруги, которая под предлогом улаживания ссоры еще более обострила бы отношения. И, следовательно, были все шансы на то, что любая размолвка между обоими астрономами-любителями в кратчайший срок окончится примирением.

Существовала, правда, некая миссис Флора Гьюдельсон. Но миссис Флора Гьюдельсон была чудесной женщиной, чудесной матерью, чудесной хозяйкой и обладала самым миролюбивым характером. Она была не способна злословить и не находила удовлетворения в клевете, как большинство наиболее почтенных дам из разных слоев общества Старого и Нового Света.

И неслыханное явление: эта образцовая супруга всеми силами старалась урезонить своего мужа, когда он возвращался, пылая гневом, после какого-нибудь столкновения со своим ближайшим другом Форсайтом. И еще одно поразитель-

тельное явление: миссис Гьюдельсон считала вполне естественным, чтобы муж ее увлекался астрономией и витал в поднебесье, при условии, однако, чтобы он спускался оттуда каждый раз, когда она просила его спуститься. Ни в какой мере не следуя примеру Митс, которая житья не давала своему хозяину, миссис Гьюдельсон не терзала своего мужа. Обычно он появлялся в столовую со значительным опозданием. Она терпеливо сносила это, не ворчала на него и умудрялась сохранять кушанья незасушенными и неперегретыми. Она с уважением относилась к его заботам, когда он был озабочен. Она даже интересовалась его работой, и ее доброе сердце подсказывало ей нужные слова, чтобы подбодрить его, когда он, казалось, готов был заблудиться в бесконечном пространстве, рискуя не найти обратного пути.

Вот это жена, какую можно пожелать всем мужьям, особенно если мужья эти увлекаются астрономией! К несчастью, такие жены встречаются только в романах.

Старшая дочь миссис Гьюдельсон, Дженни, обещала пойти по стопам матери и следовать ее примеру на своем жизненном пути. Нет сомнения, что Франсису Гордону, будущему мужу Дженни Гьюдельсон, суждено было стать счастливейшим из смертных. Не желая обидеть американских мисс, мы все же вынуждены сказать, что трудно было бы во всей Америке сыскать девушку, столь же очаровательную, столь же привлекательную и столь же щедро одаренную самыми высокими качествами. Дженни Гьюдельсон была прелестной блондинкой с голубыми глазами, со свежим цветом лица, красивыми руками и стройным станом, приветливая, скромная и столь же добрая, сколь и умная. Поэтому и Франсис Гордон дорожил ею не меньше, чем дорожила она Франсисом Гордоном. Племянник мистера Дина Форсайта сумел заслужить уважение всей семьи Гьюдельсон. Такая взаимная симпатия не замедлила выразиться в предложении, сделанном Франсисом Гордоном и весьма благосклонно принятом родителями Дженни. Эти молодые люди так подходили друг другу! Дженни не может не принести счастья семейному очагу, — ведь она обладает для этого всеми совершенствами. Что же касается Франсиса Гордона, то его при вступлении в брак обеспечит дядя, все состояние которого со временем и без того достанется племяннику. Но оставим в стороне эти разговоры о наследстве. Ведь речь идет не о будущем, а о настоящем, а настоящее соединяет в себе все условия для самого безоблачного счастья.

Итак, Франсис Гордон обручен с Дженни Гьюдельсон, а

Дженни Гьюдельсон обручена с Франсисом Гордоном. День свадьбы будет намечен в самое ближайшее время. Венчание совершит сам преподобный О'Гарт в главной церкви безмятежного города Уостона.

Можете не сомневаться, что в день торжественной церемонии соберется множество народа, так как обе семьи пользуются равным уважением, и можете также быть уверены в том, что самой веселой, самой живой и самой подвижной будет в этот день крошка Лу¹: ведь ей предстоит выполнять обязанность «подружки невесты» при своей любимой сестре. Ей нет и пятнадцати лет, крошке Лу, она имеет право быть юной, и она пользуется своим правом — уж поверьте мне! Это само вечное движение — непоседа и хохотунья, озорница, которой все нипочем. Она, не страшась, высмеивает даже «папины планеты». Но ей все прощается, ей спускают все. Доктор Гьюдельсон первый смеется над ее шутками и вместо наказания целует ее в румяную щечку.

В общем, мистер Гьюдельсон — славный человек, только страшно упрямый и обидчивый. Кроме Лу, невинные проказы которой всегда сходили ей с рук, все остальные члены семьи проявляли полное уважение к привычкам и даже чудачествам хозяина дома. Углубленный в свои астрономо-метеорологические наблюдения, ревниво оберегая открытия, которые он делал, или полагал, что делает, он с трудом, несмотря на искреннюю привязанность к Дину Форсайту, сохранял дружеские отношения с таким серьезным соперником. Двое охотников на одном участке охоты, преследующие одну и ту же редкую дичь! Не раз на этой почве между друзьями пробежал холодок, который легко мог закончиться разрывом, не будь умиротворяющего влияния добрейшей миссис Гьюдельсон, которая, впрочем, в этом отношении всегда находила поддержку в своих дочерях и во Франсисе Гордоне. Участники этого миролюбивого квартета возлагали большие надежды на предполагавшийся союз, рассчитывая, что он положит конец постоянным перепалкам. Когда брак между Франсисом и Дженни еще теснее свяжет обе семьи, эти преходящие грозы станут не столь частыми и опасными. Кто знает? Не объединятся ли оба астронома-любителя в совместной работе и не станут ли они сообща продолжать свои астрономические поиски и наблюдения? Тогда ведь они получат возможность честно поделить дичь, открытую ими (пусть даже и не убитую!) в обширных небесных пространствах.

¹ Уменьшительное от «Луиза». (Примеч. авт.)

Дом доктора Гьюдельсона был на редкость комфортабельным. Во всем Уостоне не найти было бы дома, содержащегося в таком порядке. Особняк доктора, расположенный между садом и двором, окруженный деревьями и зелеными лужайками, находился как раз посредине Морисс-стрит. Это было двухэтажное здание. Семь окон второго этажа выходили на улицу. Над крышей с левой стороны возвышалось подобие мезонина или четырехгранной башни, высотой метров в тридцать, заканчивавшейся террасой, обнесенной перилами. В одном из углов площадки высилась мачта, на которую в воскресенье и в праздничные дни поднимали украшенный пятьдесят одной звездой флаг Соединенных Штатов Америки.

Комната, расположенная в верхней части башни, была предназначена для занятий хозяина дома. Здесь были представлены приборы доктора — подзорные трубы, телескопы. Но в особенно ясные ночи он переносил их на террасу, откуда ему удобнее было окинуть взглядом небосвод. Именно здесь, несмотря на все предостережения жены, доктор подхватывал самые злостные бронхиты и гриппы.

— Кончится тем,— любила повторять мисс Лу,— что папа заразит насморком свои планеты.

Но доктор не желал слышать никаких доводов, и в зимние дни, когда небо бывало особенно ясным и чистым, не отступал даже перед морозом в семь или восемь градусов.

Из обсерватории в доме на Морисс-стрит можно было без труда разглядеть башню дома на Элизабет-стрит. Между ними было не более полумили, и их не заслоняли друг от друга ни густая листва деревьев, ни здания, ни памятники.

Даже и без помощи телескопа или подзорной трубы, в обыкновенный бинокль можно было рассмотреть людей, находящихся на площадке той или другой башни. Но Дину Форсайту, надо полагать, было вовсе не до того, чтобы разглядывать Сиднея Гьюдельсона, а Сидней Гьюдельсон не стал бы терять время на то, чтобы разглядывать Дина Форсайта. Их взоры были устремлены выше, куда выше! Но Франсис Гордон, естественно, старался разглядеть, не стоит ли на площадке Дженни Гьюдельсон, и нередко взгляды молодых людей встречались сквозь стекла биноклей. В этом, полагаю, не было ничего дурного.

Нетрудно было бы установить между обоими домами телеграфную или телефонную связь. Провод, протянутый от башни на Элизабет-стрит к башне на Морисс-стрит, легко мог бы передать Дженни Гьюдельсон ласковые слова Фран-

сиса Гордона и приветы Дженни Гьюдельсон Франсису Гордону. Но так как Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон никогда не испытывали желания обмениваться такими нежностями, то им даже и в голову не могло прийти связать обе башни волшебной нитью. Возможно, что этот пробел будет восполнен тогда, когда жених и невеста превратятся в супругов. Связь брачная, а за ней — связь электрическая еще теснее соединят эти две семьи.

После полудня, в тот самый день, когда славная, хоть и непокладистая Митс предоставила читателю возможность ознакомиться с образцом своего сочного красноречия, Франсис Гордон явился с обычным визитом к миссис Гьюдельсон и к ее дочерям («не к дочерям, а к дочери», — поправила Лу, стараясь принять обиженный вид). Можно сказать с полным правом, что его принимали в этом доме, как некое божество. Он не был еще мужем Дженни, — пусть так. Но Лу желала, чтобы он был уже ее братом, а то, что вбивала себе в голову эта девочка, крепко застревало там.

Что же касается доктора Гьюдельсона, то он заперся в своей башне с четырех часов утра. Появившись с опозданием к завтраку, так же как и Дин Форсайт, он поспешно поднялся на площадку в ту самую минуту, когда солнце начало выходить из-за облаков. Так же, как и его соперник, поглощенный своими наблюдениями, он не проявлял ни малейшего намерения спуститься вниз.

А между тем без его участия невозможно было разрешить важный вопрос, который обсуждался в гостиной.

— Вот как! — воскликнула Лу, как только молодой человек показался на пороге. — Вот и мистер Франсис, неизменный мистер Франсис... Честное слово, он вечно тут как тут!

Франсис Гордон только погрозил девочке пальцем, и когда все уселись, завязалась безыскусственная дружеская беседа. Казалось, эти люди вовсе и не расставались со вчерашнего дня. Да и в самом деле: мысленно, во всяком случае, жених и невеста ни на минуту не разлучались. Мисс Лу даже утверждала, что «неизменный Франсис» вечно пребывал в их доме и что даже тогда, когда он делал вид, будто выходит на улицу через парадную дверь, он тут же возвращался через садовую калитку.

Говорили в этот день о том же, о чем говорили ежедневно. Дженни ловила слова Франсиса с серьезным видом, не нарушавшим ее женственного обаяния. Они глядели друг на друга и строили планы на будущее, осуществление которых было уже не за горами. Да и почему бы действительно осу-

шествование этих планов могло запоздать? Франсис Гордон присмотрел уже в западной части города на Ламбет-стрит хорошенький домик с видом на Потомак и совсем недалеко от Морисс-стрит. Такой домик вполне должен был удовлетворить потребности молодой четы. Миссис Гьюдельсон обещала пойти посмотреть этот дом и, если он придется по вкусу будущей жилище, в течение ближайшей недели снять его. Лу, разумеется, отправится вместе с матерью и старшей сестрой. Она не могла допустить и мысли, чтобы обошлись без ее совета.

— Да, кстати! — воскликнула она вдруг. — А мистер Форсайт? Разве он не собирался зайти сегодня?

— Дядя зайдет около четырех, — сказал Франсис Гордон.

— Ведь его присутствие необходимо для разрешения этого вопроса, — заметила миссис Гьюдельсон.

— Он это знает и непременно придет.

— Если он не придет, — воскликнула Лу, угрожающе подняв свою маленькую ручку, — ему придется иметь дело со мной, и ему нелегко будет от меня отделаться!

— А мистер Гьюдельсон? — спросил Франсис. — Ведь он нужен нам не менее, чем мой дядя.

— Отец в своей обсерватории, — произнесла Дженни. — Он спустится, как только ему доложат о приходе мистера Форсайта.

— Беру это на себя, — объявила Лу. — Я живо вскарабкаюсь к нему в шестой этаж.

И в самом деле: присутствие мистера Форсайта и доктора Гьюдельсона было совершенно необходимо. Ведь речь еще шла и о том, чтобы назначить точный день свадебной церемонии. Предполагалось, что свадьба должна быть отпразднована возможно скорее, при том, однако, непременно условии, что успеют закончить нарядное платье «подружки невесты», — длинное, как у настоящей барышни, платье, которое Лу рассчитывала в первый раз надеть в этот торжественный день.

Поэтому понятна и шутка, которую позволил себе Франсис:

— А что, если вдруг это замечательное платье не будет готово?

— Тогда придется отложить свадьбу! — властно заявила маленькая особа.

И ответ этот сопровождался таким взрывом хохота, что его не мог не услышать на вершине своей башни почтенный доктор Гьюдельсон.

Стрелка часов между тем неумолимо скользила по ци-

ферблату, а мистер Форсайт все не появлялся. Как старательно ни высовывалась Лу в окно, откуда виден был подъезд,— мистера Форсайта не было и в помине. Оставалось только вооружиться терпением — оружием, владеть которым Лу вовсе не была способна.

— А ведь дядя мне твердо обещал,— повторял Франсис Гордон.— Не понимаю, что с ним творится последние дни...

— Надеюсь,— воскликнула Дженни,— мистер Форсайт не захворал?

— Нет, но он чем-то озабочен, поглощен своими мыслями. Из него и двух слов не вытянешь. Не знаю, что у него засело в голове.

— Осколок звезды! — воскликнула девочка.

— То же самое происходит с моим мужем,— проговорила миссис Гьюдельсон. — Все последние дни он кажется мне еще более сосредоточенным, чем всегда. Его немислимо вытасщить из обсерватории. В небесах, видно, творится нечто необыкновенное.

— По правде говоря, и я, глядя на дядю, склонен так думать. Он никуда не ходит, не спит, почти ничего не ест, забывает время обеда и ужина.

— Представляю себе, в каком восторге Митс! — вставила Лу.

— Она бесится! — ответил Франсис.— Но ничего не помогает. Дядюшка прежде всегда побаивался воркотни своей старой служанки, а теперь он и внимания на нее не обращает.

— Точь-в-точь как у нас! — с улыбкой проговорила Дженни.— Сестренка моя как будто потеряла всякое влияние на папу, а всем, кажется, известно, как велико было это влияние.

— Да неужели же это возможно, мисс Лу? — тем же шутливым тоном спросил Франсис.

— К сожалению, это правда,— ответила девочка.— Но только... терпение! Терпение!.. Мы с Митс урезоним и папу и дядюшку!

— Но что в конце-то концов с ними могло приключиться? — молвила Дженни.

— Потеряли какую-нибудь замечательную планету,— воскликнула Лу.— Только бы им удалось разыскать ее до свадьбы!..

— Шутки шутками,— перебила ее миссис Гьюдельсон,— а мистера Форсайта нет как нет.

— Скоро уже половина пятого! — заметила Дженни.

— Если мой дядя не явится в течение ближайших пяти минут, я побегу за ним! — решительно заявил Франсис Гордон.

В эту самую минуту раздался звонок у входных дверей.

— Это мистер Форсайт, — сказала Лу. — Он звонит не переставая. Вот так звон! Держу пари, что он прислушивается к звуку полета какой-нибудь кометы и не замечает даже, что звонит.

И в самом деле — это был мистер Форсайт. Он быстро вошел в гостиную, где Лу встретила его градом упреков:

— Опоздали!.. Опоздали!.. Остается только бранить вас!

— Здравствуйте, миссис Гьюдельсон, добрый день, дорогая моя Дженни, — произнес он, целуя молодую девушку, — добрый день, крошка! — повторил он, похлопав девочку по щеке.

Все это мистер Форсайт говорил и делал с видом крайней рассеянности. Мысли его, как раньше говорила Лу, «витали в пространстве».

— Видя, что вы не приходите, дядюшка, — сказал Франсис Гордон, — я уже готов был предположить, что вы забыли о своем обещании.

— Да, признаюсь: чуть не забыл! Прошу извинения у миссис Гьюдельсон. К счастью, Митс мне напомнила... да еще как!

— Так вам и надо! — объявила Лу.

— Ну, сжальтесь же надо мной, маленькая мисс... Серьезные заботы... Я, быть может, нахожусь накануне интереснейшего открытия...

— Совсем как папа... — начала Лу.

— Что? — воскликнул мистер Форсайт, подскочив так, словно где-то в глубине его кресла распрямилась пружина. — Вы сказали, что доктор?..

— Мы ничего не сказали, дорогой мистер Форсайт, — поспешила ответить миссис Гьюдельсон, опасаясь, и не без основания, что может возникнуть новый повод для соперничества между ее мужем и дядей Франсиса Гордона.

— Лу, сходи за папой, — добавила она, стараясь сгладить неловкость.

С легкостью птицы девочка устремилась к обсерватории. Нет сомнения, что она взбежала по лестнице, вместо того чтобы выпорхнуть в окно, только из нежелания пустить в ход крылья.

Минуту спустя в гостиной появился доктор Гьюдельсон. Вид у него был торжественный, взгляд утомленный, лицо — налитое кровью настолько, что можно было опасаться удара.

Мистер Дин Форсайт и он обменялись рукопожатием, но рукопожатие это было лишено сердечности. Они искося, словно с недоверием, следили друг за другом. Но, невзирая ни на что, обе семьи собрались здесь с целью назначить день свадьбы, или — выражаясь словами Лу — день встречи планет «Франсис» и «Дженни».

Так как все сходились на том, что свадьбу следует отпраздновать возможно скорее, разговор длился недолго.

Трудно даже сказать, отнеслись ли мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон с должным вниманием к обсуждаемому вопросу. Можно предполагать, что оба они в эти минуты гнались за каким-нибудь заблудившимся в пространстве астероидом, в то же время с тревогой задавая себе вопрос, не близок ли уже, чего доброго, соперник к желанному открытию.

Ни тот, ни другой, однако, не возражали против того, чтобы день свадьбы был назначен на 15 мая.

Принимая во внимание, что сегодня было 21 марта, до свадьбы оставалось почти два месяца и должно было хватить времени на то, чтобы обставить квартиру молодой четы всем необходимым.

— И на то, чтоб дошить мое платье! — добавила Лу с серьезнейшим видом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

о том, как два письма, отправленные одно — в обсерваторию города Питтсбурга, а другое — в обсерваторию Цинциннати, были приобщены к делам о болидах

*Господину директору обсерватории
в Питтсбурге, Пенсильвания.*

Уостон, 24 марта ... г.

Господин директор!

Честь имею довести до Вашего сведения следующий факт, могущий представить интерес для астрономической науки. Утром 16 марта нынешнего года я обнаружил болид, пересекавший со значительной скоростью северную часть небесного свода. Траектория метеора, заметно идущая по линии с севера на юг, образовывала по отношению к меридиану угол в $3^{\circ}31'$, который мне удалось рассчитать с полной точностью. Было ровно семь часов тридцать семь минут двадцать секунд, когда метеор оказался в объективе моей подзорной трубы, и ровно семь часов тридцать семь минут двадцать де-

вать секунд, когда он исчез. С тех пор, несмотря на самые тщательные поиски, мне не удалось его больше увидеть. Прошу Вас поэтому принять к сведению сделанное мною наблюдение, а также известить меня о получении данного письма, для того чтобы (если вышеупомянутый метеор появится снова) за мной остался бы приоритет в отношении этого ценного открытия.

Прошу Вас, господин директор, принять выражения моего глубочайшего уважения. Остаюсь преданный Ваш слуга.

Дин Форсайт.

Элизабет-стрит.

Господину директору обсерватории

в Цинциннати, Огайо.

Уостон, 24 марта ... г.

Господин директор!

Утром 16 марта, в промежутке времени от семи часов тридцати семи минут двадцати секунд до семи часов тридцати семи минут двадцати девяти секунд мне посчастливилось открыть новый болид, двигавшийся с севера на юг по северной части небесного свода. Направление его образовывало по отношению к меридиану угол в $3^{\circ} 31'$. В дальнейшем мне уже ни разу не удалось проследить траекторию этого метеора. Однако в том случае, если он, в чем я не сомневался, снова появится на нашем горизонте, мне кажется, будет справедливым, чтобы я считался автором этого открытия, которое с полным правом может быть занесено в летопись современной астрономической науки. С этой целью я беру на себя смелость обратиться к Вам с настоящим письмом и буду Вам очень обязан, если Вы подтвердите его получение.

Примите, милостивый государь, мой нижайший поклон и уверения в совершенном почтении.

Доктор Сидней Гюдельсон.

Моррис-стрит 17.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой, несмотря на самые отчаянные старания, мистер Дин Форсайт и доктор Гюдельсон только из газет черпают сведения о своем метеоре

Ответ на оба вышеприведенных письма, отправленных под тройной печатью в адрес директоров обсерваторий Питтсбурга и Цинциннати, мог заключаться в простой расписке и извещении о том, что сообщение зарегистрировано по всей

форме. Заинтересованные лица большего и не требовали. Оба они твердо надеялись в самое ближайшее время снова найти свой метеор. Чтобы астероид скрылся в небесных глубинах так далеко, что освободился от земного притяжения, что он никогда не появится в поле видимости подлунного мира, — такую возможность они отказывались допустить. Нет, подчиняясь строгой закономерности, метеор должен был снова появиться на горизонте Уостона. Его можно будет увидеть, снова сообщить о его появлении, определить его координаты. И тогда он будет значиться на небесной карте, окрещенный славным именем того, кто его открыл.

Но кто именно увидел метеор первым? Вопрос весьма сложный, способный поставить в тупик даже и такого судью, как Соломон. В день, когда снова появится метеор, двое будут оспаривать первенство. Если бы Франсис Гордон и Дженни Гьюдельсон отдавали себе отчет в опасности положения, они, наверно, молили бы Бога сделать так, чтобы их свадьба была отпразднована до возвращения злополучного метеора.

И нет никакого сомнения, что и миссис Гьюдельсон, и Лу, и Митс, так же как и все друзья обоих семейств, присоединились бы к этим молитвам.

Но никто ничего не знал и, несмотря на все возраставшее беспокойство обоих соперников (беспокойство, которое все близкие отмечали, не находя ему объяснений), никто из обитателей дома на Моррисс-стрит, за исключением доктора Гьюдельсона, не интересовался тем, что происходит в небесных глубинах. Все были поглощены другими делами: нужно было нанести и принять визиты, разослать приглашительные карточки на свадьбу, приготовить все к церемонии, выбрать свадебные подарки, — все это, по словам крошки Лу, было равносильно двенадцати подвигам Геркулеса. И к тому же нельзя было терять ни часу.

— Когда выдают замуж первую дочь, — твердила Лу, — это дело серьезное. Со второй — все гораздо проще! Великое дело — привычка! Не приходится бояться что-нибудь прохlopать. Вот увидите — со мной все пойдет как по маслу!

— Вот как? — дразнил ее Франсис Гордон. — Мисс Лу, как видно, подумывает о замужестве? Нельзя ли узнать имя счастливого смертного?..

— Думайте о собственной женитьбе, — возражала девочка, — и не суйте носа в мои дела! И без того у вас хватит забот.

Миссис Гьюдельсон, как обещала, осмотрела дом на

Ламбет-стрит. Что касается доктора, то было бы безумием рассчитывать на него.

— Все, что вы сделаете, будет сделано превосходно, миссис Гьюдельсон, я полностью полагаюсь на вас,— сказал он жене в ответ на ее предложение осмотреть будущее жилье молодой четы.— Да, кроме того, это прежде всего касается Франсиса и Дженни.

— Послушайте, папа,— проговорила Лу.— Неужели вы и в день свадьбы не спуститесь с вашей башни?

— Ну, разумеется, спущусь, Лу!

— И появитесь в церкви Сент-Эндрю, ведя под руку вашу старшую дочь?

— Конечно, конечно, Лу!

— В черном фраке, в белом жилете, в черных брюках и не забудете белого галстука?

— Ну, конечно, конечно!

— И не согласитесь ли вы забыть ваши планеты и выслушать проповедь, которую преподобный О'Гарт произнесет с большим чувством?

— Ну, разумеется же, Лу. Но ведь день свадьбы еще не наступил. А раз сегодня небо ясное, что случается теперь редко, отправляйтесь вы без меня.

Итак, миссис Гьюдельсон, Дженни, Лу и Франсис предложили доктору возиться со своими подзорными трубами и телескопами, тогда как мистер Дин Форсайт несомненно проделывал то же самое у себя в башне на Элизабет-стрит. Будет ли, однако, упорство обоих друзей вознаграждено и появится ли снова перед стеклами их объективов уже замеченный ими однажды метеор?

Направляясь к дому по Ламбет-стрит, миссис Гьюдельсон с дочерьми и будущим зятем спустились по Морисс-стрит и пересекли площадь Конституции, где на пути их приветствовал судья Джон Прот. Затем они поднялись по Эксетер-стрит точно так же, как несколько дней назад Сэт Стенфорт, поджидавший мисс Аркадию Уокер, и добрались до Ламбет-стрит.

Дом производил самое приятное впечатление, и все в нем было устроено согласно современным требованиям комфорта. Окна рабочего кабинета и столовой выходили в сад,— правда, небольшой, но радующий глаз клумбами, на которых уже начинали распускаться первые весенние цветы. Кладовые и кухня помещались в полуподвале согласно англосаксонской моде.

Второй этаж не уступал первому в отношении удобства и

уюта, и Дженни оставалось только поздравить своего жениха с тем, что ему удалось найти такую очаровательную виллу. Миссис Гьюдельсон вполне разделяла мнение дочери и уверяла, что во всем Уостоне нельзя было бы подыскать ничего лучшего.

Но все эти похвалы показались еще более заслуженными, когда посетители поднялись на самый верх. Здесь была расположена обширная терраса, откуда открывался чудесный вид. С этой террасы можно было охватить взором течение Потомака и дальше, по ту сторону его, различить поселок Стилл, откуда прибыла для встречи с Сэтом Стенфортом мисс Аркадия Уокер.

Словно на ладони был виден и весь город Уостон со своими колокольнями, высокими крышами общественных зданий и зеленеющими вершинами деревьев.

— Вот площадь Конституции,— воскликнула Дженни, поднося к глазам бинокль, который, по совету Франсиса, она захватила с собой.— Вот Моррис-стрит... Я вижу наш дом и башню, на которой развевается флаг... Погодите... На башне стоит кто-то...

— Папа,— без колебания определила Лу.

— Да кому же и быть там, как не ему! — проговорила миссис Гьюдельсон.

— Ну конечно папа,— подтвердила девочка, без стеснения завладевшая биноклем.— Я его узнаю. Он возится с подозрительной трубой... И будьте уверены — ему и в голову не придет повернуть трубу в нашу сторону... Вот если бы мы находились на Луне...

— Раз вам виден ваш дом, мисс Лу,— перебил ее Франсис,— то, может быть, вам удастся разглядеть и дом моего дяди?

— Хорошо, хорошо! — ответила девочка.— Только дайте мне поискать. Я его сразу узнаю по круглой вышке!.. Он где-то в этой стороне... Погодите!.. Вот! Вот! Вижу!

Лу не ошиблась. Это действительно был дом мистера Дина Форсайта.

— На площадке, вверху башни, кто-то стоит! — заговорила Лу снова, внимательно вглядываясь вдаль.

— Дядюшка, разумеется,— сказал Франсис.

— Он не один.

— С ним, конечно, Омикрон.

— И можно не колеблясь сказать, чем они занимаются,— вставила миссис Гьюдельсон.

— Они занимаются тем же, чем и папа,— с оттенком

грусти произнесла Дженни, которой постоянное соперничество между мистером Дином Форсайтом и доктором Гьюдельсоном внушало некоторую тревогу.

Осмотр был окончен. Лу еще раз выразила свое полное удовлетворение, и миссис Гьюдельсон с дочерьми и Франсисом Гордоном вернулась в дом на Морисс-стрит. Было решено завтра же заключить контракт с владельцем маленькой виллы, а затем заняться меблировкой, с тем чтобы к 15 мая все было готово.

Но и мистер Дин Форсайт, равно как и доктор Гьюдельсон, тем временем не сидели сложа руки. Какого напряжения и физических и душевных сил, каких непрекращающихся наблюдений и в ясные дни и в безоблачные ночи потребуют от них поиски болида, который упорно не появлялся на горизонте!..

Пока что, невзирая на все свои старания, оба астронома трудились напрасно. Ни днем, ни ночью не удавалось разглядеть метеор при его прохождении над Уостоном.

— Да появится ли он вообще когда-нибудь! — со вздохом говорил Дин Форсайт после долгого дежурства у телескопа.

— Появится, — отвечал с непоколебимой уверенностью Омикрон. — Я готов даже сказать: уже приближается.

— Так почему же мы его не видим?

— Потому что он пока невидим.

— С ума можно сойти, — со стоном шептал мистер Дин Форсайт. — Но... если он невидим для нас, то и другие не могут его разглядеть... по крайней мере в Уостоне.

— Безусловно, — подтверждал Омикрон.

Так рассуждали хозяин и слуга. Такие же речи, но только в форме монолога, вырывались из уст доктора Гьюдельсона, которого неудача готова была привести в отчаяние.

Оба получили из обсерваторий Питтсбурга и Цинциннати ответы на свои письма. Сообщение о метеоре, замеченном ими 16 марта в северной части неба над городом Уостоном, было принято к сведению и официально зарегистрировано. В ответном письме далее говорилось, что до сих пор заметить где-либо вышеуказанный болид никому не удалось, но если он появится, то мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон будут немедленно об этом извещены.

Обе обсерватории, само собой разумеется, ответили обоим астрономам-любителям в отдельности, не зная, что каждый из них приписывает себе честь этого открытия и рассчитывает на признание за ним первенства.

После получения такого ответа и башня на Элизабет-стрит и башня на Морисс-стрит могли бы прекратить свои утомительные поиски. Обсерватории обладали куда более мощными и точными инструментами, и если метеор не окажется лишь блуждающей массой, если он движется по замкнутой орбите и если, наконец, он снова появится в условиях, уже однажды отмеченных, подзорные трубы и телескопы Питтсбурга и Цинциннати сумеют его уловить. Доктору Гюдельсону и мистеру Дину Форсайту следовало поэтому благоразумно довериться ученым, работающим в этих прославленных учреждениях.

Но мистер Дин Форсайт и доктор Гюдельсон были астрономами, а не мудрецами. Поэтому они продолжали свои наблюдения с неослабевающим упорством, внося в свою работу все больший и больший пыл. Хотя они и не делились друг с другом своими заботами, но оба чувствовали, что охотятся за одной и той же дичью, и боязнь отстать от соперника не давала ни минуты покоя ни тому, ни другому. Соперничество грызло их и не могло не отразиться на отношениях между обоими семействами.

Да и в самом деле, были все основания для беспокойства. Подозрения переходили в уверенность, и мистер Дин Форсайт и доктор Гюдельсон, когда-то так тесно связанные дружбой, перестали даже бывать друг у друга.

Какое тяжелое положение для жениха и невесты! Они виделись, правда, ежедневно: дверь дома на Морисс-стрит не была закрыта для Франсиса Гордона. Миссис Гюдельсон относилась к нему с прежним доверием и дружбой. Однако он чувствовал, что доктора его присутствие стесняет и тяготит. Но не то еще бывало, когда при докторе упоминалось имя Дина Форсайта. Доктор Гюдельсон в такие минуты бледнел, затем кровь прилиwała к его лицу, глаза его метали молнии, которые едва могли скрыть быстро опускавшиеся веки. И те же симптомы, указывающие на взаимную антипатию, можно было констатировать и у Дина Форсайта.

Миссис Гюдельсон напрасно пыталась разгадать причины такого охлаждения, — вернее даже отвращения, которое бывшие приятели питали теперь друг к другу. Муж в ответ на ее расспросы коротко обрывал ее:

— Оставьте! Все равно вам не понять!.. Никогда я не ожидал от Форсайта такого поведения.

Какого поведения? Добиться объяснений было невозможно. Даже Лу, эта любимица отца, которой все разрешалось,

ничего не знала. Она, правда, предложила отправиться прямо в башню к мистеру Форсайту, но Франсис отговорил ее.

«Нет, никогда не считал я Гьюдельсона способным на такое отношение ко мне!» — таков, видимо, был бы единственный ответ, которого, как и от доктора, можно было ожидать от дядюшки Франсиса.

И лучшим доказательством мог служить прием, который встретила Митс, осмелившаяся коснуться этого вопроса.

— Не суйтесь в чужие дела! — сухо оборвал ее мистер Форсайт.

Раз уж мистер Дин Форсайт позволил себе в таком тоне ответить грозной Митс, — значит, положение и в самом деле было серьезное.

Что до Митс, то у нее *даже дух сперло*, выражаясь ее красочным языком, и она уверяла, что ей пришлось *до кости прикусить себе язык*, чтобы не ответить мистеру Форсайту дерзостью на дерзость. Мнение Митс о том, что с ее хозяином творится что-то неладное, было непоколебимо, и она не считала нужным его скрывать. Мистер Форсайт, по ее убеждению, просто *спятил*, и объяснялось это, как она утверждала, той неудачной позой, которую ему приходилось принимать, когда он *глазел во все трубы*, в особенности когда при некоторых наблюдениях он бывал вынужден запрокидывать голову назад. Митс считала, что мистер Форсайт вывихнул себе что-то в *головном позвоночнике*.

Но нет такой тайны, которая бы в конце концов не раскрылась. О том, что происходит, окружающие узнали от Омикрона, который нечаянно проговорился. Хозяин, по его словам, открыл необыкновенный болид и опасался, что доктору Гьюдельсону удалось сделать такое же открытие.

Так вот, значит, в чем крылась причина этой нелепой ссоры! Метеор. Болид. Аэролит¹. Блуждающая звезда! Какой-то камень, просто огромный булыжник, о который грозила разбиться свадебная колесница Франсиса и Дженни!

Крошка Лу поэтому без стеснения посылала к черту «все эти метеоры, а вместе с ними и всю небесную механику».

Время между тем шло да шло... Март сменился апрелем. Скоро настанет день, назначенный для свадьбы. Не случится ли что-нибудь до этого?.. До сих пор это злополучное соперничество основывалось только на предположениях, на гипотезах. Но что произойдет, если открытие, сделанное бывшими друзьями, в силу какого-нибудь неожиданного со-

¹ Аэролит — то же, что и метеорит.

бытия станет официальным, если оно столкнет соперников лбами?

Все эти, вполне естественные, опасения, однако, не приостанавливали приготовлений к свадьбе. Все будет готово вовремя, даже длинное платье мисс Лу.

Первая половина апреля прошла в ужасных атмосферных условиях: дождь, ветер, небо, затянутое тучами, которые ни на мгновение не расходились. Не показывалось ни солнце, которое в этот период описывало довольно крутую дугу над горизонтом, ни почти полная луна, которая должна была бы освещать небесное пространство, ни а *fortiori*¹ злополучный метеор.

Миссис Гьюдельсон, Дженни, Франсис Гордон и не думали сожалеть о полной невозможности вести какие-либо астрономические наблюдения. И никогда еще Лу, ненавидевшая дождь и ветер, так не радовалась ясному небу, как радовалась теперь упорному ненастью:

— Хоть бы так продолжалось до самой свадьбы, и пусть еще три недели не показываются ни солнце, ни луна, ни самая крохотная звездочка!

Но вопреки мольбам Лу положение изменилось. В ночь с 15 на 16 апреля северный ветер прогнал туман, и небо вновь приобрело свою безукоризненную ясность.

Мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон, каждый из своей башни, снова принялись ощупывать небесное пространство над Уостоном от горизонта и до зенита.

Промелькнул ли снова метеор перед стеклами их подзорных труб? Нужно полагать, что нет, если судить по угрюмому выражению их лиц. Одинаково скверное у обоих настроение говорило за то, что и тот и другой потерпели одинаковую неудачу... Так оно и было на самом деле. Мистер Сидней Гьюдельсон ничего не узрел в небесном пространстве, и мистеру Дину Форсайту так же мало посчастливилось, как и его сопернику. Неужели же они действительно заметили в тот раз всего лишь блуждающий метеор, навсегда освободившийся от земного притяжения?

Заметка, появившаяся 19 апреля в одной из газет, уяснила положение.

В заметке этой, исходившей из Бостонской обсерватории, было сказано следующее:

«Третьего дня, в пятницу 17 апреля, в девять часов девятнадцать минут и девять секунд вечера болид необычайных

¹ Тем более, особенно (*лат.*).

размеров пересек с головокружительной скоростью западную часть неба.

Нужно отметить удивительное обстоятельство, лестное для города Уостона: по имеющимся сведениям, этот метеор в один и тот же день и в один и тот же час был одновременно замечен двумя весьма почтенными жителями этого города.

По мнению Питтсбургской обсерватории, это тот самый болид, о появлении которого поставил 24 марта в известность обсерваторию мистер Дин Форсайт, а по мнению обсерватории города Цинциннати — тот самый болид, о котором сообщил того же числа доктор Сидней Гьюдельсон. Как мистер Дин Форсайт, так и мистер Сидней Гьюдельсон постоянно живут в городе Уостоне, где пользуются всеобщим уважением».

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой содержатся более или менее фантастические сведения о метеорах вообще и в частности о болиде, честь открытия которого оспаривают друг у друга господа Форсайт и Гьюдельсон

Если какой-либо континент вправе гордиться одной из стран, входящих в его состав, как отец гордится одним из своих детей, то это право, разумеется, принадлежит Северной Америке. Если какая-либо республика вправе гордиться одним из штатов, входящих в ее состав, то речь, конечно, идет о Соединенных Штатах Америки. Если какой-либо из пятидесяти одного штата, украшающих пятьдесят одной звездой угол знамени Федерации, вправе гордиться своей столицей, то речь, конечно, идет о Виргинии и ее столице Ричмонде. И если, наконец, какой-либо город Виргинии вправе гордиться своими сынами, то это Уостон, где только что было сделано столь блестящее открытие, которому суждено занять одно из самых значительных мест в ряду астрономических открытий нашего века!

Таково во всяком случае было твердое убеждение всех уостонцев.

Легко себе представить, что газеты — во всяком случае уостонские — поместили восторженные статьи о мистере Дине Форсайте и докторе Гьюдельсоне. Разве слава этих двух знаменитых граждан не отбрасывала лучи своего сияния на весь город? Кто из жителей города не ощутил на себе отблеска их славы? И само название города Уостона разве не останется неразрывно связанным с этим открытием?

В гуще американского населения, где так падки на сенсацию и где борьба мнений разгорается с такой бешеной страстностью, немедленно же сказался эффект этих восторженных статей. Читатель поэтому не удивится (а если удивится, то ему придется поверить нам на слово), что с этого самого дня население шумными толпами устремлялось к домам на Моррисс-стрит и на Элизабет-стрит. Никто не имел представления о соперничестве, разгоравшемся между мистером Форсайтом и мистером Гьюдельсоном. Восторг толпы объединял их воедино, — в этом не могло быть сомнения. Оба их имени были и должны были остаться до скончания веков соединенными вместе настолько прочно, что, быть может, через тысячелетия будущие историки станут утверждать, что оба эти имени принадлежали одному и тому же лицу.

Но, не дожидаясь, пока время выверит обоснованность таких гипотез, мистер Дин Форсайт вынужден был появиться на террасе своей башни, а мистер Гьюдельсон на площадке своей обсерватории, чтобы ответить на приветствия толпы. Раздавалось оглушительное «ура», и оба астронома-любителя кланялись и благодарили.

Внимательный наблюдатель, однако, мог бы заметить, что лица их не выражали настоящей радости. Какая-то тень омрачала их торжество, словно облако, заслоняющее солнце. Они невольно искоса поглядывали — мистер Форсайт на башню мистера Гьюдельсона, а мистер Гьюдельсон на башню мистера Форсайта. Каждый видел своего соперника, отвечающего на аплодисменты устонской толпы, и приветствия, которыми их встречали, казались не столь сладостными, сколь горько звучали аплодисменты, которыми награждали соперников.

В действительности и там и тут приветствия и клики были одинаково искренни. Толпа не делала различия между обоими астрономами. Сограждане приветствовали Дина Форсайта с не меньшим пылом, чем доктора Гьюдельсона.

Но какими замечаниями обменивались под шум оваций Франсис Гордон и служанка Митс, с одной стороны, и миссис Гьюдельсон, Джени и Лу — с другой? Не опасались ли они, что заметка, посланная Бостонской обсерваторией в редакции газет, могла оказаться чреватой тяжелыми последствиями? То, что до сих пор составляло тайну, стало явным. Теперь уже мистер Форсайт и мистер Гьюдельсон знали, что являются соперниками. Не приходилось ли ожидать, что оба астронома-любителя будут добиваться если не награды, то признания права на первенство в этом открытии, что могло

бы привести к скандалу, крайне неприятному для обоих семейств?

Нетрудно угадать, какие чувства волновали миссис Гьюдельсон и Дженни, в то время как толпа шумела перед их домом. Если доктор и появлялся на террасе своей башни, то жена его и дочь категорически отказывались показаться публике. Обе они, с тяжелым сердцем, укрывшись за плотными занавесями, глядели на это шумное сборище людей, не предвещавшее им ничего доброго. Если мистер Форсайт и мистер Гьюдельсон, поддавшись нелепому чувству зависти, станут оспаривать друг у друга право на метеор, не примет ли публика сторону того или другого из них? У каждого будут свои приверженцы, и в разгаре страстей, овладевших городом, каким тогда окажется положение будущих супругов, этих Ромео и Джульетты, когда простой научный спор превратит обе семьи в неких Монтекки и Капулетти?

Лу — та просто была в ярости. Она хотела распахнуть окно, обругать собравшихся и сокрушалась о том, что под рукой нет пожарной кишки, которой можно было бы окатить толпу и утопить все восторженные крики в потоках холодной воды. Миссис Гьюдельсон и Дженни с трудом удалось умирить пыл разгорячившейся девочки.

В доме на Элизабет-стрит положение было в точности такое же. И Франсис Гордон также охотно отправил бы ко всем чертям этих восторженных почитателей, по вине которых могло обостриться еще больше и без того уже натянутое положение. И он также воздержался от появления на террасе, тогда как мистер Дин Форсайт и Омикрон красовались перед толпой, не скрывая, насколько удовлетворено их тщеславие.

Подобно тому как миссис Гьюдельсон приходилось всеми силами сдерживать вспышки Лу, так же и Франсис Гордон вынужден был успокаивать рассвирепевшую Митс. Митс грозила не более ни менее, как «вымести прочь с улицы всех этих крикунов», что в ее устах звучало отнюдь не пустой угрозой. Нет сомнения, что орудие, которым она ежедневно действовала с такой виртуозностью, и здесь оказалось бы вовсе не безобидным. Но... встречать метлой людей, собравшихся приветствовать вас, было бы, пожалуй, слишком запальчиво.

— Ах, сынок ты мой! — восклицала старуха. — Не спятили ли эти крикуны с ума?

— Я готов этому поверить, — ответил Франсис Гордон.

— И все это из-за какого-то большущего камня, который болтается по небу.

— Да, да, Митс!

— Какой-то *ми-ти-вор*.

— Метеор, Митс,— поправил ее Франсис, с трудом удерживаясь от смеха.

— Да я так и говорю: *ми-ти-вор*,— с убеждением повторила Митс.— Хоть бы он упал им на голову и задавил добрую дюжину этих дураков!.. Вот ты, человек ученый, объясни мне, пожалуйста: на что он пригоден, такой *ми-ти-вор*?

— На то, чтобы поссорить добрых друзей,— заявил Франсис Гордон под гром «ура», доносившийся с улицы.

Так почему же в самом деле прежние друзья не соглашались поделить между собой свой болид? Ведь это открытие не сулило никаких материальных выгод. Речь могла идти только о чисто платонических почестях. Но если так, то почему бы не оставить нераздельным открытие, к которому впредь и до скончания веков будут прикованы их оба имени? Почему? Да просто потому, что все сводилось к самолюбию, к тщеславию. А когда на карту поставлено самолюбие да еще примешивается тщеславие, кто окажется способным вразумить человека?

Но в конце-то концов разве так уж лестно было оказаться первым, заметившим метеор? Разве не сводилось все к простой случайности? Если бы болид услужливо не пересек поле зрения в пределах, достигаемых для приборов мистера Дина Форсайта и мистера Сиднея Гьюдельсона, да еще в тот момент, когда они стояли, припав к окулярам в своих обсерваториях, то оба астронома, теперь так высоко ставившие самих себя, могли бы его и не заметить.

А кроме того, разве днем и ночью не проносятся в небе сотни, даже тысячи, таких болидов, таких астероидов, таких блуждающих звезд? Да возможно ли вообще сосчитать эти огненные шары, которые целыми роями чертят свои причудливые траектории по темному фону неба? Шестьсот миллионов — таково, по мнению ученых, число метеоров, которые пересекают земную атмосферу за одну ночь, то есть тысяча двести миллионов в сутки. Они проносятся, следовательно, целыми мириадами, эти светящиеся тела, из которых от десяти до пятнадцати миллионов можно, по словам Ньютона, увидеть невооруженным глазом.

«В таком случае,— писала газета «Пэнч», единственный печатный орган Уостона, который решился подойти к этому делу юмористически,— найти метеор в небе даже легче, чем

найти зерно пшеницы в пшеничном поле, и можно сказать без обиняков, что оба наши астронома несколько злоупотребляют шумихой, созданной открытием, перед которым нет основания стоять с непокрытой головой».

Но если «Пэнч», газета сатирическая, не желала упускать такого случая поострить, то другие газеты с более серьезным уклоном не только не подражали ей, а поспешили воспользоваться таким удобным поводом, чтобы выставить напоказ свою свежеприобретенную осведомленность, способную вызвать зависть даже у признанных специалистов.

«Кеплер,— сообщала газета «Уостон стандарт»,— полагал, что болиды происходят от земных испарений. Но более правдоподобным кажется, что эти тела просто аэролиты, так как на них всегда заметны следы бурного сгорания. Уже во времена Плутарха их считали минеральной массой, падающей на поверхность земного шара, когда они достигают сферы земного притяжения. Изучение болидов показывает, что вещество их ничем не отличается от известных нам минералов и что они примерно на одну треть состоят из простых тел. Но какое многообразие в их структуре! Частицы, входящие в состав болидов,— то мелкие, как металлические опилки, то величиной с горошину или орех, и на редкость твердые. На гранях заметны следы кристаллизации. Встречаются и такие, которые состоят из чистого железа, иногда смешанного с никелем, без малейших признаков окисления».

И в самом деле, все, что газета «Уостон стандарт» доводила до сведения своих читателей, было вполне справедливо. В то же время газета «Дейли Уостон» информировала о том, какое внимание ученые всех времен уделяли изучению этих метеоров.

«Разве Диоген Аполлонийский¹,— писала газета,— уже не упоминал о раскаленном камне величиной с мельничный жернов, падение которого близ Эгос-Потамоса привело в ужас все население Фракии? Если б подобный метеор свалился на колокольню Сент-Эндрю, он разрушил бы церковь до основания. Да позволено нам будет по этому поводу вспомнить о некоторых подобных камнях, которые, летя откуда-то из беспредельного пространства и попав в сферу притяжения земного шара, были найдены на земле еще до начала христианской эры и подчас становились предметом поклонения: «громовой камень», который почитали как символ

¹ Диоген Аполлонийский — древнегреческий философ V в. до н. э.

Кибеллы в Галатии¹, позже перевезенный в Рим, а также другой, найденный в Сирии и посвященный культу солнца; священный щит, обнаруженный во время царствования Нумы; черный камень, бережно хранящийся в Мекке; «громовой камень», из которого был выделан прославленный меч Антара. А сколько аэролитов было найдено с начала христианской эры! Обстоятельства падения их подробно описаны,— камень весом в двести шестьдесят фунтов упал в Энзисгейме, в Эльзасе; черный с металлическим отливом камень величинной с человеческую голову свалился на гору Везон в Провансе; камень весом в семьдесят два фунта, издававший запах серы и, казалось, состоявший из морской пены, упал в Ларини, в Македонии; камень, который упал в 1763 году в Люсэ близ Шартра, оказался таким раскаленным, что к нему нельзя было прикоснуться. Стоит упомянуть еще о болиде, появившемся в 1203 году над городом Легль в Нормандии. Гумбольдт говорит о нем следующее: «В час после полудня, в очень ясную погоду, был замечен крупный болид, продвигавшийся с юго-востока на северо-запад. Несколькими минутами позже послышался звук взрыва, доносившийся из небольшого, почти неподвижного черного облака и продолжавший доноситься в течение пяти-шести минут. За этим взрывом последовало еще три или четыре других, и грохот, доносившийся в течение четырех или пяти минут, походил на шум ружейной пальбы, к которой как бы примешивалась дробь большого числа барабанов. При каждом взрыве от черного облачка как бы отрывалась часть составлявших его паров. Никаких световых явлений в этом месте замечено не было. На площадь эллиптической формы, большая ось которой, направленная с юго-востока на северо-запад, имела в длину одиннадцать километров, упало свыше тысячи метеорных камней. Камни эти дымились, и они были раскалены, хотя и не горели огнем. Было констатировано, что их легче было расколоть через несколько дней после падения, чем спустя более длительное время».

«Дейли Уостон» продолжала в том же тоне, не скупясь на подробности, которые уж во всяком случае свидетельствовали о добросовестных стараниях авторов статей.

Впрочем, остальные газеты тоже не отставали. Раз уж астрономия очутилась в поле зрения, все стали говорить об астрономии, и если после этого хоть один житель Уостона не

¹ Кибелла — малоазийская богиня плодородия. Галатия — область в Малой Азии.

был подкован в вопросе о болидах, то он, значит, просто сам не пожелал ничего знать.

К сведениям, приведенным «Дейли Уостон», газета «Уостон ньюс» добавляла еще новые. Она напоминала об огненном шаре диаметром вдвое больше лунного диска в дни полнолуния, который в 1254 году был замечен в Харворте, в Дарлингтоне, в Даргэме и в Данди и пролетел, не разрываясь, с одной стороны неба до другой, оставляя за собой золотой светящийся хвост, широкий, плотный и четко выделявшийся на темно-синем фоне неба. Далее говорилось, что если болид, упавший в Харворте, не взорвался, то совсем иное случилось с болидом, замеченным наблюдателем 14 мая 1864 года в Кастельоне, во Франции. Хотя этот метеор и находился в сфере видимости всего пять секунд, скорость его движения была так велика, что за этот короткий промежуток он успел описать дугу в шесть градусов. Окраска его, вначале синевато-зеленая, превратилась затем в белую и необычайно блестящую. Между взрывом и моментом, когда донесся звук взрыва, прошло от трех до четырех минут, что указывает на расстояние от шестидесяти до восьмидесяти километров. Из этого ясно, что взрыв превзошел по силе все самые мощные взрывы, происходившие на поверхности Земли. Что касается размеров этого болида, расчет которого производился в соответствии с его высотой на небе, то диаметр его определялся примерно в полторы тысячи футов и передвигаться он должен был со скоростью более ста тридцати километров в секунду,— скорость, значительно превышающая скорость движения Земли вокруг Солнца. Затем выступила газета «Уостон морнинг», а вслед за ней «Уостон ивнинг». Последняя сосредоточила свое внимание на встречающихся наиболее часто болидах, состоящих целиком из железа. Газета напоминала своим читателям об одном из таких метеоров, найденном в Сибири, который весил не менее семисот килограммов, и о другом, весом до шести тысяч килограммов, найденном в Бразилии, и о третьем, найденном в Тукумане, весом в четырнадцать тысяч килограммов, и, наконец, о четвертом, упавшем в окрестностях Дуранцо, в Мексике, который достигал огромного веса в девятнадцать тысяч килограммов.

По правде говоря, не будет большим преувеличением, если мы заметим, что часть населения Уостона при чтении этих статей почувствовала даже некоторый страх. Поскольку метеор мистера Форсайта и мистера Гьюдельсона был замечен ими при указанных условиях и на расстоянии безусловно

весьма значительном, то не могло быть сомнения, что своими размерами он превосходил метеоры, упавшие в Тукумане и в Дуранцо. Кто знает, не превышал ли он по объему даже Капельонский аэролит, диаметр которого равнялся полутора тысячам футов? Постарайтесь только представить себе, сколько должен был весить подобный камень! Раз вышеупомянутый метеор уже однажды показался над самым Уостоном, то, очевидно, Уостон расположен как раз под его траекторией. И, следовательно, метеор снова появится над городом, если линия его полета образует замкнутую орбиту. А что, если именно в этот момент что-либо заставит его остановиться в своем полете? Ведь тогда он неизбежно заденет Уостон, да с такой силой, какую и вообразить невозможно. Сейчас или никогда представлялся случай довести до сведения тех жителей города, которым это было неизвестно, и напомнить осведомленным о существовании неумолимого закона живой силы (масса, помноженная на квадрат скорости) и еще более грозного закона падения тел, согласно которым скорость болида, падающего с высоты четырехсот километров, должна равняться приблизительно трем тысячам метров в секунду к моменту его падения на землю!

Уостонские газеты не преминули «выполнить свой долг», и никогда, следует отметить, ни одна ежедневная газета не пестрела еще таким обилием математических формул.

Городом понемногу стала овладевать тревога. Грозный и опасный болид был темой всех разговоров, все равно где — на улице, в клубе или в кругу семьи. Женской половине населения день и ночь мерещились разрушенные церкви, превращенные в развалины дома. Мужчины считали более пристойным пожимать плечами, но вид у них при этом был несколько неуверенный. Днем и ночью как на площади Конституции, так и в районах, расположенных выше, люди собирались небольшими группами и стояли словно на страже. Благоприятствовала погода или нет — это не останавливало наблюдателей. Никогда еще оптикам не удавалось продать столько очков, биноклей, лорнетов и других оптических изделий. Никогда еще в небо над Уостоном не впивалось столько тревожных взглядов. Виден ли был метеор или нет, но опасность грозила ежечасно, ежесекундно...

Опасность грозила, разумеется, в такой же мере всем краям, всем городам, поселкам и деревням, расположенным под траекторией метеора. Если болид, как предполагали, должен был облететь вокруг земного шара, то все точки земли, приходившиеся под его орбитой, подвергались одинако-

вой опасности при его падении. Тем не менее рекорд страха оставался за Уостоном,— если дозволено употребить столь современный термин,— и происходило это только потому, что именно уостонские наблюдатели обнаружили его первыми.

Одна из газет все же не поддавалась эпидемии страха и упорно отказывалась принять эту историю всерьез. Но зато эта газета довольно немилостиво отнеслась к мистеру Форсайту и мистеру Гьюдельсону, на которых она шутливо возлагала ответственность за все беды, грозившие городу.

«Чего ради эти любители сунулись в подобное дело? — писала газета «Пэнч». — Зачем понадобилось им щекотать небесное пространство своими трубами и телескопами? Не могли они, что ли, оставить в покое небо и не дразнить его звезд? Разве и без того не предостаточно настоящих ученых, которые путаются не в свое дело и нескромно забираются в межпланетное пространство? Небесные тела весьма стыдливы и не любят, чтобы их разглядывали вблизи. Да, город наш в опасности, и нет выхода из этого положения! Можно застраховаться от пожара, от града, от циклона... Но попробуйте-ка застраховаться от падения болида, который — кто его знает — может оказаться в десять раз больше, чем Уостонская крепость. А если этот метеор, падая, разорвется, что зачастую происходит с такими телами, — то город подвергнется подобию обстрела, а может быть, и сгорит дотла, если осколки окажутся раскаленными. Нам, при всех условиях, не миновать разрушения дорогого нашему сердцу города, нечего закрывать на это глаза... Итак — спасайся, кто может! Беги куда глаза глядят! Так почему же эти почтенные господа Форсайт и Гьюдельсон не сидели спокойно у себя дома в первом этаже, вместо того чтобы подглядывать за метеорами? Это они, эти астрономы-любители, растревожили своими нескромными взглядами метеоры и своими преступными интригами привлекли их сюда... Если Уостон будет разрушен, если он будет раздавлен или сожжен злосчастным болидом, это случится по их вине и с них же за это взыщется... И в самом деле, — спрашиваем мы всех беспристрастных читателей (а к таковым мы, разумеется, причисляем всех постоянных подписчиков «Уостон Пэнча»), — на что нужны все эти астрономы, астрологи, метеорологи и прочие звери с названиями, оканчивающимися на «оги»? Какую пользу приносят их труды?.. Поставить вопрос — значит ответить на него. Что касается лично нас, то мы остаемся при твердом убеждении, так блестяще выраженном в остроумной фразе одного француза — знаменитого Бриллиа-Саварэна: «Открытие нового

блюда более способствует счастью человечества, чем открытие новой звезды». Как пренебрежительно отнесся бы тот же Бриллиа-Саварэн к двум злодеям, которые не побоялись навлечь на свою страну самые чудовищные катаклизмы ради удовольствия открыть какой-то пустяковый болид!»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой мы увидим, как миссис Гьюдельсон огорчает поведение ее мужа, и услышим, как славная Митс пробирает своего хозяина

Что же ответили мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон на шуточки «Уостон Пэнча»? Ровно ничего! По той простой причине, что они и в глаза не видали этой непочтительной статьи. Не слышать неприятных вещей, сказанных о нас, лучший способ избежать огорчений, причиняемых ими,— так сказал бы со своей неоспоримой мудростью господин де ла Палисс. Подобные насмешки, остроумные или нет, все же бывают мало приятны для тех, на кого они направлены, и если в данном случае пострадавшие и не узнали о них, то иначе обстояло дело с их близкими и родными. Митс была просто в ярости. Обвинять ее хозяина в том, что он привлек этот метеор, угрожавший безопасности города!.. По ее мнению, мистеру Дину Форсайту следовало притянуть автора статьи к суду, а судья Джон Прот наверняка приговорит этого писаку к уплате штрафа, хотя в сущности он за свою подлую клевету заслуживал, чтобы его засадили в тюрьму.

Зато крошка Лу отнеслась к делу серьезно. Она не колеблясь признала правоту «Уостон Пэнча».

— Да, да! «Пэнч» прав! — твердила она. — Очень нужно было мистеру Форсайту и папе открывать этот проклятый булыжник. Если б не они, метеор проскользнул бы незамеченным, как до него пролетело немало других болидов, никому не причинив зла.

Зло, или, точнее, горе, которое имела в виду девочка, было разгоревшееся между дядюшкой Франсиса и отцом Дженни соперничество со всеми его последствиями, и это почти накануне свадьбы, которая, как предполагали, должна была еще теснее связать между собой обе семьи.

Опасения мисс Лу были вполне обоснованы, и то, что должно было случиться, случилось. Пока Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон только подозревали друг друга, открытого столкновения удавалось избежать. Отношения между ними стали более холодными, они реже встречались, но дальше этого де-

ло не шло. Теперь, после заметки Бостонской обсерватории, для всех должно было бы быть ясно, что открытие одного и того же метеора принадлежит обоим устонским астрономам. Что же они теперь предпримут? Будут ли они, каждый в отдельности, отстаивать свое право на приоритет? Ограничится ли все спором в домашней обстановке, или же дело дойдет до полемики, для которой устонские газеты услужливо предоставят место на своих листах?

Никто ничего не знал, и ответ на этот вопрос могло дать только будущее. Достоверно было лишь то, что ни Дин Форсайт, ни доктор Гьюдельсон ни намеком не упоминали о свадьбе, день которой приближался и так слишком медленно, по мнению жениха и невесты. Стоило в присутствии одного из соперников затронуть вопрос о свадьбе,— и сразу же оказывалось, что какое-то неожиданное обстоятельство призывает его наверх, в его обсерваторию. Да и вообще, оба они большую часть времени проводили на своих вышках и казались еще более озабоченными и погруженными в свои мысли, чем прежде.

И действительно, хотя метеор и был замечен признанными астрономами, мистеру Форсайту и доктору Гьюдельсону увидеть его больше не удавалось. Неужели метеор удалился на такое расстояние, что стал недоступен для их инструментов? Гипотеза, не лишенная оснований, но не поддающаяся проверке. Оба соперника поэтому ни на мгновение не прекращали своих наблюдений, пользуясь малейшим прояснением погоды. Если так будет продолжаться, они свалятся с ног.

Оба они тщательно старались определить составные части астероида, открытие которого каждый приписывал себе одному. Здесь таилась возможность разрешить вопрос о приоритете. Тому из двух астрономов *ex aequo*¹, у которого окажутся более глубокие математические познания, оставался еще шанс завоевать пальму первенства.

Но произведенное ими единственное наблюдение было настолько мимолетным, что не давало достаточных оснований для каких-либо выводов. Понадобится еще одно или даже несколько наблюдений, прежде чем появится возможность точно определить орбиту метеора. Вот почему мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон, каждый опасаясь победы своего соперника, следили за небом неутомимо. Но капризный метеор не появлялся на устонском горизонте, а если и появ-

¹ Из равных, одинаковых (*лат.*).

лялся, то сохранял, очевидно, при этом строжайшее инкогнито.

Настроение обоих астрономов находилось в прямой зависимости от бесплодности их усилий. К ним просто подступать не было. Раз двадцать на день мистер Форсайт, выходя из себя, начинал кричать на Омикрона, а тот отвечал своему господину в таком же тоне. Зато доктору приходилось свой гнев вымещать на самом себе, а это было еще хуже.

Кто решился бы при таких условиях заговорить о свадьбе и о связанном с ней празднестве?

Прошло уже три дня с тех пор, как в газете появилась заметка Бостонской обсерватории. Небесные часы, которым стрелкой служит солнце, пробили бы 22 апреля, если бы великий часовщик догадался установить в них бой. Еще недели три, и настанет долгожданный день, хотя Лу, терзаясь нетерпением, уверяла, что этого числа вовсе нет в календаре.

Не следовало ли напомнить дядюшке Франсиса Гордона и отцу Дженни Гьюдельсон о свадьбе, о которой они перестали даже и упоминать, словно бы ей и вообще-то не суждено было состояться? Миссис Гьюдельсон полагала, что в отношении ее мужа благоразумнее всего молчать. Ведь не он будет заниматься приготовлениями к свадьбе... так же как не он занимается домашними делами. Когда наступит торжественный день, миссис Гьюдельсон просто скажет ему: «Вот твой фрак, цилиндр и перчатки. Пора ехать в церковь. Возьми меня под руку, и поедем!»

И он поедет, в этом нечего сомневаться, даже не отдавая себе отчета, куда его везут, только при одном-единственном условии, что метеору не вздумается именно в эту минуту мелькнуть перед объективом его телескопа!

Но если мнение миссис Гьюдельсон одержало верх в доме на Морисс-стрит и от доктора не потребовали объяснений по поводу его отношения к старому другу, то мистер Дин Форсайт подвергся серьезному нападению. Митс не поддавалась никаким уговорам. Возмущенная поведением своего хозяина, она намеревалась, как она твердила, поговорить с ним *с пары на пару глаз* и разобраться в положении, которое каждую минуту грозило вызвать разрыв между обоими семействами. А какими это было чревато последствиями! Свадьбу отложат, может быть, она и совсем расстроится... В каком отчаянии будут жених и невеста! Особенно ее дорогой Франсис, ее «сынок», как она привыкла любовно и ласково называть его. Что сможет он предпринять после столкновения обоих сопер-

ников, весть о котором разнесется по всему городу и сделает примирение невозможным?

Поэтому днем 22 апреля Митс, оставшись в столовой наедине с мистером Дином Форсайтом и получив возможность, как ей этого хотелось, поговорить с ним *с пары на пару глаз*, остановила своего хозяина, когда тот повернулся, направляясь к лестнице, ведущей на башню.

Мы уже упомянули о том, что мистер Форсайт побаивался объяснений с Митс. Такие объяснения, как ему было издавна известно, всегда оборачивались не в его пользу. Он считал поэтому более благоразумным от них уклоняться.

И в этот раз, искоса взглянув на лицо Митс, производившее впечатление бомбы с горящим фитилем, которая вот-вот взорвется, мистер Дин Форсайт, стремясь укрыться от последствий такого взрыва, поспешно стал отступать к дверям. Раньше, однако, чем он успел взяться за дверную ручку, старая служанка преградила ему путь. Глядя в упор на своего хозяина, она произнесла:

— Мне нужно с вами поговорить!

— Поговорить со мной, Митс? Мне сейчас некогда...

— Мне тоже некогда, — объявила Митс. — У меня еще вся посуда от завтрака стоит немытая. Ваши трубы так же могут подождать, как и мои тарелки.

— А Омикрон?.. Кажется, он зовет меня...

— Ваш *Ами-Крон*?.. Вот тоже важная птица! Он еще меня узнает, ваш дружок, попомните мое слово! «Настанет еще твой час» — так и передайте ему.

— Обязательно передам, Митс... Только мой болид...

— *Бо-лит*... — повторила Митс. — Не знаю, что это за штука, которая так называется. Но как бы вы ее ни расписывали, это такая болячка, из-за которой у вас в последнее время сердце в груди превратилось в камень.

— Болид, Митс, — терпеливо начал объяснять мистер Дин Форсайт, — это метеор...

— Ах, вот как! — вскричала Митс. — Это, значит, и есть знаменитый ваш *ми-ти-вор*! Ну что ж: он подождет, ваш *бо-лит*, как ваш *Ами-Крон*.

— Только этого не хватало! — вспыхнул мистер Форсайт, задетый за живое.

— А кроме того, — неумолимо продолжала Митс, — небо полно туч, вот-вот польет дождь, и не время сейчас любоваться луной.

Митс была права. Упорство, с которым держалась дурная погода, способно было вывести из себя мистера Форсай-

та и доктора Гьюдельсона. Вот уже двое суток как небо было сплошь затянуто густыми облаками. Днем — ни луча солнца, ночью — ни проблеска звезд. Молочно-белый туман растянулся от края и до края горизонта, словно кисейная завеса, которую только изредка прорывал шпиль церковной башни Сент-Эндрю. Нечего было и думать при таких условиях увидеть в пространстве столь страстно оспариваемый болид. Надо было полагать, что подобные атмосферные условия не благоприятствовали астрономам штата Огайо или штата Пенсильвания, так же, впрочем, как и любых других обсерваторий Старого и Нового Света. И в самом деле, в газетах больше не печатались заметки, относящиеся к появлению метеора. Метеор этот, правда, не представлял такого интереса, который был бы способен взволновать научный мир. По существу он был довольно обычным космическим явлением, и нужно было быть Дином Форсайтом или Сиднеем Гьюдельсоном, чтобы подстерегать его возвращение с таким страстным нетерпением, которое грозило довести их до помешательства.

Митс между тем, когда хозяин ее убедился в полной невозможности ускользнуть от нее, продолжала, скрестив руки на груди:

— Мистер Форсайт, не забыли ли вы случайно, что у вас есть племянник по имени Франсис Гордон?

— Ах, милый мой Франсис,— проговорил мистер Форсайт, благодушно покачивая головой.— Да нет же, Митс! Разумеется, не забыл... Как же он поживает, славный мой Франсис?

— Отлично, благодарю вас, сэр!

— Я как будто довольно давно не видел его.

— Да, да... с самого завтрака!

— Да что вы!

— Глаза ваши, верно, застряли на луне, сэр? — спросила Митс, заставляя своего хозяина повернуться к ней лицом.

— Нет, нет, добрая моя Митс... Но что поделаешь... Я несколько озабочен...

— Так озабочены, что, по-видимому, забыли об одной важной вещи.

— Забыл о важной вещи?.. Не понимаю, о чем ты говоришь?

— О том, что ваш племянник собирается жениться.

— Жениться... Жениться?..

— Только не хватает, чтобы вы спросили, о какой женитьбе идет речь!

— Нет, Митс... Но к чему все эти вопросы?

— Вот святая простота! Ведь каждому известно, что вопрос задают для того, чтобы получить ответ.

— Какой ответ, Митс?

— По поводу вашего отношения, сэр, к семье Гюдельсон... Ведь вы не забыли, надо думать, что на свете существует семья Гюдельсон — доктор Гюдельсон, который проживает на Морисс-стрит, миссис Гюдельсон, мать мисс Лу Гюдельсон и мисс Дженни Гюдельсон, невесты вашего племянника!

По мере того как имя Гюдельсон срывалось с уст Митс и каждый раз произносилось с большей силой, мистер Форсайт хватался то за грудь, то за голову, то за бок, словно бы это имя, превратившись в пулю, вбивалось в него. Он страдал, задыхался, кровь ударяла ему в голову.

— Ну, так как же? Вы слышали? — спросила Митс, видя, что он избегает ответа.

— Разумеется, слышал!.. — воскликнул ее хозяин.

— И дальше что? — не отставала старая служанка, постепенно повышая голос.

— Разве Франсис все еще думает об этой женитьбе? — пробормотал, наконец, мистер Форсайт.

— Еще бы не думает! — воскликнула Митс. — Думает, как дышит, бедный наш мальчик. Как и все мы думаем о ней, как и вы сами о ней думаете, надо надеяться.

— Как? Мой племянник все еще намеревается жениться на дочери этого... доктора Гюдельсона?

— Мисс Дженни, если вы не забыли, сэр. Уж будьте покойны — намеревается. Черт побери! Да что он — рехнулся, что ли, чтобы отказаться от этой мысли? Да где ему найти девушку милее, чем эта?

— Если даже предположить, — перебил ее мистер Форсайт, — что дочь человека... который... человека... имя которого я не в силах произнести не задыхаясь... и в самом деле мила...

— Нет, это уже слишком! — закричала Митс, нетерпеливо отвяывая передник, словно собираясь отдать его хозяину.

— Да, послушайте, Митс, послушайте! — пробормотал мистер Форсайт, встревоженный ее угрожающей жестикуляцией.

Старая служанка встряхнула передником, завязки которого свисали до земли.

— Разговаривать нам больше не о чем! Пятьдесят лет я прослужила в этом доме, но лучше я уйду, подохну под забором, как запаршивевший пес, чем останусь у человека, кото-

рый *терзает собственную кровь!* Я всего-навсего бедная служанка, но у меня есть сердце, сэр... Да! Оно у меня есть!

— Что ты расшумелась, Митс? — произнес, наконец, задетый за живое мистер Дин Форсайт. — Не знаешь ты разве, что он мне сделал, этот доктор Гьюдельсон?

— Что же он сделал?

— Он меня обокрал.

— Обокрал?

— Да, обокрал самым гнусным образом!

— Что же он у вас украл? Часы? Или кошелек?.. Или носовой платок?

— Мой метеор!

— Ах, опять ваш *ми-ти-вор!* — проговорила старая служанка, усмехаясь самой обидной и неприятной для мистера Форсайта усмешкой. — И в самом деле, давно не вспоминали о вашем знаменитом *ми-ти-воре*. Да разве мыслимо приходить в такое состояние из-за какой-то *штуки, которая шляется по небу?* Да разве этот *ми-ти-вор* принадлежит вам больше, чем доктору Гьюдельсону? Имя свое вы к нему прилепили, что ли? Разве он не всем принадлежит, вот хоть мне или моей собаке, если бы у меня была собака?.. Но, слава Богу, у меня ее нет... Купили вы его за свои деньги, что ли? Или, может быть, он вам достался по наследству?

— Митс! — закричал мистер Форсайт, выйдя из себя.

— Не о Митс тут речь! — не отступала старуха, возмущение которой все возрастало. — Черти окаянные! Надо быть глупым, как Сатурн, чтобы рассориться со старым другом из-за какого-то камня, которого больше и не увидишь никогда!

— Молчи! Молчи! — завопил астроном, задетый за живое.

— Нет, сэр, нет! Я не замолчу, хоть бы вы даже на помощь позвали вашего дурня *Ами-Крона*.

— При чем тут Омикрон?

— А при том... И он меня не заставит молчать... Точно так же, как наш президент не заставил бы замолчать архангела, который явился бы от имени всемогущего объявить о светопреставлении.

Онемел ли мистер Дин Форсайт, выслушав эти страшные слова, или горло его настолько сжалось, что перестало пропускать слова? Верно лишь, что он не в состоянии был ответить. Если бы он в эту минуту и пожелал в порыве бешенства вышвырнуть за дверь свою верную, но несносную Митс, то ему не удалось бы произнести обычных в таких случаях слов:

«Уходите! Немедленно уходите, и чтобы я вас больше не видел!..»

Да, впрочем, Митс и не подчинилась бы ему. Вряд ли служанка после пятидесятилетней службы согласится из-за какого-то метеора расстаться с хозяином, который родился на ее глазах.

Но все же пора было положить конец этой сцене. Понимая, что ему не одержать верх, мистер Форсайт готовился отступить, стараясь все же, чтобы это отступление не походило на бегство.

Его выручило солнце. Погода внезапно прояснилась, и яркий луч ворвался в окно, выходившее в сад.

«В это самое время доктор Гьюдельсон, без сомнения, стоит на своей башне», — мелькнуло в мозгу Дина Форсайта. Ему представился соперник, который, воспользовавшись просветом, приткнул глазом к окуляру своего телескопа и ощупывает взглядом небесное пространство.

Он не мог этого стерпеть. Солнечный луч оказывал на него такое же воздействие, как на воздушный шар. Он раздувал его, заставляя подняться в воздух. Мистер Форсайт, отбросив, словно балласт (чтобы продолжить сравнение), весь накопившийся в нем гнев, направился к двери.

Но Митс, к его несчастью, заслоняла собою выход и, по видимому, вовсе не намеревалась уйти с дороги. Неужели придется схватить ее за плечо, вступить с ней в борьбу, призвать на помощь Омикрона?..

Ему не пришлось дойти до такой крайности. Старуха сама была потрясена всем пережитым. Как ни привыкла она спорить со своим хозяином, но ни разу до сих пор не вносила она в подобные столкновения такую горячность.

То ли физическое напряжение, то ли серьезность вопроса, затронутого ею, — вопроса, страшно волновавшего старуху, так как на карту было поставлено будущее счастье ее дорогого «сынка», но Митс, почувствовав вдруг, что слабеет, тяжело рухнула на стул.

Мистер Дин Форсайт, будь сказано ему в похвалу, мгновенно забыл о солнце, о голубом небе и метеоре. Подойдя к старой служанке, он заботливо осведомился, что с ней.

— Не знаю, сэр. У меня будто желудок *вывернулся наизнанку*.

— Вывернулся наизнанку желудок? — переспросил мистер Форсайт, пораженный таким странным симптомом болезни.

— Да,— подтвердила Митс слабым голосом.— У меня сердце точно узлом завязалось.

— Хм,— неопределенно кашлянул мистер Форсайт, которого это новое явление смутило еще больше.

Желая все же помочь больной, он собирался прибегнуть к мерам, которые принято применять в таких случаях,— обтереть укусом виски и лоб, распустить пояс, дать отпить глоток подслащенной воды...

Но он не успел этого сделать.

Сверху донесся голос Омикрона.

— Болид, сэр,— кричал Омикрон,— болид!

Мистер Форсайт, забыв все на свете, помчался вверх по лестнице.

Но не успел он скрыться из вида, как Митс, вновь обретя силы, бросилась за ним вдогонку. И в то время как астроном, шагая сразу через три ступеньки, поспешно поднимался наверх, ему вслед неся голос служанки.

— Мистер Форсайт,— твердила Митс,— запомните: свадьба Франсиса Гордона с Дженни Гьюдельсон состоится и будет отпразднована точка в точку в тот самый день, который назначен. Состоится, состоится, мистер Форсайт, хоть бы весь свет перевернулся...

Мистер Дин Форсайт не отвечал, не слышал. Мистер Дин Форсайт, перескакивая через ступеньки, неся по лестнице, ведущей на башню.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

где полемика в печати еще больше обостряет положение и которая кончается столь же неожиданным, сколь и неоспоримым выводом

— Это он, он самый, Омикрон! — воскликнул мистер Форсайт, едва успев приложиться глазом к телескопу.

— Он самый,— подтвердил Омикрон и тут же добавил: — Дал бы Бог, чтобы доктор Гьюдельсон не оказался сейчас на своей башне.

— А если он там и торчит, то пусть не заметит болида.

— Нашего болида,— уточнил Омикрон.

— Моего болида,— поправил мистер Форсайт.

Оба они ошибались. Подзорная труба доктора Гьюдельсона была направлена в это самое время на юго-восток, на ту самую часть неба, по которой продвигался метеор. Труба уловила метеор тотчас же, как он появился, и башня на Моррис-стрит, так же как и башня на Элизабет-стрит, не упу-

скала его из виду до того мгновения, пока болид не скрылся в тумане.

Впрочем, не одни уостонские астрономы отметили появление болида. Он был замечен также Питтсбургской обсерваторией, так что теперь речь шла о трех последовательных наблюдениях, включая и бостонское.

Факт повторного появления метеора представлял значительный интерес, если, разумеется, метеор сам по себе мог представить интерес. Раз он оставался в районе видимости подлунного мира, то, значит, определенно двигался по замкнутой орбите. Следовательно, это не какая-нибудь блуждающая звезда, которая исчезает, едва соприкоснувшись с последними слоями атмосферы, не какой-нибудь астероид, который, однажды показавшись, скрывается в пространстве, не аэролит, падение которого следует непосредственно за его появлением. Нет, этот метеор возвращался, он продвигался вокруг Земли, словно второй ее спутник. И, следовательно, он был достоин изучения, чем и можно оправдать ту страстность, с которой мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон оспаривали друг у друга право на его открытие.

Раз метеор подчинялся постоянным законам, ничто не мешало определить его свойства. Этим занимались повсюду, но нигде, разумеется, не было проявлено такого рвения, какое проявляли в Уостоне. Однако для окончательного разрешения задачи требовалось еще несколько тщательных наблюдений.

Первое, что было вычислено уже через двое суток математиками, но, правда, математиками, которых звали не Дин Форсайт и не Гьюдельсон,— это траектория болида.

Траектория эта имела направление с севера на юг. Некоторое отклонение в $3^{\circ} 31'$, отмеченное в письме мистера Дина Форсайта в обсерваторию города Питтсбурга, было лишь кажущимся: оно являлось следствием вращения земного шара.

Болид находился на расстоянии четырехсот километров от поверхности Земли, а чудовищная скорость его движения была не менее шести тысяч девятисот шестидесяти семи метров в секунду. Таким образом, свое движение вокруг Земли он совершил за час сорок одну минуту одну и девяносто три сотых секунды, из чего можно было, по мнению ученых, заключить, что в зените Уостона он покажется снова не ранее чем через сто сорок лет сто семьдесят шесть дней и двадцать два часа.

Счастливое предзнаменование, способное успокоить жителей города, так сильно трепетавших перед возможным падением болида. Если ему и суждено свалиться на землю, то упадет он не на них.

«Но какие основания полагать, что он упадет? — вопрошала газета «Уостон морнинг». — Не приходится опасаться; что на пути его возникнет препятствие или что он будет остановлен в своем движении!».

Тут была полная ясность.

«Конечно, — писала газета «Уостон ивнинг», — есть много аэролитов, которые падали и продолжают падать. Но это главным образом аэролиты малых размеров: они бесспорно движутся в пространстве и падают, как только оказываются в сфере земного притяжения».

Это объяснение, само по себе верное, не имело отношения к данному болиду с его правильным движением. Его падения следовало опасаться не более, чем падения Луны.

Но этого было еще мало. Оставалось выяснить еще ряд вопросов, касающихся данного астероида, ставшего вторым спутником Земли.

Каков его объем? Какова его масса? Какова его природа?

На первый вопрос газета «Уостон стандарт» ответила следующее:

«Судя по высоте и видимому размеру болида, его диаметр должен превышать пятьсот метров, — таков по крайней мере результат наблюдений, производившихся до сих пор. Но пока еще не удастся разрешить вопрос о его природе. Видимость (при условии, разумеется, что наблюдатели располагают достаточно мощной аппаратурой) придает ему светящаяся поверхность, а свечение происходит от сопротивления атмосферы, хотя воздух и очень разрежен на такой высоте. Но здесь возникает еще вопрос: не является ли метеор только газообразным телом? Или, наоборот, не состоит ли он из твердого ядра, окруженного светящимися хвостами? Каковы в таком случае состав и величина ядра? Все это пока неизвестно и, возможно, останется неизвестным навсегда.

Итак, ни в отношении размера, ни в отношении скорости движения этот болид не представляет собой ничего необыкновенного. Единственная его особенность заключается лишь в том, что он движется по замкнутой орбите. С какого же времени движется он так вокруг земного шара? Патентованные астрономы не могли бы нам ответить на этот вопрос. Ведь они никогда бы не уловили его с помощью своих «официальных» телескопов, если бы не наши сограждане, мистер Дин Форсайт и доктор Сидней Гьюдельсон, которым и принадлежит слава этого блестящего открытия».

Во всем этом, как глубокомысленно заметила газета «Уостон стандарт», не было ничего исключительного (не счи-

тая красноречия автора статьи). Ученый мир уделил поэтому не слишком большое внимание вопросу, столь сильно волновавшему почтенную газету, а мир невежд проявил к нему также лишь слабый интерес.

Одни только жители Уостона настойчиво стремились узнать все, что имело отношение к метеору, открытием которого мир был обязан их двум уважаемым согражданам.

Впрочем, как и все подлунные создания, и они в конце концов утратили бы интерес к этому космическому явлению, которое «Пэнч» упорно продолжал называть «комическим», если бы в газетах не стали проскальзывать с каждым днем все более прозрачные намеки на соперничество между мистером Дином Форсайтом и доктором Гьюдельсоном. Намеки эти послужили источником сплетен. Все население поспешило воспользоваться таким поводом для ссор, и город постепенно раскололся на два лагеря.

День, на который была назначена свадьба, между тем приближался. Миссис Гьюдельсон, Дженни и Лу — с одной стороны, Франсис Гордон и Митс — с другой ощущали все возрастающее беспокойство. Они жили в непрерывном страхе, ожидая открытого скандала, который мог разыгаться при встрече обоих соперников, точно так же как встреча двух туч, заряженных противоположными потенциалами, может вызвать вспышку молнии и раскаты грома. Близкие хорошо знали, что мистер Дин Форсайт с трудом сдерживал накопившуюся ярость, а бешенство доктора Гьюдельсона искало лишь повода для взрыва.

Небо почти все время оставалось ясным, воздух был прозрачен, и горизонты города Уостона свободно открывались глазу. Оба астронома могли поэтому с усиленной энергией предаваться своим наблюдениям. Возможностей для таких наблюдений представлялось сколько угодно, — ведь теперь болид показывался над горизонтом по четырнадцати раз в сутки, и благодаря вычислениям обсерваторий было заранее известно, куда следует направлять объективы.

Простота таких наблюдений, правда, была не всегда одинаковой, — как не была одинаковой и высота болида над линией горизонта. Но появления болида сделались столь частыми, что и это неудобство значительно сглаживалось. Если он и не возвращался к математически точному зениту Уостона, где благодаря чудесной случайности он был впервые замечен, то все же он ежедневно так близко проскальзывал мимо этой точки, что практически это сводилось к одному.

Итак, оба страстных астронома могли без помехи до опы-

янения любоваться метеором, окруженным сверкающим ореолом и бороздившим пространство над их головой.

Они пожирали его глазами. Они бросали на него ласковые взгляды. Каждый из них называл его своим именем: один — болидом Форсайта, другой — болидом Гьюдельсона. Он был их детищем, их плотью и кровью. Он принадлежал им, как сын родителям, даже больше, — как создание создателю. Уже самый вид его доводил их до иступления. Обо всех своих наблюдениях и выводах относительно его движения и видимой формы они ставили в известность один — обсерваторию в Цинциннати, другой — обсерваторию в Питтсбурге, никогда не забывая подчеркнуть свое право на приоритет в этом открытии.

Вскоре эта, пока еще сдержанная, борьба перестала удовлетворять их. Не довольствуясь прекращением дипломатических и всяких личных отношений, они загорелись желанием вступить в открытый бой.

Однажды в «Уостон стандарте» появилась довольно резкая статья, задевавшая доктора Гьюдельсона. Эту статью приписывали мистеру Форсайту. В статье говорилось, что кое у каких людей удивительно зоркие глаза, когда они глядят сквозь чужие очки, и что они слишком легко тогда замечают вещи, уже раньше замеченные другими.

В ответ на эту заметку «Уостон ивнинг» на следующий же день заявил, что если уж говорить об «очках», то бывают и такие очки, которые плохо протерты. Стекла их испещрены мелкими пятнышками, которые, пожалуй, неловко принимать за метеоры.

Одновременно с этим «Пэнч» поместил очень похожую карикатуру на обоих астрономов. Снабженные огромными крыльями, они летели, догоняя друг друга, стараясь поймать свой болид, изображенный в виде головы зебры, показывавшей им язык.

Хотя в связи с этими заметками и оскорбительными намеками вражда между обоими противниками изо дня в день обострялась, им до сих пор не представилось случая вмешаться в вопрос о свадьбе. Если они и не упоминали об этом событии, то все же предоставляли делу идти своим ходом, и ничто не давало основания опасаться, что Франсис Гордон и Дженни Гьюдельсон не будут в назначенный день соединены узами брака —

Золотой цепочкой,
Неразрывной, прочной,—

как поется в старинной бретонской песенке.

За последние дни апреля никаких особых инцидентов не произошло. Положение оставалось прежним — не хуже и не лучше. За столом в доме доктора Гьюдельсона о метеоре даже и не упоминалось, а мисс Лу, вынужденная подчиниться приказу матери, бесилась молча, не имея возможности обругать этот болид так, как он того заслуживал. Глядя на то, как она кромсает ножом мясо на тарелке, можно было догадаться, что девочка думает о болиде и охотно растерзала бы его на такие мелкие кусочки, чтобы и следов его было не сыскать. Дженни, та и не пыталась скрывать свою печаль, которую доктор упорно не хотел замечать. Возможно, что он и в самом деле ее не замечал, настолько был поглощен своими астрономическими занятиями.

Франсис Гордон, разумеется, не появлялся за столом в доме доктора. Он позволял себе только забежать раз в день на Моррис-стрит в те часы, когда доктор запирался у себя в обсерватории.

В доме на Элизабет-стрит царил не менее подавленное настроение. Мистер Дин Форсайт почти не разговаривал, а когда он обращался за чем-нибудь к старухе Митс, та ограничивалась односложными «да» или «нет», такими же сухими, как стоявшая в то время погода.

Один только раз, 28 апреля, мистер Дин Форсайт, поднимаясь после завтрака из-за стола, спросил племянника:

— Ты все еще бываешь у Гьюдельсонов?

— Разумеется, бываю,— твердо ответил Франсис.

— А почему бы ему не бывать у Гьюдельсонов? — с раздражением вмешалась Митс.

— Я не с вами разговариваю, Митс! — оборвал ее мистер Форсайт.

— Зато я отвечаю вам, сэр! Даже собака, и та может разговаривать с епископом.

Мистер Форсайт, пожав плечами, повернулся к Франсису.

— Я вам уже ответил, дядюшка,— произнес Франсис.— Да, я бываю там каждый день.

— После того как доктор так поступил со мной?

— А что он вам сделал?

— Он позволил себе открыть...

— То, что открыли и вы, то, что любой человек имел право открыть... Ведь в конце-то концов о чем речь? О каком-то болиде, каких тысячи проносятся в поле видимости Уостона.

— Ты зря теряешь время, сынок,— с ехидной улыбкой заметила Митс.— Ты же сам видишь, что твой дядя совсем

свихнулся со своим камнем, которому и цены-то не больше, чем вон той тумбе, что возле нашего дома.

Так на своем особом языке выразилась Митс. Но тут мистер Дин Форсайт, которого это замечание старой служанки окончательно вывело из себя, заявил тоном человека, совершенно переставшего владеть собой:

— Ну так вот, Франсис, я запрещаю тебе переступать порог дома Гьюдельсонов!

— Мне очень жаль, что я вынужден послушаться,— ответил Франсис Гордон, с трудом сохраняя спокойствие,— но я и впредь не перестану у них бывать.

— Да, не перестанет! — воскликнула старуха Митс.— Хоть бы вы нас всех изрубили на кусочки.

Мистер Форсайт не счел нужным ответить на эти не совсем вразумительные слова.

— Ты, значит, остаешься при своем намерении? — спросил он, обращаясь к племяннику.

— Безусловно, дядюшка,— ответил Франсис.

— Ты по-прежнему собираешься жениться на дочери этого вора?

— Да! И ничто на свете не заставит меня отказаться от этого намерения.

— Ах, так?.. Посмотрим!

И бросив эти слова, в которых впервые ясно сказалось намерение мистера Форсайта помешать браку Франсиса с Дженни Гьюдельсон, он вышел из столовой и поднялся к себе в обсерваторию, с силой захлопнув за собой дверь.

То, что Франсис Гордон решил отправиться, как обычно, к Гьюдельсонам — это было вполне понятно. Ну а что, если доктор, следуя примеру мистера Дина Форсайта, закроет перед ним двери своего дома? Не приходилось ли ожидать всего, что угодно, от этих двух врагов, ослепленных самой страшной ревностью — ревностью открывателей?

Каких трудов стоило в этот день Франсису Гордону скрыть свою печаль, когда он оказался в присутствии миссис Гьюдельсон и ее дочерей! Он не хотел говорить им о недавнем столкновении. К чему еще усиливать тревогу этих людей, раз он твердо решил не подчиняться требованиям дяди, если тот даже и будет настаивать.

Могло ли в самом деле прийти в голову разумному существу, что союзу двух любящих может помешать какой-то болид? Даже если и допустить, что мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон не пожелают встретиться на свадьбе,— что ж, обойдется и без них! Их присутствие в конце концов

не столь уж необходимо. Важно было лишь, чтобы они не отказали в согласии... особенно доктор. Франсис Гордон был лишь племянником своего дядюшки, но Дженни была дочерью своего отца и не могла венчаться без его согласия. Пусть потом оба одержимых нападут друг на друга, — от этого ничто не изменится, и обряд венчания, совершенный преподобным О'Гартом в церкви Сент-Эндрью, останется нерушимым.

Словно бы для того, чтобы оправдать такой оптимизм, следующие дни прошли, не принеся никаких изменений. Погода продолжала стоять отличная, и никогда, казалось, небо над Уостоном не было таким ясным. Если не считать легкого утреннего и вечернего тумана, ни малейшее облачко не застилало небо, по которому болид совершал свое размеренное движение.

Нужно ли упоминать, что и мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон продолжали пожирать свой болид глазами, что они простирали к нему руки, словно желая схватить его, что они дышали только им? Право же, было бы лучше, если бы метеор скрылся от них за густым слоем облаков, ибо вид его способен был довести их до безумия. Митс поэтому каждый вечер, укладываясь спать, угрожающе протягивала кулак к небу. Напрасная угроза! Метеор по-прежнему чертил свою светящуюся дугу по сверкающему звездами небу.

Но особенно грозило обострить положение с каждым днем все более четко оказывавшееся вмешательство публики в эту ссору чисто личного характера. Газеты — одни с оживлением, другие — в резком тоне — становились на сторону либо Дина Форсайта, либо доктора Гьюдельсона. Ни одна из них не оставалась равнодушной. Хотя, казалось бы, вопрос о приоритете не должен был по всей справедливости даже и ставиться, никто не соглашался от него отступить. С верушки флигеля и башни отзвуки ссоры хлынули в помещение редакции, и можно было предвидеть серьезные осложнения. Ходили уже слухи о собраниях и митингах, на которых будет разбираться это дело. И обо всем этом говорилось в таких выражениях, о которых легко догадаться, принимая во внимание неводержанность граждан свободной Америки.

Миссис Гьюдельсон и Дженни, замечая, что страсти разгораются все сильнее, испытывали мучительную тревогу. Напрасно Лу старалась успокоить мать, а Франсис — утешить свою невесту. Не приходилось закрывать глаза на возраставшее раздражение обоих соперников под влиянием этого гнусного подстрекательства. Из уст в уста передавались замеча-

ния, брошенные мистером Форсайтом, или нелестные выражения, якобы вырвавшиеся у доктора Гьюдельсона, и обстановка со дня на день, с часа на час становилась все более угрожающей.

И вот в этих условиях разразилась гроза, отзвуки которой разнеслись по всему миру.

Уж не болид ли взорвался и не откликнулось ли на этот взрыв эхо под небосводом?

Нет, дело было в весьма странном известии, которое телеграф и телефон с быстротой молнии разнесли по всем государствам Нового и Старого Света.

Весть эта неслась не с площадки мезонина доктора Гьюдельсона, не с верхушки башни мистера Форсайта, не из обсерваторий Питтсбурга, Бостона или Цинциннати. На этот раз весь цивилизованный мир был взбудоражен сообщением, исходившим из Парижской обсерватории. Второго мая в печати появилась следующая заметка:

«Болид, о появлении которого обсерваториям в Питтсбурге и в Цинциннати было сообщено двумя почтенными гражданами города Уостона, штат Виргиния, продолжает, по-видимому, свое движение вокруг земного шара. В настоящее время болид является предметом наблюдений обсерваторий всего мира, и наблюдения эти ведутся и днем и ночью целым рядом выдающихся астрономов, глубокие знания которых могут равняться только их изумительной преданности науке.

Если, несмотря на самое тщательное изучение, кое-какие вопросы и остаются еще неясными, Парижской обсерватории удалось все же разрешить одну из задач, а именно — определить природу данного метеора.

Расходящиеся от болида лучи были подвергнуты спектральному анализу, и расположение полос дало возможность с точностью определить состав светящегося тела.

Ядро болида, окруженное сверкающим ореолом, от которого исходят лучи, подвергавшиеся наблюдению, не газообразное, а плотное. Болид не состоит, подобно многим аэролитам, из самородного железа и не содержит других элементов, обычно входящих в состав таких блуждающих тел.

Данный болид состоит из золота, из чистого золота, и если невозможно пока установить его стоимость, то потому лишь, что до сих пор не удалось еще с точностью определить объем ядра».

Таково было содержание заметки, ставшей достоянием гласности во всем мире. Легче вообразить, чем описать, какой эффект произвело это сообщение. Золотой шар, огромная

масса драгоценного металла, стоимость которого вне всякого сомнения равнялась нескольким миллиардам, кружится вокруг Земли! Какие только мечты не будут порождены таким невероятным известием! Какую алчность должно оно вызвать во всем мире, а особенно в городе Уостоне, которому принадлежала честь такого открытия, и уж тем более — в сердцах двух сограждан, ставших отныне бессмертными, — Дина Форсайта и Сиднея Гьюдельсона.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой газеты, публика, мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон упиваются математикой

Золото!.. Метеор состоял из золота!

Первое, что ощутили все, было недоверие. Одни утверждали, что здесь ошибка, которая не замедлит разъясниться. Другие считали, что здесь какая-то грандиозная мистификация, пущенная в ход гениальными шутниками.

Если дело обстоит именно так, то Парижская обсерватория поспешит опровергнуть ложно приписываемую ей статью.

Скажем сразу, — такого опровержения не последовало. Даже напротив: астрономы всех стран, поспешив проверить произведенные опыты, в один голос подтверждали заключение своих французских коллег. Поэтому не оставалось ничего другого, как принять это фантастическое явление за проверенный и неопровержимый факт.

И вот тогда поднялся вихрь безумия.

В дни солнечных затмений оптические стекла, как известно, расходятся в огромном количестве. Пусть же читатель представит себе, сколько биноклей, телескопов и подозрных труб было продано в связи с таким потрясающим событием. Ни одна владетельная особа, ни одна знаменитая певица или балерина не становились предметом такого пристального внимания и на них не было направлено столько биноклей, как на чудесный болид, который в своем бесстрастном великолении продолжал нестись в беспредельном пространстве.

Погода оставалась прекрасной и благоприятствовала наблюдениям. Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон не покидали своих постов. Оба они прилагали все усилия, стремясь определить свойства метеора — его объем, его массу, не считая других особенностей, которые могли еще выявиться при тщательном наблюдении. Если уж невозможно разрешить

вопрос о приоритете, то какое преимущество для того из двух соперников, которому удастся проникнуть в тайны аэролита, еще никому не ведомые! Вопрос о болиде теперь стал самым злободневным. В противоположность древним галлам, которые не боялись ничего на свете, кроме того, что небо свалится им на голову, все человечество сейчас испытывало лишь одно желание: чтобы болид остановился в своем движении и, поддавшись земному притяжению, обогатил земной шар парящими в пространстве миллиардами.

Сколько было произведено расчетов, чтобы определить число этих миллиардов. Но, увы! Расчеты эти не были ни на чем основаны, ибо до сих пор оставался неизвестным объем ядра.

Какова бы, однако, ни была ценность ядра, она была громадной, и этого было достаточно, чтобы разжечь воображение.

Третьего мая «Уостон стандарт» посвятил этому вопросу статью, которая заканчивалась следующими словами:

«Предположим, что ядро болида Форсайта-Гьюдельсона имеет всего десять метров в диаметре; эта масса, если бы она состояла из железа, весила бы три тысячи семьсот семьдесят три тонны. Но это же тело, если бы оно состояло из чистого золота, должно было бы весить десять тысяч восемьдесят три тонны и стоимость его превышала бы тридцать один миллиард франков».

Отсюда видно, что «Стандарт», поддавшись новейшим веяниям, принял за основу своих исчислений десятичную систему. Да будет нам позволено от души поблагодарить его за это!

Значит, даже при таком, не слишком крупном, размере болид представлял собой совершенно невероятную ценность.

— Неужели это возможно, сэр! — пролепетал Омикрон, пробежав заметку.

— Это не только возможно — это не подлежит сомнению, — безапелляционно заявил мистер Форсайт. — Для получения такого результата достаточно помножить массу болида на среднюю стоимость золота, равную трем тысячам ста франкам за килограмм. Массу же легко определить, зная объем ядра и удельный вес золота — 19,258 грамма. Что же касается объема, то его можно установить по простой формуле:

$$V = \frac{\pi D^3}{6}.$$

— Совершенно верно, — с важным видом подтвердил Омикрон, который понимал во всем этом не больше, чем в древнееврейском языке.

— Но вот что возмутительно,— продолжал мистер Форсайт,— газета продолжает связывать мое имя с именем этого субъекта!

Весьма вероятно, что и доктор в это время выражал такие же чувства.

Зато мисс Лу, прочитав заметку в «Стандарте», скривила свои розовые губки с таким презрением, которое, вероятно, глубоко обидело бы все эти несметные тридцать один миллиард франков.

Всем известно, что темперамент журналистов толкает их на соревнование друг с другом. Стоит одному сказать «два», как другой, не задумываясь, закричит «три». Нечего поэтому удивляться, что газета «Ивнинг пост» в тот же вечер отозвалась на статью «Стандарта» в выражениях, сразу же обнаруживших ее предосудительные симпатии к башне доктора Гьюдельсона:

«Нам непонятно, почему «Стандарт» так скромнен в своих оценках! Мы во всяком случае проявим большую смелость. Даже и оставаясь в рамках вполне приемлемых предположений, мы склонны считать, что диаметр ядра болида, открытого доктором Гьюдельсоном, равен ста метрам. Исходя из такого предположения, можно считать, что чистый вес золота может быть равен десяти миллионам восьмидесяти трем тысячам четыремстам восьмидесяти восьми тоннам и стоимость его превышает тридцать один триллион двести шестьдесят миллиардов франков,— сумма, выражающаяся четырнадцатизначным числом».

«Если к тому же не принимать в расчет сантимы!» — острит «Пэнч», приводя эти неслыханные цифры, которые нельзя было себе даже вообразить.

Погода между тем по-прежнему оставалась прекрасной... Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон упорнее, чем когда-либо, продолжали свои исследования в надежде стяжать первенство по крайней мере в установлении точного размера астероидального ядра. К сожалению, было трудно определить его контур, расплывавшийся в сверкающем сиянии.

Один только раз, в ночь с 5-го на 6-е, мистеру Форсайту показалось, что он уже близок к разрешению задачи. Излучение на несколько мгновений уменьшилось, открывая глазам ослепительно светящийся шар.

— Омикрон! — позвал мистер Дин Форсайт голосом, охрипшим от волнения.

— Сэр?

— Ядро!

— Да!.. Вижу...

— Наконец-то мы поймали его!..

— Ах! — воскликнул Омикрон.— Оно уже расплылось...

— Неважно! Я его видел!.. Эта честь принадлежит мне!..
Завтра же на рассвете будет послана телеграмма в Питтсбургскую обсерваторию... И этот подлый Гьюдельсон не посмеет больше утверждать...

Обманывал ли себя мистер Форсайт, или доктор Гьюдельсон в самом деле позволил на этот раз своему сопернику опередить себя? Никто никогда не узнает этого. Не было послано в Питтсбургскую обсерваторию и письмо, которое собирався отправить туда мистер Форсайт.

Утром 16 мая в газетах всего мира появилось следующее сообщение:

«Гринвичская обсерватория имеет честь довести до всеобщего сведения следующее: на основании произведенных вычислений, так же как и на основании самых тщательных наблюдений, можно утверждать, что болид, о появлении которого сообщили два почтенных гражданина города Уостона и который Парижская обсерватория считает состоящим из чистого золота, представляет собой сферическое тело диаметром в сто десять метров и объемом приблизительно в шестьсот девяносто шесть тысяч кубических метров.

Подобный золотой шар должен весить более тринадцати миллионов тонн. Но расчеты показывают иное. Действительный вес болида не превышает седьмой части вышеуказанной цифры и равняется примерно одному миллиону восьмистам шестидесяти семи тысячам тонн,— вес, соответствующий объему в девяносто семь кубических метров и диаметру примерно в пятьдесят семь метров.

Принимая во внимание неоспоримость химического состава болида, мы должны сделать вывод, что либо в металлической массе, из которой состоит ядро, имеются значительные пустоты, либо (и это более вероятно) металл находится в таком состоянии, что его ядро представляет собой пористое тело, нечто вроде губки.

Как бы то ни было, произведенные подсчеты и наблюдения дают возможность более точно определить ценность болида, которая, исходя из теперешнего курса золота, составляет не менее пяти тысяч семисот восьмидесяти восьми миллиардов франков».

Итак, диаметр ядра не был равен ни ста метрам, как предполагала «Уостон ивнинг», ни десяти метрам, как писал «Стандарт». Истина находилась посредине. В любом случае

она способна была бы удовлетворить самую ненасытную алчность, если бы метеору не было суждено безостановочно носиться по своей траектории вокруг земного шара.

Узнав, сколько стоит его болид, мистер Дин Форсайт воскликнул:

— Я, я открыл его, а не тот мошенник на своей вышке! Метеор принадлежит мне, и если он когда-нибудь упадет на землю, я стану обладателем состояния в пять тысяч восьмисот миллионов!

А доктор Гьюдельсон в это время твердил, угрожая протягивая руку к башне на Элизабет-стрит:

— Моя собственность!.. Мое состояние, которое должно по наследству достаться моим детям! Оно сейчас носится в пространстве. Но если метеору суждено упасть на землю, он должен принадлежать мне и я буду тогда обладателем пяти тысяч восьмисот миллионов!

Да что и говорить! Всякие там Вандербилты, Асторы, Рокфеллеры, Пирпонт-Морганы, Гульды и прочие американские крезы, не говоря о Ротшильдах, оказались бы в таком случае всего лишь мелкими рантье по сравнению с доктором Гьюдельсоном или с мистером Форсайтом.

Вот как обстояло дело. И если наши астрономы-любители не теряли головы, то нужно признать, что головы крепко сидели у них на плечах.

Франсис и миссис Гьюдельсон прекрасно понимали, чем все это могло кончиться. Но каким способом остановить обоих соперников, неудержимо скользящих по наклонной плоскости? Говорить с ними спокойно было невозможно. Кажется, они совсем забыли о предстоящей свадьбе и думали лишь о своем соперничестве, которое, к сожалению, поддерживалось местными газетами.

Статьи этих газет, обычно таких спокойных, пылали теперь яростью, и всякие темные личности, вмешивавшиеся в это дело, способны были довести до дуэли самых миролюбивых людей.

«Пэнч» постоянно подзадоривал обоих противников своими остротами и карикатурами. Если эта газета и не подливала масла в огонь, то зато сыпала в него соль своих ехидных шуток, и от этой соли огонь трещал, разбрасывая искры.

Кругом уже начинали опасаться, что мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон будут сражаться за свой болид с оружием в руках или попытаются разрешить свой спор путем американской дуэли. А такой исход вряд ли пошел бы на пользу жениху и невесте.

К счастью для всеобщего мира, в то время как эти одержимые с каждым днем все больше теряли способность здраво рассуждать, широкая публика постепенно успокаивалась. Ясным для всех становилось одно: состоит ли болид из золота, равна ли его стоимость тысячам миллиардов или нет,— это безразлично, раз он остается недостижимым.

А то, что он был недостижим, не подлежало сомнению. Описав свой круг, он каждый раз появлялся в той точке неба, которая заранее была указана вычислениями ученых. Скорость его движения, следовательно, оставалась неизменной, и, как в самом начале писал «Уостон стандарт», не было никаких оснований предполагать, чтобы она когда-либо уменьшилась. И, следовательно, болид будет вечно двигаться вокруг Земли, как он, по всей видимости, двигался вокруг нее и раньше.

Такие соображения, повторявшиеся на страницах газет всего мира, способствовали успокоению умов. С каждым днем все более угасал интерес к болиду, и люди возвращались к своим повседневным делам, со вздохом расставаясь с мечтой о неуловимом сокровище.

«Пэнч» в номере от 9 мая, отметив наступившее безразличие публики к тому, что еще недавно вызывало такое страстное возбуждение, продолжал расточать остроумие по адресу обоих «изобретателей метеора».

«До каких пор,— с деланным пафосом и возмущением восклицал «Пэнч» в конце своей статьи,— будут оставаться безнаказанными злодеи, которых мы уже однажды заклеями презрением? Мало того, что они собирались одним ударом разрушить город, в котором увидели свет, они теперь еще готовы разорить наиболее почтенные семейства! На прошлой неделе один из наших друзей, поддавшись их обманчивым и лживым уверениям, за два дня спустил доставшееся ему по наследству значительное состояние. Несчастный строил свои расчеты на миллиардах, сокрытых в болиде. Какая судьба ожидает бедных детишек нашего друга теперь, когда эти миллиарды ускользают у нас из-под... вернее, пролетают над нашим носом? Нужно ли пояснять, что «друг» этот — лишь символическая фигура, и таких несчастных легион. Поэтому мы предлагаем всем жителям земного шара возбудить судебное дело против мистера Форсайта и доктора Сиднея Гьюдельсона на предмет взыскания с них убытка в сумме пяти тысяч семисот восьмидесяти миллиардов. И мы требуем, чтобы их без всякого снисхождения заставили заплатить эту сумму».

К счастью, заинтересованные лица так и не узнали, что им угрожает столь беспрецедентный и весьма сложный процесс.

В то время как остальные смертные обратились к своим земным делам, господа Дин Форсайт и Сидней Гьюдельсон продолжали витать в небесной синеве и не переставали ощущать ее своими телескопами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

на протяжении которой у Зефирена Ксирдале зарождается идея, и даже не одна, а две

О Зефирене Ксирдале среди окружающих принято было говорить: «Зефирен Ксирдаль?.. Ну и тип!» Да и в самом деле: как по внешности, так и по своим внутренним данным Зефирен Ксирдаль был личностью довольно необыкновенной.

Длинный, неуклюжий, часто в сорочке без воротничка и всегда без манжет, в брюках «штопором», в жилете, на котором не хватало по меньшей мере двух третей пуговиц, в пиджаке невероятных размеров с карманами, оттопыренными массой самых разнообразных предметов,— все это грязное, засаленное и вытащенное совершенно случайно из груды разрозненных предметов одежды,— таков был сам Зефирен Ксирдаль, и таково было его представление об изяществе. От плеч, изогнутых, как свод погреба, свешивались длинные, чуть не в километр руки, с непомерно большими, волосатыми и очень проворными кистями, явно указывавшими на то, что владелец их лишь через крайне неопределенные промежутки времени дает им возможность соприкоснуться с мылом.

Если голова его и являлась, как полагается, вершиной всей его фигуры, то, значит, природа не могла выйти из положения иначе. Лицо этого оригинала было безобразно до предела. И в то же время трудно было бы найти что-либо более влекущее к себе, чем эти нескладные и противоречивые черты. Тяжелый, квадратный подбородок, большой рот с толстыми губами, открывающими великолепные зубы, нос широкий, приплюснутый, уши, словно в ужасе старавшиеся избежать соприкосновения с черепом,— все это могло вызвать лишь очень смутное воспоминание о прекрасном Антиное. Зато лоб, грандиозно слепленный и редкого благородства очертаний, венчал это странное лицо, как храм венчает холм,— храм, могущий вместить в себе самые высокие мысли. И вот, наконец, чтобы совершенно сбить с толку человека, выдавше-

го Зефирена Ксирдаля впервые, — большие выпуклые глаза, выражавшие, в зависимости от времени и настроения, то самый проникновенный ум, то самую безнадежную тупость.

Его внутренний мир не менее разительно отличал его от банальности современников.

Не поддаваясь никакому регулярному обучению, он с самых ранних лет заявил, что учиться будет самостоятельно, и родителям ничего не оставалось, как подчиниться его непреклонной воле. Жалеть об этом им особенно не пришлось. В возрасте, когда другие еще просиживают классные парты в лицее, Зефирен Ксирдаль («шутки ради», как он говорил) выдержал поочередно конкурсные экзамены во все высшие учебные заведения и на этих экзаменах неизменно оказывался первым.

Но одержанные победы мгновенно предавались забвению. Соответствующим учебным заведениям неизменно приходилось вычеркивать из списков лауреата, не пожелавшего явиться к началу занятий.

Восемнадцать лет он лишился родителей и при полной свободе действий стал обладателем годового дохода в пятнадцать тысяч франков. Зефирен Ксирдаль поспешил поставить свою подпись всюду, где этого требовал его крестный и опекун, банкир Робер Лекёр, которого Зефирен с детства привык называть «дядей». Затем, свободный от всяких забот, он поселился в двух крошечных комнатках в седьмом этаже дома на улице Кассет в Париже.

Он жил там еще и тогда, когда ему минул тридцать один год.

С тех пор как он поселился в этих комнатах, стены не раздвинулись, а между тем невероятным было количество предметов, которые Зефирен Ксирдаль умудрился здесь накопить. В одну кучу были свалены электрические машины и батареи, динамо-машины, оптические инструменты, реторты и множество других аппаратов и разрозненных частей к ним. Целые пирамиды брошюр, книг, бумаг поднимались от пола, почти достигая потолка, громоздились и на единственном стуле и на столе. Их уровень постепенно повышался, но наш чудак даже не замечал перемены. А когда весь этот бумажный хлам начинал мешать ему, Зефирен находил простой выход из положения. Одним движением руки он отшвыривал бумаги в противоположный конец комнаты, после чего со спокойной душой усаживался работать за столом, на котором теперь царил полный порядок, — ведь на нем не остава-

лось ничего и можно было опять навалить на него новые груды бумаг и книг.

Чем же занимался Зефирен Ксирдаль?

Чаще всего, — нельзя не признаться в этом, — окутанный душистыми клубами табачного дыма, исходившими из его неугасимой трубки, он предавался мечтам и размышлениям. Но иногда, через самые неопределенные промежутки времени, случалось, что в мозгу его зарождалась идея. В такие дни он обычным для него способом наводил на столе порядок, скидывая с него ударом кулака все, что там лежало, и усаживался за стол, из-за которого поднимался не раньше, чем работа приходила к концу — будь то через сорок минут или через сорок часов. Поставив последнюю точку, он оставлял на столе лист бумаги, содержащий результаты его изысканий, и этот лист служил основой будущей груды бумаг, которой предстояло быть сброшенной с этого места при следующей вспышке исследовательской страсти.

При подобных порывах, повторявшихся через неопределенные промежутки, он углублялся в самые разнообразные вопросы. Высшая математика, физика, химия, физиология, философия, чистые науки и науки прикладные — поочередно привлекали его внимание. Какова бы ни была задача, он увлекался ею с одинаковой горячностью, с одинаковым пылом и не отступал, пока не добивался решения... разве что...

Разве что... какая-нибудь новая идея так же неожиданно не завладевала им. В таких случаях этот безудержный фантазер пускался в погоню за новой бабочкой, яркие краски которой действовали на него, как гипноз, и, опьяненный своим новым увлечением, даже и думать забывал о том, чем еще недавно был полностью поглощен.

Но в конце концов он некоторое время спустя возвращался к нерешенной проблеме. В один прекрасный день, случайно натолкнувшись на забытые наброски, он с новым пылом впрягался в эту работу и доводил ее до конца, даже если подобных перерывов на протяжении всей работы бывало несколько.

Сколько подчас остроумных, подчас глубоких гипотез, сколько интересных заключений и выводов в самых трудных и сложных вопросах, как точных наук, так и наук экспериментальных, сколько практических изобретений покоилось в бумажной груды, которую Зефирен Ксирдаль презрительно попираал ногой! Никогда этому странному человеку не приходило даже на ум извлечь выгоду из своей сокровищницы, разве что кто-нибудь из его немногих друзей пожалуется в

его присутствии на бесплодность своих поисков в какой-нибудь области.

«Погодите,— говорил тогда Ксирдаль,— у меня как будто есть что-то по этому поводу».

И протянув руку, он, руководствуясь удивительным чутьем, сразу же вытаскивал из-под тысячи других измятых листов нужную ему заметку и отдавал ее приятелю, разрешая использовать ее как угодно. Ни разу при этом не мелькнуло у него даже и мысли, что, поступая так, он нарушает собственные интересы.

Деньги? К чему они ему? Когда ему бывали нужны деньги, он заходил к своему крестному, господину Роберу Лекёру. Перестав быть его опекуном, Робер Лекёр продолжал оставаться его банкиром, и Ксирдаль был уверен, что, возвращаясь от крестного, он будет иметь в своем распоряжении нужную ему сумму и сможет ее расходовать, пока она не иссякнет. С того самого времени, как он поселился на улице Кассет, Ксирдаль поступал именно так и был вполне удовлетворен. Испытывать без конца новые желания, имея при этом возможность их осуществить,— в этом несомненно кроется одна из форм счастья. Но не единственная. Не испытывая и тени каких-либо желаний, Зефирен Ксирдаль был вполне счастлив.

Утром 10 мая этот счастливый смертный сидел, удобно развалившись в своем единственном кресле так, что ноги его, опиравшиеся на подоконник, находились на несколько сантиметров выше головы, и с особым наслаждением покуривал трубку. Забавы ради он при этом занимался разгадкой ребусов и загадок, отпечатанных на бумаге, из которой был склеен кулек, полученный от бакалейщика, отпускавшего ему какие-то припасы. Покончив с этим важным делом, то есть разгадав все загадки, Ксирдаль швырнул кулек в грудку бумаг и небрежно протянул левую руку в сторону стола со смутным намерением достать оттуда какой-нибудь предмет,— безразлично, какой именно.

Его левая рука ухватила пачку неразвернутых газет. Зефирен Ксирдаль вытащил из нее наудачу первую попавшуюся. Как выяснилось, это был номер газеты «Журналь», полученный с неделю назад. Такая старая газета не способна была отпугнуть читателя, живущего вне времени и пространства.

Ксирдаль опустил глаза на первую страницу, но не прочел ни одной строки. За первой страницей последовала вторая, третья, и так до последней. Здесь он углубился в чтение

объявлений. Затем, полагая, что переходит к следующей странице, по рассеянности вернулся к первой.

Взгляд его совершенно случайно коснулся строк первой статьи, и какой-то проблеск сознания мелькнул в его зрачках, до сих пор выражавших полнейшее оупение.

Блеск в глазах разгорался, превращаясь в пламя, по мере того как чтение приближалось к концу.

— Так!.. Так!.. Так!..— бормотал Зефирен Ксирдаль, и каждое «так» звучало по-разному. Затем он принялся вторично, уже с полным вниманием, за чтение статьи.

Ксирдаль привык громко разговаривать, сидя в одиночестве у себя в комнате. Он охотно даже обращался к воображаемому слушателю на «вы», создавая себе приятную иллюзию, что перед ним внимательно слушающая его аудитория. Эта воображаемая аудитория была очень многочисленной; ведь в состав ее входили все ученики, поклонники и друзья, которых у Зефирена Ксирдаля никогда не было да никогда и не будет.

На этот раз Ксирдаль оказался менее разговорчивым и ограничился лишь трижды повторенным восклицанием. Неимоверно заинтересованный содержанием статьи, он продолжал читать, не произнося ни слова.

Что же могло вызвать у него столь страстный интерес.

Последним на всем белом свете он только сейчас узнал об устонском болиде и одновременно — о необычном составе его, так как случай заставил его остановить внимание на статье, трактующей о сказочном золотом шаре.

— Забавная штука! — воскликнул Зефирен, обращаясь к самому себе, когда вторично дочитал статью до конца.

Несколько минут он просидел в задумчивости, затем ноги его соскользнули с подоконника, и он направился к столу. Приступ увлечения работой приближался.

Не мешкая, он разыскал среди других нужный ему научный журнал и сорвал с него бандероль. Журнал раскрылся на той самой странице, которая его интересовала.

Научный журнал имеет право быть технически более оснащенным, чем ежедневная большая газета. И журнал, который Ксирдаль держал в руках, вполне отвечал своему назначению. Все, касающееся болида, — траектория, скорость движения, объем, масса, происхождение, — удостоилось лишь нескольких скупых слов, следовавших за целыми страницами, заполненными хитроумными кривыми и алгебраическими формулами.

Зефирен Ксирдаль без особых усилий усвоил эту доволь-

но неудобоваримую умственную пищу, после чего он взглянул на небо и выяснил, что ни единое облачко не омрачало его лазурь.

— Увидим! — прошептал он, в то же время нетерпеливо производя какие-то расчеты на бумаге.

Вслед за тем Зефирен Ксирдаль просунул руку под грудку накопившихся в углу бумаг и жестом, которому лишь длительная практика могла придать такую удивительную точность, швырнул всю грудку в противоположный угол комнаты.

— Удивительно, какой у меня порядок! — произнес он, с видимым удовлетворением удостоверившись, что после произведенной только что уборки, в полном соответствии с его предположением, обнаружилась подзорная труба, покрытая толстым слоем пыли, словно бутылка столетнего вина.

Пододвинуть трубу к окну, направить ее на ту точку небосвода, которая была определена произведенным расчетом, и припасть глазом к окуляру — на все это потребовалось не более минуты.

— Совершенно точно, — произнес Зефирен Ксирдаль после нескольких минут наблюдения.

Еще две-три минуты раздумья, и затем он решительно взял шляпу и принялся спускаться со своего седьмого этажа, держа путь на улицу Друо, в банк Лекёра, которым эта улица с полным правом гордилась.

По каким бы делам ни отправлялся Зефирен Ксирдаль, ему был известен лишь один способ передвижения. Ни омнибуса, ни трамвая, ни фиакра он не признавал. Как велико ни было расстояние до намеченной цели, — он неизменно шагал пешком.

Но даже и тут, в этом самом простом и распространенном виде спорта, он не мог не проявлять оригинальности. Опустив глаза, ворочая широкими плечами, он шагал по городу так, словно бы это была пустыня. Коляски, пешеходы — все были ему равно безразличны. Неудивительно поэтому, что с уст прохожих, которым он умудрялся отдавать ноги, срывались эпитеты вроде — «невежа», «неотесанный болван», «хам». А сколько еще более крепких ругательств отпускали по его адресу возчики: ведь им приходилось на полном ходу осаживать лошадей, дабы избежать «происшествия», в котором на долю Зефирена Ксирдаля досталась бы роль жертвы.

Но Ксирдаль ничего не замечал. Не слыша хора проклятий, поднимавшегося за его спиной, как волны позади быстро

плывущего судна, он, нисколько не смущаясь, широкими и уверенными шагами отмерял свой путь.

Не больше двадцати минут понадобилось ему, чтобы добраться до улицы Друо и до банка Лекёр.

— Дядя у себя? — спросил он у швейцара, поднявшегося при его приближении со стула.

— Да, господин Ксирдаль.

— Он один?

— Один.

Зефирен Ксирдаль толкнул обитую мягким ковром дверь и вошел в кабинет банкира.

— Как? Это ты? — машинально спросил господин Лекёр при виде своего названного племянника.

— Раз я стою здесь перед вами собственной персоной, — ответил Зефирен Ксирдаль, — ваш вопрос по меньшей мере излишен и отвечать было бы уж совсем незачем.

Господин Лекёр, привыкший к странностям своего крестника, которого с полным основанием считал человеком неуравновешенным, хотя одновременно почти гениальным, от души рассмеялся.

— Ты, разумеется, прав, — сказал он. — Но ответить «да» было бы проще и короче. Ну а цель твоего визита, осмелюсь спросить?

— Можете спросить...

— Не стоит! — прервал его господин Лекёр. — Мой второй вопрос столь же излишен, как и первый. Мне ведь известно по опыту, что ты появляешься только тогда, когда тебе нужны деньги.

— Да разве вы не мой банкир? — воскликнул Ксирдаль.

— Так-то оно так, — согласился господин Лекёр. — Но ты довольно странный клиент. Не разрешишь ли ты по этому поводу дать тебе совет?

— Если вам это может доставить удовольствие...

— Совет заключается в том, чтобы ты проявлял несколько меньше экономии. Черт возьми, дорогой мой, как ты проводишь свою молодость? Имеешь ли ты хоть малейшее представление о состоянии твоего счета?

— Ни малейшего!

— Твой счет — нечто чудовищное! Только и всего! Родители оставили тебе капитал, приносящий пятнадцать тысяч франков в год, а ты умудряешься с трудом потратить четыре тысячи.

— Вот так штука! — произнес Ксирдаль, как будто бы

крайне пораженный таким заявлением, которое он выслушивал по меньшей мере в двадцатый раз.

— Я говорю то, что есть. Так что у тебя проценты нарастают на проценты. Я не помню сейчас в точности, каковы твои ресурсы на данное число, но твой кредит несомненно превышает сто тысяч франков. На что прикажешь употребить эти деньги?

— Я обдумаю этот вопрос,— с невозмутимой серьезностью ответил Ксирдаль. — Впрочем, если эти деньги вас тяготят, избавьтесь от них.

— Каким образом?

— Отдайте их.

— Кому?

— Да кому угодно! Не все ли мне равно!

Господин Лекёр пожал плечами.

— Хорошо. Так сколько же тебе нужно сегодня? — спросил он.— Двести франков, как обычно?

— Десять тысяч франков,— ответил Зефирен Ксирдаль.

— Десять тысяч франков? — с удивлением переспросил Лекёр.— Вот это ново! Что же ты намерен сделать с такой суммой?

— Совершить путешествие.

— Прекрасная мысль. Но в какую страну?

— Я и сам еще не знаю,— заявил Зефирен Ксирдаль.

Господин Лекёр, явно забавляясь, лукаво поглядывал на своего крестника и клиента.

— Прекрасно! — произнес он вполне серьезно.— Вот тебе десять тысяч франков. Это все?

— Нет,— ответил Зефирен Ксирдаль,— мне нужен еще участок земли.

— Участок земли? — повторил Лекёр, совершенно пораженный.— Какой участок?

— Ну, участок как участок. Два или три квадратных километра.

— Небольшой участок,— холодно заметил господин Лекёр и продолжал с насмешкой в голосе: — И где же? На Итальянском бульваре?

— Нет,— ответил Зефирен Ксирдаль.— Не во Франции.

— Так где же? Говори.

— Я и сам еще не знаю,— во второй раз сказал Ксирдаль, нисколько, однако, не смущаясь.

Господин Лекёр с трудом удерживался от смеха.

— Ну что ж, по крайней мере выбор не ограничен,— за-

метил он. — Но скажи мне, дружок, не... рехнулся ли ты случайно? Что за чушь ты порешь, скажи на милость?

— Я имею в виду одно дело, — заявил Ксирдаль, и лоб его от напряжения мысли перерезали глубокие морщины.

— Дело! — воскликнул господин Лекёр с крайним изумлением. — Чтобы подобный чудака вдруг заговорил о «делах»... Нет, тут можно с ума сойти!

— Да, дело, — подтвердил Ксирдаль.

— Крупное? — спросил Лекёр.

— Как сказать, — небрежно произнес Зефирен Ксирдаль, — каких-нибудь пять-шесть тысяч миллиардов франков.

На этот раз господин Лекёр бросил на своего крестника озабоченный взгляд. Если этот человек не шутил, то, значит, он помешался, по-настоящему помешался.

— Сколько ты сказал? — переспросил банкир.

— От пяти до шести тысяч миллиардов франков, — повторил Зефирен Ксирдаль самым безразличным тоном.

— Да в своем ли ты уме, Зефирен? — настойчиво продолжал господин Лекёр. — Известно ли тебе, что на всем земном шаре нет такого количества золота, которое могло бы составить сотую долю этой баснословной суммы?

— На земном шаре — возможно, — сказал Ксирдаль. — Но в другом месте — вот это еще вопрос!

— В другом месте?

— Да! В четырехстах километрах отсюда по вертикали.

Словно молния озарила мозг банкира. Он, как и все, был осведомлен о происходившем благодаря газетам, которые не переставали пережевывать тему болида, и Лекёр подумал, что, кажется, он начинает понимать, в чем дело. Догадка его и в самом деле была правильной.

— Болид? — проговорил он, невольно побледнев.

— Да, болид, — с полным хладнокровием подтвердил Ксирдаль.

Если бы любой другой, а не его крестник, затеял с ним такой разговор, можно не сомневаться, что господин Лекёр приказал бы незамедлительно вышвырнуть посетителя за дверь. Минуты банкира представляют слишком большую ценность, чтобы их можно было затрачивать на выслушивание всяких дурацких разговоров. Но Зефирен Ксирдаль не был похож на «любого другого». То, что голова его была «с трещинкой», — в этом, увы, сомнения не было. Но в этой голове таилась искра гениальности, для которой а priori не было ничего невозможного.

— Ты решил извлечь пользу из болида? — спросил господин Лекёр, в упор глядя на своего крестника.

— А почему бы и нет? Что в этом необыкновенного?

— Но ведь этот болид находится в четырехстах километрах над землей, ты сам это только что подтвердил. Не собираешься же ты взобраться на такую высоту?

— А к чему это, если я заставлю его свалиться?

— Каким способом?

— Я-то знаю, каким, и этого достаточно.

— Знаешь... Знаешь... Как ты можешь воздействовать на тело, находящееся на таком расстоянии? Где ты найдешь точку опоры? Какие силы ты для этого применишь?

— Слишком долго пришлось бы объяснять вам это, — произнес Зефирен Ксирдаль. — Да и бесполезно: вы все равно ничего не поймете.

— Ты удивительно любезен! — произнес банкир, нисколько не обидевшись.

Снисходя к просьбам крестного, Ксирдаль все же согласился дать ему кое-какие краткие объяснения. Автор этой любопытной истории позволит себе внести в эти объяснения Ксирдаля еще более значительные сокращения, указав, что, несмотря на свою, всем известную склонность к самым невероятным гипотезам, он отнюдь не стремится выступать в защиту хотя и интересных, но чересчур смелых теорий.

По мнению Зефирена Ксирдаля, материя есть не что иное, как видимость; она не имеет реальной сущности. Он считает, что это можно доказать нашей неспособностью представить себе ее внутреннюю структуру. Если разложить материю на молекулы, атомы, мельчайшие частицы, то всегда будет оставаться еще более мелкая доля, для которой это деление будет продолжаться до тех пор и опять начинаться сначала, пока не останется такая элементарная частица, которая уже не будет материей. Эта элементарная нематериальная частица и есть энергия.

Что же такое энергия? Зефирен Ксирдаль признается, что ничего об этом не знает. Так как человек связан с внешним миром только с помощью своих чувств, а человеческие чувства весьма восприимчивы ко всяким возбуждениям материального порядка, то все, что не является материей, остается для нас неизвестным. Если можно усилием чистого разума допустить существование нематериального мира, то все же невозможно представить его природу за неимением каких-либо данных для сравнения. И так будет продолжаться

до тех пор, пока человечество не обогатится новыми чувствами, что а priori вовсе не кажется абсурдным.

Как бы там ни было в действительности, но, по утверждению Зефирена Ксирдаля, энергия, наполняющая пространство, вечно колеблется между двумя противоположными пределами: абсолютным равновесием, которое может быть достигнуто лишь при равномерном распределении ее в пространстве, и абсолютной концентрацией в одной точке, которая в таком случае была бы окружена совершенной пустотой. Но так как пространство бесконечно, эти два предела одинаково недостижимы. Из этого вытекает, что энергия находится в состоянии постоянного движения. Поскольку материальные тела постоянно поглощают энергию, то эта концентрация вызывает в другом месте относительную пустоту, а материя в свою очередь излучает в пространство энергию, которую поглотила.

Итак, в противовес классической аксиоме: «Ничто не исчезает, ничто не создается», Зефирен Ксирдаль утверждает: «Все исчезает и все создается». Вечно разрушающееся вещество всегда создается вновь. Каждое изменение состояния сопровождается излучением энергии и разрушением вещества. Если такое разрушение не может быть отмечено нашими приборами, то лишь по причине их несовершенства: ведь огромное количество энергии заключено в неизмеримо малой частице материи. Этим объясняется, по мнению Зефирена Ксирдаля, почему звезды отдалены друг от друга такими огромными по сравнению с их незначительной величиной расстояниями.

Такое разрушение, хотя и невидимое, все же происходит. Звук, тепло, электричество, свет могут служить тому косвенным доказательством. Все эти явления не что иное, как излучаемая материя, и с их помощью проявляется освобожденная энергия, хотя еще в грубой и полуматериальной форме. Чистая сублимированная энергия может существовать только за пределами материальных миров. Она окружает мироздание своего рода *динамосферой* и держит материальные миры в состоянии напряжения, прямо пропорциональном их массе и расстоянию от их поверхности. Проявление энергии, ее стремление ко все возрастающей конденсации и создает силы притяжения.

Такова теория, изложенная Зефиреном Ксирдалем и повергшая Робера Лекёра в полную растерянность.

— Принимая во внимание все сказанное,— заявил в заключение Зефирен Ксирдаль, словно бы все изложенное им

не представляло ничего необыкновенного,— мне достаточно будет освободить некоторое количество энергии и направить ее на избранную мною точку в пространстве. Это позволит мне воздействовать на любое тело вблизи этой точки, особенно если размер тела не будет очень велик, то есть, иными словами, если оно не будет содержать в себе, как я вам объяснил, значительного количества энергии. Это просто, как дважды два.

— И ты обладаешь способом освободить эту энергию? — спросил господин Лекёр.

— Я обладаю способом,— а к тому все и сводится,— освободить ей путь, устранив с него все вещественное и материальное.

— В таком случае ты мог бы вывести из строя всю небесную механику! — воскликнул Лекёр.

Зефирена Ксирдаля несколько не смутила чудовищность подобного предположения.

— В настоящее время,— скромно признался он,— сконструированная мною машина способна дать еще слишком слабые результаты. Тем не менее она в состоянии воздействовать на несчастный болид весом всего лишь в каких-нибудь несколько тысяч тонн.

— Да будет так! — проговорил господин Лекёр.— Но куда ты собираешься сбросить твой болид?

— На мой участок.

— Какой участок?

— Тот самый, который вы приобретете для меня, когда я произведу все необходимые подсчеты. Я напишу вам по этому поводу. Выберу я, разумеется, по возможности пустынную местность, где земля стоит недорого. У вас, наверное, возникнут затруднения при заключении купчей. Я не вполне свободен в выборе, и может случиться, что места будут малодоступные.

— Это уж мое дело,— сказал банкир.— Телеграф избрели именно на такой случай. В этом отношении я отвечаю тебе за все.

Успокоенный такими заверениями и снабженный десятью тысячами франков, которые он тут же засунул в карман, Зефирен Ксирдаль отправился домой. Едва заперев за собой дверь, он уселся за стол, предварительно освободив место обычным для него взмахом руки.

Приступ увлечения работой явно дошел до апогея.

Всю ночь бился он над расчетами. Зато утром решение было найдено. Он определил силу, которую следовало прило-

жить к болиду, продолжительность действия этой силы, направление, которое следовало ей дать, точное время и место падения метеора.

Взявшись за перо, он тут же написал господину Лекёру обещанное письмо, спустился вниз, бросил письмо в почтовый ящик и сразу же вернулся к себе.

Заперев дверь, он подошел к тому самому углу, куда он накануне с такой удивительной ловкостью швырнул груды бумаг, загромадивших до этого подозрную трубу. Сегодня оказалось необходимым произвести ту же операцию в обратном порядке,— Ксирдаль подsunул руку под бумаги и уверенным движением отправил их на старое место.

Это вторичное «наведение порядка» привело к тому, что на свет появилось подобие черноватого ящика, который Зефирен Ксирдаль без труда приподнял с пола, перенес на середину комнаты и поставил лицом к окну.

Во внешнем виде этого ящика, окрашенного в темный цвет, не было ничего примечательного. Внутри были расположены катушки, соединенные с цепью лампочек, острия которых связывались попарно тонкой медной проволокой. Над ящиком, в фокусе металлического рефлектора, висела укрепленная на стержне еще одна заостренная с обоих концов лампочка, не соединенная с предыдущими никаким видимым проводником.

Зефирен Ксирдаль повернул металлический рефлектор в направлении, соответствующем расчетам, произведенным за истекшую ночь. Затем, удостоверившись, что все в порядке, он вложил в нижнюю часть ящика какую-то трубочку, изливавшую яркий свет. Производя все эти действия, он громко, по своему обыкновению, разговаривал, словно желая своим ораторским искусством пленить обширную аудиторию.

— Вот это, милостивые государи,— ораторствовал он,— *ксирдалиум*, вещество в сто тысяч раз более радиоактивное, чем радий. Должен признаться, что применяю я в данном случае это вещество с целью поразить воображение публики. Не то чтобы оно могло принести вред,— ведь Земля сама по себе излучает достаточно энергии и в добавлении ее нет необходимости. Это — крупинка соли в море. Но небольшой театральный эффект все же не повредит при постановке такого значительного опыта.

Продолжая разговаривать, он закрыл ящик, который соединил двумя проводами с элементами батареи, стоявшей на полке.

— Нейтрально-винтообразные токи, милостивые госуда-

ри,— продолжал Зефирен Ксирдаль,— поскольку они нейтральны, естественно обладают свойством отталкивать все тела без исключения, заряжены ли эти тела положительным или отрицательным потенциалом. С другой стороны, будучи винтообразными, эти токи начинают винтообразное движение, что понятно даже ребенку... А все-таки — как удачно, что я их открыл... Все в жизни может пригодиться.

Когда ток был включен, из ящика стало доноситься нежное жужжание и голубой свет сверкнул в лампочке, вращавшейся на стержне. Почти сразу вращательное движение стало ускоряться, и скорость его возрастала с каждой секундой, в конце концов превратившись в настоящий вихрь.

Зефирен Ксирдаль несколько минут следил за этим безумным кружением, затем перевел взгляд в пространство, в направлении, параллельном оси металлического рефлектора.

На первый взгляд действие машины не проявлялось никакими реальными признаками. И все же внимательный наблюдатель заметил бы довольно странное явление: пылинки, висевшие в воздухе, войдя в контакт с металлическим рефлектором, как будто уже не могли преодолеть этого барьера и бешено кружились, словно натолкнувшись на невидимое препятствие. Скопившись вместе, они образовывали в воздухе подобие усеченного конуса, основание которого опиралось на окружность рефлектора. В двух-трех метрах от машины этот конус, образовавшийся из неуловимо малых вращающихся частиц, постепенно принимал форму цилиндра диаметром в несколько сантиметров. Этот состоящий из пылинок цилиндр сохранял свою форму и за окном, на открытом воздухе (несмотря на довольно резкий ветер), и продолжал тянуться все дальше, пока не исчезал вдали.

— Честь имею, милостивые государи, доложить вам, что все идет отлично,— объявил Зефирен Ксирдаль, опускаясь на свое единственное кресло и закуривая искусно набитую трубку.

Полчаса спустя он остановил машину, которую затем несколько раз снова и снова пускал в ход как в этот день, так и в последующие дни, стараясь при каждом новом опыте поворачивать рефлектор в несколько ином направлении. В течение девятнадцати дней он с неукоснительной точностью повторял одни и те же действия.

На двадцатый день, едва только он успел пустить в ход машину и закурить свою верную трубку, как демон изобретательства снова овладел им. Одно из последствий теории непрерывного разрушения материи, которую Зефирен

вкратце изложил Роберу Лекёру, в этот момент вырисовывалось перед ним с ослепительной яркостью. Мгновенно, как это бывало с ним всегда, он представил себе принцип электрической батареи, способной самозаряжаться путем ряда последовательных реакций. Последняя из этих реакций должна была привести разложившиеся тела в их первоначальное состояние. Такая батарея действовала бы до тех пор, пока используемые вещества не исчезли бы полностью, превратившись в энергию. Практически это было бы вечным движением.

— Вот так штука! Вот так штука! -- бормотал Зефирен Ксирдаль, охваченный сильнейшим волнением.

Он погрузился в размышления, как умел погружаться, сосредоточив на одном пункте все жизненные силы своего организма. Такая сконцентрированная мысль, направленная на разрешение одной задачи, была подобна светящейся кисти, в которой слились воедино все солнечные лучи.

— Это неоспоримо! — произнес он наконец, выражая вслух то, к чему пришел ценой величайшего внутреннего напряжения. — Надо немедленно попробовать.

Зефирен Ксирдаль схватил шляпу, кубарем скатился со своего седьмого этажа и бросился к столяру, мастерская которого находилась на противоположной стороне улицы. В кратких и точных словах он объяснил мастеру, что именно ему нужно — нечто вроде колеса на железной оси с подвешенными к ободу двадцатью семью ковшами, размеры которых он точно указал. Эти подвесные ковши предназначались для соответствующего числа стаканчиков. Стаканчики эти при вращении колеса должны были сохранять вертикальное положение.

Дав все необходимые объяснения и распорядившись, чтобы заказ был выполнен немедленно, Ксирдаль отправился дальше. Пройдя с полкилометра, он завернул к торговцу химическими препаратами, у которого издавна пользовался доверием и уважением. Здесь Ксирдаль отобрал нужные ему двадцать семь стаканчиков. Приказчик тщательно упаковал их в плотную бумагу и обвязал прочной веревкой, к которой прикрепил еще удобную деревянную ручку.

Когда все было уложено, Ксирдаль с пакетом в руках уже собрался домой, как вдруг в дверях магазина нос к носу столкнулся с одним из своих немногих друзей, очень знающим бактериологом. Ксирдаль, поглощенный своими мыслями, не заметил бактериолога, но бактериолог заметил Ксирдаля.

— Как? Да это Ксирдаль! — воскликнул он, и губы его сложились в приветливую улыбку. — Вот так встреча!

При звуке знакомого голоса Ксирдаль решился открыть свои большие глаза и узреть внешний мир.

— Как? — повторил он, как эхо. — Марсель Леру?

— Он самый!

— Очень рад вас видеть! Как дела?

— Дела у меня — как у человека, собирающегося сесть в поезд. Таким, каким вы меня видите, с походным мешком за плечами, в который положено три носовых платка и еще кое-какие туалетные принадлежности, я сейчас помчусь на берег моря, где буду целую неделю упиваться свежим воздухом.

— Счастливчик! — сказал Зефирен Ксирдаль.

— От вас самого зависит стать таким же счастливчиком. Потеснившись немного, мы уж как-нибудь вдвоем уместимся в поезде.

— А и в самом деле... — начал Ксирдаль.

— Может быть, вас что-нибудь задерживает в Париже?

— Да нет же.

— Вы ничем особенным не заняты? Не поставили, случайно, какого-нибудь опыта?

Ксирдаль добросовестно порылся в памяти.

— Ровно ничем, — ответил он.

— В таком случае я попробую соблазнить вас. Неделя полного отдыха пойдет вам на пользу... А как хорошо будет вволю поболтать, лежа на песке!

— Уж не говоря о том, — перебил его Ксирдаль, — что это даст мне возможность уяснить вопрос о приливах, который давно меня интересует. Этот вопрос отчасти связан с проблемами общего характера, которыми я сейчас занимаюсь. Я как раз об этом думал, когда встретился с вами, — закончил он трогательно, убежденный, что именно так оно и было.

— Значит, решено?

— Решено!

— Ну, тогда в путь!.. Да, но... наверно, придется забежать к вам домой, а я не знаю, успеем ли мы тогда на поезд...

— Незачем! — с уверенностью ответил Ксирдаль. У меня при себе все необходимое.

И рассеянный ученый указал глазами на пакет с двадцатью семью стаканчиками.

— Чудесно! — весело воскликнул Марсель Леру.

И оба друга бодрым шагом двинулись по направлению к вокзалу.

— Понимаете, дорогой Леру, я предполагаю, что поверхностное натяжение...

Какая-то пара, попавшаяся им навстречу, принудила собеседников отодвинуться друг от друга, и последние слова утонули в уличном шуме. Зефирена Ксирдаля такая мелочь смутить не могла, и он спокойно продолжал излагать свою мысль, обращаясь то к одному, то к другому прохожему, у которых это красноречие не могло не вызвать удивления. Но оратор ничего не замечал и продолжал разглагольствовать, бодро рассекая волны парижского людского океана.

А в то время как Ксирдаль, целиком поглощенный своей новой мыслью, широко шагая, спешил к поезду, который должен был увезти его из города, на улице Кассет, в комнате, расположенной в седьмом этаже, безобидный на вид черный ящик продолжал тихо жужжать, металлический рефлектор, как и раньше, отбрасывал лучи голубоватого света, а цилиндр, образовавшийся из пляшущих пылинок, прямой и хрупкий, устремлялся в неведомую даль.

Предоставленная самой себе, машина, которую Ксирдаль, забыв о самом ее существовании, не счит нужным выключить, продолжала свою никем не направляемую таинственную работу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой мистеру Дину Форсайту и доктору Гюдельсону суждено пережить сильнейшее потрясение

Болид теперь уже был хорошо известен всем. Мысленно во всяком случае его ощупали со всех сторон. Определили его орбиту, скорость, вес, объем, его природу, его сущность. Он не вызывал больше беспокойства, — ведь ему было суждено вечно двигаться по своей траектории. Вполне естественно, что интерес публики к этому недостижаемому метеору, утратившему всякую таинственность, постепенно угас.

В обсерваториях кое-какие астрономы еще изредка бросали беглый взгляд на золотой шар, проплывавший над их головами, но, занятые решением других загадок мироздания, быстро отворачивались от него.

Земля приобрела второго спутника, — вот и все! Золотой

ли это спутник или железный,— не все ли равно ученым, для которых весь мир — просто математическая абстракция?

Приходится пожалеть, что мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон не обладали таким душевным спокойствием. Растущее вокруг них равнодушие не способно было успокоить их разгоряченные воображения, и они продолжали наблюдать за болидом — их собственным болидом — со страстью, граничившей с безумием. Стоило появиться метеору, как они уже оказывались на своем посту и замирали, припадая глазом к объективу трубы или телескопа даже и тогда, когда метеор поднимался всего лишь на несколько градусов над горизонтом.

Погода оставалась великолепной и, к сожалению, благоприятствовала их страсти: им удавалось теперь лицезреть метеор раз по двенадцать в сутки. Суждено ли ему свалиться на землю или нет, но необыкновенные свойства этого метеора делали его единственным в своем роде и предвещали ему вечную славу. Это сознание еще усиливало болезненное желание соперников, чтобы честь открытия болида была признана не за обоими, а за одним из них.

Тщетно было в таких условиях надеяться на примирение соперников. Даже напротив: непреодолимая стена ненависти с каждым днем вырастала все выше. И миссис Гьюдельсон и Франсис Гордон слишком хорошо это понимали. Франсис Гордон уже не сомневался в том, что дядя будет всеми силами противиться его браку, а миссис Гьюдельсон уже перестала надеяться на покорность мужа, когда наступит долгожданный день. Нечего было обманывать себя. К отчаянию жениха и невесты, к возмущению мисс Лу и Митс, свадьба, если ей вообще суждено было состояться, отодвигалась на весьма неопределенный, возможно очень отдаленный срок.

Но судьба решила еще больше усложнить положение, и без того достаточно серьезное.

Вечером 11 мая мистер Форсайт, который, по обыкновению, глядел в телескоп, внезапно глухо вскрикнув, отскочил, затем набросал что-то на бумаге и снова вернулся на свое место. Затем он опять отбежал, и такое странное поведение продолжалось до тех пор, пока болид не скрылся за горизонтом.

Мистер Форсайт побледнел как полотно, и дыхание его стало таким прерывистым, что Омикрон, думая, что господин его заболел, бросился к нему на помощь. Но Форсайт, жестом отстранив его, шатаясь как пьяный, скрылся у себя в кабинете и заперся на ключ.

С тех пор мистер Форсайт больше не показывался. В течение тридцати с лишним часов он пробыл без еды и питья. Один только раз Франсис добился, чтобы дверь отперли. Но она открылась настолько скупой, что Франсису с трудом удалось в щелку разглядеть своего дядю. Мистер Форсайт казался совершенно разбитым и ужасно расстроенным. Взгляд его выражал безумие, и Франсис, растерявшись, остановился у порога.

— Что тебе нужно от меня? — спросил мистер Форсайт.

— Но, дядюшка, — воскликнул Франсис, — вот уже целые сутки как вы сидите взаперти. Позвольте мне по крайней мере хоть принести вам поесть.

— Ничего мне не нужно, кроме тишины и покоя, — ответил Форсайт, — и прошу тебя оказать мне величайшую услугу — не нарушать моего одиночества.

Эти слова, произнесенные с непоколебимой твердостью и в то же время звучавшие непривычно ласково, произвели на Франсиса настолько сильное впечатление, что он не решился настаивать. Да вряд ли это было бы возможно, так как дверь при последнем слове астронома захлопнулась. Племяннику оставалось только ретироваться, так ничего и не добившись.

Утром 13 мая, за два дня до предполагаемой свадьбы, Франсис, сидя у миссис Гюдельсон, чуть ли не в двадцатый раз описывал эту сцену, создававшую новый повод для беспокойства.

— Ничего не понимаю, — произнесла, вздохнув, миссис Гюдельсон. — Можно подумать, что и мистер Форсайт и мой муж сошли с ума.

— Как? — воскликнул Франсис. — Ваш муж? Разве с доктором тоже что-нибудь неладно?

— Да, — вынуждена была признаться миссис Гюдельсон. — Оба они ведут себя так, будто сговорились. У моего мужа это началось немного позже — вот и все. У себя в кабинете он заперся только со вчерашнего дня. С тех пор он больше не показывался, и вы можете себе представить, как мы тревожимся.

— Просто голову можно потерять! — воскликнул Франсис.

— То, что вы рассказали мне о мистере Форсайте, — продолжала миссис Гюдельсон, — заставляет меня предположить, что они снова одновременно сделали какое-нибудь открытие, относящееся к их проклятому болиду. Принимая во внимание и настроение, это не сулит ничего хорошего.

— Ах, если бы я имела право распоряжаться... — вмешалась Лу.

— Что бы вы сделали, дорогая сестричка? — спросил Франсис Гордон.

— Что бы я сделала? Очень просто. Я бы отправила этот подлый золотой шар куда-нибудь подальше... так далеко, чтоб его не было видно даже в самую лучшую трубу.

Возможно, что исчезновение болида и в самом деле вернуло бы покой мистеру Форсайту и доктору Гьюдельсону. Кто знает — если бы метеор навсегда скрылся из глаз, быть может, угасла бы их нелепая вражда.

Но вряд ли можно было рассчитывать на такую случайность. Болид будет здесь и в день свадьбы, и после него, и всегда, раз он с ненарушимой правильностью движется по своей неизменной орбите.

— В конце концов, — произнес Франсис, — скоро все выяснится. Не позже чем через два дня им обоим придется принять окончательное решение, и тогда мы будем знать, что нас ожидает.

Когда Франсис вернулся на Элизабет-стрит, ему показалось, что последние события как будто бы не грозят тяжелыми последствиями. Мистер Форсайт, как узнал Франсис, покинул свой кабинет и молча поглотил обильный завтрак. Сейчас, измученный, но сытый до отвала, он спал мертвым сном, в то время как Омикрон выполнял в городе какое-то его поручение.

— Ты видела дядю, перед тем как он уснул? — спросил Франсис у верной Митс.

— Видела, как тебя вижу, сынок, — ответила старуха. — Ведь я подавала ему завтрак.

— Он был голоден?

— Как волк! Проглотил все, что было приготовлено к завтраку: сбитую яшенку, холодный ростбиф, картофель, пудинг с фруктовым соусом. Ни крошечки не оставил.

— А как он выглядел?

— Не так уж плохо. Только бледный он стал, как *провидение*, а глаза красные. Я посоветовала ему промыть глаза *бурной кислотой*, но он как будто даже и не слышал.

— Он ничего не велел передать мне?

— Ни тебе, ни кому другому. Он ел *не раскрывая рта*, а потом собрался спать. Но раньше послал своего друга Крона в «Уостон стандарт».

— В «Уостон стандарт»! — воскликнул Франсис. — Бьюсь об заклад, что послал туда сообщение о результатах своей рабо-

ты. Снова начнется газетная полемика. Только этого еще не хватало!

На следующее утро, взяв в руки «Уостон стандарт», Франсис с горечью ознакомился с этим сообщением Дина Форсайта. Ясно было, что появился новый довод для соперничества, грозившего разбить счастье молодого человека. Отчаяние Франсиса еще возросло, когда он убедился, что оба соперника снова пришли к цели *dead heat*¹. В то время как «Уостон стандарт» опубликовал заметку мистера Дина Форсайта, газета «Уостон морнинг» поместила подобное же сообщение доктора Сиднея Гьюдельсона. Итак, отчаянной борьбе, в которой ни одному из соперников до сих пор не удалось добиться какого-либо преимущества, суждено было продолжаться!

Совершенно тождественные поначалу, обе заметки значительно расходились в своих выводах. Такое различие взглядов неизбежно должно было вызвать новые споры, что могло, впрочем, принести и некоторую пользу: как будто намечалась возможность впоследствии разграничить заслуги обоих соперников.

Одновременно с Франсисом всему Уостону, а одновременно с Уостоном всему миру, по которому через посредство телеграфных и телефонных проводов мгновенно разнеслась эта новость, стало известно о сенсационном сообщении двух астрономов с Элизабет-стрит и с Морисс-стрит. И эта новость тотчас же стала предметом самых страстных споров на всем земном шаре.

Могло ли появиться более поразительное сообщение и было ли достаточно оснований для всеобщего возбуждения — пусть рассудит читатель.

Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон сообщали, что их непрекращавшиеся наблюдения дали им возможность отметить несомненное нарушение курса, по которому двигался болид. Его орбита, до сих пор направленная точно с севера на юг, теперь несколько отклонилась к линии северо-восток — юго-запад. Значительно большее изменение было в то же время отмечено в отношении расстояния болида от поверхности земли. Расстояние это, бесспорно, несколько уменьшилось, хотя скорость движения болида не увеличилась. Из этих наблюдений, а также и на основании произведенных ими вычислений оба астронома пришли к выводу, что метеор

¹ Выражение, означающее, что двое или несколько участников спортивного состязания приходят к финишу одновременно (*англ.*).

отклоняется от своей постоянной орбиты и непременно должен упасть на землю. Место и дату падения теперь уже представляется возможным уточнить.

Но если в начале своих сообщений мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон сходились на одном, то дальше их выводы резко отличались друг от друга.

В то время как один, основываясь на сложнейших расчетах, предсказывал, что болид упадет 28 июня в южной части Японии, второй, проделав столь же сложные вычисления, утверждал, что падение болида произойдет 7 июля где-то в Патагонии.

Вот как могут расходиться астрономы! Пусть публика сама решит, кто прав!

Но публика на сей раз не склонна была делать выбора. Ее интересовал только самый факт, что астероид упадет на землю, а с ним вместе и тысячи миллиардов, которые он носит с собой в пространстве. Вот это и было самое главное! А в остальном — будь то в Японии, в Патагонии — безразлично где, — миллиарды все равно будут подобраны.

Все разговоры вертелись вокруг того, какой переворот в экономике произведет такой неслыханный прилив золота. Богачи, в общем, были огорчены тем, что их состояние окажется обесцененным, а бедняки радовались маловероятной возможности, что им достанется хоть кусочек пирога.

Что касается Франсиса, то он почувствовал прилив подлинного отчаяния. Какое ему было дело до этих миллиардов! Он стремился только к одному: получить в жены свою любимую Дженни, этот клад, бесконечно более драгоценный, чем болид со всеми его омерзительными богатствами.

Он бросился на Моррисс-стрит. Там уже были осведомлены о злополучной новости и понимали, какие плачевные последствия в ней таятся. Неизбежным становился теперь жестокий и непоправимый разрыв между обоими безумцами, считавшими небесное тело своей собственностью. И тем страшнее это было теперь, когда к профессиональному самолюбию примешивалась материальная заинтересованность.

Как тяжело вздыхал Франсис, пожимая руки миссис Гьюдельсон и ее милых дочерей! Как топала от негодования ножками невоздержанная Лу! Сколько слез пролила прелестная Дженни, которую не в силах были утешить ни мать, ни сестра, ни жених! Напрасно Франсис клялся ей в своей незыблемой верности и готовности, если придется, ждать до того дня, пока будущий владелец метеора и сказочных пяти тысяч семисот восьмидесяти миллиардов не истратит все до

последнего сантима. Клятва, впрочем, довольно неосмотрительная и обрекавшая его, по всей видимости, на положение вечного холостяка.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

и которой мы увидим миссис Аркадию Стенфорт, обреченную в свою очередь на нетерпеливое ожидание, и где мистер Джон Прот будет вынужден признать свою некомпетентность

Судья Джон Прот в это утро стоял у окна, в то время как его служанка Кэт, наводя порядок, расхаживала взад и вперед по комнате. Пронесился ли болид над городом Уостоном или нет, уверяю вас, — это было судье совершенно безразлично. Беззаботным взглядом окидывал он площадь Конституции, на которую выходила парадная дверь его мирного жилища.

Но то, что для мистера Джона Прота было лишено интереса, горячо занимало его служанку Кэт.

— Стало быть, сэр, он из чистого золота? — произнесла она, останавливаясь перед мистером Протом.

— Говорят, — ответил судья.

— На вас это, кажется, нисколько не действует, сэр?

— Как видите, Кэт.

— Но ведь если он из золота, то стоит невесть сколько миллионов!

— Миллионов и даже миллиардов, Кэт!.. Да!.. И эти миллиарды разгуливают над нашими головами.

— Но ведь они свалятся, сэр!

— Говорят, Кэт.

— Подумать только, сэр: на земле не будет больше бедняков.

— Их будет столько же, сколько и было, Кэт.

— Но, сэр...

— Слишком долго пришлось бы объяснять. А кроме того, Кэт, представляете вы себе, что такое миллиард?

— Это... это...

— Это тысяча миллионов, Кэт.

— Так много?

— Да, Кэт. И если вы даже проживете сто лет, то и тогда не успеете досчитать до миллиарда, хоть бы занимались счетом по десяти часов в сутки.

— Возможно ли, сэр?

— Так оно и есть.

Служанка была совершенно потрясена, узнав, что целого века было бы недостаточно, чтобы сосчитать до миллиарда... Затем, снова схватив щетку и тряпку, она продолжала уборку. Но каждую минуту она приостанавливалась, не будучи в силах справиться со своими мыслями.

— А сколько бы досталось каждому, сэр?

— Чего досталось, Кэт?

— Болида, сэр, если его поделить поровну между всеми?

— Это нужно сосчитать, Кэт,— ответил мистер Джон Прот.

Судья взял карандаш и бумагу.

— Если принять во внимание, что на земле тысяча пятьсот миллионов жителей, — произнес он, подсчитывая, — это составило бы... составило бы три тысячи восемьсот пятьдесят девять франков двадцать семь сантимов на человека.

— Только и всего? — прошептала Кэт с разочарованием.

— Только и всего,— подтвердил мистер Джон Прот, в то время как Кэт задумчиво возвела взор к небу.

Решившись, наконец, спуститься на землю, Кэт заметила у въезда на Эксетер-стрит двух женщин, к которым она поспешила привлечь внимание своего хозяина.

— Поглядите, сэр,— сказала она.— Вон там... эти две дамы...

— Да, Кэт, вижу.

— Поглядите на одну из них... на ту, что повыше ростом... ведь это та самая особа, которая приезжала к нам и венчалась, не сходя с лошади.

— Мисс Аркадия Уокер? — осведомился мистер Джон Прот.

— Теперь уже миссис Стенфорт.

— И в самом деле, это она,— согласился судья.

— Зачем она сюда пожаловала, хотела бы я знать?

— Понятия не имею,— ответил мистер Джон Прот.— И должен признаться: я не дал бы и фартинга за то, чтобы узнать, в чем дело.

— Неужели ей снова понадобились ваши услуги?

— Это маловероятно, принимая во внимание, что двоемужество не разрешено на территории Соединенных Штатов,— произнес судья, закрывая окно.— Но как бы там ни было, не следует забывать, что мне пора в суд; там сегодня разбирается интересное дело, имеющее, кстати сказать, отношение к болиду, который вас так занимает. Если эта дама явится сюда, будьте любезны передать ей мои извинения.

Продолжая говорить, мистер Джон Прот спокойно спу-

стился с лестницы, вышел через калитку, открывавшуюся на Потомак-стрит, и скрылся в огромном здании суда, расположенного как раз против его дома на другой стороне улицы.

Служанка не ошиблась: незнакомая дама и в самом деле была миссис Аркадия Стенфорт, прибывшая в Уостон в сопровождении своей горничной Берты. Они нетерпеливо расхаживали взад и вперед, не спуская глаз с отлогого склона, по которому спускалась Эксетер-стрит.

Городские часы пробили десять.

— Подумать только,— его все еще нет! — воскликнула миссис Аркадия.

— Может быть, он забыл, на какой день назначена встреча? — нерешительно заметила Берта.

— Забыл! — гневно повторила молодая женщина.

— Если не передумал,— робко заметила Берта.

— Передумал! — с еще большим возмущением воскликнула ее госпожа.

Она сделала несколько шагов в направлении Эксетер-стрит. Горничная следовала за ней по пятам.

— Ты не видишь его? — через несколько минут с нетерпением спросила миссис Стенфорт.

— Нет, сударыня!

— Возмутительно!

Миссис Стенфорт снова повернула к площади.

— Нет... Никого... Все еще никого,— твердила она.— Заставить меня ждать... после того, что было условлено... Ведь сегодня восемнадцатое мая, не правда ли?

— Да, сударыня.

— И скоро пробьет половина одиннадцатого?

— Ровно через десять минут...

— Так вот!.. Пусть он не надеется, что у меня лопнет терпение. Я пробуду здесь весь день и еще дольше, если понадобится.

Служащие гостиниц на площади Конституции обратили бы внимание на явное беспокойство молодой женщины, как два месяца назад заметили нетерпеливые движения всадника, ожидавшего ее. Тогда оба они собирались предстать перед судьей, который должен был связать их брачными узами. Но сейчас весь город — мужчины, женщины и дети — был увлечен совсем другим. В городе Уостоне миссис Стенфорт была, вероятно, единственным человеком, не интересовавшимся этим «другим». Все были заняты одним лишь чудесным метеором, его продвижением по небу, его падением, назначенным на определенный день обоими местными астроно-

мами, хотя между их предсказаниями и существовало некоторое расхождение. Люди, толпившиеся на площади Конституции, так же как и служащие у подъездов гостиниц, несколько не интересовались присутствием здесь миссис Аркадии Стенфорт. Мы не беремся сказать, в самом ли деле луна, как принято считать в народе относительно лунатиков, оказывает воздействие на человеческий мозг. Но во всяком случае можно утверждать, что на земном шаре в те дни насчитывалось значительное количество «метеориков». Эти люди забывали обо всем на свете при мысли о том, что над их головами носится шар, стоящий миллиарды и готовый в один из ближайших дней свалиться на землю.

Но у миссис Стенфорт были явно другие заботы.

— Ты не видишь его, Берта? — после короткого ожидания спросила она снова.

— Нет, сударыня.

В эту минуту в конце площади раздались крики. Несколько сот человек выбежали из соседних улиц, и вскоре на площади собралась значительная толпа. В окнах гостиниц также показались любопытные.

— Вот он!.. Вот!..

Слова эти переходили из уст в уста, и они так совпадали с желаниями миссис Аркадии Стенфорт, что она воскликнула, как будто эти возгласы относились к ней:

— Наконец-то!

— Да нет же, сударыня, — в смущении проговорила горничная. — Это не вам кричат.

Да и в самом деле, — с какой стати толпа так горячо приветствовала бы человека, которого ожидала миссис Аркадия Стенфорт? С какой стати обратила бы она внимание на его прибытие?

Все головы в эту минуту были подняты к небу, все руки тянулись вверх, все взгляды устремлялись к северной части горизонта.

Не прославленный ли болид появился над городом? Не собрались ли горожане на площади, чтобы приветствовать его по пути следования?

Нет. В этот час болид проносился над другим полушарием. А кроме того, если бы он и в самом деле сейчас пронесся в пространстве, то при дневном свете не был бы виден простым глазом.

К кому же тогда относились приветствия толпы?

— Сударыня!.. Воздушный шар! — воскликнула Бер-

та.— Поглядите!.. Вот он выплывает из-за колокольни Сент-Эндрью.

Медленно спускаясь из верхних слоев атмосферы, показался аэростат, встреченный бурными аплодисментами толпы. Но к чему эти аплодисменты? Разве подъем воздушного шара представлял какой-то особый интерес? И были ли у публики основания для подобной встречи?

Да, несомненно были.

Накануне вечером этот шар поднялся в воздух, унося в своей гондоле знаменитого аэронавта Уолтера Врагга с его помощником. И поднялся Врагг с тем, чтобы попытаться произвести в более благоприятных условиях наблюдения над болидом. Такова была причина волнения толпы, жаждавшей ознакомиться с результатами этой оригинальной затеи.

Само собой разумеется, что как только был решен вопрос о подъеме шара, мистер Дин Форсайт, к ужасу старухи Митс, попросил взять его с собой, и, как легко догадаться, он и тут столкнулся с доктором Гьюдельсоном. Доктор также, к великому ужасу миссис Гьюдельсон, претендовал на право участвовать в полете. Положение получалось довольно щекотливое, если принять во внимание, что воздухоплаватель мог взять с собой только одного пассажира. Между соперниками возникла бурная переписка со ссылками на свои права и преимущества. В конце концов оба они потерпели неудачу: Уолтер Врагг оказал предпочтение какому-то третьему лицу, якобы своему помощнику, без которого, по его словам, он не мог обойтись.

И вот сейчас легкий ветерок нес аэростат над Уостоном, где население собиралось устроить воздухоплавателям торжественную встречу.

Чуть подталкиваемый еле заметным бризом, воздушный шар медленно опускался и приземлился, наконец, в самом центре площади Конституции. Десятки рук ухватились за гондолу, из которой выскочили на землю Уолтер Врагг и его помощник.

Предоставив своему начальнику самому заниматься сложной операцией выпуска газа, помощник быстрыми шагами направился к сгоравшей от нетерпения миссис Аркадии Стенфорт.

— Я к вашим услугам, сударыня! — подходя к ней, произнес он с поклоном.

— В десять тридцать пять, — сухо ответила миссис Аркадия Стенфорт, указывая на циферблат городских часов.

— А встреча наша была назначена на десять тридцать.

Знаю,— согласился вновь прибывший, почтительно склонив голову.— Прошу прощения. Аэростаты не всегда с достаточной точностью подчиняются нашей воле.

— Значит, я не ошиблась? Это вы летели на воздушном шаре с Уолтером Врагом?

— Да, я...

— Объясните ли вы мне...

— Все очень просто. Мне показалось оригинальным таким способом явиться к месту нашего свидания. Вот и все. Я приобрел, не жалея долларов, место в гондоле, заручившись обещанием Уолтера Врага, что он спустит меня на площади ровно в десять тридцать. Думаю, что ему можно простить пятиминутное опоздание.

— Можно, раз вы все же здесь,— снисходительно согласилась миссис Аркадия Стенфорт.— Вы не изменили ваших намерений, надеюсь?

— Ни в какой мере.

— Вы по-прежнему продолжаете считать, что мы поступаем благоразумно, отказываясь от совместной жизни?

— Да, я так думаю...

— Я тоже полагаю, что мы не созданы друг для друга.

— Совершенно с вами согласен.

— Я в полной мере признаю все ваши высокие качества, мистер Стенфорт...

— Я по достоинству ценю все ваши качества...

— Можно уважать друг друга и не любить. Уважение — еще не любовь. Оно не в силах сгладить столь резкое различие характеров.

— Золотые слова...

— Понятно... если б мы любили друг друга...

— Все сложилось бы по-иному.

— Но мы не любим друг друга...

— В этом не может быть сомнения...

— К сожалению, это так.

— Мы поженились, не зная хорошо друг друга, и нам пришлось испытать кое-какие разочарования... Ах, если б нам было дано оказать друг другу услугу, способную поразить воображение... дело, возможно, сложилось бы совсем иначе...

— К сожалению, нам это не было дано.

— Вам не пришлось пожертвовать своим состоянием, чтобы спасти меня от разорения...

— Я сделала бы это, мистер Стенфорт. Зато и вам не

представилось случая спасти мне жизнь, рискуя вашей собственной.

— Я бы ни минуты не колебался, миссис Аркадия...

— Убедена в этом... Но случай не представился. Чужими были мы друг другу, чужими и остались.

— До слез правильно...

— Нам казалось, что у нас одинаковые вкусы... по крайней мере во всем, касающемся путешествий.

— И мы ни разу не могли решить, куда именно ехать.

— Да. Когда мне хотелось ехать на юг, вас тянуло на север.

— И когда мое желание было направиться на восток, вы стремились на запад.

— История с болидом переполнила чашу...

— Переполнила.

— Ведь вы по-прежнему на стороне Дина Форсайта?

— Разумеется.

— И отправляетесь в Японию, чтобы присутствовать при падении метеора?

— Да, это так...

— А я, подчиняясь мнению доктора Сиднея Гьюдельсона, решила...

— Отправиться в Патагонию...

— Примирение становится невозможным.

— Невозможным...

— И нам остается только одно...

— Да, только одно.

— Отправиться к судье, сударь...

— Я следую за вами, сударыня.

Оба, держась на одной линии в трех шагах друг от друга, двинулись к дому мистера Джона Прота. За ними, на почтительном расстоянии, следовала горничная Берта.

Старуха Кэт встретила их на пороге.

— Мистер Прот у себя? — в один голос спросили мистер и миссис Стенфорт.

— Его нет дома, — ответила Кэт.

Лица обоих посетителей одинаково вытянулись.

— Он надолго отлучился? — спросил мистер Стенфорт.

— Вернется к обеду, — произнесла Кэт.

— В котором часу он обедает?

— В час.

— Мы зайдем в час, — снова в один голос заявили мистер и миссис Стенфорт, удаляясь.

Дойдя до середины площади, которую все еще загроможал шар Уолтера Врагга, они на мгновение приостановились.

— У нас пропадает два часа,— заметила миссис Аркадия Стенфорт.

— Два с четвертью,— поправил ее мистер Сэт Стенфорт.

— Угодно ли вам будет провести эти два часа вместе?

— Если вы будете так любезны и согласитесь...

— Какого вы мнения о прогулке по берегу Потوماка?

— Я как раз собирался вам это предложить.

Муж и жена двинулись по направлению к Эксетер-стрит, но, не пройдя и трех шагов, остановились.

— Разрешите мне сделать одно замечание? — произнес мистер Стенфорт...

— Разрешаю,— ответила миссис Аркадия.

— Я позволю себе заметить, что мы сошлись во мнениях. Это в первый раз за все время.

— И в последний! — оборвала его миссис Аркадия и решительно двинулась дальше.

Чтобы добраться до начала Эксетер-стрит, мистеру и миссис Стенфорт пришлось пробиваться сквозь толпу, собравшуюся вокруг аэростата. И если толпа не была еще гуще, если не все жители Уостона сбежались на площадь Конституции, то лишь потому, что другое событие, куда более сенсационное, отвлекло в этот час внимание публики.

Уже с самого рассвета весь город устремился к зданию суда, перед которым образовалась огромная очередь. Как только распахнулись двери, людской поток ринулся в зал, который в одно мгновение оказался набитым до отказа. Тем, кому не удалось захватить места, оставалось только отступить. Вот именно эти запоздавшие неудачники, чтобы утешиться, собрались на площади для встречи воздушного шара.

Как горячо желали они вместо этого зрелища быть стиснутыми в толпе счастливых, наполнявших зал суда, где разбиралось в этот день судебное дело, такое фантастически крупное, какого никогда еще не приходилось разбирать судьям в прошлом, да и вряд ли придется разбирать в будущем!

Казалось, что безумство людей достигло уже апогея, когда Парижская обсерватория сообщила, что болид, или во всяком случае его ядро, состоит из чистого золота. А между тем неистовство тех дней не могло идти ни в какое сравнение с безумством, охватившим человечество после того, как Дин Форсайт и Сидней Гьюдельсон самым решительным образом

заявили, что астероид неизбежно должен упасть. Невозможно даже и перечислить все случаи внезапного умопомешательства, разыгравшегося на этой почве. Достаточно сказать, что все без исключения дома для умалишенных оказались за несколько дней переполненными.

Но среди всех этих безумцев самыми безумными были виновники возбуждения, потрясавшего весь мир.

До сих пор ни мистер Форсайт, ни доктор Гьюдельсон не допускали возможности падения метеора. Если они с такой горячностью отстаивали свое право первенства при открытии болида, то отнюдь не из-за его ценности, не из-за каких-то миллиардов. Они жаждали лишь, чтобы их имена были связаны с таким изумительным явлением в области астрономии.

Но положение изменилось до неузнаваемости после того, как они в ночь с 11 на 12 мая уловили отклонение в курсе болида. Вопрос более жгучий, чем все остальные, сразу же вспыхнул в их мозгу.

Кому же, после его падения, будет принадлежать болид? Кому достанутся миллиарды, сокрытые в ядре, окруженном сверкающим ореолом? Когда ореол этот исчезнет (да и кому нужны такие неосязаемые лучи!), золотое ядро будет здесь, на земле. И превратить это ядро в звонкую монету не представит труда...

Но кому же он будет принадлежать?

— Мне! — не колеблясь воскликнул мистер Форсайт. — Мне! Ведь я первый отметил его появление на горизонте Уостона.

— Мне! — с такой же уверенностью заявил доктор Гьюдельсон. — Ведь это мое открытие!

Безумцы не преминули огласить через печать свои непримиримые и противоречащие одна другой претензии. Два дня сряду страницы устонских газет были заполнены злобными статьями обоих соперников. Упомянув о недостижимом болиде, который и в самом деле словно насмеялся над ними с высоты своих четырехсот километров, они тут же, не скупясь, забрасывали друг друга бранными эпитетами.

Вполне понятно, что при таких условиях и речи не могло быть о предстоящей свадьбе. Долгожданная дата — 15 мая — миновала, а Дженни и Франсис все еще оставались женихом и невестой.

Да можно ли было еще считать их обрученными? Своему племяннику, который решил и последний раз сделать по-

пытку договориться с ним, мистер Форсайт ответил буквально следующее:

— Я считаю доктора мерзавцем и никогда не дам согласия на твой брак с дочерью какого-то Гьюдельсона!

И почти в тот же час этот самый доктор в ответ на слезы и мольбы своей дочери ответил:

— Дядя Франсиса — бесчестный человек. Моя дочь никогда не станет женой племянника Форсайта.

Тон был такой категорический, что оставалось только подчиниться.

Подъем аэроstats Уолтера Врагга послужил новым поводом для проявления ненависти, которой пылали друг к другу оба астронома. Жадные до скандала, газеты охотно поместили письма противников, в которых резкость выражений приняла совершенно недопустимую форму, что вряд ли, разумеется, могло способствовать успокоению умов.

Но осыпать друг друга бранью, — конечно, малоподходящий выход из положения. Раз существует непримиримый спор, следует поступить так, как все люди в подобных случаях, — то есть обратиться в суд. Это единственный и лучший способ уладить конфликт.

Противники в конце концов пришли именно к такому выводу.

Поэтому 17 мая мистером Дином Форсайтом была отправлена доктору Гьюдельсону повестка, приглашавшая доктора предстать на следующий же день перед судебским столом почтенного мистера Джона Прота; поэтому такая же точно повестка была немедленно отправлена доктором Гьюдельсоном мистеру Дину Форсайту; и поэтому, наконец, утром 18 мая нетерпеливая и шумная толпа завладела всем помещением суда.

Мистер Дин Форсайт и мистер Сидней Гьюдельсон были, как полагалось, на месте. Вызванные друг другом в суд, соперники оказались лицом к лицу.

Несколько дел уже благополучно было разрешено в начале судебного заседания, и участники, которые при входе в зал грозили друг другу кулаками, ушли рука об руку, к полному удовольствию мистера Прота. Будет ли достигнут такой же результат в отношении двух соперников, которые должны были сейчас предстать перед судом?

— Переходим к следующему делу! — распорядился судья.

— Форсайт против Гьюдельсона и Гьюдельсон против Форсайта! — объявил секретарь.

— Прошу тяжущихся подойти ближе! — произнес судья, выпрямляясь в своем кресле.

Мистер Дин Форсайт и доктор Сидней Гьюдельсон вышли из рядов сопровождавших их сторонников. Они стояли лицом к лицу, в упор глядя друг на друга. Глаза их метали молнии, руки сжимались в кулаки, — они походили на заряженные пушки, готовые от малейшей искорки разразиться громом.

— В чем дело, господа? — спросил судья Прот, отлично, кстати сказать, осведомленный о предмете жалоб обоих астрономов.

Мистер Дин Форсайт заговорил первым:

— Я предъявляю свои права...

— А я свои... — перебил его доктор Гьюдельсон.

И сразу же начался оглушительный дуэт, который исполнялся ни в терциях, ни в секстах, но, наперекор всем законам гармонии, в непрерывном диссонансе.

Мистер Прот часто-часто застучал по столу ножом из слоновой кости, как стучит дирижер своей палочкой, желая прекратить чудовищную какофонию.

— Прошу вас, господа, — произнес судья, — выступать по очереди. В алфавитном порядке, предоставляю слово мистеру Форсайту¹. Мистеру Гьюдельсону будет затем дана полная возможность ответить.

Таким образом, мистер Дин Форсайт первым изложил суть своей жалобы, в то время как доктор ценой невероятных усилий старался владеть собой. Мистер Форсайт рассказал, как он 16 марта в семь часов тридцать семь минут и двадцать секунд утра, занимаясь наблюдениями в своей башне на Элизабет-стрит, заметил болид, пересекавший небо с севера на юг, как он, Форсайт, следил за метеором в течение всего времени, пока он находился в поле видимости, и как несколькими днями позже он отправил письмо в Питтсбургскую обсерваторию с сообщением о своем открытии, приоритет на которое он просил за ним закрепить.

Когда пришла очередь доктора Гьюдельсона, он дал почти в точности те же объяснения, что и его соперник, так что суд после обоих выступлений оказался не более осведомленным, чем до них.

Все же этих сведений, по-видимому, было достаточно, так как мистер Прот не задал ни одного дополнительного вопроса. Торжественным жестом потребовав тишины и добившись

¹ Судья соблюдает очередность букв латинского алфавита.

ее, он огласил решение суда, составленное им в то время, когда противники выступали с речами.

«Принимая во внимание,— гласило решение,— утверждение мистера Дина Форсайта, что он 16 марта в семь часов тридцать семь минут двадцать секунд утра заметил болид, пересекавший небо над Уостоном; принимая, с другой стороны, во внимание заявление мистера Сиднея Гьюдельсона о том, что он заметил болид в тот же час, в ту же минуту и в ту же секунду...»

— Да! Да! — закричали сторонники доктора, как одержимые потрясая поднятыми кулаками.

— Нет! Нет! — завопили сторонники мистера Форсайта, топая ногами по паркету.

«...ввиду того, что поданные жалобы основаны на вопросе о минутах и секундах и принадлежат к области чисто научной;

ввиду того, что не существует параграфа закона, приложимого к приоритету в области астрономического открытия;

основываясь на этих мотивах, суд признает себя некомпетентным и приговаривает обе стороны к уплате судебных издержек».

Совершенно ясно, что судья не мог ответить иначе.

Впрочем (и это, пожалуй, соответствовало желанию судьи), тяжущиеся по выходе из суда должны были направиться в противоположные стороны, что лишало их возможности сцепиться друг с другом. А это являлось уже большим достижением.

Но ни тяжущиеся, ни их сторонники не желали допустить, чтобы дело кончилось так просто. Если мистер Прот рассчитывал отделаться ссылкой на свою некомпетентность, ему пришлось отказаться от этой надежды.

Два голоса прорвались сквозь общий ропот, которым было встречено оглашение приговора.

— Я прошу слова! — в один голос вопили мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон.

— Хотя я и не обязан сызнова пересматривать свое решение,— произнес судья тем любезным тоном, которого он придерживался даже и при самых серьезных обстоятельствах,— но я охотно дам слово как мистеру Дину Форсайту, так и доктору Гьюдельсону, при том, однако, условии, что они воспользуются своим правом один после другого.

Но противники были не в силах выполнить такое требование. И ответили они опять в один голос, с одинаковым пылом,

с одинаковой невоздержанностью, причем ни один не желал отстать от другого хотя бы на одно слово или на один слог.

Мистер Прот понял, что благоразумнее всего дать им волю, и постарался только по мере сил прислушаться к их выкрикам. Ему удалось поэтому уловить смысл их новой аргументации. Спор шел уже не о приоритете на астрономическое открытие. Вопрос был сейчас в денежной заинтересованности, в установлении права собственности. Одним словом: если болид упадет, то кому он будет принадлежать? Мистеру Дину Форсайту? Или мистеру Гьюдельсону?

— Мистеру Форсайту! — вопили защитники первого.

— Доктору Гьюдельсону! — завывали приверженцы второго.

Мистер Прот, лицо которого осветилось ясной улыбкой старого философа, потребовал тишины. И требование его было немедленно выполнено — так велика была заинтересованность собравшихся.

— Милостивые государи, — начал он. — Разрешите мне прежде всего дать вам совет. В случае, если болид упадет...

— Он упадет! — повторили, стараясь перекричать друг друга, как сторонники Форсайта, так и сторонники Гьюдельсона.

— Пусть так! — согласился судья со снисходительной вежливостью, которую не часто приходится встречать в судебных учреждениях даже и в Америке. — Я ничего не имею против его падения и желал бы только, чтобы он не свалился на цветы в моем саду.

Кое-кто в зале улыбнулся. Мистер Прот воспользовался этой разрядкой и бросил благожелательный взгляд на тяжущихся. Увы! Благожелательство здесь было ни к чему. Легче было бы приручить алчущих крови тигров, чем примирить таких непримиримых противников.

— В таком случае, — продолжал отеческим тоном судья, — поскольку речь пойдет о болиде, стоимость которого равна пяти тысячам семистам восьмидесяти восьми миллиардам, я предложил бы вам, господа, поделить их между собой.

— Никогда!

Крик этот, так четко выражавший отказ, несся со всех сторон. Нет, никогда ни мистер Форсайт, ни мистер Гьюдельсон не согласятся на любовный раздел. Правда, каждому из них досталось бы примерно по три триллиона! Но что такое триллионы, когда речь идет о самолюбии!

Мистер Прот, так хорошо изучивший человеческие слабо-

сти, особенно не удивился тому, что его совет — казалось бы, такой разумный — не встретил у присутствующих одобрения. Он не смутился, а снова постарался переждать, пока уляжется шум.

— Раз примирение невозможно, — произнес мистер Прот, как только стало несколько тише, — суд вынесет свое заключение.

При этих словах, словно по волшебству, воцарилась глухая тишина и никто уже не осмелился перебить мистера Прота, пока он ровным голосом диктовал секретарю:

«Суд, —

выслушав дополнительные объяснения сторон в их заключительном слове;

приняв во внимание, что заявления обеих сторон тождественны и зиждутся на одинаковых способах доказательства;

приняв далее во внимание, что из открытия метеора не вытекает неоспоримого права собственности на данный метеор, что закон молчит по этому поводу и что за отсутствием закона нельзя сослаться на аналогию;

что применение предполагаемого права собственности, будь оно даже обоснованным, могло бы, ввиду особенностей данного дела, столкнуться с непреодолимыми препятствиями, благодаря чему судебное решение рисковало бы остаться мертвой буквой, — что нанесло бы ущерб принципам, на которых основывается вся цивилизация, и могло бы уронить в глазах населения авторитет суда;

что в столь специальном вопросе следует действовать осторожно и обдуманно;

приняв, наконец, во внимание, что поданные в суд иски основываются (независимо от утверждений сторон) на событиях гипотетических, которые могут и не произойти;

что, если падение и произойдет, метеор может свалиться в море, покрывающее три четверти земного шара;

что и в том и в другом случае дело должно будет считаться аннулированным ввиду отсутствия спорного предмета;

основываясь на всем вышесказанном, — откладывает вынесение своего окончательного решения до момента падения метеора, установленного и заверенного по всем правилам закона».

«Точка!» — закончил диктовать мистер Прот, подымаясь со своего кресла.

Судебное заседание было закрыто.

Аудитория осталась под впечатлением мудрых «принимая во внимание» мистера Прота. Ведь и в самом деле, не

было ничего невозможного в том, что болид погрузится в морские глубины, откуда его уже немислимо будет вытащить. А затем — на какие «непреодолимые трудности» намекал судья? Что должны были означать эти таинственные слова?

Все это давало пищу для раздумья, а раздумье обычно успокаивает взволнованные умы.

Приходится предположить, что мистер Форсайт и доктор Гюдельсон не предавались раздумью, — ибо они не успокаивались, а скорее даже наоборот. Стоя в разных углах зала, они грозили друг другу кулаком, взывая к своим сторонникам.

— Я не подчинюсь такому постановлению! — громовым голосом кричал мистер Форсайт. — Это явная бессмыслица!

— Это постановление — нелепость, — не отставая от него, во все горло орал доктор Гюдельсон.

— Осмелиться предположить, что мой болид не упадет...

— Сомневаться в том, что мой болид упадет!..

— Он упадет там, где я предсказал...

— Я определил место его падения...

— И раз я не могу добиться защиты закона...

— И раз суд отвергает мою жалобу...

— Я буду до конца защищать свои права... Я уезжаю сегодня же вечером.

— Я буду добиваться моих прав до последней крайности... Сегодня же пускаюсь в путь.

— В Японию! — вопил мистер Дин Форсайт.

— В Патагонию! — не уступая своему противнику, орал доктор Гюдельсон.

— Ур-ра! — заливались хором оба враждебных лагеря.

По выходе на улицу толпа разделилась на две части, и к ним примкнули любопытные, которым не удалось пробраться в зал заседаний. Шум стоял невообразимый: крики, угрозы, брань... Еще немного, и дошло бы до рукопашной, так как сторонники Дина Форсайта жаждали приступить к линчеванию Сиднея Гюдельсона, а сторонники Сиднея Гюдельсона мечтали покончить с Дином Форсайтом при помощи суда Линча — истинно американского способа разрешения спора...

К счастью, власти успели заранее принять меры. Нагрянуло достаточное число полисменов, которые, решительно и вполне своевременно приступив к делу, развели забияк.

Едва только враждующие стороны отказались на некотором расстоянии друг от друга, как их ярость, в какой-то степени напускная, улеглась. Но сохранить за собой право про-

изводить как можно больше шума казалось этим войкам необходимым. Поэтому, умерив вопли по адресу главы враждебной партии, они продолжали оглашать воздух криками каждый в честь своего кумира:

— Ур-ра, Дин Форсайт!..

— Ура, Гьюдельсон!..

Возгласы эти скрещивались, гремя, как гром. Вскоре они слились в общем зверином вое.

— На вокзал! — вопили обе группы, которые сошлись, наконец, на одном.

И толпа по собственному почину построилась в две колонны, которые наискось пересекли площадь Конституции, освобожденную, наконец, от воздушного шара Уолтера Врагга. Во главе одной из колонн торжественно шествовал мистер Дин Форсайт, а во главе другой — доктор Сидней Гьюдельсон.

Полисмены следили за происходившим с полным безразличием: ведь беспорядка больше не предвиделось. Да и в самом деле, не приходилось опасаться столкновения между обеими колоннами: одна из них торжественно сопровождала мистера Дина Форсайта к Западному вокзалу, где начинался его путь в Сан-Франциско, а оттуда в Японию, а другая не менее торжественно последовала за доктором Сиднеем Гьюдельсоном к Восточному вокзалу — конечному пункту железнодорожного пути в Нью-Йорк, где доктору предстояло сесть на пароход, направлявшийся в Патагонию.

Крики затихли и, наконец, совсем замерли вдали.

Мистер Джон Прот, который до сих пор, стоя на пороге своего дома, развлекался видом бурной толпы, вспомнил, что наступило время завтрака, и сделал движение, собираясь войти к себе в дом.

Но в эту самую минуту его задержали какой-то джентльмен и дама, которые, обойдя площадь по краю, приблизились к нему.

— Одно только слово, господин судья! — произнес джентльмен.

— Рад служить вам! — учтиво ответил мистер Джон Прот.

— Два месяца тому назад, господин судья, — снова заговорил джентльмен, — мы явились к вам с просьбой оформить наш брак...

— И я был очень рад, — заявил мистер Прот, — что это событие дало мне возможность познакомиться с вами.

— А сегодня, господин судья,— продолжал мистер Стенфорт,— мы явились к вам, чтобы развестись.

Судья Прот, как человек многоопытный, понял, что добиться примирения ему в данный момент не удастся.

— Тем не менее я радуюсь возможности возобновить с вами знакомство,— заявил он, не растерявшись.

Джентльмен и дама поклонились.

— Не угодно ли вам будет зайти? — предложил судья.

— Разве это так уж необходимо? — спросил мистер Сэт Стенфорт точно так же, как и два месяца назад.

И совершенно так же, как и два месяца назад, мистер Прот спокойно ответил:

— Ни в какой мере.

Трудно встретить человека более покладистого.

Правда, хотя развод, как правило, производится в условиях не столь необычных, все же его не так трудно добиться в любом из крупных штатов Федерации.

Ничего, кажется, нет проще, чем порвать брачные узы в этой удивительной стране, именуемой Америкой; это даже легче, чем вступить в брак. В некоторых штатах достаточно указать какой-нибудь фиктивный адрес, чтобы избавиться от необходимости лично присутствовать при процедуре развода. Специальные агентства принимают на себя труд подобрать свидетелей и добыть подставных участников. Эти агентства имеют в своем распоряжении особых вербовщиков, некоторые из которых пользуются широкой известностью.

Мистеру и миссис Стенфорт не пришлось прибегать к таким сложным мерам. Они успели уже в Ричмонде — месте их постоянного жительства — предпринять все нужные шаги и выполнить необходимые формальности. Если они оказались сейчас в Уостоне, то просто в силу каприза,— им хотелось расторгнуть свой брак именно там, где их связали узами этого брака.

— Документы все в порядке? — спросил судья.

— Вот мои документы! — произнесла миссис Стенфорт.

— Вот мой! — сказал мистер Стенфорт.

Мистер Прот взял в руки документы и удостоверился, что они составлены по всем правилам закона.

— А вот и бланк акта о разводе, уже готовый и отпечатанный,— сказал судья, покончив с проверкой.— Остается только вставить имена и расписаться. Но не знаю, удобно ли будет здесь...

— Разрешите мне предложить вам это усовершенствованное вечное перо,— перебил его мистер Стенфорт.

— И вот эту картонку: она вполне заменит столик,— дала миссис Стенфорт, взяв из рук горничной плоскую картонку и подавая ее судье.

— У вас на все готов ответ,— одобрительно заметил судья и принялся заполнять бланки.

Покончив с этим, он протянул перо миссис Стенфорт.

Не произнеся ни слова, не колеблясь, недрогнувшей рукой миссис Стенфорт расписалась: «Аркадия Уокер».

И мистер Сэт Стенфорт с тем же хладнокровием поставил под ее подписью свою.

Затем оба, как и два месяца назад, подали судье по пятидесятидолларовой бумажке.

— За ваши труды,— как и тогда, сказал мистер Сэт Стенфорт.

— В пользу бедных! — проговорила Аркадия Уокер.

Не теряя времени, они поклонились судье, распрощались друг с другом и разошлись, даже не обернувшись,— он по направлению к предместью Уилкоккс, она — в противоположную сторону.

Когда они исчезли из виду, мистер Прот вошел к себе в дом, где давно уже его дожидался завтрак.

— Знаете, Кэт, что мне следовало бы написать на моей вывеске? — спросил он свою старую служанку, подвязывая салфетку.

— Нет, сэр.

— Мне следовало бы написать: «Здесь венчаются, не сходя с лошади, и разводятся стоя».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой, как предвидел судья Джон Прот, появляется третий похититель, и за ним вскоре и четвертый

Лучше даже и не пытаться описать глубокое горе семьи Гьюдельсон и отчаяние Франсиса Гордона. Нечего и сомневаться в том, что Франсис, не задумываясь, порвал бы всякие отношения со своим дядей, обошелся бы и без его согласия, не считаясь ни с его гневом, ни с неизбежными последствиями такого разрыва. Но то, что он мог позволить себе по отношению к мистеру Дину Форсайту, было немислимо по отношению к доктору Гьюдельсону. Напрасно пыталась миссис Гьюдельсон добиться согласия своего мужа и заставить его снова вернуться к своему первоначальному решению: ни мольбы ее, ни упреки не могли воздействовать на упрямого

доктора. Даже Лу, сама крошка Лу, была бесцеремонно выставлена, невзирая на ее просьбы, ласки и горькие слезы.

Но теперь и эти попытки становились невозможными, — ведь ее отец и дядя Франсиса, окончательно поддавшись безумию, умчались в дальние края.

А между тем каким бесцельным был отъезд обоих соперников! Каким ненужным был развод, поводом к которому для Сэта Стенфорта и Аркадии Уокер послужили утверждения обоих астрономов! Если б эти четверо людей дали себе всего лишь одни лишние сутки на размышление, их поведение было бы совсем иным.

Как раз на следующее утро уостонские, да и не только уостонские, газеты напечатали статью за подписью директора Бостонской обсерватории И. Б. К. Лоуэнталя, в корне менявшую положение. Не слишком-то лестной была эта статья для двух уостонских знаменитостей! Приводим ее ниже in extenso¹.

«Сообщение, сделанное несколько дней тому назад двумя астрономами-любителями из города Уостона, вызвало сильнейшее волнение публики. Мы должны внести некоторую ясность в затронутый вопрос.

Да будет нам прежде всего дозволено выразить сожаление, что сообщения, вызывающие столь бурные отклики, делаются с налета и без консультации с настоящими учеными. В таких ученых у нас недостатка нет. Их научная работа, на которую им дают право полученные ими дипломы и свидетельства, протекает в целом ряде официальных обсерваторий.

Разумеется, честь и слава тому, кто первым заметил небесное тело, услужливо пересекающее поле зрения телескопа, повернутого к небу. Но все же такая благоприятная случайность не может сразу превратить рядовых любителей в профессиональных математиков. Если некоторые люди, не считаясь с этой простой истиной, делают попытку подступить к проблемам, разрешение которых требует специальных знаний, они легко могут допустить ошибки, вроде той, которую мы считаем своим долгом разъяснить.

Совершенно верно, что болид, которым заинтересован сейчас весь мир, претерпел какую-то пертурбацию. Но господа Форсайт и Гьюдельсон совершили недопустимую оплошность, удовлетворившись одним-единственным наблюдением, и на основе таких совершенно недостаточных данных про-

¹ В подлинном виде; дословно, полностью (лат.).

извели расчеты,— кстати сказать, неправильные. Учитывая даже одно только изменение, которое они отметили вечером 11 или утром 12 мая, нельзя не прийти к результатам, резко отличающимся от их выводов. Но дело не только в этом. Изменения в курсе болида не начались и не кончились ни 11, ни 12 мая. Первые признаки отклонения относятся к 10 мая, и дальнейшие нарушения курса продолжаются до сих пор.

Эта пертурбация или, вернее, эти последовательные пертурбации привели, с одной стороны, к тому, что болид приблизился к поверхности Земли, а с другой — вызвали отклонение его траектории. К 17 мая расстояние болида от поверхности Земли сократилось примерно на семьдесят восемь километров, а отклонение траектории равнялось приблизительно пятидесяти пяти дуговым минутам.

Такое двойное изменение в положении болида не произошло внезапно. Оно явилось результатом накопления целого ряда очень мелких изменений, которые начиная с 10 мая происходили последовательно одно за другим.

До сих пор не удалось открыть причину изменений, происходящих в курсе болида. Никакие небесные явления как будто бы не могут служить для этого основанием. Изучение этого вопроса продолжается и, без сомнения, в кратчайший срок даст искомый результат.

Как бы там ни было, но по меньшей мере преждевременно предсказывать падение этого астероида и а fortiori определять место и дату падения. Надо полагать, что в том случае, если неведомая еще нам причина, влияющая на болид, будет продолжать свое действие в том же направлении, болид в конце концов упадет. Ничто, однако, пока не дает права утверждать, что именно так оно и будет. Относительная скорость его безусловно увеличилась, раз сократилась описываемая им орбита. Он может, следовательно, и не упасть, если сила, притягивающая его, почему-либо прекратит свое воздействие.

В случае, если оправдается другая гипотеза, то, принимая во внимание, что отмеченные ежедневные пертурбации до сих пор носят неравномерный характер и как будто не подчиняются никакому закону,— совершенно невозможно, даже и предвидя падение метеора, определить заранее место падения и дату.

Итак, мы приходим к следующему заключению: падение болида представляется вероятным, но не обязательным. Во всяком случае, оно может и не произойти.

Мы советуем поэтому сохранять спокойствие в ожидании пока еще гипотетических событий, которые — даже если и

произойдут — возможно, не дадут никаких практических результатов. Мы стараемся и впредь держать читателей в курсе всех новостей, публикуя ежедневные заметки, которые будут час за часом отмечать ход событий».

Узнали ли мистер Сэт Стенфорт и миссис Аркадия Уокер о заключениях И. Б. К. Лоуэнталя? Вопрос этот остался невыясненным. Что касается мистера Дина Форсайта и доктора Сиднея Гьюдельсона, то они были настигнуты камнем, брошенным в их огород директором Бостонской обсерватории, первый — в Сен-Луи (штат Миссури), а второй — в Нью-Йорке. Оба они покраснели, словно получив настоящую пощечину.

Как ни тяжело было их унижение, оставалось только склонить голову. С такими учеными, как И. Б. К. Лоуэнталь, не спорят. Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон вернулись поэтому, сильно обескураженные, в Уостон. Один — пожертвовав уже оплаченным билетом до Сан-Франциско, другой — оставив в распоряжении алчной пароходной компании заранее оплаченную каюту до Буэнос-Айреса.

Вернувшись к себе домой, они поспешно поднялись в свои обсерватории. Не много времени понадобилось им для того, чтобы убедиться в правоте И. Б. К. Лоуэнталя: им с трудом удалось отыскать свой сбежавший болид. Они не увидели его там, где по расчетам — явно неправильным — ожидали его увидеть.

Мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон не замедлили ощутить последствия своей тяжелой ошибки. Куда девались ликующие толпы, торжественно сопровождавшие их к вокзалу? Симпатии к ним явно остыли. Как тяжело было им, недавно еще жадно наслаждавшимся своей популярностью, внезапно лишиться такого опьяняющего напитка!

Но вскоре их внимание приковала новая и куда более серьезная забота. Как и предсказывал с большой осторожностью судья Джон Прот, у них появился новый конкурент. Началось с возникновения каких-то глухих слухов, и вдруг за какие-нибудь несколько часов эти слухи превратились в официальную новость, о которой сообщали под грохот литавр *urbi et orbi*¹.

Трудно было бороться с этим третьим похитителем, объединившим в себе весь цивилизованный мир. Если бы мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон не были так ослеплены своей страстью, они с самого начала предусмотрели бы воз-

¹ Городу и всему миру; на весь мир (лат.).

можность его вмешательства. Вместо того чтобы затевать нелепый судебный процесс, они подумали бы о том, что правительства многих государств заинтересуются этими тысячами миллиардов, могущими стать поводом к самой чудовищной финансовой революции. Но ни Дину Форсайту, ни Сиднею Гьюдельсону даже и в голову не приходила такая простая, казалось бы, мысль. Поэтому известие о созыве Международной конференции поразило их, как громом.

Они бросились узнавать, в чем дело. Сведения оказались точными. Намечались уже кандидаты в члены будущей конференции, которая должна была собраться в Вашингтоне. Дату начала ее работ пришлось несколько отодвинуть, чтобы дать возможность съехаться делегатам из отдаленных стран, хотя эта отсрочка и считалась крайне нежелательной. Тем не менее ввиду особых обстоятельств правительствами было решено начать, не дожидаясь приезда в Вашингтон всех делегатов, подготовительные совещания дипломатов, аккредитованных при американском правительстве. Делегаты из дальних мест успеют съехаться, пока будут происходить предварительные совещания, на которых подготовят почву для работы конференции. Таким образом, перед конференцией уже с первого заседания будет четкая программа.

Пусть читатель не надеется, что мы приведем здесь список стран, пожелавших принять участие в этой конференции. Как мы уже говорили, в такой список пришлось бы включить все страны цивилизованного мира. Ни одна империя, ни одно королевство, ни одна республика или даже княжество не отказались участвовать в разборе поставленного перед конференцией вопроса, и все они прислали своих делегатов, начиная от России и Китая, солидно представленных господином Иваном Саратовым из Риги и его превосходительством Ли Маочи из Кантона, и кончая республиками Сан-Марино и Андоррой, интересы которых ревностно защищали господа Беверажи и Рамунчо.

Допустими были все притязания, все надежды были законными: никому ведь не было еще известно, где упадет метеор и упадет ли вообще.

Первое подготовительное совещание состоялось в Вашингтоне 25 мая. Оно началось с разрешения *ne varietur*¹ вопроса о Форсайте — Гьюдельсоне. На это дело потребовалось не более пяти минут. Напрасно оба астронома-любителя, которые для этого приехали в Вашингтон, настойчиво

¹ Неизменный (лат.).

требовали, чтобы им предоставили слово. Их выпроводили словно каких-то презренных самозванцев. Легко себе представить, какими разъяренными они вернулись в Уостон! Приходится, однако, признать, что жалобы их не встретили сочувствия. Не нашлось ни одной газеты, которая выступила бы в их защиту! Теперь их уже не венчали цветами и не называли «почтенными гражданами города Уостона», «талантливыми астрономами», «математиками, столь же выдающимися, сколь и скромными». Теперь тон стал иной.

«Зачем эти два шута сунулись в Вашингтон?.. Они первые заметили метеор?.. Ну и дальше что?.. Неужели эта благоприятная случайность дает им какие-то особые права? От них, что ли, зависит его падение? Право же, не приходится даже спорить о таких нелепых претензиях». Вот в каком тоне писали теперь о них газеты. *Sic transit gloria mundi*¹.

После ликвидации вопроса об уостонских астрономах перешли к делам более серьезным.

Прежде всего несколько заседаний было посвящено составлению списка суверенных держав, за которыми будет признано право на участие в конференции. У многих из них не было официальных представителей в Вашингтоне. Нужно было закрепить в принципе их право на участие в работе конференции к тому времени, когда она займется основными вопросами. Составление такого списка оказалось нелегким делом. Прения приняли чрезвычайно острый характер, и было ясно, что в будущем предстояло еще немало споров. Венгрия и Финляндия, например, заявили претензию на право прямого представительства, против чего решительно возражали кабинеты министров Вены и Санкт-Петербурга. Франция и Турция, со своей стороны, затеяли жестокий спор из-за Туниса, еще более осложнившийся вследствие личного вмешательства тунисского бейя. Япония в то же время испытывала немалое беспокойство из-за Кореи. Большинство государств натолкнулось на подобные же трудности. После семи заседаний оказалось, что дело еще не сдвинулось с мертвой точки. Но вдруг 1 июня неожиданный инцидент вызвал полное смятение умов.

Согласно своему обещанию И. Б. К. Лоуэнталь ежедневно в форме коротких газетных заметок сообщал новости о болиде. Эти заметки до сих пор не содержали ничего особенно интересного. Они ограничивались сообщениями на весь мир о том, что в продвижении метеора продолжают проявляться

¹ Так проходит мирская слава (*лат.*).

крайне незначительные отклонения, которые, взятые вместе, делают падение болида все более вероятным, хотя все еще нельзя этого утверждать с полной уверенностью.

Но заметка, появившаяся 1 июня, резко отличалась от предыдущих. Оставалось предположить, что смятение болида оказалось в какой-то мере заразительным: уж очень странное смущение проявлял сам И. Б. К. Лоуэнталь.

«С искренним волнением,— писал он,— ставим мы сегодня в известность наших читателей о странных явлениях, свидетелями которых мы были. Факты, отмеченные нами, способны подорвать основы астрономической науки, другими словами — науки вообще, ибо все человеческие знания образуют одно целое, части которого неразрывно связаны. Все же, хоть и необъясненные и необъяснимые, эти явления имеют место, и мы не можем не считаться с ними.

В наших предыдущих заметках мы информировали читателей о том, что в движении устонского болида произошел целый ряд последовательных и непрерывных изменений, причину и закономерность которых до сих пор было невозможно установить. Такое явление было уже само по себе ненормальным. Астроном читает в небе, как в открытой книге, и ничто обычно не происходит там, чего бы он не предвидел заранее или во всяком случае результаты чего не мог бы предсказать. Затмения, предсказанные за сотни лет вперед, происходят точно в назначенную секунду, словно подчиняясь воле слабого смертного, предвидевшего их заранее в тумане будущего. Его предсказание сбылось; а сам он вот уже века, как покоится вечным сном.

Если, однако, замеченные колебания и представляли резкое отклонение от нормы, они все же не противоречили данным науки, и хотя причины оставались для нас невыясненными, мы могли обвинять в этом несовершенство наших методов исследования.

В настоящее время все резко изменилось. Начиная с позавчерашнего дня, то есть с 30 мая, в курсе болида произошли новые отклонения, которые находятся в полном противоречии с самыми твердыми основами наших теоретических знаний. Нам приходится, следовательно, отказаться от надежды найти удовлетворительное объяснение этих пертурбаций, ибо принципы, считавшиеся до сих пор неопровержимыми аксиомами,— принципы, на которых зиждились все наши расчеты, в данном случае, как видно, неприменимы.

Даже мало изощренный наблюдатель мог легко заметить, что болид при вторичном своем прохождении днем

30 мая, вместо того чтобы по-прежнему приближаться к Земле, как это непрерывно происходило начиная с 10 мая, заметно от нее удалился. С другой стороны, отклонение его орбиты, которая вот уже двадцать дней проявляла тенденцию все больше сдвигаться на северо-восток — юго-запад, внезапно перестало нарастать.

Такое внезапное изменение уже само по себе было непостижимо, как вдруг вчера, 31 мая, при четвертом прохождении метеора, после восхода солнца, пришлось констатировать, что его орбита стала снова почти точно северо-южной, тогда как расстояние болида от Земли было совершенно таким же, что и накануне.

Таково положение в настоящее время. Наука бессильна найти объяснение фактам, которые кажутся беспричинными, — если что-либо в природе вообще может быть беспричинным.

В нашей первой статье мы писали, что падение болида, которое нельзя еще предсказать твердо, все же следует считать весьма вероятным. Сейчас мы и это уже не решаемся утверждать и вынуждены скромно признаться в нашем неведении».

Если бы какой-нибудь анархист швырнул бомбу в зал, где происходило восьмое подготовительное заседание, он не добился бы такого эффекта, как тот, который произвела статья за подписью И. Б. К. Лоуэнталя. Газеты, в которых была напечатана эта статья в окружении других, комментирующих ее статей, пестревших восклицательными знаками, раскупались нарасхват. Вся вторая половина дня прошла в разговорах, в довольно нервном обмене мнений, что нанесло значительный ущерб работе конференции.

Но дальше все пошло хуже и хуже. Сообщения И. Б. К. Лоуэнталя следовали одно за другим и становились все более сенсационными. Среди великолепно налаженного балета небесных светил один только болид, казалось, исполнял дикую пляску — одинокий кавалер, не подчиняющийся ни правилам, ни такту, ни ритму. Его орбита то отклонялась на три градуса к востоку, то выпрямлялась на четыре градуса к западу. Если при одном появлении могло показаться, что он несколько приблизился к Земле, то при следующем появлении он удалялся от нее на несколько километров. Можно было просто сойти с ума!

И безумие постепенно охватывало Международную конференцию. Потеряв уверенность в практической полезности своих выступлений, дипломаты работали кое-как, не надеясь добиться настоящих результатов.

А время между тем шло. С разных концов света делегаты различных наций на всех парах устремлялись в Америку, в Вашингтон. Многие из них уже прибыли, и скоро число их оказалось достаточным, чтобы прямо перейти к делу, не дожидаясь коллег из более отдаленных краев. Неужели перед ними окажется проблема, к выяснению которой даже еще не приступили?

Членам подготовительной комиссии, для которых это было делом чести, ценой самой напряженной работы на восьми дополнительных заседаниях удалось составить список стран, делегаты которых будут допущены к участию в конференции. Общее число их составляло пятьдесят два человека. Двадцать пять мест было предоставлено Европе, шесть — Азии, четыре — Африке и семнадцать — Америке.

В этом списке значились двенадцать империй, двенадцать наследственных королевств, двадцать две республики и шесть княжеств. Эти пятьдесят два государства — империи, монархии, республики и княжества — либо сами, либо в лице своих вассалов и колоний признавались, таким образом, единственными хозяевами земного шара.

И в самом деле, пора было подготовительным комиссиям покончить с этим вопросом. Большинство делегатов этих пятидесяти двух стран уже собрались в Вашингтон. И каждый день прибывали все новые.

Первое заседание Международной конференции началось 10 июня в два часа дня под председательством старейшего из делегатов, господина Солиэса, профессора океанографии, представителя княжества Монако. Сразу же приступили к выборам постоянного президиума.

При первом голосовании председателем, из уважения к стране, предоставившей для конференции свою территорию, был избран мистер Гарвей, делегат Соединенных Штатов. Пост вице-председателя после долгих препирательств был предоставлен русскому делегату, господину Саратову. Делегаты Франции, Англии и Японии заняли места секретарей.

По окончании всех формальностей председатель обратился к собравшимся с весьма учтивым приветственным словом, встреченным аплодисментами. Затем он предложил избрать три подкомиссии, которым будет поручено изыскать наилучший метод работы с точки зрения статистики, финансов и права.

Едва лишь началось голосование, как вдруг к председательскому креслу подошел один из чиновников и подал мистеру Гарвею телеграмму.

Мистер Гарвей начал читать телеграмму, и, по мере того как он читал, лицо его менялось, выражая все нарастающее удивление. Он на мгновение задумался, затем пренебрежительно пожал плечами, снова задумался и, наконец, решительно зазвонил в колокольчик, чтобы привлечь внимание своих коллег.

В зале установилась тишина, и тогда Гарвей заговорил:

— Милостивые государи, я должен поставить вас в известность, что мною получена телеграмма. Я не сомневаюсь, что это дело рук злого шутника или сумасшедшего. И все же я нахожу нужным довести ее до вашего сведения. В этой телеграмме, никем, кстати, не подписанной, сказано следующее:

«Господин председатель,

Честь имею сообщить Международной конференции, что болид, который должен стать предметом ее обсуждения, вовсе не *res nullius*¹, а является моей личной собственностью.

Поэтому Международная конференция не имеет под собой никакой почвы, и если она будет продолжать свои заседания, то должна иметь в виду, что труды ее останутся бесплодными.

Болид приближается к Земле, подчиняясь моей воле, упадет он на моем участке и, следовательно, принадлежит мне».

— И эта телеграмма никем не подписана? — спросил делегат Англии.

— Подписи нет!

— В таком случае нет оснований с ней считаться, — объявил делегат Германской империи.

— Я такого же мнения, — произнес председатель, — и полагаю, что коллеги мои сочтут правильным, если этот документ будет приобщен к делам конференции... Вы согласны со мной, господа? Возражений нет?.. Заседание продолжается...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой вдова Тибо, необдуманно вмешавшись в самые сложные проблемы небесной механики, причиняет серьезнейшее беспокойство банкиру Лекёру

Мудрецы уверяют, что нравственный прогресс постепенно приведет к исчезновению синекур. Мы готовы поверить им на слово. Но одна такая синекюра существовала во всяком

¹ Ничья вещь (лат.).

случае в период, когда разворачивались странные события, о которых мы здесь повествуем.

Синекура эта принадлежала вдове Тибо, бывшей владелице мясной лавки, ныне ведавшей хозяйством Зефирена Ксирдаля.

Обязанности вдовы Тибо состояли в уборке комнаты этого чудаковатого ученого. Так как меблировка этой комнаты была до предела примитивна, то и содержание ее в порядке не могло идти в сравнение с тринадцатым подвигом Геркулеса. Что касается остальной части квартиры Ксирдаля, то она находилась вне компетенции вдовы Тибо. Во второй комнате, например, ей было строго-настрого запрещено под каким бы то ни было предлогом прикасаться к грудам бумаг, сваленным вдоль стен, и энергичные взмахи метлы почтенной вдовы, как было твердо договорено, не имели права выходить за пределы маленького четырехугольника посередине комнаты, где виднелся обнаженный паркет.

Вдова Тибо, от природы наделенная любовью к порядку и чистоте, испытывала тяжкие муки, глядя на хаос, окружавший этот квадрат паркета, как безграничное море окружает крохотный островок. Вдову Тибо терзало неутолимое желание навести здесь настоящий порядок. Однажды, оставшись в квартире одна, вдова Тибо, набравшись храбрости, принялась за дело. Но вернувшийся неожиданно Зефирен Ксирдаль пришел в такую ярость и его обычно добродушное лицо исказилось таким выражением жестокости, что вдову после этого целую неделю подряд тряс нервный озноб. С тех пор она воздерживалась от каких-либо покушений на территорию, изъятую из-под ее юрисдикции.

Все эти многочисленные препоны, парализовавшие ее профессиональные таланты, создавали положение, при котором вдове Тибо почти нечего было делать. Это не мешало ей, впрочем, ежедневно проводить не менее двух часов у своего «хозяина» — так она именovala Зефирена Ксирдаля. Из этих двух часов час и три четверти бывали посвящены разговору, вернее — изысканному монологу.

Кроме всех остальных своих достоинств, вдова Тибо обладала еще удивительным даром красноречия. Злые языки утверждали, что она просто феноменально болтлива. Но это были именно злые языки. Она любила поговорить, — вот и все.

Не то чтобы она давала особенную волю воображению. Аристократическое происхождение семьи, имевшей счастье считать ее своим членом, служило главной темой ее монологов. Переходя затем к перечню своих горестей и злосчастий,

она поясняла, благодаря какой цепи неблагоприятных случайностей владелица мясной лавки могла опуститься до положения прислуги. Неважно, если собеседникам уже были известны эти горестные события. Вдова Тибо всегда с одинаковым удовольствием рассказывала о них. Исчерпав этот сюжет, она переходила к разбору характеров разных лиц, у которых ей доводилось служить. Сравнивая взгляды, привычки и поведение своих бывших господ со взглядами и привычками Зефирена Ксирдаля, она с полным беспристрастием хвалила одних и порицала других.

Хозяин ее, проявляя беспредельное терпение, не отвечал ни слова. Надо, правда, признаться, что, поглощенный своими мыслями, он не прислушивался к ее болтовне, что значительно снижало его заслугу. Но как бы там ни было, уже много лет все обстояло прекрасно: она болтала без умолку, он — не слышал ни слова. А в общем, оба были вполне довольны друг другом.

Тридцатого мая, как и ежедневно, в девять часов утра вдова Тибо переступила порог комнаты Зефирена Ксирдаля. Но так как ученый накануне уехал со своим другом Марселем Леру, квартира оказалась пустой.

Вдова Тибо не очень этому удивилась. Случавшиеся и прежде внезапные отъезды ее хозяина приучили ее к таким неожиданным исчезновениям. Все же несколько раздосадованная тем, что будет лишена привычной аудитории, вдова Тибо принялась за уборку.

Покончив со спальней, она перебралась в соседнюю комнату, которую торжественно именovala «рабочим кабинетом». Но тут ей пришлось испытать настоящее волнение.

Какой-то незнакомый предмет, какое-то подобие ящика темного цвета, захватил значительную часть квадрата, по которому имела право разгуливать ее метла. Что бы это значило? Твердо решив, что она не потерпит подобного посягательства на свои права, вдова Тибо недрогнувшей рукой отодвинула непривычный предмет, затем преспокойно принялась за выполнение своих обязанностей.

Несколько туговатая на ухо, она не слышала жужжания, исходившего из ящика, а голубоватый свет, отраженный металлическим рефлектором, был настолько слаб, что вдова Тибо его не заметила. Одно явление все же привлекло на мгновение ее внимание. Когда она проходила мимо металлического рефлектора, ее словно что-то толкнуло, и она упала на пол. Вечером, раздеваясь, она с удивлением обнаружила грандиозный синяк, украсивший ее правое бедро. Это пока-

залось ей очень странным, — ведь упала она на левый бок. Ей больше ни разу не пришлось оказаться на линии оси рефлектора, и непонятное явление больше не повторялось. Вдове Тибо поэтому и в голову не пришло поставить этот случай в какую-либо связь с ящиком, который она передвинула дерзновенной рукой. Она решила, что просто оступилась, и на этом успокоилась.

Вдова Тибо, глубоко проникнутая сознанием долга, подмела пол, а затем подвинула ящик на прежнее место. Нужно ей отдать справедливость: она при этом приложила все старания, чтобы ящик стоял в точности так, как прежде. Если ей это и не вполне удалось, то следует отнестись к ней снисходительно и признать, что она отнюдь не по легкомыслию повернула маленький, состоявший из пляшущих пылинок цилиндр в несколько ином направлении.

В последующие дни вдова Тибо повторяла те же действия: к чему менять свои навыки, если это навыки, если это похвальные и достойные навыки?

Надо, однако, заметить, что черный ящик, к которому она постепенно привыкла, стал терять в ее глазах свою значительность, и она с каждым днем менее старательно устанавливала его после уборки на место. Правда, она ни разу не забыла придвинуть ящик к окну, раз господин Ксирдаль счел нужным именно туда его поставить, но металлический рефлектор отбрасывал теперь свои лучи ежедневно в новом направлении. Иногда он посылал цилиндр из пляшущих пылинок несколько левее, на следующий день — чуть-чуть правее. Вдовой Тибо не руководили дурные намерения, и она не подозревала, какие муки ее самовольное сотрудничество причиняло И. Б. К. Лоуэнталю. Однажды, нечаянно повернув рефлектор вокруг его собственной оси, вдова Тибо направила его прямо на потолок, что, впрочем, нисколько ее не смутило.

Вот именно в таком положении — с рефлектором, обращенным к зениту, — Зефирен Ксирдаль застал свою машину, вернувшись к себе 30 июня после полудня.

Пребывание Зефирена Ксирдаля на морском берегу складывалось очень благоприятно, и он, по всей вероятности, еще продлил бы его, если бы, примерно на двенадцатый день после приезда, у него не возникло странное желание переменить белье. Такая причуда заставила его развернуть привезенный с собой пакет. К своему крайнему изумлению, Зефирен Ксирдаль обнаружил в нем двадцать семь баночек с воронкообразным горлышком. Зефирен Ксирдаль широко

раскрыл глаза. Как сюда попали эти банки? Но вскоре звеня воспоминаний сомкнулись в цепь, и в памяти его встал проект устройства электрической батареи — такой увлекательный и так основательно им забытый.

Нанеся себе в качестве наказания несколько здоровенных тумачков, Ксирдаль поспешил упаковать все двадцать семь банок и, бросив своего друга Марселя Леру на произвол судьбы, поспешил на поезд, который доставил его прямо в Париж.

Легко могло случиться, что Зефирен Ксирдаль упустил бы из виду важные причины, заставлявшие его торопиться с возвращением. В этом не было бы ничего удивительного. Но один инцидент освежил ему память в ту минуту, когда он ступил ногой на платформу вокзала Сен-Лазар.

Ксирдаль с таким старанием заново упаковал свои двадцать семь банок, что пакет внезапно развернулся и на асфальт посыпалось все его содержимое. Банки со звоном разбились. Человек двести оглянулись, предположив, что это анархисты произвели какое-то покушение, но люди увидели только Зефирена Ксирдаля, в растерянности уставившегося на лежавшие перед ним осколки.

Происшедшая катастрофа имела одно преимущество: она напомнила владельцу скончавшихся банок, зачем, собственно, он прикатил в Париж. Не заходя к себе домой, он посетил торговца химическими препаратами, где и приобрел двадцать семь новых банок, а затем зашел к столяру, где уже десять дней его тщетно ожидала готовая арматура.

Так, нагруженный пакетами и трепещущий от страстного нетерпения приступить к опытам, Ксирдаль поспешно распахнул дверь своей квартиры. Но он замер на пороге при виде машины, рефлектор которой повернул свою пасть к зениту.

Зефирена Ксирдаля мгновенно обуяли воспоминания, и волнение его было так велико, что руки его, обессилев, выпустили все вещи, которые держали. И вещи эти, подчиняясь незыблемым законам тяготения, устремились по прямой линии к центру Земли. Нет сомнения, что они добрались бы до места назначения, если б, на беду, не были остановлены паркетом, на котором деревянное колесо переломилось пополам, а двадцать семь банок с шумом и звоном разлетелись вдребезги. Итак — пятьдесят четыре банки за какой-нибудь час! Если продолжать в таком же темпе, Зефирену Ксирдалю удастся в кратчайший срок разделаться со своим счетом у

Робера Лекёра, который так непозволительно долго вынужден был оставаться его кредитором.

Но Ксирдаль даже и не заметил произведенного им уничижения. Стоя неподвижно на пороге комнаты, он в задумчивости взирал на свою машину.

— Узнаю вдову Тибо! — произнес он, решившись наконец войти, что уж само по себе подтверждало его способность правильно ориентироваться.

Взглянув наверх, он обнаружил в потолке и дальше в самой крыше небольшое отверстие, расположенное в точном соответствии с осью металлического рефлектора, в центре которого лампочка продолжала неистово кружиться. Края отверстия, равного толщине карандаша, были очерчены так четко, словно бы его вырезали специальным инструментом.

Широкая улыбка раздвинула губы Зефирена Ксирдаля. Происходившее явно забавляло его.

— Вот так штука!.. Вот так штука!.. — пробормотал он.

Тем не менее в это дело следовало вмешаться. Наклонившись над машиной, Ксирдаль выключил ее. Сразу же затихло жужжание, голубоватый свет погас, трубочка постепенно прекратила свое вращение.

— Вот так штука... Вот так штука... — продолжал бормотать Зефирен Ксирдаль. — Воображаю, что должно было произойти!

Он нетерпеливо принялся разрывать бандероли газет, скопившихся у него на столе. Одну за другой прочел он статьи, в которых И. Б. К. Лоуэнталь извещал мир о несуразном поведении уостонского болида. Зефирен Ксирдаль буквально извивался от хохота.

Зато некоторые другие статьи заставили его нахмуриться. Что за дурацкая история с этой Международной конференцией, которая после нескольких подготовительных заседаний должна была открыться именно сегодня? Кому понадобилось устанавливать, чьей собственностью является болид? Не принадлежал он разве по праву тому, кто притягивал его к Земле? Ведь если бы не воздействие, оказываемое Ксирдалем, метеору суждено было бы вечно носиться в пространстве...

Но Зефирен Ксирдаль тут же подумал, что о его вмешательстве никому ничего не известно. Следовало немедленно сделать это достоянием гласности. Тогда Международная конференция не станет тратить времени на заведомо бесплодную работу.

Оттолкнув ногой осколки двадцати семи банок, он поспе-

шил в ближайшее почтовое бюро, откуда и отправил телеграмму, которую мистер Гарвей затем огласил с высоты своего председательского кресла. Никто, право же, не виноват, если по рассеянности, поразительной для такого нерассеянного человека, Зефирен Ксирдаль забыл подписаться под телеграммой.

Покончив с этим делом, Зефирен Ксирдаль вернулся к себе. В одном из научных журналов он почерпнул все нужные ему сведения о поведении метеора в последние дни, а затем, вторично откопав свою подзорную трубу, провел весьма плодотворные наблюдения, которые и легли в основу его новых расчетов.

К середине ночи все расчеты были уже закончены. Ксирдаль включил машину и принялся изливать в пространство лучистую энергию в том направлении и с той интенсивностью, какая была ему нужна. Полчаса спустя он остановил машину, улегся в постель и заснул сном праведника.

В течение двух дней Зефирен Ксирдаль продолжал свои эксперименты. На третий день, в тот момент, когда он выключил свою машину, к нему кто-то постучался. Распахнув дверь, Зефирен Ксирдаль оказался лицом к лицу с банкиром Лекёром.

— Наконец-то я застал тебя! — воскликнул Робер Лекёр, переступив порог.

— Как видите, я у себя! — произнес Ксирдаль.

— На этот раз мне повезло, — ответил Лекёр. — Не знаю, сколько раз я понапрасну взбирался на твой несчастный седьмой этаж! Где ты, черт возьми, пропадал?

— Я ненадолго отлучился, — пробормотал Ксирдаль, невольно покраснев.

— Отлучился! — с возмущением воскликнул господин Лекёр. — Отлучился! Да ведь это безобразие. Нельзя же заставлять людей так беспокоиться!

Зефирен Ксирдаль с удивлением взглянул на своего крестного. Он, разумеется, знал, что вправе рассчитывать на доброе отношение своего бывшего опекуна... но настолько...

— Но, дядюшка, почему это вас так трогает? — спросил он.

— Почему это меня так трогает? — воскликнул Лекёр. — Да ты не знаешь разве, несчастный, что все мое состояние сейчас держится на тебе?!

— Не понимаю, — заявил Ксирдаль, усаживаясь на край стола и подвигая гостью свое единственное кресло.

— Когда ты пришел ко мне, — начал Лекёр, — и расска-

зал о своих фантастических планах, тебе в конце концов, признаюсь, удалось меня убедить.

— Еще бы! — заметил Ксирдаль.

— Так вот — я решительно поставил на твою карту и вел на бирже серьезную игру на понижение.

— На понижение?..

— Ну да, я приказал продавать...

— Что продавать?

— Золотые прииски! Тебе ведь понятно: если болид упадет, золотые прииски понизятся, и тогда...

— Понизятся?.. Все меньше и меньше понимаю, — перебил его Ксирдаль. — Какое действие моя машина может оказать на какие-то золотые прииски?

— Разумеется, не на самые прииски, — согласился господин Лекёр. — А вот на уровень акций — это дело другое.

— Пусть так! — уступчиво произнес Ксирдаль. — Вы, значит, продали акции золотых копей. Это не Бог весть как серьезно. Это только доказывает, что у вас есть такие акции.

— Да нет же! У меня нет ни одной!

— Вот так ловко! — воскликнул Ксирдаль с удивлением. — Продавать то, чего у тебя нет, — здорово хитро! Мне бы это было не по плечу.

— Такая штука, мой друг, называется биржевой операцией, — пояснил банкир. — Когда нужно будет представить акции, я их куплю, вот и все.

— Но какая же в этом выгода? Продавать для того, чтобы затем снова покупать... Не больно это умно на первый взгляд!

— Вот тут-то ты ошибаешься: ведь к этому времени акции золотых приисков упадут в цене...

— А почему же они упадут в цене?

— Да потому, что болид пустит в оборот больше золота, чем имеется в настоящее время на всей земле. Поэтому стоимость золота упадет по меньшей мере наполовину, и вот тогда цена на акции золотых копей опустится до ничтожной цифры, чуть ли не до нуля. Теперь ты, наконец, понял?

— Конечно, — несколько неуверенно ответил Ксирдаль.

— Вначале, — продолжал Лекёр, — я радовался тому, что поверил тебе. Заметные изменения в курсе болида, ожидание его падения вызвали первое понижение в двадцать процентов на золотые акции. Глубоко убежденный, что последует еще более значительное понижение, я очень сильно зарвался.

— То есть?..
— То есть продал огромное количество золотых акций...
— Не имея их на руках, как и прежде?
— Разумеется... Теперь можешь себе представить мое волнение при создавшихся обстоятельствах: ты исчез, болид, задержанный в своем падении, блуждает по всему небосклону... И вот результат — золотые акции снова поднимаются, а я теряю колоссальные суммы! Как прикажешь мне к этому относиться?

Зефирен Ксирдаль с интересом глядел на своего крестного. Никогда еще не видал он этого, обычно столь сдержанного, человека таким взволнованным.

— Я не вполне уяснил себе вашу комбинацию,— произнес, наконец, Ксирдаль. — Это слишком сложно для меня. Одно я, кажется, понял: вам было бы приятно, чтобы болид свалился. Ну так вот: будьте спокойны, он свалится.

— Ты за это ручаешься?

— Ручаюсь.

— Своим честным словом?

— Своим честным словом... Но вы-то приобрели для меня участок?

— Конечно,— ответил Лекёр.— Все в порядке. У меня при себе документы и купчая.

— Ну, тогда все отлично,— сказал Ксирдаль.— Могу вам даже сообщить, что опыты мои закончатся к пятому июля этого года. В этот день я покину Париж и отправлюсь навстречу болиду.

— Который свалится?..

— Который свалится.

— Я поеду с тобой! — воскликнул господин Лекёр с волнением.

— Что ж! Если вам это улыбается...— произнес Зефирен Ксирдаль.

То ли сознание ответственности перед господином Лекёром, то ли научная заинтересованность, снова целиком охватившая его,— но некое благотворное влияние удержало Ксирдаля от дальнейших безумств. Начатые опыты проводились серьезно и методически, и таинственная машина возобновляла свое жужжание вплоть до 5 июля раз по четырнадцать в сутки.

Время от времени Зефирен Ксирдаль проводил астрономические наблюдения за метеором. Это давало ему возможность убедиться, что все протекает без заминок и в полном соответствии с его предположениями.

Утром 5 июля он в последний раз направил свой объектив к небу.

— Все в порядке,— произнес он, отходя от прибора.— Теперь можно предоставить его самому себе.

И Ксирдаль тут же принялся за упаковку своих вещей.

Прежде всего — машина, к ней несколько запасных лампочек, затем — подзорная труба. Ксирдаль с поразительной ловкостью обернул все это тряпками и уложил в футляры, обитые изнутри мягкой тканью, которая должна была защитить эти хрупкие вещи от всяких случайностей в пути. Затем наступила очередь его личных вещей.

Но с первого же шага он натолкнулся на серьезное препятствие. Во что уложить вещи, которые он намеревался взять с собой? В дорожный сундук? У Зефирена Ксирдаля отроду не было такового. Значит — в чемодан?

После долгих размышлений он вспомнил, что где-то у него в самом деле есть чемодан. И лучшим доказательством его реального существования могло служить то, что после напряженных поисков этот чемодан действительно нашелся в темном чулане. Здесь были нагромождены всевозможные обломки предметов домашнего обихода, столь различные по своему происхождению, что вряд ли в них разобрался бы даже самый опытный антиквар.

Чемодан, который Ксирдаль в конце концов вытащил на свет божий, некогда был оклеен холстом. Лохмотья, прилипшие к картонному каркасу чемодана, можно было разглядеть и сейчас. Что касается ремней, то их существование в прошлом представляло некоторую вероятность, но утверждать это было трудно, так как от них не осталось ни малейшего следа.

Зефирен Ксирдаль, раскрыв чемодан, вытащенный им на середину комнаты, задумался, уставившись на его пустые отделения. Что же сюда уложить?

«Только самое необходимое! — твердил он самому себе.— Нужно, следовательно, действовать методично и произвести тщательный отбор».

Следуя такому принципу, он прежде всего положил на дно чемодана три башмака. Позже ему пришлось горько пожалеть о том, что из трех башмаков один, по несчастной случайности, оказался ботинком на пуговицах, другой — полуботинком на шнуровке, а третий — просто мягкой туфлей. Но в данную минуту это не представляло особых неудобств, и целый угол чемодана был заполнен. А это уже хорошо.

Уложив обувь, Зефирен Ксирдаль почувствовал усталость и отер лоб. Затем он снова предался своим мыслям.

В результате глубоких размышлений он смутно осознал свою неполноценность в искусстве укладывать дорожные вещи. Потеряв, наконец, надежду добиться успеха, Ксирдаль, применяя общепринятый метод, решил действовать по вдохновению.

Он шарил в ящиках и в груди всякого платья, извлекая оттуда предметы своего гардероба. Через несколько минут куча самых разнообразных вещей переполнила одно отделение чемодана. Возможно, что другое отделение осталось пустым, о чем Зефирен Ксирдаль даже и не догадывался. Поэтому оказалось необходимым решительным ударом каблука примять груз, наполнивший первое отделение, каковым действием и была достигнута известная согласованность между содержимым и содержащим.

В заключение чемодан был охвачен крепкой веревкой, связанной целой серией таких замысловатых узлов, что сам изобретатель узлов впоследствии оказался неспособным их распутать. Покончив с этой последней операцией, ученый муж с горделивым удовлетворением поглядел на плод своих трудов.

Оставалось только отправиться на вокзал. Зефирен Ксирдаль был, как уже известно, неутомимым ходяком. Все же нечего было и думать доставить на вокзал при пешем способе передвижения машину, телескоп и чемодан. Вот так задача!

Нужно предположить, что Ксирдаль в конце концов открыл бы, что в Париже существуют фиакры. Но судьба избавила его от такого тяжкого умственного напряжения: на пороге неожиданно появился господин Лекёр.

— Ну как, Зефирен? — спросил он. — Ты готов?

— Я ждал вас, сами видите! — с полной искренностью ответил Ксирдаль, который на самом-то деле совершенно забыл о том, что крестный собирался поехать с ним.

— Тогда — идем! — сказал господин Лекёр. — Сколько у тебя мест?

— Три: машина, телескоп и чемодан.

— Одно дай мне, а остальное снеси вниз сам. Моя карета ждет у подъезда.

— Какая удачная мысль! — с восхищением заметил Зефирен Ксирдаль, запирая за собою дверь квартиры.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой И. Б. К. Лоуэнталь указывает, кому достанется главный выигрыш

С тех пор как мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон допустили ошибку, за которую так резко отчитал их И. Б. К. Лоуэнталь (а за этой первой неудачей последовал унижительный провал на Международной конференции), жизнь потеряла для них свою радужную окраску. Забытые, отодвинутые в ряды «прочих» граждан, они не могли переварить равнодушные публики после того, как познали упоительную прелесть славы.

В разговорах с последними, не изменившими им поклонниками они в резких выражениях клеймили ослепление толпы и, не скупясь на аргументы, защищались от нападков. Если даже и считать, что они ошиблись, следует ли ставить им в вину их ошибку? А разве их строгий критик, ученый И. Б. К. Лоуэнталь, не ошибся так же, как и они? Разве не пришлось ему во всеуслышание признаться в своем неведении? Не вытекало ли из этого, что их болид — какой-то исключительный, необыкновенный? Не была ли при таких условиях ошибка возможной и простительной?

— Разумеется! — подтверждали оставшиеся приверженцы.

Что же касается Международной конференции, то можно ли было представить себе нечто более возмутительное, чем ее постановление? Конференция стремится оградить порядок финансовых взаимоотношений в мире, — пусть так. Но как смела она отрицать права того, кто открыл метеор? Не могло разве случиться, что о болиде никому не было бы известно и, если ему суждено было упасть в конце концов на Землю, то не будь этого «первооткрывателя», никто не предсказал бы его падения и не привлек бы к нему внимания всего мира.

— И это я открыл его! — решительно утверждал мистер Форсайт.

— Я открыл его! — со своей стороны, с не меньшей энергией заявлял доктор Гьюдельсон.

— Разумеется, — твердили еще не изменившие приверженцы.

Как ни приятны были обоим астрономам эти одобрительные возгласы, они все же не могли заменить восторженных кликов толпы. Но так как было физически невозможно убедить по очереди всех встречаемых на улице, обоим астрономам

приходилось довольствоваться скромным фимиамом, который курили им все более редкие почитатели.

Пережитые неудачи не умерили их пыла. Даже наоборот. Чем резче оспаривались их права на болид, тем упорнее они эти права защищали. Чем отрицательнее относились к их притязаниям, тем убежденнее каждый из них отстаивал свои права единоличного и полного собственника.

При таких условиях нечего было надеяться на примирение. Поэтому о нем и не заикались. С каждым днем все глубже становилась пропасть, разделявшая несчастных жениха и невесту.

Форсайт и Гьюдельсон громогласно заявляли о своем намерении до последнего вздоха протестовать против ограбления, жертвами которого они себя считали, и исчерпать все возможности, чтобы добиться справедливого судебного решения. Итак, предстояло любопытное зрелище: на одной стороне мистер Форсайт, на другой — доктор Гьюдельсон, а против них — весь мир. Грандиозный процесс, нечего сказать... если только удастся найти суд, который сочтет себя «компетентным».

Пока что прежние друзья, ставшие злейшими врагами, совершенно перестали выходить из дому. Одиноким и мрачным, они проводили почти все время один — на верхушке своей башни, другой — на площадке мезонина. Отсюда они могли следить за метеором, похитившим их здравый смысл, и по нескольку раз в день убеждаться, что он продолжает чертить светящуюся дугу по синеве небосвода. Только изредка спускались они с этих высот, где по крайней мере были защищены от своего ближайшего окружения. Открытая неприязнь близких вливала дополнительную горечь в горькую чашу, которую, как им казалось, их принуждали испить.

Франсис Гордон, связанный тысячью воспоминаний детства с домом на Элизабет-стрит, не покинул его, но перестал разговаривать с дядей. Завтракали, обедали, не произнося ни слова. И так как даже Митс не раскрывала рта и не давала волю своему сочному красноречию, дом был погружен в тишину и печаль, словно монастырь.

У доктора Гьюдельсона отношения в семье также были не из приятных. Лу безжалостно дулась, невзирая на умоляющие взгляды отца. Дженни проливала потоки слез, несмотря на уговоры матери. Что же касается самой миссис Гьюдельсон, то она только вздыхала, возлагая надежды на целительное время: быть может, оно выведет их из положения, в кото-

ром трудно было решить, чего больше — нелепого или смешного.

Миссис Гьюдельсон была права: ведь принято считать, что время лучший целитель. Приходится все же признать, что время на этот раз не очень-то спешило исправить положение вещей в этих двух несчастных семьях. Если мистер Дин Форсайт и доктор Гьюдельсон не оставались равнодушными к неудовольствию, окружавшему их дома, это неудовольствие все же не могло причинить им огорчения, которое они испытали бы при других условиях. Навязчивая идея, владевшая ими, словно броня защищала их от всяких переживаний, не связанных с болидом. Ах, этот болид!.. К нему устремлялась вся любовь их сердца, все помыслы, все порывы души.

С какой страстью накидывались они на ежедневные заметки И. Б. К. Лоуэнталя и на отчеты Международной конференции! Вот где таились их общие враги! И только в неизбывной ненависти к своим общим врагам были они едины.

Понятно, какое они испытали удовлетворение, когда просочились слухи о трудностях, вставших перед подготовительной комиссией. И еще большей была их радость, когда они узнали, как медлительно, какими окольными путями Международная конференция, уже окончательно сформированная, добивалась соглашения, которое продолжало оставаться весьма проблематичным.

И действительно, выражаясь фамиллярно, в Вашингтоне дело застряло на мертвой точке.

Уже со второго заседания возникло опасение, что конференции не без труда удастся довести свою работу до благополучного конца. Невзирая на тщательное изучение вопроса в недрах подготовительных подкомиссий, с самого начала стало ясно, что достичь согласованности будет нелегко.

Первое конкретное предложение, внесенное на обсуждение конференции, состояло в том, чтобы право на владение болидом было признано за страной, на территории которой он упадет. Это значило бы свести вопрос к лотерее, на которой будет разыгран только один выигрыш. И какой огромный выигрыш!

Предложение это, внесенное Россией и поддержанное Англией и Китаем, государствами, владеющими обширной территорией, вызвало, выражаясь парламентским стилем, «заметное оживление». Остальные страны держались выжидательно. Заседание пришлось прервать. Начались кулуарные

переговоры и интриги. В конце концов, по предложению Швейцарии, большинством голосов было постановлено: отложить окончательное решение вопроса.

К нему вернуться в том случае, если не удастся установить принципа справедливого раздела.

Но как в подобном деле точно установить, что справедливо и что нет? Вопрос очень сложный. Одно заседание следовало за другим, и все они были одинаково безрезультатными. Ясного мнения делегатов выявить не удавалось. На некоторых заседаниях дебаты носили столь бурный характер, что мистеру Гарвею не оставалось ничего другого, как только надеть шляпу и сделать вид, будто он покидает председательское кресло.

Если такого жеста до сих пор оказывалось достаточно, чтобы успокоить возбуждение собравшихся, то будет ли он производить действие и дальше? Судя по царившему возбуждению, по резкости выражений, которыми обменивались делегаты,— в этом можно было усомниться. Были все основания предполагать, что недалек тот день, когда придется прибегнуть к помощи вооруженной силы, что неизбежно подорвет уважение к суверенным государствам, представленным на конференции.

А между тем такая буря могла вот-вот разразиться. Не было основания ожидать, что споры с каждым днем не станут разгораться все больше и больше, так как с каждым днем, судя по ежедневным заметкам И. Б. К. Лоуэнталя, падение болида делалось все более вероятным.

После десятка коммюнике, звучавших крайне взволнованно и сообщавших о безумной пляске метеора и о полном отчаянии злополучного наблюдателя, последний несколько овладел собой. Совершенно неожиданно в ночь с 11 на 12 июня маститый ученый совершенно успокоился, установив, что метеор прекратил свои фантастические прыжки и вновь подчинился воздействию какой-то постоянной силы, хотя и неизвестной, но все же не противоречащей здравому смыслу. И с этой минуты И. Б. К. Лоуэнталь, отложив на будущее расследование вопроса о том, почему это небесное тело в течение десяти дней находилось во власти безумия, снова обрел душевное равновесие — неотъемлемое свойство математика.

Он первый, не откладывая, осведомил мир о возвращении метеора в нормальное состояние. С этого дня в его ежедневных заметках отмечалось медленно изменение курса метеора, орбита которого снова начала отклоняться на северо-вос-

ток — юго-запад. В то же время сокращалось расстояние метеора от Земли в прогрессии, закономерность которой И. Б. К. Лоуэнталю до сих пор еще не удалось установить. Вероятность падения, таким образом, все более возрастала. Если не было еще полной уверенности, то она во всяком случае с каждым днем приближалась.

Какой могучий стимул для Международной конференции спешить с окончанием своих работ!

Ученый директор Бостонской обсерватории в серии последних заметок, опубликованных им между 5 и 14 июля, проявлял в своих прогнозах еще большую смелость. Сначала намеками, а затем все более открыто, он сообщал, что в курсе болида произошло новое и очень важное изменение и что, по всей видимости, публика вскоре будет осведомлена, какие последствия отсюда неизбежно вытекают.

Именно в этот самый день, 14 июля, Международная конференция окончательно зашла в тупик. Все поставленные на обсуждение комбинации были отвергнуты, и не оставалось больше материала для спора. Делегаты смущенно переглядывались. С какого конца подступиться к вопросу, обсуждавшемуся уже со всех сторон и совершенно безрезультатно?

Предложение о разделе миллиардов между всеми государствами, пропорционально размеру их территории, было отклонено на первых же заседаниях. А между тем эта комбинация зиждилась на уважении к принципу справедливости, к которой, как здесь было провозглашено, все стремились. Ведь страны с большей территорией испытывали большую нужду и все же, соглашаясь на раздел, приносили в жертву свои большие, чем у других, шансы, за что несомненно заслуживали компенсации. Такие соображения, однако, не помешали конференции отвергнуть этот метод под давлением непреодолимой оппозиции стран с более плотным населением.

Страны эти немедленно предложили произвести раздел, исходя не из количества квадратных километров, а из численности населения. Но и эта система, как будто бы так же обоснованная, раз она совпадала с великим принципом равенства прав среди людей, натолкнулась на сопротивление России, Бразилии, Аргентинской республики и многих других стран с редким населением. Председатель Гарвей, убежденный последователь доктрины Монро, не мог не согласиться с мнением ряда влиятельных стран, среди которых были две американские республики, и его мнение оказалось решающим при голосовании. Двадцать воздержавшихся и девят-

надцать враждебных голосов заставили чашу весов склониться в сторону отказа.

Государства с неблагоприятным финансовым положением (лучше мы не будем их здесь называть) стали на ту точку зрения, что самым справедливым было бы распределить это свалившееся с неба золото так, чтобы судьба всех обитателей земного шара была по мере возможности обеспечена. Против этого предложения немедленно посыпались возражения с ссылками на то, что такая система со своим «социалистическим душком» будет равносильна выдаче премий за лень и что она создает такие трудности при распределении, которые сделают ее фактически неосуществимой. Все это не помешало другим ораторам еще более усложнить дело предложением принять во внимание три фактора: территорию, населенность и богатство,— и вывести из каждого фактора коэффициент, основанный на справедливости.

Справедливость! У всех на устах было одно это слово. Но трудно быть уверенным, что оно жило также и в сердцах. Вот почему это предложение провалилось, как и все остальные.

Последнее голосование происходило 14 июля, и вот именно тогда делегаты в смущении поглядели друг на друга. Перед ними зияла пустота.

Россия и Китай сочли момент подходящим, чтобы вытащить из-под спуда предложение, похороненное вначале под формулой «отложить». Они, правда, нашли нужным несколько смягчить его, рекомендовав признать право собственности на небесные миллиарды за той страной, территорию которой изберет сама судьба. Государство, которому выпадет такое счастье, со своей стороны, обязалось бы уплатить другим странам в виде компенсации установленную сумму — по тысяче франков на каждого подданного.

Усталость, овладевшая делегатами, была так велика, что, возможно, это предложение было бы проголосовано и принято в тот же вечер, если бы не обструкция, организованная республикой Андоррой. Ее представитель, господин Рамунчо, разразился нескончаемым потоком слов, и его речь длилась бы, вероятно, до сего дня, если бы председатель, видя, как опустели скамьи, не счел необходимым закрыть заседание, отложив продолжение на следующее утро.

Если республика Андорра, стоявшая за распределение, основанное исключительно на численности населения, считала, что, возражая против немедленного голосования предложения, внесенного Россией, проявляет особую политическую мудрость, то республика Андорра грубо ошибалась. Предло-

жение, показавшееся ей неприемлемым, обеспечивало за ней все же известные преимущества, тогда как теперь она рисковала не получить ни сантима. На этот печальный результат никак не рассчитывал господин Рамунчо, упустивший удобную возможность промолчать.

Пятнадцатого июля утром произошло событие, грозившее дискредитировать деятельность Международной конференции и окончательно убить надежду на ее успех.

Если представлялось возможным обсуждать разнообразные способы раздела болида тогда, когда было неизвестно место, где он упадет, то можно ли было продолжать споры с той минуты, когда этой неизвестности наступил конец? Не смешно ли было бы после розыгрыша просить счастливчика, которому достался самый крупный выигрыш, поделиться этим выигрышем с другими?

Одно было ясно: мирным путем произвести такой раздел было уже невозможно. Никогда страна, избранница судьбы, добровольно не пойдет на подобный раздел! Никогда уж не появится в зале конференции и не примет участия в ее заседаниях господин Шнак, делегат Гренландии, счастливчик, которому И. Б. К. Лоуэнталь преподнес в своей сегодняшней заметке носившиеся в поднебесье миллиарды.

«За последние десять дней,— писал ученый директор Бостонской обсерватории,— мы неоднократно сообщали о значительной перемене в направлении полета метеора. Мы сегодня подробнее остановимся на том вопросе, ибо время убедило нас в стойкости этой перемены. Произведенные расчеты позволяют нам сейчас определить последствия этих новых изменений.

Они заключаются в том, что начиная с 5 июля сила, действовавшая на болид, перестала проявляться. С этого дня уже не отмечается ни малейшего отклонения орбиты, и болид приблизился к Земле ровно настолько, насколько это соответствовало условиям его движения. В настоящее время он находится на расстоянии примерно пятидесяти километров от поверхности Земли.

Если бы воздействие на болид прекратилось несколькими днями раньше, то, подчиняясь центростремительной силе, он мог бы отдалиться от нашей планеты на свое первоначальное расстояние. Теперь все обстоит по-иному. Скорость движения метеора, сократившаяся от трения о более плотные слои атмосферы, едва-едва достаточна, чтобы удержать его в пределах настоящей траектории. Метеор мог бы на вечные времена удерживаться в этом положении, если бы перестала суще-

ствовать причина, вызывавшая замедление его движения, другими словами — если бы не сопротивление воздуха. Ввиду того, однако, что сопротивление воздуха есть нечто постоянное, сейчас можно с уверенностью предсказать, что болид упадет.

Более того. Принимая во внимание, что сопротивление воздуха — явление хорошо известное и изученное, уже сейчас можно начертить кривую падения метеора. В том случае, если не произойдет каких-либо неожиданных осложнений (а все предшествующие факты не позволяют окончательно отбросить такие опасения), можно утверждать следующее:

1) болид упадет;

2) падение произойдет 19 августа между двумя часами ночи и одиннадцатью часами утра;

3) метеор упадет в десяти километрах от Упернивика, столицы Гренландии».

Если банкир Лекёр имел возможность ознакомиться с этой заметкой И. Б. К. Лоуэнталя, то у него были все основания остаться довольным. И в самом деле: едва только разнеслась эта новость, как на всех мировых биржах произошел крах. Акции золотодобывающей промышленности Старого и Нового Света сразу же понизились на четыре пятых своей стоимости.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой мы увидим большое число любопытных, воспользовавшихся случаем поехать в Гренландию и стать свидетелями падения необыкновенного болида

Утром 27 июля многолюдная толпа собралась на пристани города Чарлстона в Южной Каролине, чтобы присутствовать при отплытии парохода «Мозик». Число любопытных, желавших отправиться в Гренландию, было так велико, что вот уже несколько дней не оставалось ни одной свободной каюты на борту этого пакетбота, водоизмещением в тысячу пятьсот тонн, хотя он был и не единственным, направлявшимся по этому пути. Много других кораблей различных национальностей собиралось плыть вверх по Атлантике до Девисова пролива и Баффинова залива за пределы Северного полярного круга.

Такому притоку публики не приходится удивляться, если принять во внимание страшное возбуждение, вызванное потрясающим сообщением И. Б. К. Лоуэнталя.

Такой выдающийся астроном не мог ошибиться. Резко отчитав Форсайта и Гьюдельсона, он не рискнул бы теперь навлечь на себя самого подобные же упреки. Проявить легкомыслие при таких исключительных обстоятельствах было бы непростительно. На него обрушилась бы буря негодования, и он знал это.

Поэтому все его заключения можно было считать неоспоримыми. Не в снежное безлюдье Заполярья, не в бездну океанов, откуда не могли бы извлечь его никакие человеческие силы, свалится болид. Нет, он рухнет на твердую землю Гренландии!

Именно этой обширной области, некогда зависевшей от Дании и получившей независимость всего за несколько лет до появления метеора, судьба отдала предпочтение перед всеми другими странами мира.

Огромна, правда, эта земля, о которой до сих пор трудно даже с уверенностью сказать, материк ли она или остров. Золотой шар мог упасть где-нибудь за сотню миль от побережья, в глубине страны, и добраться до него было бы очень трудно. Эти трудности, разумеется, были бы преодолены: в погоне за тысячами миллиардов люди победят арктические морозы и снежные бураны, доберутся, если это понадобится, хоть до самого полюса.

Все же очень хорошо, что не придется применять таких усилий и что место падения могли определить заранее с такой точностью. Все готовы были удовлетвориться Гренландией, и никто не завидовал чересчур уж холодной славе всяких Парри, Нансенов и других исследователей северных широт.

Если бы читатель оказался на пароходе «Мозик» в кругу сотен пассажиров, среди которых было и несколько женщин, он должен был бы заметить пять уже знакомых ему лиц. Их присутствие (по крайней мере присутствие четверых из этих пяти пассажиров) не могло вызвать особенного удивления.

Один из них был мистер Дин Форсайт, который в сопровождении Омикрона уплывал сейчас все дальше от башни на Элизабет-стрит. Другой был мистер Сидней Гьюдельсон, покинувший свою обсерваторию на Моррисс-стрит.

Сразу же, как только предусмотрительные судоходные компании организовали отправку судов в Гренландию, оба соперника не колеблясь заказали себе билеты туда и обратно. Если бы понадобилось, каждый из них готов был зафрахтовать хоть целый пароход, отправляющийся в Упернивик. Они не намеревались, разумеется, наложить руку на золо-

тую глыбу, присвоить ее и привезти в Уостон. Но ими руководило твердое желание — присутствовать при падении.

Кто знает в конце концов, не сочтет ли правительство Гренландии, вступив во владение болидом, возможным уделить им частицу свалившихся с неба миллиардов?

Вполне понятно, что мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон приняли все меры к тому, чтобы их каюты на пароходе не оказались рядом. Во время всего пути, как было и в Уостоне, между ними не будет существовать ни малейшего общения.

Миссис Гьюдельсон не противилась отъезду мужа, точно так же, как старуха Митс не пыталась отговорить своего хозяина от такого путешествия. Но доктору пришлось выслушать такие горячие просьбы своей старшей дочери, что он вынужден был взять ее с собой. Сознание, что он причинил ей своим упорством тяжкое огорчение, заставило его проявить уступчивость. Итак, Дженни сопровождала своего отца.

Проявляя такую настойчивость, молодая девушка преследовала определенную цель. Разлученная с Франсисом Гордоном после резких сцен, окончательно оборвавших отношения между обеими семьями, Дженни втайне надеялась, что Франсис отправится со своим дядей. А если так, то для обоих влюбленных будет счастьем жить так близко друг от друга. Кроме того, можно было надеяться, что во время длительного пути им не раз удастся встретиться и поговорить.

Дальнейшие события показали, что она не ошиблась. Франсис Гордон действительно решил сопровождать своего дядю. Надо полагать, что в отсутствие доктора Гьюдельсона он не счел бы возможным, наперекор желанию хозяина, бывать у него в доме. Лучше было принять участие в поездке, как сделал это Омикрон, чтобы в случае необходимости встать между противниками и воспользоваться каждым удобным случаем, могущим благоприятно повлиять на создавшиеся между ними тяжелые отношения. Возможно, что все уладится после падения болида, который мог оказаться собственностью гренландцев, но мог и погрузиться в глубину Ледовитого океана. Ведь И. Б. К. Лоуэнталь всего только человек, а человеку свойственно ошибаться... Разве Гренландия не расположена меж двух морей? Достаточно небольшого отклонения, вызванного атмосферными условиями, и предмет таких страстных вожделений окажется за пределами людской алчности.

Однако здесь же, среди пассажиров парохода, находилось одно лицо, которое подобная развязка отнюдь бы не удовлетворила, а именно — господин Эвальд Шнак, делегат

Гренландии на Международной конференции. Его стране предстояло стать самой богатой страной в мире. Чтобы вместить столько триллионов, в государственном казначействе не хватит денежных ящиков!

Счастливая страна, где не будет никаких налогов, где исчезнут бедность и нужда! Учитывая рассудительность скандинавской расы, можно быть уверенным, что эта огромная масса золота будет расходоваться с чрезвычайной осторожностью. Есть поэтому основания надеяться, что денежный рынок не потерпит особых потрясений под влиянием золотого дождя, который Юпитер — если верить мифологии — обрушил некогда на прекрасную Данаю.

Господин Шнак на пароходе займет место героя. И мистеру Форсайту и доктору Гьюдельсону оставалось только стушеваться перед представителем Гренландии. Обоих теперь объединяла общая ненависть к делегату государства, не желавшего уделить им даже малейшей доли (хотя бы только доли) удовлетворенного тщеславия в награду за их бессмертное открытие.

Расстояние от Чарлстона до столицы Гренландии равно приблизительно трем тысячам тремстам милям, то есть более чем шести тысячам километров. Переезд должен продолжаться недели две, включая сюда и остановку в Бостоне, где «Мозик» пополнит запасы угля. Что же касается продуктов питания, то их хватило бы на несколько месяцев, как и на других пароходах, отправлявшихся по тому же назначению. При таком огромном наплыве приезжих невозможно было бы в Уперниевике обеспечить их содержание.

«Мозик» сначала направил свой курс на север вдоль восточного берега Соединенных Штатов. Но на второй день после отплытия, обогнув мыс Гаттерас, крайнюю оконечность Северной Каролины, пароход вышел в открытое море.

В июле месяце небо в этих районах Атлантики обычно бывает ясным, и пока бриз дул с запада, пароход, прикрываемый берегом, скользил по гладкому морю. Но временами, к несчастью, ветер налетал с моря, и тогда качка, бортовая и килевая, производила свое обычное действие.

Если господин Шнак, как подобает миллиардеру, был неуязвим, то с мистером Форсайтом и доктором Гьюдельсоном дело обстояло иначе.

Эта поездка была их дебютом в области мореплавания, и они платили щедрую дань богу Нептуну. Но ни на одно мгновение они не раскаялись в том, что пустились в такое рискованное предприятие.

Нечего и говорить, что недомоганием обоих соперников, делавшим их совершенно беспомощными, широко пользовались жених и невеста. Оба они не были подвержены морской болезни. Поэтому, пока отец и дядя жалобно стонали от качки, производимой коварной Амфитритой, молодые люди наверстывали потерянное время. Они расставались только для того, чтобы оказать помощь своим больным. Но работу по уходу за ними они распределили между собой, проявив при этом утонченную хитрость: в то время как Дженни оказывала самое заботливое внимание мистеру Дину Форсайту, Франсис Гордон поддерживал бодрость и мужество доктора Гьюдельсона.

Когда качка несколько утихала, Дженни и Франсис выводили несчастных астрономов из кают на палубу, усаживали их в плетеные кресла не слишком далеко друг от друга, стараясь с каждым разом сокращать отделявшее их расстояние.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивала Дженни, натягивая плед на колени мистера Форсайта.

— Ох, нехорошо! — со стоном отвечал больной, даже не отдавая себе отчета, кто с ним говорит.

— Ну, как дела? — поудобнее подкладывая под спину доктора подушки, заботливо осведомлялся Франсис, словно бы перед ним никогда не закрывали дверей дома на Элизабет-стрит.

Соперники проводили так по несколько часов, только смутно сознавая свое близкое соседство. Некоторое подобие оживления они проявляли лишь тогда, когда мимо них проходил господин Шнак — устойчивый, уверенный в себе, словно старый моряк, которого не пугает качка, с высоко поднятой головой, как человек, все мысли которого устремлены к золоту и который все видит в золотом свете. Тусклая молния вспыхивала тогда в глазах мистера Форсайта и доктора Гьюдельсона, и у них хватало силы бормотать ему вслед слова, полные ненависти.

— Похититель болидов! — шептал Форсайт.

— Захватчик метеоров! — шептал Гьюдельсон.

Господин Шнак не удостаивал их вниманием. Он просто не желал замечать их присутствия на пароходе. Он расхаживал взад и вперед с надменной уверенностью человека, рассчитывающего найти у себя в стране больше денег, чем понадобилось бы на то, чтобы сто раз покрыть государственные долги во всем мире.

Плавание между тем протекало при довольно благопри-

ятных условиях. Надо полагать, что и другие корабли, вышедшие из разных портов, также держали курс на север, направляясь к Девисову проливу, и еще многие другие, плывшие по тому же назначению, в эти дни разрезали волны Атлантического океана.

Продолжая путь на Бостон, «Мозик» вышел в открытое море, миновав Нью-Йорк и держа курс на северо-восток. Утром 30 июля он бросил якорь в порту Бостона — столицы штата Массачусетс. Одного дня хватит на то, чтобы наполнить угольные ямы. В Гренландии нечего было рассчитывать на пополнение запасов горючего.

Хотя переезд и нельзя было считать особенно тяжелым, все же большинство пассажиров переболело морской болезнью. Человек пять-шесть из них, сочтя такое испытание достаточным, высадились в Бостоне. Но ни мистер Форсайт, ни доктор Гьюдельсон, разумеется, не последовали их примеру. Если им суждено под ударами бортовой и килевой качки испустить последний вздох, то они по крайней мере испустят его, глядя на метеор — этот предмет их страстных вожделений.

После высадки менее выносливых пассажиров на пароходе освободилось несколько кают. Но они тут же были заняты: в Бостоне не оказалось недостатка в любителях, пожелавших принять участие в путешествии.

Среди этих новых пассажиров можно было заметить представителя джентльмена, который, явившись одним из первых, занял лучшую из свободных кают. Этот джентльмен был не кто иной, как мистер Сэт Стенфорт, супруг миссис Аркадии Уокер, который женился, а затем развелся, прибегнув в обоих случаях к помощи судьи Прота в Уостоне.

После развода, на который супруги решились вот уже два месяца тому назад, мистер Сэт Стенфорт вернулся в Бостон. По-прежнему подчиняясь своей страсти к путешествиям, он, после того как заметка мистера И. Б. К. Лоуэнталя заставила его отказаться от путешествия в Японию, объездил главные города Канады — Квебек, Торонто, Монреаль, Оттаву. Не старался ли он забыть свою бывшую жену? Вряд ли это было так. Оба супруга вначале понравились друг другу, затем — разонравились. Развод, столь же необычный, как и свадьба, разлучил их. Все было сказано. Они никогда больше не увидятся, а если увидятся, то, быть может, даже не узнают друг друга...

Едва лишь мистер Сэт Стенфорт прибыл в Торонто, нынешнюю столицу Доминьона¹, как услышал о сенсационном

¹ Имеется в виду Канада.

сообщении И. Б. К. Лоуэнталя. Если падение болида должно было бы произойти за многие тысячи километров, в самых отдаленных местах Азии или Африки, то и тогда он предпринял бы все возможное и невозможное, лишь бы добраться туда. Нельзя сказать, чтобы падение метеора заинтересовало его само по себе. Но быть очевидцем зрелища, на котором будет присутствовать очень ограниченное число людей, увидеть то, чего не дано будет увидеть миллионам,— вот что неизбежно должно было соблазнить предприимчивого джентльмена, любителя всякого рода передвижений, который благодаря своим средствам мог позволить себе пуститься в любое путешествие.

Но здесь даже незачем было отправляться на край света. Место ожидаемой астрономической феерии находилось, что называется, у порога Канады.

Поэтому Сэт Стенфорт сел в первый же поезд, отходивший в Квебек, а там пересел в другой, пересекавший по пути на Бостон равнины Канады и Новой Англии.

Через двое суток после посадки этого джентльмена «Мозик», не теряя из виду земли, прошел на широте Портсмута, затем миновал Портленд, держась не слишком далеко от семафоров. Быть может, они могли сообщить какие-либо новости о болиде, который теперь, когда небо очищалось от облаков, был виден простым глазом.

Но семафоры хранили молчание. Не более разговорчивыми оказались и семафоры Галифакса, когда корабль находился на траверсе¹ этого самого крупного порта Новой Шотландии.

Как горько пришлось пассажирам пожалеть, что залив Фанди, между Новой Шотландией и Нью-Брансуиком, не имел выхода ни на восток, ни на север! Они избежали бы жестокой качки, преследовавшей их вплоть до острова Кейп-Бретон. Среди многочисленных больных мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон, несмотря на заботливый уход Дженни и Франсиса, привлекали к себе особое внимание.

Капитан «Мозика» сжалился над своими страдальцами-пассажирами. Он завернул в залив Святого Лаврентия с тем, чтобы выбраться в открытое море через пролив Бель-Иль, под защитой берегов Ньюфаундленда. Затем он направился прямо к западному берегу Гренландии, для чего ему пришлось пересечь всю ширину Девисова пролива. Благодаря всем этим мерам путешествие протекало сравнительно спокойно.

¹ Т р а в е р с — направление, перпендикулярное ходу (курсу) судна.

Утром 7 августа показался мыс Конфорт. Гренландская земля кончается несколько восточнее мысом Фарвель, о который разбиваются волны северной части Атлантического океана. А с какой бешеной яростью они разбиваются — об этом слишком хорошо известно мужественным рыбакам Ньюфаундленда и Исландии.

К счастью, и речи не было о том, чтобы следовать вдоль восточного берега Гренландии. Этот берег почти совершенно недоступен. Волны хлещут его словно кнутом. Здесь нет ни портов, ни гаваней, в которых могли бы укрыться корабли. Но в Девисовом проливе, напротив, им легко найти убежище. Укрыться можно в глубине фиордов и за островами. За исключением тех случаев, когда ветер прорывается с юга, плавание в этих водах проходит при благоприятных условиях.

Путешествие и в самом деле протекало так, что пассажирам не на что было особенно жаловаться.

Эта часть гренландского побережья, от мыса Фарвель до острова Диско, почти всюду окаймлена высокими скалами, которые преграждают путь морским ветрам. Даже и в зимние месяцы этот берег менее загроможден льдинами, которые полярные течения приносят из Ледовитого океана.

В таких условиях «Мозик» взбивал своим винтом воды бухты Гилберта. Пароход на несколько часов остановился в порту Готхоба, где судовому повару удалось добыть значительное количество свежей рыбы. Разве не море служит главным источником, откуда черпает питание все население Гренландии? Затем пароход, не останавливаясь, прошел мимо Хольстейнборга и Кристиансхоба. Эти селения в глубине бухты Диско так плотно окружены скалами, что трудно даже заподозрить их существование. Они служат желанным убежищем для многочисленных рыбаков, снующих по Девисову проливу в погоне за китами, нарвалами, моржами и тюленями. Охотники эти нередко добираются до самой северной части Баффинова залива.

Остров Диско, которого пароход достиг рано утром 9 августа, — самый крупный из цепи островов, рассыпанных вдоль Гренландского побережья. На южном берегу этого острова, усеянного базальтовыми скалами, расположен поселок Годхавн, который служит административным центром. Он выстроен не из каменных, а из деревянных домов. Стены их сложены из плохо отесанных бревен, смазанных густым слоем смолы, препятствующей проникновению воздуха. Этот темный поселок, где лишь изредка встречается красный цвет крыши или оконных рам, выступая на почти черном

фоне, произвел сильное впечатление на Франсиса Гордона и на Сэта Стенфорта — единственных пассажиров, которые не были загипнотизированы метеором. Какой страшной, надо полагать, была здесь жизнь в условиях суровой зимы!.. Оба они были бы очень удивлены, узнав, что жизнь протекала здесь почти так же, как в большинстве домов в Стокгольме или Копенгагене. Некоторые дома, хоть и скудно меблированные, не лишены известного комфорта. В них есть и гостиная, и столовая, часто даже и нечто вроде кабинета-библиотеки. Члены местного «высшего общества» (если можно так выразиться), в большинстве своем датчане по происхождению, проявляют интерес к литературе. Власть представлена правительственным чиновником, местопребывание которого в Упернивике.

Оставив позади остров Диско, «Мозик» бросил якорь в гавани этого города 10 августа около шести часов вечера.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой чудесный болид и один из пассажиров «Мозика» сталкиваются: первый — с земным шаром, а второй — с пассажиром парохода «Орегон»

Гренландия — значит «Зеленая Земля».

Название «Белая Земля» больше бы подошло для этой покрытой снегом страны. Названием «Гренландия» этот край, надо полагать, обязан ироническому складу ума своего крестного, некоего Эрика Красного, моряка X века, который, вероятно, был не более красным, чем Гренландия зеленой. Возможно, конечно, и то, что этот скандинав надеялся увлечь своих земляков мыслью о заселении этого «зеленого края» в Заполярье. Но колонисты не дали соблазнить себя заманчивым названием, и в настоящее время население Гренландии, включая туземцев, составляет не более десяти тысяч человек.

Трудно представить себе землю, менее подходящую для того, чтобы на нее свалился болид стоимостью в пять тысяч семьсот восемьдесят восемь миллиардов! Так, вероятно, подумали многие в толпе пассажиров, которых любопытство привлекло в Упернивик. Не проще ли было этому болиду свалиться несколькими сотнями миль южнее, на обширные равнины Канады или Соединенных Штатов, где так просто было бы разыскать его? Так вот же нет,— театром самых по-

разительных событий суждено было стать этой недоступной и негостеприимной стране.

По правде говоря, тут можно вспомнить о некоторых прецедентах. Разве и до этого в Гренландии не падали болиды? Не нашел разве Норденшельд на острове Диско три железных глыбы, весом каждая в двадцать четыре тонны? Эти железные глыбы, по всей вероятности метеориты, и поныне находятся в Стокгольмском музее.

Хорошо, если только И. Б. К. Лоуэнталь не ошибся и болиду действительно суждено будет упасть в сравнительно доступной местности, да к тому же в августе, когда температура поднимается выше нуля. В такое время года почва может в какой-то мере оправдать ироническое название «Зеленая Земля», присвоенное этой части Нового Света. В огородах в это время вырастают кое-какие овощи и злаки, а дальше, в глубине страны, ботаник найдет только мох и лишайник. На побережье после таяния снегов открываются пастбища, дающие возможность разводить скот. Коров и быков здесь, разумеется, не приходится считать сотнями, но встречаются куры и козы, проявляющие необыкновенную выносливость, не говоря уже о северных оленях и о бесчисленном множестве собак.

Но после двух, самое большее трех, летних месяцев снова возвращается зима с бесконечно длинными ночами, суровыми буранами, ветрами, рвущимися с полюса, и нестерпимыми «близардами». Над ледяной корой, покрывающей землю, летает нечто вроде сероватой пыли,— это так называемый криоконит, несущий с собой микроскопические растения, первые образчики которых были собраны Норденшельдом.

Но из того, что метеор не должен был упасть на материке, еще не вытекало, что он станет собственностью Гренландии.

Упернивик не только стоит на берегу моря, но море и омывает его со всех сторон. Это островок среди огромного архипелага, состоящего из множества мелких островков, разбросанных вдоль побережья Гренландии. И так как этот остров занимает не более десяти миль в окружности, то он образует, надо признать, очень тесную площадку для падения золотого шара. Если метеор не достигнет цели с математической точностью, то пролетит мимо, и воды Баффинова залива сомкнутся над ним. А море в этих северных краях очень глубоко — лот достигает дна на глубине от тысячи до двух тысяч метров. Попробуйте-ка из такой бездны вытащить массу весом чуть ли не в девятьсот тысяч тонн!

Такая возможность очень волновала господина Шнака, и он не раз делился своими опасениями с Сэтом Стенфортом, с которым подружился во время плавания, — но против этой угрозы ничего нельзя было предпринять; оставалось только уповать на правильность расчетов мудрого И. Б. К. Лоуэнталя.

Беда, которой так страшился господин Шнак, представлялась Дженни Гьюдельсон и Франсису Гордону самым желанным исходом. С исчезновением болида исчезал и всякий повод для притязаний со стороны тех, от кого зависело счастье молодых людей, в том числе и притязаний на то, чтобы назвать чудесный болид своим именем. А это был уж значительный шаг к желанному примирению.

Но едва ли эта точка зрения влюбленных показалась бы приемлемой для остальных пассажиров «Мозика» и доброго десятка других судов, самых различных национальностей, ставших на якорь в гавани Упернивика. Все эти люди жаждали присутствовать при интересном зрелище, — ведь ради этого они и приехали.

Что другое, а ночная тьма уж во всяком случае не помешает осуществлению их желания! Восемьдесят дней сряду, из них сорок до летнего солнцестояния и сорок после него, солнце в этих широтах все время остается на небе. Поэтому все шансы были за то, что видимость будет отличная, когда приезжие отправятся посмотреть на метеор, если, в соответствии с предсказаниями И. Б. К. Лоуэнталя, ему суждено упасть в окрестностях поселка.

На другой день после прибытия кораблей пестрая толпа уже шумела вокруг деревянных домиков поселка Упернивик; на самом большом доме развевался белый флаг с красным крестом — национальный флаг Гренландии. Никогда еще гренландцам и гренландкам не приходилось видеть такого притока людей к их далеким берегам.

Внешность у этих гренландцев довольно любопытная, особенно на западном побережье. Низкорослые, а иногда и среднего роста, коренастые, сильные, коротконогие, с желтоватой кожей, с широкими приплюснутыми лицами, с карими, слегка скошенными глазами, с жесткими, черепными, свисающими на лоб волосами — они чуть-чуть походят на своих тюленей: такие же добродушные физиономии и толстый слой жира, защищающий их от холода. Одежда одинаковая у мужчин и женщин — сапоги, штаны, «амауты», или подобие накидки с капюшоном. Но женщины, в молодости веселые и приветливые, зачесывают волосы вверх, укладывают их ко-

нусом, стараются одеться в модные ткани, украшаются лентами всех цветов. Татуировка, имевшая когда-то очень широкое распространение, теперь исчезла под влиянием миссионеров, зато народ сохранил страстное влечение к песне и пляске — единственному здесь развлечению. Пьют гренландцы только воду. Питается население мясом тюленей и собак, рыбой и кое-какими ягодами. Невеселая, в общем, жизнь у этих гренландцев!..

Такой большой наплыв иностранных гостей вызвал крайнее удивление у нескольких сотен туземцев, населяющих остров Упернивик. Но удивление их еще более возросло, когда выяснилась причина такого скопления людей. Они, эти бедняки, успели уже узнать цену золота. Но ведь ожидавшиеся богатства достанутся не им! Если миллиарды посыплются на их землю, туземцы все же не наполнят своих карманов, хотя в одежда гренландцев в карманах нет недостатка, — в этом отношении она отличается от одежды полинезийцев. О причине такого различия догадаться нетрудно. Баснословные миллиарды будут заперты в железные сейфы государственного казначейства и, как это всегда бывало, больше уже не покажутся. Все же «эта история» интересовала туземцев. Кто знает, не принесет ли она хоть какую-нибудь пользу бедным гражданам Гренландии?

Как бы там ни было, но пора бы уже наступить развязке «этой истории».

Если придут еще пароходы, в гавани Упернивика не найдется для них места. С другой стороны, август подходил к концу, и судам рискованно было надолго задерживаться в таких широтах. Сентябрь — это уже зима: он несет с собой льды из проливов и северных каналов, и вскоре Баффинов залив перестанет быть судоходным. Нужно бежать, поскорее удалиться из этих краев, оставить позади мыс Фарвель, а не то кораблям грозит опасность быть затертыми льдами и вынужденными пробыть здесь семь-восемь месяцев в тяжких условиях арктической зимы.

В долгие часы ожидания неуголимые туристы совершали длинные прогулки по острову. Его скалистая, почти совершенно ровная почва удобна для ходьбы. Кое-где раскинулись поляны, поросшие мхом и травами, скорее желтыми, чем зелеными; над ними поднимаются кусты, которые никогда не превратятся в деревья — какое-то подобие скрюченного березняка. Такие кусты изредка встречаются еще и над семьдесят второй параллелью.

Небо почти все время оставалось туманным, часто мимо

проносились тяжелые низкие облака, подгоняемые восточными ветрами. Температура не поднималась выше десяти градусов тепла. Пассажиры поэтому бывали рады, находя на своих кораблях комфорт, который не мог бы им предоставить поселок, и пищу, настолько хорошую, что им не найти было бы такую ни в Годхавне, ни в каком-либо другом прибрежном селении.

Прошло пять дней после прибытия «Мозика», как вдруг утром 16 августа был подан сигнал о приближении к Упернивику еще одного, последнего судна. Это был пароход, который, лавируя между островками архипелага, направлялся к месту стоянки судов. На носу его развевался звездный флаг Соединенных Штатов Америки.

Нечего было сомневаться, что пароход привез дополнительную партию запоздавших туристов; впрочем, они не запоздали, так как золотой шар все еще носился в воздухе.

Было около одиннадцати часов, когда пароход «Орегон» бросил якорь среди других кораблей, теснившихся в гавани. От парохода отвалила шлюпка. Она вскоре высадила на берег одного из пассажиров, спешившего, по-видимому, больше остальных.

Согласно слухам, сразу же получившим широкое распространение, это был астроном из Бостонской обсерватории, некто мистер Уорф. Приезжий немедленно явился к главе правительства. Последний уведомил господина Шнака, и Уорф быстро прошел к домику, на крыше которого развевался национальный флаг Гренландии.

Все кругом заволновались. Не собирался ли болид покинуть всех собравшихся и ловко ускользнуть в другую часть поднебесья, исполнив тем самым горячее желание Франсиса Гордона?

Но можно было не беспокоиться по этому поводу. Расчеты И. Б. К. Лоуэнталя привели его к точным выводам, и господин Уорф в качестве представителя ученого мира принял это длительное путешествие с исключительной целью стать свидетелем падения метеора.

Наступило 16 августа. Оставалось еще трое суток до того времени, когда болид опустится на гренландскую землю.

— ...Если только он не пойдет ко дну!.. — шептал Франсис Гордон, единственный, решившийся допустить подобную мысль и выразить ее словами.

Но предстоит ли такой конец, или иной — это станет известно только через три дня. Три дня — как будто бы недолгий срок, но иногда он может показаться и очень продолжитель-

ным, особенно в Гренландии, где рискованно было бы утверждать, что развлечений имеется в избытке. Итак, все скучали, и заразные зевки грозили вывихнуть челюсти праздных туристов.

Один из немногих, для которого время не тянулось так уж медленно, был Сэт Стенфорт. Убежденный globe-trotter¹, всегда устремлявшийся туда, где можно было увидеть что-нибудь необычное, он привык к уединению и умел, как говорится, «довольствоваться собственным обществом».

А между тем — такова уж справедливость на белом свете! — именно для него одного должно было прерваться нестерпимое однообразие последних дней ожидания.

Мистер Сэт Стенфорт прогуливался по берегу, наблюдая за высадкой пассажиров с «Орегона», как вдруг остановился при виде молодой дамы, которую только что высадила на берег одна из шлюпок.

Сэту Стенфорту показалось, что глаза обманывают его. Он подошел к приезжей и тоном, выражавшим удивление, но никак не неудовольствие, осведомился:

— Миссис Аркадия Уокер, если не ошибаюсь?

— Мистер Стенфорт? — произнесла приезжая.

— Никак не ожидал, миссис Аркадия, встретиться с вами на этом отдаленном острове.

— И я также, мистер Стенфорт, не думала увидеть вас здесь.

— Как вы поживаете, миссис Аркадия?

— Прекрасно, мистер Стенфорт... А вы?..

— Хорошо, вполне хорошо!

И они, не ощущая ни малейшей неловкости, принялись болтать, как случайно встретившиеся старые знакомые.

Миссис Аркадия прежде всего спросила, указывая рукой на небо:

— Он еще не упал?

— Нет, успокойтесь! Но ждать осталось недолго.

— Значит, мне удастся все увидеть! — радостно воскликнула миссис Аркадия Уокер.

— Точно так же, как и мне, — ответил мистер Сэт Стенфорт.

Не могло быть сомнения: это были люди изысканные, светские люди, хотелось бы сказать — старые друзья, кото-

¹ Человек, много путешествующий. Обычно так называют туристов, тополиво, наспех осматривающих достопримечательности (англ.).

рых одинаковая жажда впечатлений свела здесь в Уперни-
вике.

А почему, в сущности говоря, должно было быть иначе? Правда, миссис Аркадия Уокер в лице мистера Сэта Стенфорта не обрела своего идеала. Но, быть может, такого идеала и вовсе не существовало, раз ей ни разу не пришлось с ним столкнуться. Никогда еще та искорка, которую в романах принято называть «любовью с первого взгляда», не вспыхивала для нее, и за отсутствием такой искорки никому не удалось завладеть ее сердцем, никому не отдала она его, как проявление благодарности за какую-нибудь блистательную услугу. Честно произведенный опыт показал, что брак не принес счастья ни ей, ни мистеру Стенфорту; и хотя она сохранила искреннюю симпатию к человеку, имевшему достаточно такта, чтобы вернуть ей свободу, то и он сохранил о своей бывшей жене воспоминание, как о женщине умной, оригинальной, ставшей просто совершенством с той минуты, как она перестала быть его женой.

Они расстались без жалоб, без упреков. Мистер Сэт Стенфорт отправился путешествовать, миссис Аркадия Уокер также. Жажда впечатлений привлекла обоих сюда, на этот гренландский островок. Как глупо было бы, повинувшись предрассудкам и нелепым обычаям, делать вид, что они незнакомы! После первых же беглых фраз, которыми они обменялись, мистер Сэт Стенфорт заявил, что готов служить миссис Аркадии, которая охотно согласилась воспользоваться его любезностью. И дальше между ними речь шла только о метеорологическом явлении, развязка которого была уже близка.

По мере того как развязка приближалась, все заметнее становилось возбуждение любопытных, собравшихся на этом далеком берегу, и особенно главных «претендентов», к которым, кроме гренландцев, приходилось отнести также мистера Форсайта и доктора Гьюдельсона, упорно настаивавших на своих правах.

«Только бы он свалился на остров!» — твердили про себя Форсайт и Гьюдельсон.

«А не где-нибудь рядом!» — мысленно повторял глава гренландского правительства.

«Только бы не нам на голову!» — добавляли про себя кое-какие труссы.

Слишком близко или слишком далеко — вот та дилемма, которая волновала всех.

Шестнадцатого и семнадцатого августа прошли без вся-

ких инцидентов. К счастью, погода начала портиться, и температура воздуха заметно понижалась. Быть может, зима будет ранняя... Горы на побережье уже покрылись снегом, и когда ветер дул с той стороны, он был таким пронизывающим и резким, что приходилось искать убежища в паровозных салонах. Не могло быть и речи о том, чтобы задерживаться в подобных широтах, и приезжие, удовлетворив свое любопытство, охотно направят свой путь на юг.

Разве только оба соперника, упорно стремившиеся настоять на своих правах, пожелают остаться подле своего сокровища. От этих одержимых можно было ожидать всего, и Франсис Гордон, беспокоясь о своей дорогой Дженни, не без страха представлял себе возможность длительной зимовки.

В ночь с 17 на 18 августа на архипелаг обрушился настоящий ураган. За двадцать часов до этого бостонскому астроному удалось произвести наблюдение за болидом, скорость которого непрерывно уменьшалась. Но так неистова была сила ветра, что он, казалось, готов был увлечь за собою даже болид.

В течение дня 18 августа не наступило никакого затишья, и в первые часы ночи шторм свирепствовал так, что капитаны судов, стоявших в гавани на якоре, испытывали немалую тревогу.

Однако к середине ночи с 18 на 19 шторм стал заметно стихать. Уже в пять часов утра пассажиры, пользуясь улучшением погоды, потребовали, чтобы их спустили на берег. Ведь 19 августа — это день, когда болид должен упасть!

Высаживаться и в самом деле было пора. В семь часов послышался глухой удар, и остров содрогнулся до самого основания.

Несколько минут спустя какой-то туземец подбежал к дому, который занимал Шнак. Он принес долгожданную весть...

Болид упал на северо-западной оконечности острова Упернивик.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

где господин Шнак, чтобы добраться до болида, в сопровождении многочисленных соучастников нарушает границы чужих владений и вторгается на запретную территорию

Началось нечто невообразимое.

В одно мгновение новость облетела всех, подняла на ноги и туристов и местное население. Стоявшие в гавани суда

были покинуты даже собственным экипажем, и настоящий человеческий поток ринулся в направлении, указанном вестником.

Если бы общее внимание не было так сосредоточено на метеоре, легко было бы в эту минуту отметить одно трудно объяснимое обстоятельство. Один из стоявших на причале пароходов, труба которого с самого рассвета извергала клубы дыма, словно подчиняясь таинственному сигналу, поднял якорь и на всех парах вышел в открытое море. Это был длинный и узкий корабль, по всей видимости очень легкий на ходу. Не прошло и нескольких минут, как он скрылся из вида за прибрежными скалами.

Такой факт не мог не вызвать удивления. Стоило ли добираться до Упернивика с тем, чтобы покинуть его в ту самую минуту, когда здесь происходило нечто достойное внимания? Но общее возбуждение было так велико, что никто не заметил этого внезапного и довольно странного отплытия.

Бежать как можно быстрее — вот единственное стремление этой толпы людей, среди которых были женщины и даже дети. Люди продвигались вперед в беспорядке, толкаясь и всеми средствами пробивая себе дорогу. Но был в этой толпе по крайней мере один человек, сохранявший полное спокойствие. Как многоопытный globe-trotter, которого ничто уже не могло поразить, мистер Сэт Стенфорт среди царившего вокруг волнения проявлял обычное для него полупренебрежительное хладнокровие. И даже — то ли проявляя утонченную вежливость, то ли подчиняясь другому чувству — он с первой же минуты решительно повернулся спиной к той точке, к которой устремились все его спутники, и направился навстречу миссис Аркадии Уокер, с тем чтобы попросить у нее разрешения сопровождать ее. Да разве не вполне естественно было, при их дружеских отношениях, что они вместе отправятся на поиски болида?

— Наконец-то он упал! — таковы были первые слова миссис Аркадии Уокер.

— Наконец-то он упал! — произнес и мистер Сэт Стенфорт.

— Наконец-то он упал! — не умолкая, повторяла толпа, продвигаясь к северо-западной оконечности острова.

Было все же пять человек, которым удалось удержаться во главе толпы. Это был прежде всего господин Эвальд Шнак, делегат Гренландии на Международной конференции. Даже самые нетерпеливые учтиво уступали ему место.

В образовавшееся таким образом свободное простран-

во не замедлили втиснуться двое туристов. Мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон шествовали сейчас во главе толпы, неизменно сопровождаемые Франсисом Гордоном и Дженни. И Дженни и Франсис продолжали держаться тактики, принятой ими на борту «Мозика». Дженни не отступала от мистера Дина Форсайта, в то время как Франсис Гордон окружал вниманием доктора Сиднея Гьюдельсона. Их заботы, правда, не всегда встречали ласковый прием. Но на этот раз оба соперника были так взволнованы, что даже не замечали присутствия друг друга. Им поэтому и в голову не приходило возмущаться лукавством молодых людей, которые, держась рядом, отделяли их друг от друга.

— Делегат первый завладеет болидом! — в ярости бормотал мистер Форсайт.

— И наложит на него руку! — добавил доктор Гьюдельсон, полагая, что отвечает Франсису Гордону.

— Но это мне не мешает предъявить свои права! — воскликнул мистер Форсайт, обращаясь к Дженни.

— Конечно — нет! — откликнулся доктор Гьюдельсон, имея в виду собственные притязания.

К великой радости дочери одного и племянника другого, могло и в самом деле показаться, что оба противника, забыв о непримиримой распри, готовы были слить воедино свою ненависть к общему врагу.

Погода, по счастливому стечению обстоятельств, совершенно изменилась. Шторм затихал, по мере того как ветер поворачивал к югу. Хоть солнце и поднималось всего на несколько градусов над горизонтом, оно все же просвечивало сквозь последние тучи, редевшие под действием его лучей. Ни дождя, ни порывистого ветра. Погода ясная, кругом все тихо, температура восемь-девять градусов выше нуля.

От поселка до места падения болида расстояние было с добрую милю, и одолеть это расстояние приходилось пешком. В Упернифике-то уж никак нельзя было рассчитывать найти какой бы то ни было экипаж! Впрочем, идти было легко по довольно ровной каменистой почве. Сколько-нибудь значительные скалы высились только в центре острова и вдоль побережья.

И вот именно по ту сторону этих прибрежных скал и упал болид. Из поселка он не был виден.

Туземец, первым принесший радостную весть, служил проводником. За ним шли господин Шнак, мистер Форсайт, доктор Гьюдельсон, Дженни и Франсис, за которыми

следовали Омикрон, астроном из Бостона и все стадо туристов.

Несколько позади остальных шел мистер Сэт Стенфорт рядом с миссис Аркадией Уокер. Бывшие супруги слышали о разрыве между семьями Форсайт и Гьюдельсон, наделавшем столько шума. А Франсис, познакомившись в пути с Сэтом Стенфортом, рассказал своему собеседнику о тех последствиях, которые имел этот разрыв.

— Все уладится! — многообещающе произнесла миссис Аркадия Уокер, когда и ей все стало известно.

— Только этого и можно пожелать! — заметил мистер Сэт Стенфорт.

— Ну, разумеется, — сказала миссис Аркадия. — И потом все пойдет у них хорошо. Знаете, мистер Стенфорт, кое-какие трудности, волнения до свадьбы не мешают. Браки, заключенные слишком легко, так же легко могут распасться... Какого вы мнения на этот счет?

— Вполне с вами согласен, миссис Аркадия. Взять хотя бы нас... Мы можем служить ярким примером... В пять минут... не сходя с лошадей... только успели натянуть и отпустить поводья...

— С тем чтобы снова натянуть их шесть недель спустя... Но будем на этот раз оба откровенны, — с улыбкой перебила его миссис Аркадия Уокер, — если Франсис Гордон и Дженни Гьюдельсон не станут венчаться, сидя на конях, то они скорее достигнут счастья.

Не приходится говорить, что в этой толпе любопытных Сэт Стенфорт и Аркадия Уокер были единственными, — если не считать обоих влюбленных, — которые не думали и не говорили сейчас о метеоре, а философствовали, как делал бы, вероятно, мистер Джон Прот. Последние произнесенные ими слова вызвали в их памяти его черты, полные мягкого, чуть лукавого благодушия.

Толпа быстро шагала по ровному плоскогорью, где местами попадались низкорослые деревья. Стаи птиц срывались с ветвей, встревоженные, как этого никогда не бывало с ними в окрестностях Упернивика. За полчаса прошли три четверти мили. Оставалось преодолеть еще около тысячи метров, чтобы добраться до болида, все еще скрытого от глаз извилистой линией скалистого берега. Там, позади скал, если верить проводнику-гренландцу, они увидят метеор! Туземец не мог ошибиться. Он вспахивал землю, когда вдруг увидел ослепительно яркий свет, излучаемый метеором, и услышал гро-

хот падения, который хоть издалека, но слышали также и другие.

Но вот совершенно невероятное явление в этих краях заставило туристов замедлить шаг. Становилось жарко. Да, каким невероятным это ни покажется, люди утирали лбы, словно бы находились в более умеренных широтах. Неужели от быстрой ходьбы всех этих людей бросило в пот? Движение, разумеется, играло здесь известную роль, но и температура воздуха — в этом не могло быть сомнения — начала повышаться. Здесь, в северо-западной части острова, термометр показывал на несколько градусов выше, чем в поселке. Казалось даже, что тепло резко возрастало по мере приближения к цели.

— Неужели появление болида изменило климат на архипелаге? — смеясь, спросил мистер Стенфорт.

— Это было бы счастьем для гренландцев, — так же весело ответила миссис Аркадия.

— Возможно, — пояснил астроном из Бостона, — что золотая глыба, разогретая под влиянием трения о слои воздуха, находится сейчас в раскаленном состоянии. Излучаемое ею тепло дает себя чувствовать даже здесь!

— Вот так штука! — воскликнул мистер Сэт Стенфорт. — Неужели нам придется ждать, пока болид остынет?

— Охлаждение произошло бы много быстрее если бы он свалился не на самый остров, а где-нибудь за его пределами! — проговорил про себя Франсис Гордон, возвращаясь к излюбленной идее.

Ему тоже было жарко, да и не ему одному. Господин Шнак, мистер Уорф вспотели так же, как и он, всю толпу бросило в пот, и гренландцы наслаждались, как никогда в жизни.

Передохнув немного, толпа двинулась дальше. Еще пятьсот метров, и за поворотом появится метеор во всей своей ослепительной красоте.

К несчастью, однако, господин Шнак, шествовавший во главе, пройдя не более двухсот шагов, вынужден был остановиться, а за ним и мистер Форсайт, и доктор Гьюдельсон, и вся толпа. Но не жара вынудила их вторично остановиться, а препятствие, самое неожиданное в этих краях препятствие!

Ограда, состоявшая из вбитых в землю столбов, переплетенных проволокой, извивалась в бесчисленных изгибах вправо и влево до самого берега и перерезала все пути к метеору. На определенном расстоянии друг от друга поднимались более высокие столбы, к которым были прибиты доски с

надписями на английском, французском и датском языках, все одинакового содержания.

Господин Шнак, остановившийся как раз перед одним из таких столбов, с величайшим удивлением прочел:

«Частное владение. Входить строго воспрещается!»

Частное владение в этих далеких краях представляло собой нечто необыкновенное. На солнечном побережье Средиземного моря или на более туманных берегах океана в этом не было бы ничего удивительного. Там частные поместья не редкость. Но здесь, на берегу Ледовитого океана!.. Какую пользу мог извлечь чужак владелец из своей каменистой и бесплодной земли?

Но Шнаку не было до этого никакого дела. Нелепость или нет, но дорогу ему преграждало частное владение, и об это препятствие, хотя и чисто морального свойства, разбился его порыв. Официальный делегат обязан уважать принципы, на которых зиждется цивилизованное общество. А неприкосновенность частного жилища — аксиома, принятая всеми.

Владелец участка, кстати, постарался восстановить эту аксиому в памяти тех, кто склонен был бы о ней забыть. «Входить строго воспрещается!» — гласили объявления на трех языках.

Господин Шнак растерялся. Остановиться здесь — казалось ему невыносимым. Но нарушить права чужой собственности, презрев все общепринятые божеские законы...

Ропот, усиливавшийся с каждой минутой, послышался в хвосте колонны и, нарастая, докатился до ее головы. Последние ряды, не зная, чем вызвана остановка, протестовали против нее со всей силой своего нетерпения. Но и узнав, в чем дело, они не удовлетворились подобным объяснением. Недовольство возрастало с каждой минутой, и вскоре поднялся неистовый шум. Все старались перекрычать друг друга.

Навеки, что ли, они застряли перед этой оградой? Неужели, проделав путь в тысячи и тысячи миль, они, как бараны, остановятся перед какой-то несчастной проволокой? Владелец участка не мог ведь тешиться безумной надеждой быть собственником не только земли, но и метеора? У него, следовательно, не было никаких оснований отказать в разрешении пройти через его владения. А если он и откажет дать разрешение, — что ж, дело простое: надо будет взять его самим.

Воздействовал ли на господина Шнака бурный поток аргументов? Одно можно сказать: его принципы поколебались. Как раз перед ним оказалась небольшая калитка, державшаяся на простой веревочке. Господин Шнак перочинным ножом перерезал веревочку и, не задумываясь над тем, что это вторжение на чужой участок превращает его в самого обыкновенного взломщика, проник на запретную территорию.

Вся толпа, — одни, перелезая через проволоку, другие, ворвавшись в калитку, — хлынула за ним. В несколько минут трехтысячная масса людей, возбужденная многоголосая ватага, шумно обсуждавшая неожиданное происшествие, затопила «частное владение».

Но внезапно, словно по волшебству, наступила тишина.

В сотне метров за оградой перед глазами ворвавшихся неожиданно выросла небольшая дощатая хижина, до сих пор скрытая неровностями почвы. Дверь этого жалкого жилища вдруг распахнулась, и на пороге появился человек самого странного вида.

— Эй, вы, там! — хриплым голосом закричал он, обращаясь к ворвавшимся на чистейшем французском языке. — Не стесняйтесь! Продолжайте в том же духе! Будьте как дома!

Господин Шнак понимал по-французски. Поэтому он и остановился как вкопанный, а за ним остановились и все остальные туристы. Три тысячи пар глаз с одинаковым удивлением впились в дерзкого оратора.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Зефирен Ксирдаль проникается все возрастающим отвращением к болиду, и что из этого проистекает

Удалось ли бы Зефирену Ксирдалю, если бы он оказался в одиночестве, без особых приключений добраться до места назначения? Возможно, что и так. Всякое ведь на свете бывает. Но если биться об заклад, то благоразумнее было бы поставить на противоположную возможность.

Как бы там ни было, но биться об заклад по этому поводу никому не пришлось. Счастливая звезда Ксирдаля поставила его под охрану ментора, практичность которого уравнивала бурные фантазии взбалмошного оригинала. Зефирен Ксирдаль поэтому остался в неведении относительно трудностей дальнего пути, грозившего немалыми осложнениями, —

господину Лекёру удалось обставить это путешествие так, что оно могло показаться проще загородной прогулки.

В Гавре, куда экспресс в несколько часов доставил обоих путешественников, они были с редкой учтивостью приняты на борт великолепного парохода, который сразу же, не дожидаясь других пассажиров, отвалил от берега и вышел в открытое море.

«Атлантик» и в самом деле был не пакетботом, а яхтой водоизмещением в пятьсот или шестьсот тонн, снаряженной Робером Лекёром и находившейся в их полном распоряжении. Учитывая значение поставленных на карту интересов, банкир нашел целесообразным обеспечить за собой средство сообщения, связывающее его со всем цивилизованным миром. Огромная прибыль, уже полученная им от спекуляции на акциях золотых приисков, позволяла ему проявлять поистине царский размах, и он закрепил за собой право на этот корабль, выбранный для него в Англии как лучший среди сотни других.

«Атлантик», построенный по заказу лорда-миллионера, был рассчитан на максимальную скорость. Стройный, удлиненной формы, он мог, под напором своих машин в четыре тысячи лошадиных сил, развить скорость свыше двадцати узлов. Именно это достоинство «Атлантика» и прельстило господина Лекёра при выборе корабля. Он считал, что при определенных условиях оно может сыграть немаловажную роль.

Зефирен Ксирдаль не выразил ни малейшего удивления, найдя в своем распоряжении целый корабль. Возможно, правда, что он и не заметил такой подробности. Не произнеся ни слова, он поднялся по сходням и расположился в своей каюте, не сделав ни малейшего замечания.

Расстояние от Гавра до Упернивика составляет примерно восемьсот морских миль. «Атлантик», идя полным ходом, мог покрыть это расстояние за шесть дней. Но так как господину Лекёру незачем было торопиться, плавание продолжалось двенадцать дней, и в Упернивик они прибыли лишь вечером 18 июля.

За все эти двенадцать дней Зефирен Ксирдаль почти не раскрывал рта. Напрасно господин Лекёр пытался за столом, где они по необходимости встречались, разговориться о цели их путешествия. Ему ни разу не удалось добиться ответа. Сколько Лекёр ни толковал о метеоре, его крестник не отвечал, будто совершенно забыв о нем, и ни искорки мысли не загоралось в его тусклом взгляде.

Ксирдаль в эти дни был сосредоточен «внутри себя». Он был занят решением других задач. Но каких? Он никого не посвящал в свои размышления. Но они, должно быть, касались моря: стоя то на носу корабля, то на корме, Ксирдаль целыми днями не сводил глаз с морских волн. Возможно, что он в уме продолжал свои изыскания, относившиеся к особенностям поверхностного натяжения, о которых он так давно на Парижском бульваре заговаривал с рядом прохожих, полагая при этом, что беседует с Марселем Леру. Не исключено также, что сделанные им в те дни выводы послужили основой изумительным изобретениям, которыми ему суждено было позже удивить мир.

На другой день после прибытия в Упернивик господин Лекёр, начинавший уже было приходить в отчаяние, попробовал пробудить внимание своего крестника, поставив перед ним его машину, освобожденную от всех ее защитных оболочек. Расчет оказался правильным, и придуманное Лекёром средство подействовало радикально. Взглянув на свою машину, Зефирен Ксирдаль сделал движение, словно просыпаясь от сна, и обвел все кругом взглядом, в котором загорелись твердость и проницательность лучших дней.

— Где мы находимся? — спросил он.

— В Упернивике, — ответил господин Лекёр.

— А мой участок?..

— Мы сейчас направимся туда.

Но это оказалось не так-то просто. Пришлось раньше зайти к господину Бьярну Хальдорсену, начальнику Северной инспекции, дом которого легко было узнать по флагу, развевавшемуся на крыше. Обменявшись приветствиями, перешли к деловому разговору с помощью переводчика, услугами которого предусмотрительно заручился господин Лекёр.

И сразу же пришлось столкнуться с первым затруднением. Не то чтобы господин Бьярн Хальдорсен проявил желание оспаривать предъявленные ему купчие. Но толкование этих документов внушало ему сомнение. Из привезенных документов, составленных в должной форме и скрепленных всеми официальными подписями и печатями, вытекало, что гренландское правительство, в лице своего дипломатического представителя в Копенгагене, уступило Зефирену Ксирдалю участок в девять квадратных километров. Каждая сторона участка имела в длину три километра, и стороны сходились под прямым углом на одинаковом расстоянии от центра участка. Центр этот был расположен на $72^{\circ} 51' 30''$ северной

широты и на $55^{\circ}35'18''$ западной долготы. Участок был продан по пятьсот крон за квадратный километр, другими словами всего за шесть тысяч франков с небольшим.

Господин Бьярн Хальдорсен готов был признать предъявленную ему купчую, но необходимо было точно определить центральную точку участка. Бьярн Хальдорсен слышал, разумеется, о какой-то там «широте» и «долготе», он знал, что такие вещи существуют. На этом, вероятно, и кончались его познания. Но является ли широта животным или растением, а долгота — минералом или предметом обстановки, это представлялось ему одинаково возможным.

Зефирен Ксирдаль в нескольких словах пополнил познания господина инспектора в области космографии и постарался разъяснить ему его заблуждения. Он предложил затем лично, при помощи имевшихся на «Антлантике» приборов, произвести необходимые наблюдения и расчеты. Впрочем, капитан стоявшего на рейде датского парохода может проконтролировать полученные результаты и полностью успокоить его превосходительство господина Бьярна Хальдорсена.

На том и порешили.

За два дня Зефирен Ксирдаль закончил свою работу. Абсолютную точность произведенных им расчетов подтвердил капитан датского корабля. И вот тут-то возникла вторая трудность.

Точка земной поверхности, координаты которой совпадали с $72^{\circ}51'30''$ северной широты и с $55^{\circ}35'18''$ западной долготы, была расположена в открытом море, примерно в двухстах пятидесяти метрах к северу от острова Упернивик.

Потрясенный таким открытием, господин Лекёр разразился градом упреков. Что же теперь делать? Итак, они прикатили в эти забытые Богом края, чтобы присутствовать при том, как болид шлепнется в воду? Можно ли вообразить подобное легкомыслие? Как же это Зефирен Ксирдаль, ученый, мог совершить такую грубую ошибку?

Объяснялась эта ошибка весьма просто: Ксирдаль не знал, что под названием «Упернивик» значится не только поселок, но также и остров. Вот и все. Определив математически место падения болида, он положился на какую-то жалкую карту, вырванную из старого школьного атласа. Эту самую карту он сейчас извлек из своих бесчисленных карманов и развернул перед разъяренным банкиром. На этой карте было, правда, указано, что точка земного шара, расположенная на $72^{\circ}51'30''$ северной широты и на $55^{\circ}35'18''$ западной долготы, находилась поблизости от поселка Упернивик, но

она считала излишним пояснить, что этот поселок, который, если верить карте, находился на материке довольно далеко от берега, на самом деле был выстроен на острове того же названия и тянулся вдоль самого берега моря. Зефирен Ксирдаль, не дав себе труда произвести более тщательные поиски, поверил на слово этой чересчур приблизительной карте.

Да послужит это уроком! Пусть читатели углубятся в изучение географии и, главное, не забудут, что Упернивик — остров. Приобретенные познания могут оказаться для них полезными, если им невзначай придется вступить во владение болидом стоимостью в пять тысяч семьсот восемьдесят восемь миллионов.

Но дела с устонским болидом это никак не уладит.

Если бы участок можно было пометить на чертеже несколько южнее, то такой обман мог бы оказаться полезен в случае небольшого отклонения курса метеора. Но так как Зефирен Ксирдаль допустил неосторожность, пополнив познания его превосходительства господина Бьярна Хальдорсена по космографии, и согласился на контроль, который сейчас оказывался весьма неудобным, то даже и это скромное жульничество становилось невозможным. Приходилось, чего бы это ни стоило, примириться с создавшимся положением и вступить во владение купленным участком, расположенным частью на море, частью на земле.

Южная граница этой второй и наиболее интересной части участка, как выяснилось при самом последнем обследовании, проходила в тысяче двухстах пятидесяти одном метре от северного берега Упернивика, а его длина, равнявшаяся трем километрам, значительно превосходила ширину острова в этом месте. Из этого вытекало, что восточную и западную, границу можно было обозначить только в открытом море. Зефирен Ксирдаль таким образом получил немногим больше двухсот семидесяти двух гектаров, вместо купленных и оплаченных девяти квадратных километров, что делало куда менее выгодной эту покупку недвижимой собственности. Другими словами, он попал впросак.

Что же касается падения болида, дело было вовсе дрянно. Пункт, куда Ксирдаль с такой ловкостью направлял болид, оказывался в открытом море. Ксирдаль, правда, считался с возможностью отклонения. Поэтому-то он и «дал себе волю», добавив по полторы тысячи метров во всех направлениях вокруг этой точки. Но в какую сторону произойдет отклонение,— вот это было ему неизвестно. Метеор мог упасть на со-

кратившуюся часть территории, которая оставалась в его распоряжении. Но с таким же успехом могло произойти и обратное. Отсюда и волнение господина Лекёра.

— Что же ты теперь намерен делать? — спросил он своего крестника.

Зефирен Ксирдаль в знак полного неведения поднял руки к небу.

— Да ведь нужно же что-нибудь предпринять! — с возмущением воскликнул Лекёр. — Ты обязан вывести нас из этого тупика!

Зефирен Ксирдаль на мгновение задумался.

— Первое, что нужно сделать, — произнес он наконец, — это — оградить участок и построить на нем сторожку, в которой мы могли бы поселиться. А потом видно будет!

Господин Лекёр принялся за дело. За неделю матросы с «Атлантика» при помощи нескольких гренландцев, соблазненных высокой оплатой, соорудили проволочную ограду, оба конца которой спускались в море, а также построили дощатую сторожку, которую обставили самым необходимым.

Двадцать шестого июля, за три недели до того дня, когда должно было произойти падение болида, Зефирен Ксирдаль принялся за работу. Произведя несколько наблюдений за метеором в высших слоях атмосферы, он вознесся в высочайшие сферы математики. Вновь произведенные расчеты только подтвердили правильность его первоначальных выводов. Ошибки не было. Отклонения не произошло. Бolid упдет точно в заранее указанное место, то есть на $72^{\circ}51'30''$ северной широты и на $55^{\circ}35'18''$ западной долготы.

— Другими словами — прямо в море! — с трудом скрываая бешенство, проговорил господин Лекёр.

— Да, в море, — с полнейшим спокойствием подтвердил Ксирдаль, который, как подобает истому математику, испытывал лишь удовлетворение от сознания, что расчеты его были так поразительно точны.

Но тут же перед ним встала и другая сторона вопроса.

— Вот дьяволищина! — проговорил он уже по-иному, нерешительно взглянув на крестного.

Лекёр старался сохранять спокойствие.

— Послушай, Зефирен, — заговорил он благодушным тоном, каким принято говорить с детьми. — Не станем же мы сидеть сложа руки? Произошла ошибка — нужно ее исправить. Раз уж ты сумел достать болид с неба, то для тебя будет просто детской игрой заставить его уклониться на несколько сот метров.

— Вам представляется, что это просто! — сказал Ксирдаль, покачивая головой. — Я воздействовал на метеор, когда он находился на высоте четырехсот километров. На этом расстоянии земное притяжение оказывало влияние лишь в такой мере, в какой количество энергии, которым я воздействовал на одну из его сторон, было достаточно, чтобы вывести его из равновесия. Теперь все обстоит иначе. Болид находится гораздо ниже, и земное притяжение влияет на него так сильно, что незначительное увеличение или уменьшение энергии ничего уж не изменит. С другой стороны, если абсолютная скорость движения болида и уменьшилась, то зато значительно возросла его угловая скорость. Он сейчас пронесется с быстротой молнии, и у нас не хватит времени, чтобы успеть оказать на него воздействие.

— Значит, ты ничего не можешь сделать? — произнес Лекёр, кусая губы, чтобы сдержать гнев.

— Я этого не сказал, — поправил его Зефирен Ксирдаль. — Но это дело трудное. Попытаться, разумеется, можно...

И он действительно «попытался» с такой настойчивостью, что 17 августа уже считал себя вправе надеяться на успех. Болид, отклонившись от своего пути, должен был упасть целиком на твердую почву, метрах в пятидесяти от берега — расстояние достаточное, чтобы исключить всякую опасность.

К несчастью, однако, в последующие дни разыгрался страшный шторм, который с невероятной силой потряс корабли, стоявшие на упернивикском рейде, и пронесся по поверхности всего земного шара, так что Ксирдаль с полным основанием стал опасаться, что траектория болида может измениться под влиянием такого бурного передвижения огромных воздушных масс.

Этот шторм, как уже известно, улегся в ночь с 18-го на 19-е, но жители сторожки не воспользовались отдыхом, который им предоставила успокоившаяся стихия. Ожидание грядущего события не позволило им ни на минуту сомкнуть глаз. Полюбовавшись в половине одиннадцатого вечера заходом солнца, они менее чем через три часа снова увидели дневное светило, поднимавшееся в почти свободном от облаков небе.

Падение произошло точно в час, назначенный Ксирдалем. В шесть часов пятьдесят семь минут тридцать пять секунд яркий свет словно разорвал воздушное пространство на севере, почти ослепив господина Лекёра и его крестника, которые уже час, стоя на пороге своей сторожки, следили за го-

ризонтом. Почти одновременно послышался глухой гул, и земля содрогнулась от толчка огромной силы.

Метеор упал.

Первое, что увидели господин Лекёр и Зефирен Ксирдаль, когда снова обрели зрение, была возвышавшаяся на расстоянии пятисот метров от них золотая глыба.

— Он горит! — в страшном волнении проговорил господин Лекёр.

— Да,— подтвердил Ксирдаль, который не мог произнести ничего, кроме этого коротенького слова.

Но понемногу они успокоились и начали отдавать себе более ясный отчет в том, что они видят.

Болид действительно был раскален добела. Температура его должна была быть выше тысячи градусов и приближаться к точке плавления. Его пористая структура сейчас ясно была видна, и Гринвичская обсерватория вполне правильно в свое время сравнивала его с губкой. Бесчисленные каналцы, прорезая поверхность, несколько потемневшую при остывании, позволяли взору проникнуть в глубину, где металл был раскален докрасна. Расходясь и перекрещиваясь в тысяче извивов, каналцы образовывали бесчисленное множество лунок, из которых со свистом вырывался перегретый воздух.

Хотя болид сильно сплюснулся при своем головокружительном падении, все же и сейчас ясно заметна была его сферическая форма. Верхняя часть сохраняла довольно правильно очерченную округлость, тогда как основание, раздавленное и расплющенное, слилось с неровностями почвы.

— Да ведь он... вот-вот соскользнет в море! — воскликнул господин Лекёр.

Крестник его молчал.

— Ты уверял, что он упадет в пятидесяти метрах от воды!

— А он лежит в десяти метрах от нее. Учтите половину его диаметра.

— Десять — не пятьдесят!

— Буря вызвала известное отклонение!

Собеседники не обменялись больше ни словом. Они молча глядели на золотой шар.

Господин Лекёр и в самом деле имел основание беспокоиться. Болид упал в десяти метрах от крайнего выступа скалы, на пологий скат, соединяющий эту часть скалы с островом. Так как радиус его равнялся пятидесяти метрам, как совершенно правильно определила Гринвичская обсерватория, он выступал на сорок пять метров над бездной. Огромная масса металла, размягченная жарой и сброшенная с высоты,

обтекла, если можно так выразиться, вертикальную скалу и значительной своей частью беспомощно свисала почти до самой воды. Но другая часть, буквально влипшая в скалистую почву, удерживала всю глыбу в таком положении над океаном.

Одно было ясно: раз метеор не падал вниз, значит, он находился в равновесии. Но равновесие это казалось мало устойчивым, и были все основания опасаться, что малейшего толчка окажется достаточным, чтобы весь этот сказочный клад рухнул в бездну. Стоило ему покатиться по склону, и ничто уже его не остановит. Он низвергнется в море, которое сомкнет над ним свои воды.

«Тем больше оснований торопиться!» — внезапно подумал господин Лекёр, приходя в себя. Безумие терять время на какое-то глупое созерцание в ущерб своим насущным интересам.

Не теряя больше ни минуты, Лекёр обошел сторожку с другой стороны и поднял французский флаг на заранее приготовленный шест. Шест этот был достаточно высок, чтобы флаг был виден с кораблей, стоявших на рейде в Упернивики. Мы уже знаем, что сигнал этот был замечен и понят. «Атлантик» немедленно вышел в море, направляясь к ближайшему телеграфному посту. Отсюда в адрес банкирского дома Робера Лекёра на улице Друо в Париже полетит телеграмма, составленная в условных выражениях. В переводе на обычный язык там было сказано: «Болид упал. Продавайте».

В Париже поспешат выполнить распоряжение, и господин Лекёр, игравший наверняка, загребет огромную сумму. Когда о падении будут получены официальные известия, акции золотых приисков окончательно упадут в цене. Господин Лекёр тогда купит их на очень выгодных условиях. Дело, в общем, отличное, чем бы оно ни кончилось, и господин Лекёр наживет на нем немало миллионов.

Зефирен Ксирдаль, не имевший представления о подобных комбинациях, продолжал стоять, поглощенный лицемерием золотого шара, когда внезапно услышал громкий шум голосов. Обернувшись, он увидел толпу туристов, которая, с господином Шнаком во главе, прорвалась на его территорию. Вот это, черт возьми, было совершенно нетерпимо! Ксирдаль приобрел участок, чтобы быть самому у себя хозяином, и его до глубины души возмутила такая беззастенчивость.

Быстрым шагом направился он навстречу ворвавшимся. Делегат Гренландии сам пошел ему навстречу.

— Как могло случиться, сударь, — обратился к нему

Ксирдаль,— что вы вторглись ко мне? Разве вы не видели надписей?

— Прошу, сударь, прощения,— учтиво ответил господин Шнак.— Мы, конечно, видели объявления. Но мы подумали, что будет извинительно, при таких исключительных обстоятельствах, нарушить общепринятые правила.

— Исключительные обстоятельства? — с искренним удивлением переспросил Ксирдаль.— О каких исключительных обстоятельствах вы говорите?

Лицо господина Шнака выразило крайнее недоумение.

— Исключительные обстоятельства? — повторил он.— Неужели же мне придется довести до вашего сведения, что уостонский болид только что свалился на этот остров?

— Я знаю это,— заявил Ксирдаль.— Но в этом нет ничего особенного. Падение болида — вещь самая обычная.

— Не тогда, когда болид золотой!

— Золотой или какой-нибудь другой,— болид остается болидом.

— Все эти господа,— ответил господин Шнак, указывая на толпу туристов, из которых никто не понимал, о чем идет речь,— придерживаются иного мнения. Все эти люди съехались сюда только для того, чтобы присутствовать при падении уостонского болида. Согласитесь, что обидно было бы совершить такое путешествие и быть вынужденными остановиться перед какой-то проволочной оградой.

— Вы, пожалуй, правы,— заметил Ксирдаль, склонный к уступчивости.

Дело уже как будто налаживалось, как вдруг господин Шнак имел неосторожность добавить несколько слов.

— Что касается меня,— заявил он,— то я тем менее мог позволить себе остановиться перед вашей оградой. Эта ограда препятствовала выполнению миссии, официально возложенной на меня.

— И эта миссия заключается?..

— В том, чтобы от имени Гренландии, которую я представляю, вступить во владение болидом.

Ксирдаль встрепенулся.

— Вступить во владение болидом! — воскликнул он.— Да вы просто с ума сошли, сударь мой!

— Хотел бы я знать почему,— обиженным тоном заметил господин Шнак.— Болид упал на гренландской территории и принадлежит гренландскому государству, раз он никому другому не принадлежит.

— Что ни слово, то недоразумение! — запротестовал

Ксирдаль, в котором нарастало раздражение.— Во-первых, болид упал не на гренландской территории, а на моей собственной, раз Гренландия продала мне этот участок за наличный расчет. Далее — болид принадлежит одному лицу, и это лицо — я!

— Вы?

— Совершенно верно. Я!

— По какому праву?

— По любому праву, сударь. Если б не я, болид продолжал бы носиться в пространстве, откуда, хоть вы и представитель Гренландии, вам было бы его не достать. Как же он не мой, раз он находится на моей земле? И это я, именно я, заставил его сюда упасть.

— Что вы сказали? — переспросил господин Шнак.

— Я сказал, что это я заставил его сюда упасть! Да кроме того, ведь я счел нужным поставить об этом в известность Международную конференцию, которая, как говорят, собралась в Вашингтоне. Полагаю, что моя телеграмма заставила конференцию прервать свою работу.

Господин Шнак с сомнением глядел на своего собеседника. С кем он имел дело? С шутником или с сумасшедшим?

— Сударь,— произнес он.— Я участвовал в работах Международной конференции и должен заявить вам, что она продолжала заседать, когда я выезжал из Вашингтона. Должен также сообщить,— что ни о какой вашей телеграмме там не было и речи.

Господин Шнак был вполне искренен. Несколько тугой на ухо, он не разобрал ни слова, когда телеграмму читали — как это делается во всех уважающих себя парламентах — под адский шум частных разговоров.

— И все же телеграмма мною была отправлена,— твердил Ксирдаль, начиная уже горячиться.— Дошла ли она по назначению, или нет — это ничего не меняет в моих правах.

— В ваших правах? — произнес господин Шнак, которого неожиданный спор также начинал выводить из терпения.— Неужели вы и всерьез осмеливаетесь заявлять какие-то права на болид?

— Еще бы! Постесняюсь! — с иронией воскликнул Ксирдаль.

— Болид ценностью в шесть триллионов франков!

— Что ж из этого! Хоть бы он стоил триста тысяч миллионов миллиардов биллионов триллионов — это не помешало бы ему принадлежать мне!

— Вам?.. Шутить изволите! Чтобы одному человеку принадлежало больше золота, чем всем остальным людям на свете, вместе взятым?.. Это было бы недопустимо!

— Не знаю — допустимо или недопустимо! — заорал Зефирен Ксирдаль в бешенстве. — Я знаю только одно: болид принадлежит мне!

— Это мы еще посмотрим! — сухо оборвал его господин Шнак. — А пока что потерпите и позвольте нам продолжать путь.

Произнеся эти слова, делегат слегка коснулся полей своей шляпы, и проводник, подчиняясь его знаку, двинулся вперед. Господин Шнак последовал за ним, а все три тысячи туристов двинулись следом за господином Шнаком.

Зефирен Ксирдаль, расставив длинные ноги, глядел на проходивших мимо него людей, которые, казалось, даже не замечали его. Возмущению его не было границ. Ворваться к нему без разрешения и вести себя здесь словно в завоеванной стране! Оспаривать его права! Этому не было названия!

Но что можно было предпринять против такой толпы? Ему оставалось только, когда последний из ворвавшихся прошел мимо него, отступить к своей сторожке. Но если он и был побежден, то убежден не был. По дороге он дал волю накопившейся злобе.

— Свинство!.. Просто свинство!.. — вопил он, размахивая руками, как семафор.

Толпа между тем спешила вслед за проводником. Туземец, дойдя до начала мыса, которым заканчивался остров, остановился. Идти дальше не было возможности.

Господин Шнак и Уорф первыми догнали его. Потом подошли Форсайт и Гьюдельсон, Франсис и Дженни, Омикрон, Сэт Стенфорт и Аркадия Уокер, а затем и вся масса любопытных, которых пароходы высадили на побережье Баффинова залива.

Да. Двигаться дальше было невозможно. Жара, становившаяся нестерпимой, не позволяла сделать дальше ни шагу.

Впрочем, шаг этот был бы излишним. На расстоянии меньше четырехсот метров виднелся золотой шар, и все, кому было угодно, могли любоваться им, как любовались им час назад Зефирен Ксирдаль и господин Лекёр. Метеор не сиял, как тогда, когда чертил в пространстве свою орбиту: он сверкал настолько ослепительно, что глазам трудно было переносить его блеск. Одно можно сказать: золотой шар был неуло-

вим, когда носился в поднебесье, и продолжал оставаться таким же недоступным и теперь, когда покоился на земле.

Берег в этом месте закруглялся, образуя подобие уступа, скалу, вроде тех, которые на местном наречии называются «уналек». Опускаясь к морю, этот уступ заканчивался скалой, вертикально поднимавшейся метров на тридцать над уровнем моря. На самый край этой площадки и свалился болид. Чуть-чуть правее — и он погрузился бы в бездну, куда уходило подножье скалы.

— Да,— невольно прошептал Франсис Гордон,— каких-нибудь двадцать шагов, и он был бы на дне...

— Откуда его не так-то легко было бы вытянуть! — добавила миссис Аркадия Уокер.

— Да и господин Шнак еще не завладел им! — заметил мистер Сэт Стенфорт. — Не так-то просто будет гренландскому правительству упрятать его в свою кассу!

Так-то оно так, но рано или поздно болид все же ему достанется. Нужно только запастись терпением. Лишь бы он остыл, а при арктической зиме долго ждать этого не придется.

Мистер Дин Форсайт и доктор Сидней Гьюдельсон стояли неподвижно, словно загипнотизированные золотой глыбой, которая обжигала им глаза. Оба попытались было проскочить вперед, и оба вынуждены были отступить, так же как и нетерпеливый Омикрон, который чуть было не оказался зажаренным, словно ростбиф. Даже и на расстоянии четырехсот метров температура достигала пятидесяти градусов, и жар, распространяясь от метеора, затруднял дыхание.

«Но в конце-то концов... он здесь... Он покоится на поверхности острова... Он не лежит на дне морском... Не пропал для всех... Он находится в руках этой счастливой Гренландии!.. Ждать!.. Остается только ждать!..»

Вот что твердили любопытные, которых удушливая жара заставила остановиться у поворота.

Ждать!.. Но сколько времени? А вдруг болид месяц, а то и два не поддается охлаждению? Глыбы металла, нагретые до подобной температуры, могут очень долго оставаться раскаленными... Это случалось и с метеоритами гораздо меньшего размера.

Прошло три часа, но никому и в голову не приходило двинуться с места. Неужели эти люди собирались ждать, пока можно будет приблизиться к болиду? Но ведь это произойдет не сегодня и не завтра. Остается лишь разбить лагерь, запастись пищей или же вернуться на корабли.

— Мистер Стенфорт,— произнесла миссис Аркадия

Уокер.— Думаете ли вы, что нескольких часов будет достаточно для охлаждения болида?

— Ни нескольких часов, ни нескольких дней, миссис Уокер.

— В таком случае я вернусь на пароход, а если будет необходимо, приду сюда позже.

— Вы совершенно правы,— ответил мистер Стенфорт.— Следуя вашему примеру, я вернусь на «Мозик». Час завтрака, полагаю, уже пробил.

Такое решение было самым правильным, но Франсису Гордону и Дженни не удалось склонить мистера Форсайта и доктора Гьюдельсона последовать доброму совету. Толпа постепенно редела. Господин Шнак последним решился вернуться в поселок Упернивик. Но оба маньяка упорно не желали расстаться со своим метеором.

— Папа, идете вы или нет? — в десятый раз спросила Дженни около двух часов дня.

Вместо ответа доктор Гьюдельсон сделал несколько шагов по направлению к метеору, но вынужден был поспешно отступить. Казалось, он приблизился к огромной топке. Мистеру Дину Форсайту, который сунулся было вслед за ним, пришлось столь же быстро отбежать назад.

— Послушайте, дядя,— в свою очередь заговорил Франсис Гордон,— послушайте и вы, мистер Гьюдельсон: давно пора вернуться на пароход... Болид, черт возьми, сейчас уж никуда не убежит. Как бы вы ни пожирали его глазами, вы от этого не будете сыты.

Но все усилия были напрасны. Только вечером, почти падая с ног от голода и усталости, они наконец решились уйти, с твердым намерением вернуться завтра утром.

И они действительно явились рано утром, но столкнулись с полусотней вооруженных людей — весь состав гренландской армии,— которым была поручена охрана драгоценного метеора.

Против кого правительство считало нужным принимать такие меры предосторожности? Против Зефирена Ксирдаля? В таком случае пятидесяти человек было много. Тем более что болид сам великолепно защищался. Нестерпимый жар, исходивший от него, даже и самых больших смельчаков удерживал на почтительном расстоянии. Едва ли со вчерашнего дня это расстояние сократилось больше чем на метр. При таких темпах пройдет еще много месяцев, прежде чем господин Шнак будет в состоянии вступить от имени гренландского правительства во владение этим кладом.

Как бы там ни было — охрану сочли нужным организовать. Когда речь идет о пяти тысячах восьмидесяти восьми миллиардах, осторожность не мешает.

По просьбе господина Шнака один из стоявших на рейде кораблей был послан, чтобы по телеграфу оповестить весь мир о великом событии. Итак, не пройдет и двух суток, как весть о падении болида облетит весь свет. Не нарушит ли это планы господина Лекёра? Ни в какой мере. Яхта «Атлантик» отошла уже на сутки раньше, и так как она обладала гораздо более быстрым ходом, банкир имел в своем распоряжении тридцать шесть часов — срок, вполне достаточный, чтобы успешно завершить финансовую операцию.

Если гренландское правительство почувствовало себя спокойным, выставив охрану в пятьдесят человек, то как должна была возрасти его уверенность, когда оно в тот же день после полудня могло удостовериться, что метеор охраняют уже целых семьдесят человек!

В полдень в гавани Упернивика бросил якорь крейсер. На гафеле развевался звездный флаг Соединенных Штатов Америки. Едва только был брошен якорь, как с крейсера высадилось двадцать человек, которые под командой мичмана расположились лагерем вокруг болида.

Узнав об увеличении численности охраны, господин Шнак испытал противоречивые чувства. Хотя он, с одной стороны, и ощутил удовлетворение от сознания, что драгоценный болид так старательно охраняется, все же эта высадка вооруженных американских моряков на гренландской территории серьезно его беспокоила. Мичман, с которым он попытался поговорить, не мог рассеять его смущения. Мичман действовал в соответствии с приказаниями начальства и не считал нужным разбираться в них.

Господин Шнак решил на следующий день отправиться со своими сетованиями на крейсер. Но когда он собрался осуществить свое намерение, то столкнулся уж с двойной задачей.

За ночь успел подойти второй крейсер — на этот раз английский. Командир, узнав, что падение метеора — уже совершившийся факт, счел необходимым по примеру своего американского коллеги также посадить двадцать матросов, и эти матросы под командой второго мичмана быстрым шагом направились к северо-западной оконечности острова.

Господин Шнак растерялся. Что все это должно было означать? Растерянность его возрастала с каждым часом. Днем было сообщено о приближении третьего крейсера под трехцветным флагом. А два часа спустя двадцать француз-

ских моряков под командой лейтенанта встали в карауле возле метеора.

Положение явно осложнялось. В ночь с 21-го на 22-е прибыл русский крейсер — четвертый по счету. Но это было еще не все, — 22-го появился японский корабль, а дальше один за другим итальянский и немецкий. На следующий день, 23 августа, подошли аргентинский крейсер и испанский, а за ним чилийское военное судно, за которым почти непосредственно следовали два других — португальский крейсер и голландский.

Двадцать пятого августа перед Упернивиком уже стояло шестнадцать военных кораблей, среди которых «Атлантик», никем не замеченный, скромно занял свое прежнее место. Целая международная эскадра, подобную которой никогда не приходилось видеть в этих полярных водах. И так как каждый из этих кораблей высадил по двадцать человек под командой офицера, то уже триста двадцать солдат и шестнадцать офицеров всех национальностей попирали гренландскую землю, которую не в силах были бы защитить, несмотря на все свое мужество, пятьдесят гренландских солдат.

Каждый корабль привозил с собой собственный груз новостей, и новости эти были, судя по впечатлению, которое они производили, не слишком удовлетворительные. Хотя Международная конференция до сих пор и заседала в Вашингтоне, но уже ни для кого не было секретом, что она продолжает собираться только для вида. Слово было за дипломатами... пока (как говорили в тесном кругу), пока не заговорят пушки. В министерских канцеляриях шло немало споров, а споры эти не были лишены язвительности.

По мере прибытия все большего числа кораблей новости становились, по-видимому, все более тревожными. Ничего определенного не было известно, но в штабах и среди экипажа кораблей ходили смутные слухи, и отношения между различными оккупационными частями становились все более натянутыми.

Если вначале американский капитан счел нужным пригласить к обеду своего английского коллегу, а последний, отвечая на приглашение приглашением, воспользовался случаем выразить свое сердечное отношение командиру французского крейсера, то теперь и речи не было о таком международном расшаркивании. Теперь каждый сидел запершись у себя и выжидал, откуда подует ветер, который и определит его поведение. Первые порывы этого ветра, казалось, сулили бурю.

Зефирен Ксирдаль в это время никак не мог прийти в себя от ярости. У господина Лекёра буквально звон в ушах стоял от его бесконечных жалоб, и банкир напрасно пытался урезонить своего крестника, взывая к его здравому смыслу.

— Ты ведь должен понять, дорогой мой Зефирен,— убеждал его банкир,— что господин Шнак прав. Нельзя же предоставить отдельному лицу право свободно распоряжаться такой колоссальной суммой. Вполне естественно, что в это дело сочли нужным вмешаться. Но предоставь мне свободу действий. Когда возбуждение несколько уляжется, я приму свои меры. Никак не допускаю, чтобы не сочли нужным признать справедливость наших требований и в значительной мере удовлетворить их. Кое-что я у них вырву, в этом нет сомнений.

— Кое-что! — с возмущением восклицал Ксирдаль.— Да наплевать мне на это «кое-что». Зачем мне это золото? Нужно оно мне, что ли?

— Не понимаю в таком случае,— отвечал Лекёр,— почему ты так волнуешься?

— Потому, что болид принадлежит мне! Меня бесит, что его хотят у меня отнять! Я этого не допущу!

— Что ты можешь предпринять против всего света, бедный ты мой Зефирен?

— Если бы я знал что, это было бы уже сделано. Но... терпение... Когда этот дурацкий делегат заявил о своем намерении забрать мой болид — это была гнусность. Но что можно сказать сегодня? Сколько стран — столько и грабителей!.. Уже не говоря о том, что они, по слухам, готовы перегрызть друг другу горло... Черт возьми, лучше бы я уж оставил болид там, где он был. Мне показалось занятным заставить его упасть. Я решил, что опыт будет интересным... Если бы я только знал... Каких-то бедняков, у которых нет собственных десяти су, заставят драться за эти миллиарды! Говорите, что хотите, но это невероятное свинство!

Сбить Ксирдаля с этих позиций было невозможно.

Но господином Шнаком он возмущался напрасно. Несчастному делегату, как его все еще называли, в эти дни приходилось довольно солоно. Захват гренландской территории не предвещал ничего хорошего, и неслыханное богатство страны явно покоилось на весьма шатких основаниях. А что он мог предпринять? Был ли он в состоянии со своей полусотней солдат сбросить в море триста двадцать иностранных моряков, засыпать пушечными ядрами, подорвать, потопить шестнадцать бронированных гигантов, стоящих на уперни-викском рейде?

Совершенно ясно, что не мог. Но он во всяком случае мог, даже был обязан, от имени своей страны протестовать против вторжения в ее пределы.

Однажды, когда командиры английского и французского крейсеров в качестве простых любопытных спустились на берег, господин Шнак воспользовался случаем, чтобы потребовать объяснений и сделать официальные представления в tone, в котором даже и дипломатическая корректность не могла подавить известную горячность.

Ответил английский капитан. Господин Шнак, по его словам, совершенно напрасно волнуется. Командиры стоящих на рейде кораблей просто выполняют распоряжение своих адмиралтейств. Они не вправе ни оспаривать, ни обсуждать эти приказания и обязаны их выполнять. Приходится, по-видимому, предполагать, что высадка военных сил всех национальностей имеет единственной целью поддержание порядка ввиду столь значительного наплыва любопытных. В общем, пусть господин Шнак успокоится: вопрос изучается в высших инстанциях, и к правам всех и каждого отнесутся с должным уважением.

— Совершенно точно,— одобрительно заметил французский капитан.

— Раз ко всем правам отнесутся с уважением, я получу возможность защищать и мои! — неожиданно закричал какой-то человек, без стеснения вмешиваясь в разговор.

— С кем имею честь? — спросил капитан.

— Мистер Дин Форсайт, астроном из города Уостона, так сказать отец и законный собственник болида,— с важностью ответил непрошенный собеседник, в то время как господин Шнак слегка пожал плечами.

— Гм! Очень хорошо! — произнес капитан.— Мне отлично известно ваше имя, господин Форсайт... Ну, разумеется, если у вас есть права, то почему бы вам их не предъявить?

— Права! — возопил в эту минуту еще новый непрошенный собеседник.— Тогда что же сказать о моих правах? Разве не я, не я один, разве не доктор Сидней Гьюдельсон, первый оповестил весь мир о появлении метеора?

— Вы? — возмутился мистер Дин Форсайт, обернувшись так резко, будто его ужалила гадюка.

— Я!

— Какой-то жалкий лекаришка осмеливается претендовать на такое открытие!

— С не меньшим основанием, чем такой невежда, как вы!

— Болтун, который даже не знает, с какой стороны полагается глядеть в телескоп!

— Мошенник, который и телескопа-то никогда не видал!

— Это я-то невежда?

— Это я-то лекаришка?

— Я не так невежествен, чтобы не суметь обличить самозванца!

— Не такой уж я лекаришка, чтобы не суметь поймать за руку вора!

— Это уже слишком,— вопил с пеною у рта мистер Дин Форсайт.— Поберегитесь, сударь!

Оба соперника, сжав кулаки, с яростью во взоре, с угрозами наступали друг на друга, и сцена эта могла бы плохо кончиться, если бы Франсис и Дженни не успели их разъединить.

— Дядюшка! — воскликнул Франсис, своими сильными руками сдерживая мистера Форсайта.

— Папа!.. Умоляю вас!.. Папа!.. — упрашивала Дженни, заливаясь слезами.

— Что это за странные субъекты? — спросил у мистера Сэта Стенфорта случайно оказавшийся рядом с ним Зефирен Ксирдаль, ставший невольным свидетелем этой трагикомической сцены.

В дороге люди легко мирятся с нарушением светских правил приличия. Мистер Сэт Стенфорт любезно ответил на вопрос, без стеснения заданный ему незнакомцем.

— Вы, безусловно, слышали о мистере Дине Форсайте и о докторе Гьюдельсоне?..

— Астрономы-любители из города Уостона?

— Они самые.

— Те, что открыли болид, который сюда свалился?

— Они, они!

— По какому же поводу они так сцепились?

— Они никак не могут мирно разрешить вопрос, кому в этом открытии принадлежит приоритет.

Зефирен Ксирдаль презрительно пожал плечами.

— Есть о чем спорить! — заметил он.

— И оба они заявляют о своем праве собственности на болид,— добавил мистер Сэт Стенфорт.

— На том основании, что случайно заметили его в небе?

— Совершенно верно.

— Ну и нахалы! — заявил Зефирен Ксирдаль.— А эта девушка и этот молодой человек — при чем тут они?

Мистер Сэт Стенфорт любезно пояснил, в чем дело. Он рассказал, при каких обстоятельствах молодым людям при-

шлось отказаться от предполагавшегося брака и как затем, из-за нелепого соперничества и чисто корсиканской ненависти, порвалась трогательная дружба, связывавшая обе семьи.

Ксирдаль был потрясен. Он глядел на мистера Дина Форсайта, которого едва сдерживал Франсис Гордон, и на Дженни Гьюдельсон, охватившую своими слабыми руками отца, — глядел с таким видом, будто перед ним были какие-то редкие ископаемые. Когда Сэт Стенфорт закончил свой рассказ, Ксирдаль, даже не поблагодарив, а только громко крикнув: «Нет, это переходит все границы!» — широко шагая, направился к себе. Рассказчик, равнодушно проводив взглядом этого оригинала и сразу же забыв о нем, вернулся к миссис Аркадии Уокер, которую покинул на время своего короткого разговора с незнакомцем. А теперь это почти никогда не случалось.

Зефирен Ксирдаль между тем никак не мог успокоиться. Резким движением распахнул он дверь своего домика.

— Дядюшка! — сказал он, обращаясь к господину Лекёру, который даже вздрогнул от неожиданности. — Заявляю вам: это свинство! Неслыханное свинство!

— Что опять стряслось? — спросил банкир.

— Болид, черт возьми! Все тот же проклятый болид!

— Что же он натворил, твой болид?

— Да он просто-напросто собирается опустошить всю землю! Даже и не перечислить всего, что он наделал. Мало того, что он превратил всех людей в воров и грабителей, он готов предать род человеческий огню и мечу, посеять несогласия и войну! Но и это еще не все. Из-за него расходятся жених с невестой! Пойдите поглядите на эту девушку, — посмотрим, что вы скажете. Глядя на нее, расплатится даже придорожный столб. Нет! Все это чересчур большое свинство!

— Какие жених с невестой? О какой девушке ты говоришь?.. Что за блажь тебе влезла в голову? — растерянно спрашивал господин Лекёр.

Зефирен Ксирдаль не соизволил даже ответить.

— Да! Нестерпимое свинство! — закричал он. — Но пусть имеют в виду: это так не пройдет! Я их всех помирю — запомнят они меня!

— Какую ерунду ты затеял, Зефирен?

— Ясно как день! Не так трудно угадать! Сброшу их болид в воду — и все!

Господин Лекёр вскочил как ужаленный. Он побледнел от волнения, сжавшего его сердце. У него ни на мгновение даже не мелькнула мысль, что Зефирен, поддавшись гневу,

сыплет угрозами, осуществить которые не в его власти. Он уже доказал, на что способен. От такого человека можно было ожидать всего.

— Ты не сделаешь этого, Зефирен! — воскликнул Лекёр.

— Нет, обязательно сделаю! Ничто меня не остановит! Хватит с меня. И примусь я за это сию минуту!..

— Да ты не подумал, несчастный...

Господин Лекёр внезапно умолк. В его мозгу загорелась гениальная мысль, быстрая и ослепительная, как молния. Для этого великого полководца в денежных битвах несколько секунд было достаточно, чтобы оценить сильную и слабую сторону задуманного.

— Впрочем... — прошептал он.

Он вторично напряг мысль и убедился, что проект его великолепен. Лекёр повернулся к Ксирдалю.

— Я не стану больше спорить с тобой, — заявил он решительно, как человек, которому время дорого. — Ты собираешься сбросить болид в море? Пусть так. Но не можешь ли ты дать мне несколько дней на передышку?

— Я вынужден именно так поступить! — воскликнул Ксирдаль. — Мне придется внести кое-какие изменения в машину, чтобы заставить ее проделать то, что я хочу. На эти переделки уйдет дней пять или шесть.

— Мы дотянем, значит, до третьего сентября?

— Да.

— Отлично! — произнес Лекёр, выходя из дома и поспешно направляясь в Упернивик, в то время как его крестник усаживался за работу.

Не теряя времени, господин Лекёр приказал отвезти его на «Атлантик», труба которого сразу же принялась извергать клубы черного дыма. Два часа спустя владелец яхты был уже снова на берегу, тогда как «Атлантик» удалялся на всех парах и вскоре исчез с горизонта.

План Лекёра, как и все гениальные планы, был бесконечно прост.

Из двух возможных решений — выдать своего крестника иностранным войскам и помешать ему осуществить свое намерение или же предоставить событиям свободно развиваться — Лекёр избрал второе.

Выдав Ксирдаля, он мог рассчитывать, разумеется, на соответствующее вознаграждение, которое ему выплатят «в благодарность» заинтересованные государства. Ему несомненно уделят какую-то часть сокровищ, спасенных благодаря его вмешательству. Но какую часть? Смехотворную, надо по-

лагать, совсем смехотворную, принимая во внимание падение ценности золота, которое не мог не вызвать такой огромный приток этого металла на денежный рынок.

Если же он промолчит, то не только избегнет тех бед, которые, растекаясь потоком по всей земле, несет с собой подобная масса золота, но избегнет и неприятностей, грозящих лично ему. Мало того, он даже извлечет из этого значительные выгоды. Будучи единственным, посвященным в такую тайну, за пять дней он легко заставит ее служить своим интересам. Для этого будет достаточно отправить через «Атлантик» телеграмму, в которой после расшифровки на улице Друо прочтут следующее: «Ожидаются сенсационные события. Покупайте золотые прииски в неограниченном количестве».

Такое распоряжение выполнят с легкостью. О падении болида сейчас всем, разумеется, уже известно, и акции золотых приисков так сильно упали в цене, что почти ничего не стоят. Нет сомнения, что на бирже их предлагают почти даром и не могут найти покупателей... Зато какой подымется «бум», когда разнесется весть о конце всей этой авантюры! С какой быстротой золотые акции взлетят вверх, достигнут своего первоначального курса! Счастливый покупатель наживет на этом взлете немало.

Скажем сразу, что глазомер у Лекёра оказался точным. Дешевизна была доставлена на улицу Друо, и в тот же день на бирже были в точности выполнены все его распоряжения. Банк Лекёра скупил за наличные и в кредит все акции золотых приисков, которые предлагались, и на следующий день повторил ту же операцию.

Ну и жатву же собрал за эти два дня господин Лекёр! Мелкие акции его банк покупал по несколько сантимов за штуку, другие, некогда стоившие очень дорого, а теперь упавшие в цене, — по два и три франка и, наконец, самые первоклассные — по десять — двенадцать франков. Банк Лекёра брал все без разбора.

К концу вторых суток слухи об этих закупках стали просачиваться на биржах всего мира и вызвали некоторую тревогу. Банк Лекёра, считавшийся очень солидным, к тому же известный своим деловым нюхом, бросаясь на закупку определенных акций, действовал безусловно неспроста. В этом что-то крылось. Таково было общее мнение, и курс заметно повысился.

Но было уже поздно. Дело было сделано. В руках Робера Лекёра сосредоточилась большая часть всех акций золотой промышленности.

Пока в Париже разворачивались эти события, Зефирен Ксирдаль применял для перестройки своей машины те детали, которыми предусмотрительно запасся перед отъездом. Внутри машины он тянул провода, организуя сложную скрещивающуюся систему токов. Снаружи он добавлял трубки странной формы, ввинчивая их в центр двух новых рефлекторов. В заранее назначенный день, 3 сентября, все было готово, и Зефирен Ксирдаль объявил, что может приступить к действию.

Присутствовавший при этом в виде исключения крестный заменял собою настоящую аудиторию. Зефирену Ксирдалю представлялся исключительный случай проявить свои ораторские таланты. И он не замедлил им воспользоваться.

— В моей машине,— сказал он, повернув выключатель,— нет ничего таинственного и чертовщины в ней также нет никакой. Это своеобразный трансформатор. Она принимает электричество в обычной его форме и отдает его в высшей, открытой мною, форме. Вот эта трубка, которую вы здесь видите и которая начинает уже крутиться как бешеная, и есть та самая, которая помогла мне привлечь метеор. При посредстве рефлектора, в центре которого она расположена, в пространство направляется особого рода ток, названный мною *нейтрально-винтообразным* током. Как явствует из его названия, он вращается наподобие судового винта. Он обладает в то же время свойством с силой отталкивать всякое соприкоснувшееся с ним тело. Его спирали образуют как бы пустой цилиндр, откуда, как и всякое другое вещество, изгнан воздух, так что внутри этого цилиндра нет *ничего*. Понятно ли вам, дядя, все значение этого слова: *ничего*? Доходит ли до вашего сознания, что всюду в бесконечности мирового пространства есть *что-нибудь*, а что мой, не видимый глазу, ввинчивающийся в атмосферу цилиндр становится на мгновение единственной точкой в мировом пространстве, где нет *ничего*? Мгновение очень короткое, короче, чем вспыхнувший блеск молнии. Эта единственная точка, где господствует *абсолютная пустота*, подобна воронке, из которой быстрыми волнами вырывается неразрушимая энергия. Эту энергию земной шар удерживает плененной и конденсированной в грубых клетках вещества. Мое дело, следовательно, свелось только к тому, чтобы устранить препятствие.

Господин Лекёр, горячо заинтересованный, старался сосредоточить все свое внимание и не упустить ни слова из этого любопытного объяснения.

— Единственная трудность,— продолжал Ксирдаль,— заключалась в том, чтобы регулировать длину волн нейт-

рально-винтового тока. Если он достигнет предмета, на который желательно воздействовать, то отталкивает его, вместо того чтобы притянуть. Нужно, следовательно, чтобы он «по-тух» на некотором расстоянии от этого предмета, но все же возможно ближе к нему. Это нужно для того, чтобы освобожденная энергия излучалась в непосредственном соседстве с этим предметом.

— Но ведь для того чтобы сбросить болид в море, его нужно не притянуть, а оттолкнуть,— заметил господин Лекёр.

— И да и нет,— ответил Зефирен Ксирдаль.— Слушайте внимательно, дядюшка. Мне известно точное расстояние, отделяющее нас от болида. Это расстояние равно пятистам одиннадцати метрам и сорока восьми сантиметрам. Я регулирую действие моего тока, учитывая такое расстояние.

Продолжая говорить, Ксирдаль возился с реостатом, включенным в цепь между источником электрической энергии и машиной.

— Вот и готово,— продолжал он.— Теперь ток затухает в трех сантиметрах от болида со стороны его выпуклой части, повернутой к северо-востоку. Освобожденная энергия таким образом охватывает его с этой стороны своим интенсивным излучением. Возможно, этого окажется мало, чтобы сдвинуть с места подобную массу, да еще так плотно прилегающую к земле. Поэтому я из предосторожности применю два других вспомогательных средства.

Ксирдаль засунул руку внутрь машины. В то же мгновение одна из новых трубочек бешено зажужжала.

— Заметьте, дядя,— заговорил Ксирдаль, продолжая свои объяснения,— что эта трубочка не вращается так, как первая. Дело в том, что ее действие — другого рода. Исходящие от нее токи совсем особенные. Назовем их, если вы согласны, в отличие от других, *нейтрально-прямолинейными* токами. Длину этих токов регулировать не приходится. Невидимые глазу, они устремились бы в бесконечность, если бы я не направил их на юго-западную часть метеора, которая их задержит. Не советовал бы вам оказаться на их пути. Они «уложили бы вас на обе лопатки», как говорят спортсмены... Но вернемся к нашим делам. Что представляют собой эти прямолинейные токи? Так же как и винтообразный, да и любой электрический ток, какого сорта он бы ни был, так же как и звук, тепло, даже свет, это — не что иное, как доведение атомов материи до последней степени упрощения. Вы получите некоторое представление о минимальных размерах этих атомов, если я поясню вам, что в данный момент о по-

верхность золотой глыбы ударяется не меньше семисот пятидесяти миллионов таких атомов в секунду. Мы имеем таким образом дело с настоящей бомбардировкой, где малый вес снарядов компенсируется их неисчислимым количеством и скоростью движения. Добавив такие толчки к притягательной силе, воздействующей на противоположную сторону глыбы, можно добиться желаемого эффекта.

— Но болид все же не двигается с места,— заметил Лекёр.

— Двинется,— с полной уверенностью произнес Ксирдаль.— Немножко терпения! А в крайнем случае — вот что ускорит события. С помощью этого, третьего рефлектора я направлю другие атомные снаряды, но не на самый метеор, а на ту часть почвы, которая поддерживает его со стороны моря. Вы увидите, как почва эта начнет разрыхляться и болид, учитывая еще и его собственный вес, заскользит по склону.

Зефирен Ксирдаль снова запустил руку в машину. Третья трубка в свою очередь зажужжала.

— Внимание, дядюшка,— произнес он.— Представление начинается!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

которую прочтут, быть может, с сожалением, но написать которую автора побудило уважение к исторической правде и надежда на то, что в таком виде она будет когда-нибудь занесена в анналы астрономической науки

Отдельные возгласы слились в один общий крик, и словно страшный звериный рев вырвался из толпы при первом содрогании золотой глыбы.

Все взгляды устремились в одну сторону. Что случилось? Была ли это галлюцинация? Или метеор в самом деле двинулся? А если так, то в чем же причина? Не поддается ли по-немногу почва?.. Вот что могло вызвать падение бесценного сокровища в морскую бездну...

— Недурная развязка для истории, которая взбудоражила весь мир! — заметила миссис Аркадия Уокер.

— Развязка, пожалуй, не такая уж плохая,— ответил мистер Сэт Стенфорт.

— Самая лучшая из всех возможных! — добавил Франсис Гордон.

Нет, это не был обман зрения. Болид продолжал медленно сползать в сторону моря. Сомнения не могло быть: почва постепенно поддавалась. Если ничто не остановит его движения, золотой шар в конце концов скатится к краю площадки и рухнет в морскую бездну.

Все были потрясены и в то же время испытывали нечто вроде презрения к этой земле, оказавшейся недостойной такого бесценного груза. Какая жалость, что метеор свалился на этот остров, а не избрал для своего падения непоколебимую базальтовую почву скалистого гренландского побережья, где эти тысячи миллиардов не рисковали бы навсегда уйти из рук алчущего человечества.

Да, метеор скользил. Возможно, это вопрос часов, даже меньше — вопрос минут, если только площадка внезапно не обрушится под его тяжестью.

И среди всех этих криков, вызванных ожиданием неотвратимой беды, какой вопль ужаса вырвался у господина Шнака! Прощай единственная надежда одарить свою страну этими золотыми миллиардами! Прощай возможность обогатить всех жителей Гренландии!

Что касается мистера Дина Форсайта и доктора Гюдельсона, — казалось, они сходят с ума. Они в отчаянии простирали руки к болиду, зывали о помощи, как будто кто-нибудь мог здесь помочь.

Еще одно более резкое движение болида — и они окончательно потеряли голову. Не думая о грозящей ему опасности, доктор Гюдельсон, прорвав сторожевую цепь, бросился к золотому шару.

Но приблизиться к метеору ему не удалось. Задыхавшись в этой раскаленной атмосфере, сделав не более ста шагов, он внезапно покачнулся и тяжело упал на землю.

Мистер Форсайт должен был бы обрадоваться, — гибель соперника покончила бы с их соперничеством. Но мистер Форсайт был не только страстным и любителем астрономом, он был прежде всего порядочным человеком, и переживаемый ужас вернул ему его нормальный облик. Ненависть исчезла, подобно дурному сну, исчезающему в минуту пробуждения, и в сердце остались лишь воспоминания прошлых дней. И вот поэтому Дин Форсайт, даже не задумываясь (да послужит это ему во славу), вместо того чтобы радоваться смерти противника, смело бросился на помощь старому другу, оказавшемуся в опасности.

Но силы его не могли сравняться с его мужеством. Едва только он добрался до доктора Гюдельсона, едва только ему удалось оттащить его на несколько метров назад, как и он свалился без чувств рядом со своим другом, задохнувшись в этой адской жаре.

К счастью, Франсис Гордон успел броситься за ним, а мистер Сэт Стенфорт не колеблясь последовал его примеру.

Надо полагать, что миссис Аркадия Уокер не отнеслась к этому безразлично.

— Сэт! Сэт! — закричала она, словно ужаснувшись при виде опасности, грозившей ее бывшему мужу.

Франсису Гордону и Сэту Стенфорту, к которым присоединилось несколько смельчаков из числа зрителей, пришлось продвигаться ползком, зажав рот носовым платком, — так удушлив был воздух. Но вот они достигли места, где лежали мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон. Они подняли пострадавших и вынесли их за пределы полосы, куда нельзя было шагнуть, не рискуя быть обожженным до самых внутренностей.

К счастью, обе жертвы собственной неосторожности были извлечены вовремя. Они вернулись к жизни благодаря уходу и заботам, которыми их окружили. Но увы! Им тут же пришлось стать свидетелями гибели всех своих надежд.

Болид продолжал медленно сползать по склону, то ли увлекаемый собственным весом, то ли потому, что почва постепенно поддавалась под его массой. Центр тяжести его приближался к гребню скалы, за которым она отвесно опускалась к морю.

Со всех сторон неслись крики, свидетельствуя о возбуждении, охватившем толпу. Люди кидались во все стороны, сами не зная зачем. Кое-кто, и среди них миссис Аркадия Уокер и мистер Сэт Стенфорт, побежал вниз к морю, чтобы по крайней мере ничего не упустить из подробностей катастрофы.

Было короткое мгновение, когда блеснула надежда: золотой шар замер на месте...

Но это длилось всего одно мгновение. Внезапно раздался оглушительный треск... Скала осела, метеор сорвался вниз и погрузился в море.

Если прибрежное эхо не повторило оглушительного вопля толпы, то лишь потому, что этот вопль был тут же покрыт грохотом взрыва, более сильным, чем раскат грома. В то же время по поверхности острова пронесся смерч, и все зрители без исключения были опрокинуты наземь.

Болид взорвался. Вода, проникнув сквозь тысячи пор в бесчисленные каналцы этой золотой губки и соприкоснувшись с раскаленным металлом, начала испаряться, и метеор взорвался, как перегретый котел. И тотчас же осколки, рассыпаясь снопом, с оглушительным свистом и шипением посыпались в воду.

Море всколыхнулось от силы взрыва. Огромная волна хлынула на приступ к побережью и обрушилась на него с неслыхан-

ной яростью. Неосторожные люди, приблизившиеся к берегу, в ужасе отпрянули, пытаясь взобраться вверх по склону.

Не всем, однако, это удалось. Какие-то подлые трусы, озверевшие от страха, оттолкнули и сбили с ног миссис Аркадию Уокер. Ее неизбежно смыла бы отхлынувшая волна...

Но мистер Сэт Стенфорт был начеку. Почти не надеясь спасти ее, рискуя ради нее жизнью, он бросился к ней на помощь. В таких условиях неизбежно должны были оказаться две жертвы вместо одной.

Но нет... Сэту Стенфорту удалось добраться до того места, где лежала миссис Аркадия... Прижавшись к выступу скалы, он сумел противостоять страшной силе отливающей волны. На помощь бросились несколько туристов, и они оттащили мистера Сэта Стенфорта и миссис Аркадию назад. Оба были спасены.

Мистер Сэт Стенфорт не потерял сознания, зато миссис Аркадия лежала без чувств. Благодаря заботливому уходу она вскоре вернулась к жизни. Первые слова ее были обращены к бывшему мужу.

— Раз мне суждено было спастись, то моим спасителем должны были быть вы, — проговорила она, сжимая его руку и глядя на него с нежной благодарностью.

Не столь удачливый, как миссис Аркадия Уокер, чудесный болид не сумел избежать своей печальной судьбы. Обломки его, недостижимые для людей, покоились теперь на дне морском. Если бы и было возможно ценою огромных усилий извлечь из бездны такую громаду, то все равно пришлось бы отказаться от этой затеи. Тысячи осколков разбитого взрывом ядра разлетелись по морю. Напрасно господин Шнак, мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон обыскивали берег в надежде найти хоть мельчайшую частицу разрушенной глыбы. Нет, исчезли до последнего сантиметра все пять тысяч семьсот восемьдесят миллиардов. От необыкновенного метеора не осталось ничего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

и последняя, в которой содержится эпилог этой истории, а последнее слово остается за мистером Джоном Протом, судьей в городе Уостоне

Любопытство господ туристов было удовлетворено; им оставалось только уехать.

Удовлетворено? Трудно сказать... Стоила ли подобная

развязка издержек и трудностей такого длинного пути? Увидеть метеор, не имея возможности подойти к нему ближе чем на четыреста метров,— вот и весь скудный результат. Но приходилось довольствоваться и этим.

Оставалась ли хоть надежда когда-нибудь отыгаться? Появится ли вторично на нашем горизонте новый золотой болид? Нет! Такие случаи не повторяются дважды. Не исключено, что существуют и другие золотые звезды, парящие в пространстве, но так ничтожна вероятность, что они останутся в пределах земного притяжения, что с ней не приходится даже считаться.

В общем, все кончилось хорошо. Шесть триллионов золота, брошенные в обращение, свыше меры обесценили бы этот металл, «презренный» по словам тех, кто его не имеет, но такой прекрасный для других. Не приходилось поэтому горевать об исчезновении болида, который не только создал бы катастрофу на мировом денежном рынке, но мог еще стать причиной войны во всем мире.

И все же заинтересованные люди имели право чувствовать себя разочарованными такой развязкой. С каким огорчением мистер Форсайт и доктор Гьюдельсон глядели на то место, где взорвался их болид! Тяжко было возвращаться, не имея возможности привезти с собой хоть крупицу этого небесного золота. Хоть бы кусочек, которого бы хватило на булавку для галстука или на запонку! Не удалось подобрать даже крошки, которую они могли бы взять с собой на память... если бы, впрочем, господин Шнак не конфисковал ее в пользу своей страны.

Подавленные общим горем, соперники даже и думать забыли о своей прежней вражде. Да могло ли быть иначе? Мог разве доктор Гьюдельсон таить в душе вражду против того, кто так великодушно рискнул жизнью ради его спасения? А с другой стороны, не свойственно разве человеку быть преданным тому, ради кого он чуть было не погиб? Исчезновение болида уже само по себе примирило бы их. Стоило ли спорить о наименовании метеора, который перестал существовать?

Думали ли об этом прежние противники, отдавали ли они себе отчет в бесполезности своего запоздалого великодушия, когда, проявляя полнейшее бескорыстие, они под руку прохаживались взад и вперед, наслаждаясь медовым месяцем своей подновленной дружбы?

— Потеря болида «Форсайта» — большое несчастье! — говорил доктор Гьюдельсон.

— Болида «Гьюдельсона», — поправлял его мистер Фор-

сайт. — Он принадлежал вам, дорогой друг, безусловно вам одному.

— Да нет же, нет! — протестовал доктор Гьюдельсон. — Ваше наблюдение предшествовало моему.

— Оно последовало за вашим, дорогой друг.

— Нет же, нет! Недостаточная точность в моем письме в обсерваторию города Цинциннати может служить этому лучшим доказательством. Вместо того чтобы написать, как вы, «от такого-то до такого-то часа», я написал «между таким-то и таким-то часом». Это совсем другое дело!

Он не сдавался, наш милейший доктор, но и мистер Форсайт также не шел на уступки. И на этой почве — новые споры, на этот раз, к счастью, безобидные.

Такая трагическая перемена, доведенная до противоположной крайности, не была лишена и комических черт. Но кто уж наверняка не собирался смеяться над бывшими соперниками, так это Франсис Гордон, вновь ставший официальным женихом своей дорогой Дженни... Молодые люди старались после пережитых бурь как можно лучше использовать возвращение хорошей погоды и добросовестно восполнить упущенное время.

Военные корабли и пакетботы, стоявшие на упернивикском рейде, утром 4 сентября снялись с якоря и пустились в путь, держа курс к более теплым берегам. Из всех приезжих, которые в течение нескольких дней так оживляли этот северный остров, оставались только Робер Лекёр и его названный племянник, вынужденные ожидать возвращения «Атлантика». Яхта прибыла лишь на следующий день. Господин Лекёр и Зефирен Ксирдаль немедленно поднялись на борт. Им успело надоесть дополнительное двадцатичетырехчасовое пребывание на острове Упернивик.

Их дощатая сторожка была снесена волной, залившей берег после взрыва, и им пришлось провести ночь на открытом воздухе в отвратительных условиях. Море не только снесло их дом, но вдобавок еще промочило их до костей. Кое-как обсохнув под бледными лучами полярного солнца, они обнаружили, что у них не осталось даже одеяла, чтобы защититься от холода в долгие часы северной ночи. Все погибло во время катастрофы, все до последних принадлежностей лагерного быта, включая чемодан и инструменты Зефирена Ксирдаля. Скончалась и верная подзорная труба, с помощью которой Зефирен столько раз проводил наблюдения за метеором. Погибла и машина, привлекавшая метеор к Земле, а потом сбросившая его в море.

Господин Лекёр не мог примириться с гибелью такого изумительного прибора. Ксирдаля же это только сместило. Раз он сконструировал эту машину, что может ему помешать соорудить другую, еще более мощную?

Это, разумеется, было вполне в его возможностях. К сожалению, он больше и не вспоминал о машине. Крестный тщетно настаивал на том, чтобы он принялся за такую работу. Ксирдаль постоянно откладывал дело на будущее время, пока, достигнув уже почтенного возраста, не унес свою тайну в могилу.

Приходится, следовательно, примириться: чудесная машина навсегда потеряна для человечества, и принцип, на котором она была построена, останется неизвестным до тех пор, пока на земле не появится новый Зефирен Ксирдаль.

В общем, талантливый изобретатель возвращался из Гренландии еще беднее, чем был, когда уезжал. Не считая инструментов и богатого гардероба, он оставил там обширный участок, который трудновато будет продать, учитывая, что большая его часть расположена под водой.

Но зато сколько миллионов за время этой поездки пожал его крестный! Эти миллионы, когда он вернулся, оказались в его распоряжении на улице Друо. Они послужили основой сказочных богатств, которые выдвинули банк Лекёра на один уровень с самыми мощными финансовыми учреждениями.

Зефирен Ксирдаль сыграл, по правде говоря, свою роль в усилении этой неслыханной мощи. Господин Лекёр, узнав теперь, на что Зефирен способен, сумел широко использовать его способности. Все изобретения, порожденные этой гениальной головой, практически эксплуатировались банком Лекёра. И каяться в этом банку не пришлось. Вместо «небесного золота» банк сумел перекачать в свои сейфы значительную часть золота со всего земного шара.

Господин Лекёр не был, разумеется, похож на Шейлока. Зефирен Ксирдаль — стоило бы ему только пожелать — мог получить свою часть, даже большую часть, этих богатств. Но Ксирдаль, когда затевал подобный разговор, устремлял на собеседника такой отсутствующий взгляд, что лучше было не настаивать. Деньги? Зачем они ему? Что ему с ними делать? Получать через неопределенные промежутки небольшие суммы на покрытие своих скромных потребностей — вот это было по нем. До конца своей жизни он продолжал с этой целью приходить пешком к своему «дяде», и банкиру никакими силами не удавалось заставить его покинуть квартиру в седьмом этаже на улице Кассет, так же как и расстаться с вдовой Ти-

бо, бывшей владелицей мясной лавки, которая так до самого конца и оставалась его болтливой служанкой.

Спустя семь дней после приказа, посланного Лекёром его парижскому доверенному, весь мир уже был осведомлен о гибели болида. Французский крейсер на пути из Упернивика передал эту весть через первый телеграфный пункт, и оттуда она с необычайной быстротой облетела весь свет.

Если вызванное этой вестью волнение и было, как легко себе представить, очень велико, то оно все же довольно быстро само собой улеглось. Люди оказались перед совершившимся фактом, и лучше всего было больше об этом не думать. Прошло немного времени, и смертные погрузились в свои личные заботы, перестав даже вспоминать о небесном посланце, которого постиг такой плачевный, чтобы не сказать — довольно нелепый, конец.

Разговоры об этой истории уже заглохли, когда «Мозик» 18 сентября бросил якорь в порту Чарлстона.

Кроме прежних пассажиров, «Мозик» по возвращении высадил еще одного пассажира, не числившегося на нем при отплытии. То была миссис Аркадия Уокер. Стремясь как можно теплее выразить своему бывшему мужу благодарность, наполнявшую ее сердце, она поспешила занять каюту, оставленную господином Шнаком.

От Южной Каролины до Виргинии не очень далеко, да, кроме того, в Соединенных Штатах нет недостатка в железных дорогах. На следующий же день, 19 сентября, мистер Форсайт, Франсис и Омикрон, с одной стороны, и мистер Сидней Гьюдельсон и его дочь, с другой, уже вернулись к себе, одни — на Элизабет-стрит, другие — на Морисс-стрит.

Их ждали там с нетерпением. Миссис Гьюдельсон с дочерью, так же как и почтенная Митс, были уже на вокзале, когда чарлстонский поезд высадил на платформу своих пассажиров. И приехавшие были глубоко растроганы приемом, который встретили. Франсис Гордон расцеловался со своей будущей тещей, а мистер Форсайт сердечно, словно ничего и не было, пожал руку миссис Гьюдельсон. Никто бы даже и не намекнул на тяжелое прошлое, если бы мисс Лу, которую все еще мучили сомнения, не пожелала окончательно освободиться от них.

— Теперь ведь все кончено, не правда ли? — воскликнула она, обнимая мистера Дина Форсайта.

Да, все кончилось, кончилось навсегда. И лучшим доказательством могло служить то, что звон колоколов церкви Сент-Эндрью 30 сентября волной разлился надо всем виргинским

городком. В присутствии блестящего общества, в состав которого входили родные и друзья обоих семейств, а также все видные горожане, преподобный О'Гарт обвенчал Франсиса Гордона и Дженни Гьюдельсон, счастливо достигших гавани после стольких бед и злоключений.

Пусть никто не сомневается: мисс Лу присутствовала на свадьбе в качестве «подружки невесты», очаровательная в своем нарядном длинном платье, которое уже четыре месяца как лежало готовым. И Митс тоже была здесь и то плакала, то смеялась, радуясь счастьем своего «сынка». Никогда не была она еще так взволнована, — повторяла она всем, кто соглашался ее слушать.

Почти в тот же час, в другой части города, также происходило бракосочетание, правда, в менее торжественной обстановке. На этот раз мистер Сэт Стенфорт и миссис Аркадия Уокер прибыли к дому судьи мистера Прота не верхом, не пешком и не на воздушном шаре. Нет, они подъехали в удобной коляске и под руку вошли в дом судьи, чтобы на этот раз в менее странной форме предъявить ему свои документы.

Судья выполнил свои обязанности, вторично соединив браком супругов, разлученных на несколько недель благодаря состоявшемуся по их желанию разводу. Затем мистер Джон Прот учтиво поклонился.

— Благодарю, мистер Прот, — произнесла миссис Стенфорт.

— И прощайте, — добавил мистер Сэт Стенфорт.

— Прощайте, мистер и миссис Стенфорт, — ответил судья и не медля вернулся в сад, к своим цветам.

Уважаемого судью, однако, грызло сомнение. После второй лейки его замершая в бездействии рука перестала орошать благодатным дождем изнывавшую от жажды герань.

— «Прощайте»? — прошептал он в задумчивости, оставаясь посреди аллеи. — Мне следовало, пожалуй, сказать им «до свидания»...

1908 г.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ж. ВЕРНА,
ВКЛЮЧЕННЫХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

	ТОМ	С.
• АГЕНТСТВО ТОМПСОН И К ^о	18	105
• БЕЗЫМЯННОЕ СЕМЕЙСТВО	15	129
• В ПОГОНЕ ЗА МЕТЕОРОМ	20	189
• ВВЕРХ ДНОМ	2	271
• ВЛАСТЕЛИН МИРА	14	273
• ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ	15	5
• ВОКРУГ ЛУНЫ	2	135
• ВОКРУГ СВЕТА В 80 ДНЕЙ	7	5
• ГЕКТОР СЕРВЕДАК	11	5
• 20 000 ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ	8	5
• ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА (Часть I, II)	3	5
• ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА (Часть III)	4	5
• ДРАМА В ЛИФЛЯНДИИ	17	231
• ДУНАЙСКИЙ ЛОЦМАН	19	5
• ЖАНГАДА	7	181
• ЗАВЕЩАНИЕ ЧУДАКА	17	5
• ЗАМОК В КАРПАТАХ	18	5
• ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ	13	283
• КЛОДИУС БОМБАРНАК	20	5
• МАТИАС ШАНДОР	16	5
• ПЛАВУЧИЙ ОСТРОВ	14	5
• ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРОИХ РУССКИХ И ТРОИХ АНГЛИЧАН	10	157
• ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ	1	221
• ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА ГАТТЕРАСА	6	5
• ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН	12	5
• ПЯТЬ НЕДЕЛЬ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ	1	19
• РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ	5	5

• С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ	2	5
• СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА	5	155
• ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ (Часть I, II)	9	5
• ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ (Часть III)	10	5
• УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЯДЮШКИ АНТИФЕРА	13	5
• ФЛАГ РОДИНЫ	19	289
• ЧЕНСЛЕР	4	177
• ШКОЛА РОБИНЗОНОВ	12	271

СОДЕРЖАНИЕ

КЛОДИУС БОМБАРНАК. Роман. <i>Перевод с французского Н. Немчиновой</i>	5
В ПОГОНЕ ЗА МЕТЕОРОМ. Роман. <i>Перевод с французского В. Вальдман</i>	189
Алфавитный указатель произведений Ж. Верна, включенных в Собрание сочинений	382

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том двадцатый

Редактор *В. Никитин*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Н. Кленова*
Корректоры *В. Орешкина, С. Филиппова, Л. Чуланова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 21.04.98 г.
Гарнитура Литературная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 23,05. Цена для членов клуба 13 р. 20 к.

Издательство «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.